

На правах рукописи

Мельников Владимир Леонидович

**Частные усадебные музеи в России
во второй половине XIX – начале XX века
(на примере усадебного музея князя П.А. Путятина в Бологом)**

Специальность 24.00.03 – «Музееведение, консервация и реставрация
историко-культурных объектов»

Диссертация на соискание учёной степени кандидата культурологии

Научный руководитель –
доктор философских наук,
профессор Е.Г. Соколов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Усадебные музеи в России в конце XIX – начале XX века	11
1.1. Идеино-политические предпосылки возникновения усадебных музеев	11
1.2. Типы частных усадебных музеев	18
1.3. Профильные усадебные музеи	24
1.4. Комплексные усадебные музеи	64
Глава 2. Бологовский усадебный музей князя П.А. Путятина как центр культуры	82
2.1. Князь П.А. Путятин, его родственное окружение и бологовские усадьбы	82
2.2. Этапы формирования музейной коллекции князя П.А. Путятина	133
2.3. Структура музейного собрания князя П.А. Путятина	149
Глава 3. Научные исследования и общественная деятельность князя П.А. Путятина и Бологовский усадебный музей	180
3.1. Вклад князя П.А. Путятина в археологию и этнографию	180
3.2. Археолого-астрономические исследования князя П.А. Путятина	196
3.3. Князь П.А. Путятин и Н.К. Рерих	203
Заключение	221
Библиографический список использованной литературы	226
Приложения	247

Актуальность темы исследования. Изменения правовой базы и новая социально-политическая ситуация в России вновь сделали актуальным такой вид учреждения культуры как частный музей. Музей, как и многие культурные институты, в наши дни трансформируется. Согласно статье 3 действующего Закона Российской Федерации «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях Российской Федерации» от 26 мая 1996 года № 54-ФЗ, музей – это «некоммерческое учреждение культуры, созданное собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций», при этом собственником музея отныне может быть не только государство. Статья 30 этого же Закона РФ впервые определяет порядок учреждения негосударственных музеев в Российской Федерации. Таким образом, история музейного дела в России прошла полный виток эволюционной спирали и на новом уровне вернулась к прежнему положению. С юридической точки зрения, частные музеи вновь, после восьмидесятилетнего перерыва, стали полноправными участниками культурного процесса. Продолжающиеся изменения правового статуса в первую очередь определяют актуальность любого исследования, посвящённого частным музеям в России, число которых из года в год неуклонно растёт¹. Частные музеи в России – неотъемлемая часть её культуры, как в прошлом, так и в настоящем. Изучение частных музеев становится актуальной задачей современного музееведения: при создании новых музеев важно учитывать опыт частного музейного строительства, насчитывающий в нашей стране более трёх столетий. Этот опыт сможет не только обогатить деятельность новых музеев, но и восполнит разрыв в преемственности, образовавшийся в XX веке между музеями прошлого (дореволюционными) и настоящего.

Бывшие дворянские и купеческие усадьбы вот уже более десяти лет свободно арендуются частными лицами. Сегодня можно приобрести в собственность те усадь-

¹ В одной Москве их насчитывается уже сто семьдесят. Самый известный в Санкт-Петербурге частный музей – это Музей-квартира В.В. Набокова. Даже в маленьком Переславле-Залеском уже целых три частных музея.

бы, которые не имеют по какой-либо причине статуса «объект культурно-исторического наследия»². Отчётливо просматривается тенденция появления «новой русской усадьбы» (купленной старинной или вновь построенной) и нового типа ответственного состоятельного гражданина, понимающего, что для россиянина «усадьба» – это не только термин, обозначающий исторический объект или комплекс жилых, хозяйственных и парковых построек. Это, прежде всего, своеобразный знак принадлежности к «культурной аристократии». По статистике, пятая часть современных потенциальных покупателей рассматривают старинную усадьбу не как офисное помещение, а как полноценное жильё с историко-культурным содержанием³. Следовательно, можно предположить, что, так или иначе, будет происходить постепенное музеефицирование «новой русской усадьбы». Именно так начинались усадебные музеи в прежних дворянских усадьбах: бытовое, жизненное пространство конкретного владельца наполнялось артефактами в соответствии с культурной средой и его личным вкусом. Зная специфику бывших частных усадебных музеев и учитывая опыт существующей системы государственных усадебных музеев-заповедников, можно профессионально участвовать в процессе музеефицирования как старинных усадеб, построенных до 1917 года, так и совершенно новых усадеб, которые ещё только формируются.

Степень научной разработанности проблемы. Становление частного усадебного музея в России происходило под влиянием ценностной системы и огромного литературного наследия А.Т. Болотова, ратовавшего за «тип русского человека, в котором преобладает созидательное начало, определяющееся цельностью его личности»⁴. А.Т. Болотов создал и теоретически детально обосновал возможность устройства усадьбы нового типа, представляющей собою не только хозяйственную единицу, но и превращённой в эстетически организованное жизненное пространство. Именно под влиянием трудов А.Т. Болотова на протяжении всего XIX века создавались новые усадебные музеи, вносящие в обыденную усадебную жизнь «элемент красоты», под-

² В 2002 году, после выхода закона «О приватизации государственного и муниципального имущества», президент РФ наложил вето на приватизацию объектов культурно-исторического наследия. Но поскольку в профильном законе РФ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры народов Российской Федерации)» от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ слово «усадьба» не упоминается, многие проблемы использования и владения усадьбами остаются до сих пор не решёнными.

³ По данным аналитического обзора агентства недвижимости «Vesco Realty». – М., 2006.

⁴ Щерблыгина И.В. Андрей Тимофеевич Болотов: Гармония мира и души. – М.: Андреевский флаг, 2003. – С. 276.

креплённый регулярным образом жизни на природе, правильным чередованием труда и отдыха, систематическими занятиями творчеством⁵.

Труды создателей, владельцев и хранителей усадебных музеев И.Ф. Барщевского, М.Д. Бутина, А.Н. Вульфа, Ю.С. Нечаева-Мальцева, В.Д. Поленова, В.Н. Поливанова, П.А. Путятина, М.К. Тенишевой, С.А. Толстой, Н.И. Тютчева, А.С. и П.С. Уваровых, М.И. Чайковского, С.Д. и П.С. Шереметевых и ряда других наметили перспективы культурологического подхода в изучении усадебного музея в контексте самых разных научных и общественных проблем.

Огромный пласт информации о культурной жизни русской усадьбы собрали деятели культуры «Серебряного века», такие, как В.Я. Адарюков, А.Н. Бенуа, П.П. Вейнер, В.А. Верещагин, барон Н.Н. Врангель, И.Э. Грабарь, А.Н. Кубе, В.Я. Курбатов, Е.Е. Лансере, Э.К. Липгарт, Н.П. Лихачёв, В.К. и Г.К. Лукомские, С.К. Маковский, П.П. Муратов, Н.К. Рерих, А.А. Ростиславов, П.П. Семёнов-Тян-Шанский, П.К. Симони, Н.В. Соловьёв, А.И. Сомов, П.Н. Столпянский, С.Н. Тройницкий, А.А. Трубников, А.Е. Фелькерзам, Д.А. Шмидт, В.А. Щавинский, П.Д. Эттингер, С.П. Яремич и многие другие. Редактор журналов «Аполлон» и «Старые годы» барон Н.Н. Врангель предпринял после погромов 1905 года целую серию поездок по усадьбам. В результате появились его очерки истории русского дворянства – «Портретная выставка в Таврическом дворце» (1905), «Забытые могилы» (1907), «Помещичья Россия» (1910), «История одного дома» (1913) и другие, без которых невозможно представить дальнейшие исследования по истории русской музейной усадьбы⁶.

Целостный философско-культурологический взгляд на русскую усадьбу как на феномен культуры изложен в трудах Общества изучения русской усадьбы (далее – *ОИРУ*) – как первого периода существования (1920-е), так и после его возрождения в наши дни. В многочисленных публикациях этой научно-общественной организации собран огромный фактологический материал по усадебным музеям.

В трудах целого ряда современных историков, искусствоведов, литературоведов и краеведов разработаны подходы к осмыслению жизни и творчества тех, кто создавал усадебные музеи в столицах и в провинции во второй половине XIX – начале

⁵ Бердышев А.П. Андрей Тимофеевич Болотов – выдающейся деятель науки и культуры. – М.: Наука, 1988. – С. 241.

⁶ Врангель Н.Н. Старые усадьбы: Очерки истории русской дворянской культуры. – СПб.: Журнал «Нева», ИТД «Летний сад», 1999. – 320 с.

XX века. Обобщающие работы И.В. Дубова⁷, Н.М. Полуниной и А.И. Фролова⁸, посвящённые отечественным собирателям и коллекционерам, позволили оценить в должной мере масштаб музейного строительства в указанный период. В трудах Г.И. Вздорнова⁹ представлена история открытия и изучения русской средневековой живописи в XIX веке, в том числе трудами усадебных коллекционеров. Исследования Т.Е. Сиволап¹⁰ показали роль церковно-археологических музеев в культурной жизни России – схожих с усадебными музеями своими задачами, тематикой, происхождением и судьбой. Н.И. Ивановская¹¹ описала процессы формирования этнографических коллекций в региональных музеях Северо-Запада Европейской России с середины XIX века до наших дней, включив в своё описание отдельные частные собрания в усадьбах. Академик Д.С. Лихачёв осветил такое проявление художественного сознания как садово-парковые ансамбли и разработал предложения по продлению жизни мемориальных садов и парков в русских усадьбах¹². Он же оставил ценные описания дач и усадеб ряда пригородов Санкт-Петербурга, основанные в значительной степени на личных впечатлениях 1910–1920-х годов¹³. В трудах академика С.О. Шмидта и его учеников освещены различные вопросы истории, происхождения и развития городских и сельских усадеб, в том числе тех, где возникали музеи¹⁴. Академик Б.С. Соколов целый ряд выступлений в краеведческой печати посвятил своей «малой родине» – Вышнему Волочку, окружённому целым ожерельем усадеб музейного значения¹⁵. Об истории имений Волковых-Манзей в Боровно и Берёзках он подготовил фундаментальное историко-краеведческое исследование «Записки с берегов Имоложья», освя-

⁷ Дубов И.В. Музееведение. Исторические и краеведческие музеи: Краткий курс лекций / Под ред. В.Н. Седых. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. – 411 с.

⁸ Полунина Н., Фролов А. Русские коллекционеры: Опыт биографического словаря // *Памятники Отечества*. – 1993. – № 1–2 (29). – С. 111–161.

⁹ Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. – М.: Искусство, 1986. – 382 с.

¹⁰ Сиволап Т.Е. Роль церковно-археологических музеев в культурной жизни России (вторая половина XIX – начало XX века) // *Триумф музея?* – СПб.: Осипов, 2005. – С. 404–421.

¹¹ Ивановская Н.И. Формирование этнографических коллекций в региональных музеях Северо-Запада Европейской России (середина XIX – 80-е годы XX в.): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – СПб., 1997. – 26 с.

¹² Лихачёв Д.С. Продление жизни мемориальных садов и парков // *Прошлое – будущему: Статьи и очерки*. – М.: Наука, 1985. – С. 105–147.

¹³ Лихачёв Д.С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Согласие; ОАО «Типография “Новости”», 1998. – 469 с.

¹⁴ Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по истории и источниковедению. – М.: РГГУ, 1997. – 612 с.; *Русская провинция. Культура XVIII–XX веков: Сб. статей по материалам первой респ. науч. конф. по изуч. провинциальной культуры* / Ред.-сост. В.Ю. Афиани и др.; Отв. ред. С.О. Шмидт. – М.: РИК, 1993 – 133 с.

¹⁵ Соколов Б.С. Краеведение у истоков российской культуры (Кое-что из размышлений геолога о своей «малой родине») // *Вышневолоцкий историко-краеведческий альманах (ВИКА)*. – № 4. – Вышний Волочёк, 2001. – С. 3–12.

тившее целый круг вопросов современного музейного строительства в этих усадьбах¹⁶. Л.С. Журавлёва¹⁷ и М.В. Иванов¹⁸ досконально исследовали историю историко-этнографического музея в усадьбе княгини М.К. Тенишевой Талашкино. С.С. Гейченко не только изучил, но и воссоздал облик первого музея А.С. Пушкина в Тригорском¹⁹. Л.П. Баюра²⁰, А.В. Вискалин²¹ и И.А. Воронова²² посвятили свои исследования изучению коллекций и научной деятельности В.Н. Поливанова – создателя первого усадебного музея в Поволжье в селе Акшуат Барышского района Ульяновской области. О.С. Литвинцева написала историю художественного музея в усадебном дворце М.Д. Бутина в Нерчинске²³. М.Е. Каулен обобщила все известные сведения об усадебном храме-музее, основанном в 1916 году Е.С. Рахлиным-Румянцевым в селе Рютино на озере Пирос в Новгородской губернии²⁴. Бологовскую усадьбу князя П.А. Путятина, созданный в ней музей и отдельные памятники из усадебной коллекции изучали и описывали Л.С. Митусова, без воспоминаний которой о князе П.А. Путятине дальнейшее изучение его жизни и творчества было бы неполным²⁵, и местные краеведы М.А. Иванов, Н.А. Ласточкин, В.В. Сычёв, И.В. Багажова, Л.А. Полякова и С.В. Медведев, показавшие что Бологое – это крупный региональный культурный центр с 500-летней историей, на территории которого находилось несколько исторических усадеб музейного значения.

В современном музееведении частное коллекционирование XVIII – начала XX века рассматривается как «фон», основа, источник формирования музеев – самостоятельная, но теснейшим образом связанная с музейным миром область культурной

¹⁶ Соколов Б.С. Записки с берегов Имоложья – СПб.: Рериховский центр СПбГУ; Вышний Волочёк: Изд-во «Ирида-прос», 2006. – 264 с.

¹⁷ Журавлёва Л.С. Княгиня Мария Тенишева. – Смоленск: Полиграмма, 1994. – 320 с.

¹⁸ Иванов М.В. Историко-этнографический музей в усадьбе Талашкино // *Русская усадьба: Сборник ОИРУ*. – Вып. 9 (25). – М.: Жираф, 2003. – С. 381–388.

¹⁹ Гейченко С.С. Тригорское. Краткий путеводитель. – Л.: Художник РСФСР, 1965. – 21 с.; *Он же*. У Лукоморья: Рассказы хранителя Пушкинского заповедника. – Л.: Лениздат, 1986. – 493 с.

²⁰ Баюра Л.П. Музей в Акшуте // *Памятники Отечества: Иллюстрированный альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры*. – № 42 (7/8). – Ч. 2. – М., 1998. – С. 92–98.

²¹ Вискалин А.В. Первый профессиональный археолог Симбирского края // *Усадебная культура Поволжья конца XVIII – начала XX в.* – Ульяновск: Ульяновский областной художественный музей, 2002. – С. 19–23.

²² Воронова И.А. Коллекция восточной керамики В.Н. Поливанова в собрании Ульяновского областного художественного музея // *Там же*. – С. 125–127.

²³ Литвинцева О.С. Дворец купца Бутина: история и современность. – Нерчинск, 2001. – Рукопись // *Архив Нерчинского краеведческого музея им. М.Д. Бутина*.

²⁴ Каулен М.Е. Конец одной музейной утопии // *Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти*. – М.: Луч, 2001. – С. 70–85

²⁵ Митусова Л.С. О прожитом и судьбах близких: I. Воспоминания. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ; Вышний Волочёк: Изд-во «Ирида-прос», 2004 / Отв. ред. акад. Б.С. Соколов. – 384 с.

деятельности²⁶. При этом отмечается, что всего за один век в России в сфере собирательства был проделан путь, пройденный европейскими музеями за три с лишним столетия. Однако в музееведческой литературе не нашло должного освещения коллекционирование владельцев русских усадеб после реформ 1860-х – 1870-х годов. Усадебное коллекционирование в этот период привело к тому, что усадебные музеи стали региональными центрами культуры, способствующими тому, чтобы отечественный музей как социокультурный институт занял в общественном сознании место в одном ряду с архивами и библиотеками. Только сводная монография «Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.» (ответственный редактор Л.В. Иванова) даёт ценную информацию о повсеместном создании частных усадебных музеев в конце XIX века и о зарождении в связи с этим новых типов усадеб – «литературных», «музыкальных», «художественных», «научных» и т. д., «где объединялись деятели литературы и искусства различного рода талантов и занятий»²⁷.

Таким образом, отдельные и частные проблемы существования усадебных музеев исследовались в рамках искусствоведения, истории культуры, краеведения, музееведения, отчасти, культурологии в целом. Но комплексного музееведческого исследования, посвящённого феномену частного усадебного музея в России, до сих пор не существует.

Источниковую базу исследования составляют следующие группы материалов: *архивные источники* – документы и материалы, касающиеся истории музеев, в том числе в усадьбах и на основе частных коллекций владельцев усадебных музеев; *музейные коллекции* и документация к ним; *литературные источники* – публикации, содержащие информацию об усадьбах, составе музейных коллекций и о различных аспектах деятельности усадебных музеев и их владельцев и создателей; *электронные базы данных* «Музеи России» (раздел «Усадьбы, дворцы, монастыри») и «Тверская усадьба. Дворянство. Гербы».

Первую группу составляют материалы из *Федеральных архивов* – Российского государственного исторического архива (далее – *РГИА*) и Российского государственного архива литературы и искусства (далее – *РГАЛИ*), *архивов Санкт-Петербурга* – Центрального государственного исторического архива (далее – *ЦГИА СПб.*) и Цен-

²⁶ Основы музееведения / Отв. ред. Э.А. Шулепова. – М., 2005. – С. 155.

²⁷ *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: Исторические очерки.* – М.: Эдиториал УРСС, 2001 / Отв. ред. Л.В. Иванова. – С. 480.

трального государственного архива литературы и искусства (далее – *ЦГАЛИ СПб.*), региональных Государственных архивов Новгородской, Псковской, Тверской областей и Краснодарского края. Сюда же относятся материалы, хранящиеся в архивах при музеях, в том числе Государственной Третьяковской галерее (далее – *ГТГ*), Санкт-Петербургском государственном университете (далее – *СПбГУ*), Новгородском государственном областном музее-заповеднике (далее – *НГОМЗ*), Бологовском краеведческом музее им. Н.И. Дубравицкого, Нерчинском краеведческом музее им. М.Д. Бутина, Ульяновском областном художественном музее и т. д.; при институтах системы РАН, в том числе Институте истории материальной культуры (далее – *ИИМК*) и Институте русской литературы (Пушкинский Дом) (далее – *ИРЛИ*), при библиотеках, в том числе при Библиотеке Академии наук (далее – *БАН*), Российской государственной библиотеке (далее – *РГБ*), Российской национальной библиотеке (далее – *РНБ*), Научной библиотеке Тверского государственного университета и т. д. Особую часть этой группы составили архивные документы из Музея Николая Рериха в Нью-Йорке и библиотеки Амхёрст-колледжа (США).

Музейные коллекции изучались нами преимущественно на основе описей, каталогов выставок, отчётов о музейной деятельности, хранящихся в архивах при музеях, в том числе Государственного Русского музея (далее – *ГРМ*), Музея-института семьи Рерихов в Санкт-Петербурге (далее – *МИСР*), Государственного художественного историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника «Коломенское» и Национального художественного музея Республики Беларусь (Минск).

Для понимания структуры коллекций частных усадебных музеев много значили опубликованные каталоги и описания, в том числе «Палеографическая коллекция князя П.А. Путятина» (1879), «Краткий каталог Музея Императорского Русского Археологического Общества» (1908), «Музей-усадьба Абрамцево» (1929), «Талашкино» (1989), «Музей-усадьба Остафьево» (2003) и другие, относящиеся к третьей группе источников. Важнейшими источниками этой группы стали издания Санкт-Петербургского Археологического института, Императорского Русского Археологического общества (далее – *ИРАО*), Императорского Русского Географического общества (далее – *ИРГО*), Императорского общества поощрения художеств (далее – *ИОПХ*), Русского Антропологического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете, Антропологического общества при Императорской Военно-Медицинской

Академии (далее – *ИВМА*), ОИРУ, Зарубежного Союза Русских Военных Инвалидов и др.

Значительную часть этой группы составляют издания по краеведению, вышедшие в Симбирске (Ульяновске), Твери, Великом Новгороде, Омске, Новосибирске, Бологом, Вышнем Волочке, Одессе, Иркутске, а также дореволюционные периодические издания – «Московские ведомости» (1885), «Петербургская газета» (1902), «Художественные сокровища России» (1905), «Новости и биржевая газета» (1905), «Искусство» (1905), «Исторический вестник» (1911), «Старые годы» (1911) и ряд других.

В исследовании использованы социологические данные и краеведческие отчёты.

Цель исследования состоит в том, чтобы представить процесс формирования феномена российского усадебного музея как важный компонент культурной эволюции России во второй половине XIX – начале XX века.

Задачи исследования: определить методологические принципы изучения частного усадебного музея; исследовать исторические и идейные предпосылки возникновения частных усадебных музеев в России во второй половине XIX – начале XX века; выявить характерные особенности усадебного музея как такового; разработать типологию усадебных музеев; определить черты сходства и различия между разными типами усадебных музеев; обозначить принципы организации Бологовского усадебного музея князя П.А. Путятина; выявить основные этапы формирования музейной коллекции князя П.А. Путятина; описать структуру музейной коллекции Бологовского усадебного музея; показать, каким образом научные исследования и общественная деятельность князя П.А. Путятина повлияли на развитие его усадебного музея.

Структура диссертации. Структура работы обусловлена логикой изложения темы, целью и задачами исследования. Состоит из введения, трёх глав, заключения, библиографического списка использованной литературы (265 наименований) и девяти приложений.

ГЛАВА 1. УСАДЕБНЫЕ МУЗЕИ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

1.1. Идеино-политические предпосылки возникновения усадебных музеев

Усадебные музеи начали складываться «изнутри» усадебной жизни ещё в XVIII веке: «российское дворянство концентрировало в своих родовых гнёздах коллекции, создавало дворцы и парки, рассчитанные на “музейное” восприятие посетителями-гостями, иногда открывало их ворота для рядовой публики по определённым дням»²⁸. В XIX веке к музейному строительству в усадьбах присоединилось и купечество, давшее миру особый тип российского благотворителя, одновременно «иррационально» щедрого и не любящего афишировать свои благодеяния.

Благодаря находке и сохранению «Слова о Полку Игореве», у коллекций графа А.И. Мусина-Пушкина в его многочисленных и сельских усадьбах²⁹ образовался круг подвижников отечественной и мировой культуры, которые и явили миру тот тип русского человека, в котором, согласно А.Н. Болотову, преобладает созидательное начало, определяющееся цельностью его личности. Этот, по сути, музейный круг «отечествоведения», «отчизнознания» стал школой формирования Николая Михайловича Карамзина (1766—1826) как историка-источниковеда³⁰. В свою очередь, исключительную роль в дальнейшем развитии усадебных музеев сыграло издание в 1842—1844 годах «Истории государства Российского». Труд Карамзина был адресован более широкому слою читателей, чем так называемое «хорошее общество» (т. е. прежде всего дворянство обеих столиц, крупные помещики и видные чиновники) или круг учёных знатоков. «История» предназначалась и для тех, кого относили к «третьему

²⁸ Кузнецов В.В. Музеефикация усадеб: проблемы и перспективы // *Тверская усадебная культура: Материалы региональной науч.-практ. конф. в Твери 1–2 октября 2004 г.* – Тверь: Славянский мир, 2004. – С. 68.

²⁹ Алексеев Н.М. Усадьба Андреевское и её владельцы в XVII – начале XX в. – Рыбинск, 2005. – С. 13–15.

³⁰ Воинов С.С. К вопросу создания Мусин-Пушкинского центра «Слова о полку Игореве» // *Рериховское наследие: Труды конференции.* – Т. II. – СПб.; Вышний Волочёк, 2005. – С. 220.

сословию», а основной текст и для юношества. Так и усадебные историко-художественные музеи, первые из которых служили наглядной иллюстрацией того или иного раздела карамзинской «Истории», открыли свои двери всем жителям российской глубинки – от учёного и дворянина до уездного мещанина, а после 1861 года – и бывшим крепостным. Следуя традиции Карамзина, историко-художественные музеи в усадьбах несли в массы исторические знания – существеннейшую часть социальной экологии. Они воспитывали историей, что в культурно-историческом пространстве усадьбы было неотделимо и от нравственного воспитания, и от формирования общественно-политических воззрений, и эстетических представлений. Карамзин стремился писать – как он сам говорил – «для души, ума и сердца». По Карамзину, «история воплощена в образах»³¹, и именно усадебные музеи были способны передать эти образы так, чтобы народ принял общечеловеческое как своё.

Повсеместное появление музеев и широкодоступных собраний в российских усадьбах явилось результатом комплекса реформ 1860-х – 1870-х годов³². И хотя ранее многие усадьбы даже в самой отдалённой провинции имели обширные картинные галереи, коллекции фарфора, скульптуры, этнографических предметов³³, именно в пореформенный период музейное дело в усадьбах приняло целенаправленный, масштабный и даже повсеместный характер, достигнув своего апогея накануне катастрофы 1917 года. В результате реформ новые муниципальные органы и земства взяли на себя заботу об общественном благосостоянии. Судебная реформа сделала доступной деятельность судов. Реформа печати и ослабление цензуры создали условия для увеличения числа публикаций и тиражей. Политика относительной гласности довела результаты социальных преобразований до каждого человека. Возникли все необходимые предпосылки для возникновения новых форм культурной жизни на местах. К ценностям культуры, бывшим доселе достоянием узкого круга учёных или состоятельных владельцев, стали приобщаться самые широкие слои населения – от освобо-

³¹ Шмидт С.О. «История государства Российского» в культуре дореволюционной России // Карамзин Н.М. История государства Российского. – Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 гг. в трёх книгах с приложением. – Кн. 4: Приложение. – Сопроводительные статьи. – М.: Книга, 1988. – С. 42.

³² Имеется в виду следующий комплекс реформ: крестьянская реформа 1861 г., земская реформа 1864 г., судебная реформа 1864 г., цензурная реформа 1865 г., городская реформа 1870 г., военные реформы 1860–1870-х гг., морские реформы 1850–1860-х гг., финансовые реформы 1860-х гг., университетская реформа 1863 г.

³³ Например, в усадьбе Царёвщина графов Нессельроде, в далёкой от Москвы Саратовской губернии хранились и долгие годы пополнялись замечательные коллекции старинного оружия, монет и фарфора. В той же губернии у князя С.Ф. Голицына в «великолепной Зубриловке» имелись картинная и портретная галереи, коллекции мраморной и бронзовой скульптуры, мебель с художественной отделкой из ценных пород дерева, эмали, фарфора, серебра. См.: *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.* ... – С. 390.

ждённого крестьянства до представителей малых нетитульных наций России. Стали доступнее культурные богатства в музеях не только крупных политических центров, но и прежде закрытых для широкой публики частных усадеб, по которым в этот период прошла первая и последняя волна российского «музеетворчества».

Социальная трансформация эпохи реформ совпала с интенсификацией всей интеллектуальной сферы. Увлечение наукой и просвещённым собирательством культурных ценностей перестало быть достоянием исключительно привилегированных классов. Ряды русских деятелей науки пополнились выходцами из беднейших слоёв общества, получивших доступ в университеты. Можно сказать, что наука «стала ближе к земле», поскольку выпускниками учебных заведений всё чаще становились выходцы «из глубинки». Последние по-своему осваивали истины новых научных теорий, развивающихся в русле европейского позитивизма, «линнеевского» коллекционирования фактов, создания как материальных, так и нематериальных классификаций, приведших к небывалому прежде росту музеев и музейной промышленности на Западе. Вслед за своими европейскими собратьями, русские позитивисты (ими, как правило, и были первые отечественные музейщики) вступили в новый мир – мир материальных фактов, доступный посредством человеческих ощущений и естественнонаучных методов. И хотя русский позитивизм имел радикальный характер и был связан с политическим радикализмом³⁴, ряды его сторонников пополняли и те, кто стремился сохранить культурное достояние своего круга, своего региона, своей области творчества системно, а значит, по своей природе был «миролюбив» и искал лишь твёрдых оснований для дальнейшего сохранения традиций, культурной памяти и развития науки. Для кого-то «эпоха освобождения» была эпохой насилия, ведь, начиная с середины 1860-х годов, столкновения между радикалами и правительством стали привычными. Но для создателей усадебных музеев этот период стал эпохой строительства новых культурных центров, возникших в процессе преодоления негативных сторон уходящего с исторической арены крепостничества, эпохой, вскоре перешедшей в «Серебряный век» российской культуры. Все противоречия в обществе, нагнетание «контрреформ» в конце 1860-х – начале 1890-х годов только стимулировали деятельность по целостному сохранению всего лучшего из прошлого в усадьбах, чтобы «не рвалась веков связующая нить» – от подвига к подвигу, от благородства к благородству. Ценностные ориентиры культуры ут-

³⁴ Паперно И. 1860-е годы: перестройка, гласность, травматическая эпидемия // *Новое литературное обозрение*. – СПб. – № 33 – 1998. – С. 51–74.

верждались усадебными музеями в редком для того времени диалоге между двумя противостоящими друг другу социокультурными движениями, которые М.С. Каган назвал как «романтическое» и «позитивистское»³⁵.

Совершенно обоснованное наблюдение опубликовали авторы сводной монографии «Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.»: «Создание частных музеев в дворянских усадьбах шло в ногу со временем: в пореформенные десятилетия наблюдается быстрое увеличение городских музеев – результат развития мышления в том же русле историзма. В это дело – превращение искусства, науки в достояние народа, свою немалую лепту вложили и владельцы сельских дворянских усадеб. Нередко сама усадьба превращалась в своего рода музейный комплекс с экспозицией живописи, старинной мебели, посуды, мелкой пластики, формируя у самих владельцев музейное “видение”, способность распознавания исторического, эстетического и мемориального значения предметов материальной и художественной культуры не только Далекого прошлого, но и настоящего, восприятие их в качестве будущей коллекции. Музейное дело развивалось довольно быстро, и кто знает, какое разнообразие историко-художественных и бытовых собраний для всеобщего обозрения обрела бы Россия, не случись революций 1917 г.»³⁶. Это ценное высказывание – одно из немногих упоминаний о частных усадебных музеях в конце XIX – начале XX века в современной научной литературе, что совершенно недостаточно для полного понимания развития музейного дела в нашей стране и историко-культурных процессов вокруг и внутри российской усадьбы в указанный период. Как справедливо заметил М.В. Иванов, частные усадебные музеи до сих пор представляют «интересную, но малоизученную страницу отечественной культуры»³⁷. Музееведам уже давно известно, что «некоторые усадебные коллекции <...> по своей значимости приближались к музеям», но лишь немногими авторами созданы монографические исследования об усадьбах, где «на основе личных собраний владельцев ещё до революции создавались частные музеи»³⁸.

Создатели усадебных музеев прошлого были редкими, но яркими маяками нового «реалистического» идеализма. Новые «реалистические» идеалисты могли, как Н.К. Ре-

³⁵ Каган М.С. Основные направления в современной философии и культурологии // *Культурологическое образование*. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – С. 293.

³⁶ *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.* ... – С. 479–480.

³⁷ Иванов М.В. Указ. соч. – С. 380.

³⁸ Фролов А.И. Усадебные коллекции южного Подмосковья // *Русская усадьба в истории Отечества*. – Ясная Поляна – Москва: Изд-во «Ясная Поляна», 1999. – С. 14.

рих, сказать: «Основываюсь на знании и на фактах, основываюсь на синтезе знания и красоты»³⁹. При этом они во многом действовали наперекор развивавшимся в обществе тенденциям, иногда в бедности и ради одной высокой идеи служения «живой всеобщей науке человеческой культуры» (князь П.А. Путятин)⁴⁰. Для них «перестройка» 1860-х – 1890-х годов, воспринимаемая уже тогда печатью в остро пессимистическом ключе как эпоха изменения всего строя жизни, как «трудное переходное время»⁴¹, «переходное время между ветхим и новым, идеализмом и позитивизмом»⁴², стало временем небывалого полёта мысли и творческой фантазии, временем надежд и упований на «панацею» культуры, воспринимаемой обществом в создаваемых ими музеях.

Можно провести широкие исторические аналогии – с Францией эпохи Революции или с Римом времён становления христианства, когда «весь прежний психический мир человека рухнул»⁴³, открыв дорогу новой вере. В этом контексте создаваемые в России музеи явились ответом на вызовы времени, когда по России прокатывались одна за другой волны насилия, бунта, эпидемии демонстративных самоубийств и т. п. деструктивных явлений, названных уже тогда «страшным знаменем времени»⁴⁴. Музей – это как раз полная противоположность всё разлагающему самоубийству человека, уничтожению его достоинства, знания, веры. Именно музей – «Мусейон» как *союз Муз* под единым началом покровителя искусств Аполлона-Феба, где все искусства и науки «поют единый гимн Прекрасному», как *дом Муз* – «пространство, где представлены плоды творчества Муз, ведомых Аполлоном-Мусагетом»⁴⁵, – призван был обеспечивать сохранение ценностей жизни и преемственность живой памяти о творениях человеческого гения в прошлом и настоящем. В культурно-историческом пространстве русской усадьбы в конце XIX – начале XX века эти представления находили благодатную почву для воплощения и осмысления. Именно в усадебном пространстве с его уникальным сочетанием природы, регулярного хозяйства, архитектуры, религиозного опыта, твор-

³⁹ Рерих Н.К. Цветы Мории. Пути Благословения. Сердце Азии. – Рига: Виеда, 1992. – С. 109.

⁴⁰ Путятин П.А. Из области Астрономической археологии. Изображения созвездия Большой Медведицы на каменной точилке каменного периода России. – Закончено 19 марта 1886 г. – Автограф // *Рукописный архив* (далее – РА) ИИМК, ф. 3, № 557, л. 5 об. Здесь (и далее при цитировании документов конца XIX – начала XX века) текст приведён в соответствие с современными нормами орфографии и пунктуации с сохранением стилистических особенностей оригинала.

⁴¹ Лихачева Е. О самоубийстве // *Отечественные записки*. – СПб. – № 7 – 1881. – С. 31.

⁴² Демерт Н.А. Наши общественные дела // *Отечественные записки*. – № 7 – 1872. – С. 83.

⁴³ Анонимная рец. на: Лихачев А.В. Самоубийство в Западной Европе и Европейской России. СПб., 1882 // *Отечественные записки*. – № 9 – 1882. – С. 133.

⁴⁴ Паперно И. Самоубийство как культурный институт. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – С. 64.

⁴⁵ Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избр. труды. – СПб.: Искусство, 2003. – С. 221.

ческой деятельности в искусствах и науках продолжались труды российского Просвещения. И создатели усадебных музеев принадлежали к особому типу «просвещенцев», о котором академик В.Н. Топоров написал: «Просвещение в России, сначала неосознанно или не вполне осознанно, с течением времени всё более и более осознавая, выбрало своим персонифицированным знаком и знамением именно античного бога света и гармонии Аполлона, хотя этот выбор стал достоянием лишь одной, может быть, из самых компетентных ветвей просвещения в России. Эта ветвь, как, впрочем, и другие в российском Просвещении, и само появление “просвещенцев” и многих плодов их деятельности, – доброе наследие в истории русской культуры, науки, всей практической деятельности, быта, сложения новых, человеческих отношений и не только в высшем интеллектуальном слое общества. И на этой именно почве возникла перспектива сложения светлой России с руководящим в ней софийным началом»⁴⁶.

В то время в российском обществе были сильны упования и на то, что с новым веком пришёл и «новый человек», готовый, пользуясь словами Людвиг Бюхнера, «подчиниться власти строгих законов природы»⁴⁷. Научные метафоры заполняли весь мыслительный процесс и накладывались на «старые» понятия, будь то традиции православия, европейский гнозис или воспитание «внутреннего человека» в духе масонства рубежа XVIII–XIX веков. Усадебные музеи в то время – это первые попытки синтеза естественнонаучного и гуманитарного подходов в научном освоении феноменов культуры в среде, неотделённой от этих самых феноменов, что называется «на месте», где они и «добываются» или образуются и «живут» и составляют образ жизни, будь то доисторическая культура каменного века или художественная культура, настоящая на изобразительном искусстве, музыке, литературе современности. «Искусство – изобразительное, музыкальное, не говоря уже о литературе – буквально пронизывало усадьбную жизнь, наполняя её творческим духом»⁴⁸. Так усадебный музей с первых дней существования становился явлением уникальным для России, ибо он был не только центром культуры региона, но и центром приложения личной инициативы своего создателя без сословных или идейных ограничений. Через «индивидуальное» музей открывал «социальное» там, где перестройка общества прошла предельно интенсивно, ибо усадьба, как в городе, так и в деревне, являла в тот период развития отечественной истории полную палитру всех мыслимых социальных про-

⁴⁶ Топоров В.Н. Указ. соч. – С. 120.

⁴⁷ Цит. по: Паперно И. Указ. соч. Из эпиграфа к XIX гл. сочинения Л. Бюхнера «Сила и материя» (1855).

⁴⁸ Глушков С.В. Усадьба как образ жизни // Тверская усадебная культура: Материалы региональной науч.-практ. конф. в Твери 1–2 октября 2004 г. – Тверь: Славянский мир, 2004. – С. 45.

блем и противоречий. Личная инициатива и вопросы современности, «злоба дня» находят здесь наиболее яркое выражение. Возникновение каждого музея можно рассматривать ещё и через призму осмысления жизненной задачи того или иного деятеля или целой общественной группы. Создавая музей, его владелец порой предопределял развитие того или иного мировоззренческого вопроса, социально-экономического явления или даже целого региона. Усадебные музеи изначально были настроены на задачи «познания мира, объяснения мира, передачи культуры и воспитания поколений»⁴⁹.

В создании усадебных музеев частная инициатива шла впереди государственной, и это тоже было новым знаменем времени. Проект первого государственного «Отечественного музея» на основе коллекций «Русского музеума» в московской городской усадьбе на Покровке, предложенный в 1834 году литератором и собирателем Павлом Петровичем Свиньиным (1787—1839), не был одобрен Николаем I, начертавшим на его прошении: «Разрешаю продать за границу»⁵⁰. Государственный музей в усадьбе до 1917 года – это единичные случаи пушкинского Михайловского (1899)⁵¹ и шереметевского Остафьева (1903)⁵². Лишь в советское время превращение русской усадьбы в музей становится явлением повсеместно государственным, вызванным исключительно её «социалистическим функционированием», и потому вынужденным⁵³. Тем ценнее для нашего времени наследие относительно свободного музейного строительства в усадьбах в конце XIX – начале XX века по личной инициативе их владельцев. Каждый усадебный музей в России имел своё неповторимое лицо, свой стиль и в той или иной мере отражал гражданскую позицию, творческий потенциал и идейные послышки своего создателя.

⁴⁹ *Пиотровский М.Б.* Философия музейного дела // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. – Серия 6: Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. – Вып. 1. – СПб. – Март 2006. – С. 9.

⁵⁰ *Петрова Е.Н.* Павел Свиньин и его «Русский музеум» // *Страницы истории отечественного искусства*: XVIII – первая половина XIX века. – Вып. IV. – СПб.: ГРМ, 1999. – С. 196.

⁵¹ *Некрасов С.М.* История создания пушкинских музеев в России (1879–1999). – СПб., 1998. – С. 12–13.

⁵² *Полунина Н., Фролов А.* Указ. соч. – С. 157.

⁵³ *Тихонова Д.Н.* Михайловское и Ясная Поляна: первые государственные проекты музеефикации усадеб в России // *Русская усадьба*: Сборник ОИРУ. – Вып. 6 (22). – М.: Жираф, 2000. – С. 390.

1.2. Типы частных усадебных музеев

Усадебный музей в России в рассматриваемый период по своему правовому и общественному статусу – это почти всегда музей *частный*, ибо, во-первых, усадьба почти всегда находилась в чьей-то частной или общественной собственности и, во-вторых, инициатива создания музея, собирание начальной коллекции и руководство уже открытым музеем (даже если он находился под протекцией государства) в любом случае были в чьих-то конкретных руках. Усадебные музеи конца XIX – начала XX века можно условно разделить на две основные группы по типу формирования коллекций: *комплексные* и *профильные*. При этом, конечно, двух одинаковых музеев не было и не могло быть. Любой комплексный музей имел свой особый характер, главную тему в зависимости от пристрастий владельца или создателя. И хотя, как заметил крупнейший историк изучения русской средневековой живописи Г.И. Вздорнов, «ни одна частная коллекция второй половины XIX века не имела чёткого профиля»⁵⁴, преобладали именно профильные усадебные музеи. Условно их можно разделить на подтипы: *художественные, археолого-этнографические, историко-мемориальные, естественнонаучные, литературные, музыкальные* и т. д., в соответствии с направленностью деятельности обитателей усадеб, где они создавались. В предыстории профильных музеев, как правило, отмечается период возникновения «научной», «литературной», «музыкальной», «художественной» и т. д. усадьбы, где в течение нескольких лет, а иногда и десятилетий объединяются деятели науки, литературы и искусства⁵⁵, и лишь потом в такой усадьбе образуется музей. Как правило, «музейный период» для такой усадьбы являлся наивысшим периодом её развития, характеризующимся расцветом всего усадебного хозяйства, созданием уникальных условий общения с культурными ценностями для каждого посетителя, чарующим ароматом уса-

⁵⁴ Вздорнов Г.И. Указ. соч. – С. 194.

⁵⁵ *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв. ...* – С. 480.

дебной «поэзии садов»⁵⁶. При этом отмечается постепенное увеличение именно профильных усадебных музеев и сокращение музеев комплексных. Причину этого следует искать в общемировом развитии музейного дела, основные достижения которого проникали в Россию из Европы с большим отставанием. В XIX веке европейские музеи получили новый статус, вмещающий в себя понимание феномена музея как художественно- и научно-значимого. Пришло и осознание уникальности каждого музейного предмета в отдельности и его роли в формировании общей экспозиции. Именно поэтому появилась возможность классифицировать предметы коллекций, разделять их по какому-либо основному признаку. Появилось понятие экспозиции в собственном общепринятом на сегодняшний день смысле этого слова как *демонстрации музейных предметов* в соответствии с научной концепцией и поставленной темой. Каждый музей получил своё особенное «лицо», обусловленное определённым подходом к проблеме создания экспозиции. Это могла быть музейная экспозиция как *произведение искусства*, созданное в соответствии с авторской (владельца, составителя или приглашённого художника) версией видения основной темы. Это могла быть музейная экспозиция как *«рассказ» музейными средствами* основного сюжета, истории региона, научной теории и любого материала⁵⁷. Усадебные музеи в России умели успешно сочетать оба этих подхода. На российской почве понятие экспозиции основатель художественного музея в усадьбе Борок В.Д. Поленов интерпретировал так: «Выставка есть как бы посвящение в искусство»⁵⁸. Здесь налицо не бездушная технократизация музея как «собраний очень дорогих предметов», а живая преемственность в представлении, восприятии и понимании компонентов экспозиции, позволяющая через «дар общения» – посвящение – избежать любых симулякров лжетолкования и предусматривающая обязательную коммуникацию «от сердца к сердцу» между учителем и учеником, между «участваемым» (музей) и «участником» (посетитель)⁵⁹. Традицию такого отношения к музею и посетителю продолжили современные усадебные музеи, возникшие, главным образом, на базе дореволюционных музеев и собраний. И по-прежнему наиболее востребованными формами музейной коммуникации

⁵⁶ Лихачёв Д.С. Указ. соч.

⁵⁷ Подробнее см.: *Музей и художник*. – М.: ГЦМСИР, 2002. – С. 5.

⁵⁸ Цит. по: *Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета*. – Т. I. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2002. – С. 70.

⁵⁹ Бондаренко А.А., Мельников В.Л. Музейная идеология Н.К. Рериха: проблемы актуализации Рериховского наследия // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. – Серия 6: Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. – Вып. 1. – СПб. – Март 2006. – С. 42–44.

являются выставки, постоянные экспозиции и традиционные экскурсии. Представление о талантливо проведённой экскурсии как о «переживании, которое хочется повторить»⁶⁰, десятилетиями формировалось в российской музейной усадьбе. Пожалуй, музей нигде так полно не свидетельствует «о существовании особой мифологии музейного пространства» и о «символичности музейного предмета»⁶¹, как в усадьбе.

С осознанием уникальности музейного экспоната, имеющего только ему присущие аттрактивность, ассоциативность, информативность, экспрессивность и другие свойства и характеристики, появилось и такое понятие как профиль музея, то есть «направленность на раскрытие той или иной области искусства, науки, техники, сферы производства или области человеческой деятельности»⁶². Например, музей исторического профиля своими средствами осуществляет функцию поддержания существующих норм и ценностей общества, а также их обоснованной ревизии и развития⁶³. Отличие предмета профильных собраний, в том, что он вписывается в рамки, заданные определённой темой, а также хронологическими, территориальными и отраслевыми характеристиками включающей его в себя экспозиции. С другой стороны, можно было говорить о том, что и сам экспонат формирует свою тематическую среду. Попадая в музей, он как бы уже требует для себя быть включённым в определённую экспозиционную систему. В наше время музей, имеющий сразу несколько профилей, принято называть комплексным музеем.

Комплексный принцип комплектования экспозиции является более древним, нежели принцип специализации. Первые собрания, в которых отдельный предмет ещё не был вычленен в качестве уникального, за себя говорящего, как раз и состояли из разнопрофильных материалов. Систематизация коллекций началась в Западной Европе только в XVII–XVIII веках, а в России – в XIX веке. И развитие музейного дела, как во всём мире, так и в России, в том числе в усадьбах, шло от комплексности к специализации, от общего к частному, от универсальности к сюжетности и тематической заданности. Именно поэтому для усадебных музеев России, за редким исключе-

⁶⁰ Галахова Л.В. Музей – усадьба – судьба, или многообразие традиционного (к вопросу о перспективных формах работы с посетителями) // *Музейная коммуникация: Материалы научно-практ. конф., состоявшейся в Самаре 24–28 сентября 2002 г.* – М.: ГЦМСИР, 2002. – С. 188.

⁶¹ Никонова А.А. Загадка музейного предмета // *Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 6: Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения.* – Вып. 1. – СПб. – Март 2006. – С. 13.

⁶² Кравченко А.И. Культурология. – М.: Академический проект, 2000. – С. 364.

⁶³ Балакирев А.С. Музей исторического профиля и гуманитарное знание // *Проблемы теории, истории и методики музейной работы (Музей – наследие – время): Музейное дело.* – Сб. научных трудов. – Вып. 27. – М.: ГЦМСИР, 2002. – С. 13.

нием, характерен профильный тип формирования коллекции. Таково было общее течение развития мирового музейного дела. Профильный музей имел более понятную непрофессионалам миссию, адекватно воспринимаемую обществом и властями. Он имел больше шансов на успех в будущем, чем музей комплексный, ведь он не мог быть подвергнут дроблению, расформированию и не мог потерять свою актуальность только из-за того, что изменились общие научные установки или общественно-политическая ситуация в стране.

Таким образом, мы определили основные типы усадебных музеев прошлого: *профильный музей* – это музей, посвящённый одной теме, либо музей, собрание которого вписывается в строго определённый профиль, заданный хронологическими, территориальными и отраслевыми характеристиками его экспозиции; *комплексный музей* – это музей, имеющий сразу несколько профилей.

Ещё одна характеристика, по которой можно классифицировать усадебные музеи, – по их принадлежности городу или деревне. В первом случае речь идёт о *городском усадебном музее*, являющемся своего рода патриархальной лакуной в бурно растущей капитализированной среде, а для крупных городов во многом материально «бесполезным» и идейно чуждым. Во втором случае, *сельский усадебный музей* более пластично встраивался в культурно-исторический ландшафт всей округи, порой формировал её целиком, имея необходимые атрибуты «музея под открытым небом»⁶⁴. Классическим примером частного музея в городской усадьбе может служить московская Кокоревская картинная галерея, открытая известным купцом Василием Александровичем Кокоревым (1817—1889) 22 января 1862 года⁶⁵ во вновь отделанном доме по Большому Трёхсвятительскому переулку, № 1. Галерея была открыта ежедневно «для всей образованной и жаждущей образования публики» за небольшую плату⁶⁶. Главными ориентирами для Кокорева служили вершины отечественного искусства. В его галерее были представлены И.К. Айвазовский, А.П. Боголюбов, В.Л. Боровиковский, К.П. Брюллов, А.Г. Венецианов, Д.Г. Левицкий, С.Ф. Щедрин. Но не менее основательно он занимался и западными мастерами: у него появились холсты Ван-Дейка, Брейгеля, Пуссена, а из новых художников, французской школы – Декана, Тройона, Боннара. Экспозиция строилась по историческому и монографическому принци-

⁶⁴ Юренева Т.Ю. Музееведение. – М.: Академический проект, 2003. – С. 207.

⁶⁵ Здесь и далее все даты событий, произошедших до 1917 года, даются по старому стилю, включая даты рождения и смерти, а также датировки процитированных документов.

⁶⁶ Полунина Н., Фролов А. Указ. соч. – С. 128.

пам. В попытках систематизировать своё собрание Кокорев опередил не только многих современных ему коллекционеров, но и, к примеру, Эрмитаж, где долго сохранялся «декоративный» принцип экспозиции. Кокоревская галерея просуществовала недолго – до 1870 года. Причиной тому оказались финансовые затруднения владельца. После закрытия Кокоревской картинной галереи эстафету музейного дела в московских усадьбах приняла частная художественная галерея Козьмы Терентьевича Солдатенкова (1818—1901), размещавшаяся более 40 лет в стенах его особняка на Мясницкой улице, № 37 в перестроенной старинной усадьбе. Для того чтобы познакомиться с ней, требовалось разрешение владельца⁶⁷. В Санкт-Петербурге музейное дело в городской усадьбе развивалось, прежде всего, под сенью дворца графов Шереметевых, знаменитого Фонтанного Дома, построенного в XVIII веке (набережная реки Фонтанки, № 34). Известная акварель М.Н. Воробьёва «“Музей” в особняке Лавалей в Петербурге» (1819) передаёт «аполлоновскую» атмосферу в первых русских музеях, устроенных в городских усадьбах, в данном случае – в особняке Лавалей на Английской набережной, № 4, соседнем с Сенатом и Синодом⁶⁸. На противоположном берегу Невы, в бывшем усадебном доме на углу Николаевской набережной и 18-й линии Васильевского острова, начиная со второй половины 80-х годов XIX века для посетителей был открыт музей Михаила Петровича Боткина (1839—1914), включавший коллекции из предметов декоративно-прикладного искусства античного мира, России, Грузии, Средней Азии, лиможских эмалей и произведений европейского искусства эпохи Ренессанса, а также современных художников, в том числе живописца А.А. Иванова⁶⁹. М.П. Боткин устраивал в своём доме популярные в Петербурге литературные и артистические вечера, на которых бывали А.А. Блок, К.А. Сомов, Н.К. Рерих⁷⁰.

Из провинциальных городских усадебных музеев упомянем археологический музей Василия Степановича Передольского (1833—1907), открытый в 1900 году в Великом Новгороде. В нём находилась обширная коллекция археологических находок, в том числе черепов, собранных при раскопках неолитической стоянки «Коломцы», и антикварных вещей, которые Передольский приобретал на свои средства в Великом

⁶⁷ Полунина Н., Фролов А. Указ. соч. – С. 145; Гавлин М.Л. Из истории российского предпринимательства: Династия Солдатенковых. – М.: ИНИОН, 1992. – 31 с.

⁶⁸ Неверов О. Коллекции семьи Хитрово // *Наше наследие*. – Вып. VI (18). – М., 1990. – С. 43.

⁶⁹ С 2003 г. в этом доме располагается МИСР.

⁷⁰ Семёнова Г.В. Дом М.П. Боткина // *Памятники архитектуры и истории Санкт-Петербурга. Василеостровский район* / Под. ред. Б.М. Кирикова. – СПб.: Коло, 2005. – С. 318–319.

Новгороде и других местах⁷¹. Его по праву считают одним из зачинателей музейного дела на древней Новгородской земле⁷². Ниже мы будем рассматривать в основном *сельские усадебные музеи*, которых в России было подавляющее большинство.

При рассмотрении истории усадебных музеев нельзя не отметить того обстоятельства, что судьбу музея и весь его облик в значительной мере определяли уровень образования и сословное происхождение его владельца-основателя. С этим связаны и изменения дальнейшего правового статуса музея, его существования или закрытия. Несомненно, процесс огосударствления или неогосударствления частного усадебного музея после 1917 года влиял на его дальнейшую судьбу: он либо продолжал существовать, либо расформировывался. Даже если в рассматриваемый период частные лица передавали свои музеи в дар обществу, и этот дар был принят, это мало влияло на судьбу музея при новом строе. Как ни продолжали ими руководить или хотя бы заботиться о них их бывшие владельцы и создатели, многие усадебные музеи в середине 1920-х годов пережили «гуманитарную катастрофу» полного разорения, что только усиливает необходимость памятования их опыта, воздаяния исторической памятью за самоотверженные усилия по сохранению и развитию культуры нашего отечества.

⁷¹ В годы Великой Отечественной войны большая часть уникального собрания Передольского, в том числе находки с Коловецкой стоянки, погибла. Из 5 тысяч книг, хранившихся в библиотеке Василия Степановича, уцелело немногим более 1000. Ныне они являются достоянием НГОМЗ. См.: *Секретарь Л.А. Дома, события, люди*: Новгород. XVIII – начало XX в. – Великий Новгород: Кириллица; СПб.: Наука, 1999. – С. 223–229.

⁷² Михайлова Т.А. Великий Новгород // *Памятники истории и культуры Новгородской области*: Каталог. – Великий Новгород: Типография «Новгород», 1999. – С. 51.

1.3. Профильные усадебные музеи

К художественным усадебным музеям следует отнести Феодосийскую картинную галерею – один из старейших художественных музеев нашей некогда единой страны. Её экспозиционные залы расположены в здании, где прошла жизнь выдающегося русского мариниста Ивана Константиновича Айвазовского (1817—1900). Этот дом был построен по проекту самого Айвазовского в 1845 году и являлся центром городской усадьбы художника. Через тридцать пять лет Иван Константинович пристроил к зданию большой зал специально для показа феодосийцам своих картин перед отправкой их на выставки в другие города России и за границу. Таким образом, 1880 год официально принято считать годом основания картинной галереи⁷³. Ещё при жизни Айвазовского усадебная галерея была известна далеко за пределами Крыма и была культурным центром Феодосии. После смерти художника она продолжала существовать, но, по сути дела, это был самый глухой период её истории. Хотя, согласно завещанию художника, галерея стала собственностью Феодосии, городские власти мало заботились о её деятельности. Вторым рождением галереи по праву можно считать 1921-й год, когда дом Айвазовского и собрание картин были национализированы. Основой собрания Феодосийской картинной галереи были 49 картин, завещанные художником городу. Представленные в экспозиции, эти работы освещали основные этапы творчества Айвазовского, начиная со времени обучения его в Петербургской Императорской Академии художеств (далее – *ИАХ*) и кончая произведениями, созданными в последние годы жизни, – творческий путь более шести десятилетий, в продолжение которых он создал около шести тысяч произведений и стал основателем усадебного музея маринистической живописи собственного имени.

Ещё один художественный музей в усадьбе создал уроженец Нерчинска родом из купеческой семьи Михаил Дмитриевич Бутин (1836—1907). Уникальность его му-

⁷³ Полун С.С. Феодосийская картинная галерея им. И.К. Айвазовского. – Киев, 1984. – С. 9.

заявляя в том, что он может по праву считаться первым усадебным музеем Сибири (см. Прилож. 1, *рис. 1–3*). Ценные сведения о его создателе собрали О.С. Литвинцева⁷⁴, Н.М. Полунина и А.И. Фролов⁷⁵. По окончании городского училища М.Д. Бутин служил приказчиком в торговом доме купцов Кандинских. Вместе с братом Николаем завёл своё дело, занялся приисками, учредил «Торговый дом братьев Бутиных». Около тридцати лет от роду Бутин отправился в малоизведанную тогда Северную Америку для ознакомления с прогрессивными способами добычи золота. Затем им была организована торговая экспедиция в Китай по новому маршруту, составлены и опубликованы карты. Результаты экспедиции высоко оценило ИРГО. Нерчинский предприниматель стал инициатором и ещё одной экспедиции для изыскания путей торговых сообщений – из южных районов Забайкалья в Приамурье и Приморье. Это был представитель того сибирского купечества, которое поднимало к жизни богатейший и обширнейший край. Удачное ведение дел позволило братьям Бутиным обращать значительные суммы на общественные и просветительные цели. В числе учреждений, поддержанных и созданных на средства М.Д. Бутина, были женское училище и общественный банк, музыкальная школа и типография, аптека и показательная агрономическая ферма, библиотека и публичный художественный музей. Постоянная финансовая помощь оказывалась Приамурскому и Восточно-Сибирскому отделениям ИРГО.

К середине 60-х годов XIX века Николай и Михаил Бутины (к тому времени ставшие уже потомственными купцами I гильдии) имели достаточно средств для обзаведения большой усадьбой. Центральное её здание было универсальным по своему назначению. Помимо жилых помещений, в нём разместились и главные учреждения основанного ими «Торгового дома»: контора, магазин, склад и т. д. Исходя из этого, полезная площадь здания оказалась внушительной, Бутины строили не ввысь, а вширь, результатом чего явился вытянувшийся в полквартала дворец. Венцом его стал трёхэтажный юго-восточный фасад, выполненный в мавритано-готическом стиле (до наших дней дом дошёл с утратами, архитектор неизвестен).

Далеко за пределами Нерчинска было известно живописное собрание М.Д. Бутина, включающее в себя галерею семейных портретов кисти Владимира Егоровича Маковского (1846—1920), а также его нумизматическая коллекция и обширная библиотека. Все приезжавшие гости чаще всего останавливались именно в этом дворце. Сре-

⁷⁴ Литвинцева О.С. Дворец купца Бутина: история и современность. – Нерчинск, 2001. – Рукопись // Архив Нерчинского краеведческого музея им. М.Д. Бутина.

⁷⁵ Полунина Н., Фролов А. Указ. соч. – С. 120.

ди них – солистка Мариинского театра Дарья Михайловна Леонова (1829—1896), совершавшая кругосветное путешествие и посетившая Нерчинск в 1875 году. В своих «Воспоминаниях» она написала следующие строки: «В Нерчинске существовало отделение Музыкального общества под покровительством Бутина, любителя искусства и литературы. Здесь я оставалась две недели и дала четыре концерта. В маленькой консерватории Бутина оркестр настолько хорош, что мог аккомпанировать всю сцену из “Жизни за царя”, также из “Рогнеды” и “Пророка”. <...> Признаюсь, что, когда я вошла в квартиру, назначенную мне, то испытала ощущение, которое уже давно не приходилось испытывать. Мне отданы были две роскошно меблированные комнаты с балконом в сад, который мог сравниться только с замечательными садами Европы»⁷⁶. Спустя одиннадцать лет в Нерчинске побывал американский журналист Джон Кеннан. В своей книге о Сибири он не без основания замечает, что затерянному на сибирских просторах Нерчинску могут позавидовать многие российские города, и причиной тому учреждения, основанные по инициативе и на средства Бутина. Как и всякий путешественник, Кеннан не преминул посетить бутинский «музеум», о чём записал следующее: «Кто бы ожидал увидеть в глуши Восточной Сибири такой богатый дом с паркетными полами, шёлковыми занавесями, дорогими обоями, с мягкими персидскими коврами, позолоченной мебелью, крытою атласом, старыми фламандскими картинами, галереей фамильных портретов, с оранжереей... Редко встречал подобное соединение пышности с тонким вкусом»⁷⁷. В 1891 году, с 14 на 15 июня, в этом же доме «изволил иметь ночлег» и наследник цесаревич, будущий император Николай II.

Над благоустройством сада, так поразившим Д.М. Леонову, долгие годы трудилась Татьяна Дмитриевна Мауриц, младшая сестра братьев Бутиных. В нём были разбиты многочисленные клумбы с цветами, произрастали несвойственные суровому забайкальскому климату тропические растения, через всю территорию усадьбы тянулась сосновая аллея. Сама Татьяна Дмитриевна жила прямо в саду, в небольшом деревянном домике с двухэтажным мезонином. Зелёную планировку сада дополняли резная мавританская беседка, фонтаны и всевозможные статуи древнегреческих богов. Элементы этого великолепия можно видеть на сохранившихся семейных фотографиях Бутиных в собрании Нерчинского краеведческого музея им. М.Д. Бутина. По

⁷⁶ Леонова Д.М. Воспоминания артистки императорских театров // *Исторический вестник*. – СПб. – Т. 43. – 1891. – Цит. по: *Петряев Е.Д.* Нерчинск. Очерки культуры прошлого. – Чита, 1959. – С. 66.

⁷⁷ Цит. по: *Крадин Н.П.* Нерчинск // *Памятники Отечества: Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры*. – М., 1984. – № 1 (9).

ним можно также попытаться установить назначение комнат дворца. Трёхэтажную часть (второй и третий этажи) занимал Михаил Дмитриевич с супругой, далее шли: огромный зеркальный (музыкальный) зал, где располагались самые большие по тем временам зеркала, выполненные из венецианского стекла и купленные Бутиным на Парижской выставке в 1878 году, столовая, торговые и складские помещения, контора, библиотека и кабинет. Среднее окно вестибюля украшал цветной витраж с изображением архангела Михаила, поражающего дьявола, изготовленный в Мюнхене в 1857 году. Внутреннее убранство дворца поражало посетителей своей роскошью. Параллельно со строительством дворца возводились и другие здания усадьбы: водонапорная башня, конюшни, пакгаузы. Все они были сооружены из камня и в основном выдержаны в едином архитектурном стиле. В довершение всему были построены огромные, вровень с трёхэтажным фасадом, трёхарочные ворота. Слева и справа от них было сделано ограждение, основу которого составляли кирпичные столбы, увенчанные декоративными вазами, а между ними – выкрашенные в тон дворцу в белый цвет литые чугунные секции с витиеватым орнаментом.

Всё собранное и построенное Бутин пытался осмыслить и интерпретировать. Ему принадлежит ряд книг и статей по экономике и развитию производительных сил в Сибири. В разные годы он избирался во многие общественные учреждения – от Русского музыкального общества до Парижской национальной промышленной академии. Обстоятельства сложились так, что Торговый дом Бутиных потерпел тяжёлый урон. Но и в эту не лучшую пору Михаил Дмитриевич оставался верен себе. 15 сентября 1904 года, находясь в Иркутске, он составил «Духовное завещание», в котором в 20 пунктах распорядился всем своим имуществом. В большинстве своём эти пункты посвящены благотворительным мероприятиям: «<...> 12). Каменный дом в Нерчинске с землёю и построенными на оной деревянными домами и садом жертвую городу под учреждение ремесленного или реального училища, <...> в то же училище жертвую библиотеку и коллекции по минералогии, нумизматике и пр. 13). Движимое имущество в Нерчинске в каменном доме, например мебель и посуду продать, а остальные картины и зеркала оставить на стенах как есть для училища. <...> 20). <...> Покорнейше прошу Нерчинское общество заботы контроль и хлопоты по процветанию учреждений принять на себя <...>»⁷⁸. Таким образом, М.Д. Бутин своим завещанием из имеющегося у него капитала предоставил необходимый минимум семье, а

⁷⁸ Оригинал хранится в Нерчинском краеведческом музее им. М.Д. Бутина.

свою Нерчинскую усадьбу с библиотекой, художественной галереей и всеми другими коллекциями завещал родному городу.

Ещё один создатель художественного усадебного музея в Сибири прославил Иркутск. Это коллекционер и меценат Владимир Платонович Сукачёв (1849—1920). Его мать принадлежала к старинной купеческой семье, отец из петербургского дворянства. В юношеские годы увлекался ботаникой, историей, литературой. Учился на естественном факультете Киевского университета, затем в Санкт-Петербургском университете на юридическом. По завершении образования вернулся в свой город и занялся общественной деятельностью. В последней четверти XIX века Иркутск переживал деловой и культурный подъём, чему способствовали и старания В.П. Сукачёва. Человек слова и дела, он пользовался в городе авторитетом, трижды избирался городским головой. Его отличали независимость суждений, умение видеть пользу для жителей города. По инициативе просвещённого городского головы был объявлен конкурс на лучший проект театрального здания, и сам же он передал первое пожертвование на нужды строительства – 10 тысяч рублей. Театр, как и краеведческий музей, тоже построенный при участии Сукачёва, и по сей день украшает старинный сибирский город. Свою энергию и личные средства Владимир Платонович вложил в строительство пяти начальных школ, квартир для учителей, в городское благоустройство. По его предложению и при его прямом участии был издан ряд книг по истории Иркутска, выпущены открытки, посвящённые местным достопримечательностям. Не случайно именно он, столь много сделавший для своего города, возглавил Иркутское отделение ИРГО – организации, имевшей неоспоримые заслуги в развитии просвещения на огромных сибирских просторах.

Одним из самых дорогих и важных для биографии Сукачёва начинаний стало создание городской картинной галереи. Личная коллекция собирателя постепенно превратилась в художественный музей. Размещалась галерея в усадьбе Владимира Платоновича на окраине города – вдали от скученных в городе деревянных строений, от опасности пожара. Усадьба, включающая главный дом, ещё шестнадцать строений и парк, была им построена в 1881–1882 годах на пересечении улиц Ланинской и Иерусалимской. Замысел создания галереи сложился у Сукачёва после встречи с Павлом Михайловичем Третьяковым (1832—1898) и не без воздействия печатных выступлений Владимира Васильевича Стасова (1824—1906). Первоначально были представле-

ны произведения только отечественной школы – художников, по тем временам, первого ряда, таких как И.Е. Репин, И.К. Айвазовский, жанристов и пейзажистов-передвижников. Затем собиратель понял, что галерея должна давать представление и о зарубежном искусстве; с этой целью стали заказываться копии в известнейших европейских музеях. Картины были размещены в нескольких залах усадебного дома⁷⁹. Среди посетителей галереи было немало приезжих, поскольку Сукачевская усадьба с её заботливо ухоженным парком стала одной из главных городских достопримечательностей. Побывал здесь летом 1897 года и профессор университета в Бордо Жюль Легра. В его книге «По Сибири», изданной в Париже, есть такие строки: «Я познакомился с местным городским головой г. Сукачёвым. Он элегантный сибиряк, с которым знакомы многие наши парижане. Но, вероятно, очень немногие побывали в его картинной галерее, которая является одной из редкостей Сибири. Эта галерея приятно удивила меня, так как во всё время путешествия по Сибири редко удавалось видеть произведения искусства. Галерея почти исключительно русская: это патриотизм, который я очень ценю»⁸⁰. Основанный Владимиром Платоновичем музей существует и поныне. Более того, вновь отреставрирована его усадьба, где с 2000 года воссоздаётся усадебная картинная галерея в родных её стенах (см. Прилож. 1, *рис. 4–5*), благо собрание иркутского коллекционера и благотворителя полностью сохранилось.

Другой пример художественного усадебного музея – это «Дом над Окой» выдающегося русского художника Василия Дмитриевича Поленова (1844—1927), ставший с первых лет своего существования музеем. Ещё в 1887 году В.Д. Поленов писал жене: «Мечтал я об домике на берегу Оки, об том, как мы его устроим, как мы там заживём, сделаем большую комнату, где будет музей, галерея, библиотека. Рядом будет столярная мастерская, адмиралтейство, рыболовство и терраса, а над этим будет моя живописная мастерская и твой маленький кабинет... Чудесные мечты, может быть, и сбудутся...»⁸¹. Все эти мечты были претворены в жизнь. Весной 1889 года В.Д. Поленов со своим учеником К.А. Коровиным проехал на пароходе по Оке от Калуги до Тарусы и далее до села Бёхова. О том, какое неизгладимое впечатление красочная приокская природа произвела на художников, свидетельствуют страницы их

⁷⁹ Полунина Н., Фролов А. Указ. соч. – С. 147.

⁸⁰ Цит. по: *Фатьянов А.Д.* Владимир Сукачёв: Основатель первой в Сибири картинной галереи. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. – 344 с.

⁸¹ Цит. по: *Грамолина Н.Н., Е.Е. Кашианова.* Поленово. Путеводитель. – Поленово, 2005. – С. 10–11.

дневников и воспоминаний. В 1890 году совершилась покупка земли в деревне Бёхово. Поленову больше всего нравился высокий холм над Окой, носивший красивое название Борок. Владела этой землёй крестьянская община, которая не имела права продавать землю, поэтому был совершён обмен: 8 июня 1891 года Поленов получил во владение Борок, а крестьяне – в два раза больше пахотной земли. В то время, когда русские усадьбы приходили в упадок, художник создал грандиозный проект усадебного комплекса. 16 августа 1891 года был заложен Большой дом, а 30 сентября начали возводить стены. И уже 2 октября 1892 года семья переселилась в новый трёхэтажный белый дом, именно эту дату и принято считать днём создания усадебного музея художника. Поленов мечтал о том, что его Большой дом будет не только жилым домом, но и мастерской для его друзей-художников и многочисленных учеников, а главное – это будет первый в России художественный музей в деревне, доступный самому широкому кругу посетителей. С этого времени началась жизнь и его уникальной усадьбы. Вместе с женой и сестрой он организует в усадьбе Борок музей художественных и научных коллекций, собранных четырьмя поколениями Поленовых. Сейчас здесь – Государственный мемориальный историко-художественный и природный музей-заповедник В.Д. Поленова, один из крупнейших музеев страны и один из самых известных за её пределами. На территории имения, как в конце XIX века, так и теперь, расположены главный усадебный Большой дом, мастерская художника «Аббатство», хозяйственные постройки, Троицкая церковь в селе Бёхово, а также усадебный парк, сад, окружающие территорию усадьбы луга, леса, сельскохозяйственные угодья.

Строительство усадьбы на живописном берегу реки Оки позволило художнику раскрыть ещё не одно из его многочисленных дарований⁸². В имении художник проектировал не только архитектуру, но и внутреннее убранство – мебель, орнаменты

⁸² В.Д. Поленов явился родоначальником новой русской живописи, дав жизнь лирическому пейзажу. Продолжительное время художник работал над большим циклом картин из жизни Христа, стремясь «создать Христа не только грядущего, но уже пришедшего в мир и совершающего свой путь среди народа». Стремясь добиться исторической достоверности в написании работ, Василий Дмитриевич совершил путешествие по странам Востока. Из Сирии, Египта и Палестины он привёз огромное количество натурального материала, путевые заметки, костюмы, зарекомендовав себя в качестве видного путешественника-этнографа. Василий Дмитриевич был не только талантливым художником, но и храбрым воином. В 1876 году в составе отряда генерала М.Г. Черняева он добровольцем участвовал в сербско-турецкой войне. За проявленную храбрость и мужество был награждён сербским золотым Таковским крестом и медалью «За храбрость». 1880-е годы стали годами расцвета художественной и педагогической деятельности В.Д. Поленова. Двенадцать лет он преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, где воспитал целое поколение первоклассных русских живописцев, в том числе И.И. Левитана, К.А. Коровина, И.С. Остроухова, А.Е. Архипова, С.В. Иванова. Заметное место в жизни художника занимала музыка. Не имея специального образования, он сочинял оперы и романсы, устраивал домашние музыкальные вечера. Все эти таланты и огромный жизненный опыт художника наложили неизгладимый отпечаток на облик его усадебного музея.

для резьбы по дереву, с увлечением расписывал тарелки, столярничал и т. д.⁸³ На Оке Поленов много работал: писал картины, сочинял музыку, сажал деревья в парке, строил дамбу, помогал строить лодки. «В своей усадьбе на Оке знаменитый художник России из лодок уже составил речную флотилию – он был опытным яхтсменом, увлекался парусным и гребным спортом»⁸⁴. Со свойственной ему энергией занимался проблемами народного образования – построил две школы в окрестных деревнях. Последние его работы были тоже посвящены детям: в 1920-е годы он создал диораму – кругосветное путешествие в картинках. Волшебные световые картины стали праздником для крестьянских детей. Несмотря на бытовые невзгоды послереволюционных лет, вся семья, включая самого Поленова, устраивала экскурсии по усадьбе – музею и картинной галерее, коллекциям египетских и греческих древностей, предметов народного творчества и другим. Такая наполненность творчеством буквально до последнего дня жизни удивляла его современников. Показательны строки из письма И.Е. Репина В.Д. Поленову в усадьбу Борок: «И как это тебя на всё хватает!.. Это тебя народ так оздоровил и помолодил» (1913)⁸⁵.

Похоронен Василий Дмитриевич на высоком берегу Оки в селе Бёхово, на простом деревенском кладбище. На могиле, как и следовало по завещанию, поставлен деревянный крест, сделанный по эскизу самого художника. Ещё в 1906 году в своём художественном завещании Поленов писал: «Смерть человека, которому удалось исполнить кое-что из своих замыслов, есть событие естественное и не только не печальное, а скорее радостное, закономерное, это есть желанный отдых, покой, причём покой небытия, а бытие остаётся и переходит в то, что он сотворил»⁸⁶. Основная идея, которая определяет жизнь его музея сегодня – это желание не утратить внутреннюю связь с духовным и высоко творческим стилем жизни поленовской семьи. Это находит выражение в сохранении, в творческом переосмыслении и развитии тех просветительских и художественных традиций, начало которым положил художник.

Ныне усадьба занимает площадь 14,1 га, включает в себя 17 мемориальных зданий, построенных по проекту самого Поленова в конце XIX – начале XX века, и уса-

⁸³ Как известно, именно Поленов, принеся резную доску из крестьянского дома, положил начало собиранию предметов деревенского быта в Абрамцеве (об этой усадьбе см. ниже).

⁸⁴ Лазуко А.К. «...Лучшее место на планете – Академия художеств и рядом с ней университет...». В.Д. Поленов // *Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета*. – Т. I. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2002. – С. 67.

⁸⁵ Цит. по: Лазуко А.К. Указ. соч. – С. 58.

⁸⁶ Цит. по: Пулькин В. Поленовы: из жизни русской семьи // *Северный курьер*. – Петрозаводск. – 2002. – 24 января. – № 15 (24083). – С. 14.

дебный парк, где большинство сосен было посажено его руками. К парку отношение в семье было особым – как к живому существу, составлявшему неотъемлемую часть дома. Столь же бережным было и отношение к природе. Усадьба Поленова до наших дней осталась такой, какой и была задумана Василием Дмитриевичем. Дом был построен на любовно выбранном месте и Поленов оказался счастливым архитектором, так как всё, что он спроектировал, через несколько лет увидел построенным. При выборе участка под усадьбу Поленов прекрасно представлял себе, как будет выглядеть усадьба через много лет. Именно сейчас можно судить об этом: такой удивительной красоты, которой обладает поленовская усадьба, не сразу найдётся в средней полосе России. От двух каменных столбов ворот главного въезда в усадьбу ведёт в сторону дома сосновая аллея – одна из первых посадок, сделанных Поленовым на бывшем ржаном поле. В конце XIX века и ранее в парковом и усадебном строительстве были привычными липовые и берёзовые аллеи. Поленов предпочёл сосну, напоминавшую ему родной Север, правильно решив, что на открытом месте с песчаным грунтом сосна будет быстро и хорошо развиваться. Прямо перед воротами в глубине на фоне зелени стоит здание «Аббатства». Правее «Аббатства», напротив Большого дома, под разросшимися берёзами Поленовым была выстроена избушка для детских игр. От центра усадьбы вниз к Оке ведёт дорожка. Здесь стоят столбы каменных ворот, крытые черепицей – северный вход в усадьбу. Вся усадебная земля обнесена декоративной изгородью из местного камня – известняка, по типу тех, которые напоминали художнику его родной Олонецкий край и были запечатлены им на многочисленных этюдах. Уникальный мемориальный парк музея-усадьбы был создан руками человека – большого художника, умевшего видеть через десятилетия. Сейчас в нём ежегодно производятся санитарные и ландшафтные рубки, ведутся лесопосадки. Это – тоже традиция Василия Дмитриевича Поленова, стремившегося всеми доступными человеку средствами добавить красоты окружающему миру⁸⁷.

Ещё одним ярчайшим примером художественного усадебного музея являлась подмосковная усадьба Абрамцево, которой суждено было дважды на протяжении XIX века стать одним из центров культурной жизни России. В 1843 году Абрамцево приобрёл писатель Сергей Тимофеевич Аксаков (1791—1859), к которому приезжали

⁸⁷ См. подробнее: *Сахарова Е.В.* Василий Дмитриевич Поленов: Письма, дневники, воспоминания. – М. – Л.: Искусство, 1950; *Поленов В.Д., Поленова Е.Д.* Хроника семьи художника. – М.: Искусство, 1964; *Юрова Т.В.* Василий Дмитриевич Поленов / [Альбом репродукций]. – М.: Советский художник, 1965; *Пастон Э.В.* Василий Дмитриевич Поленов. – СПб.: Художник РСФСР, 1991.

писатели Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Ю.Д. Самарин, поэт Ф.И. Тютчев, часто бывал актёр М.С. Щепкин. Здесь Аксаков написал «Детские годы Багрова-внука», «Семейную хронику», многие рассказы. С середины 70-х годов XIX века этой усадьбой владел Савва Иванович Мамонтов (1841—1918), крупный промышленник, меценат, человек одарённый и влюблённый в искусство, один из просвещёнейших людей своего времени, оказавший значительное влияние на развитие отечественной культуры. В 70–90-е годы XIX века здесь он возвёл ряд построек в «русском стиле» и организовал «Абрамцевский художественный кружок», в который вошли В.А. Серов, В.М. Васнецов, М.А. Врубель, В.Д. и Е.Д. Поленовы, И.Е. Репин, И.И. Левитан, М.В. Нестеров и многие другие. Савва Иванович сыграл большую роль в духовном единении художников, развитии их дарований. Абрамцево стало для них местом вдохновлённого труда. Здесь они создали произведения, вошедшие в золотой фонд отечественной живописи, ежегодно пополнявшие общедоступную художественную галерею усадьбы.

Абрамцево известно с середины XVIII века как имение Головиных. В это время здесь был разбит парк, расширенный и перепланированный в 70-е годы XIX века. Главный усадебный дом, построенный в конце XVIII – начале XIX века, уцелел и до наших дней хранит мемориальные вещи⁸⁸, принадлежавшие С.Т. Аксакову, И.С. Тургеневу, М.С. Щепкину, Н.В. Гоголю, собрание картин, этюдов созданных в Абрамцеве русскими художниками. Можно посетить комнату, где В.А. Серов писал свою знаменитую «Девочку с персиками», Абрамцевский парк с церковью Спаса Нерукотворного⁸⁹, расписанной художниками, которые жили и творили в усадьбе, и избушкой, построенной по проекту В.М. Васнецова. Последняя – самая настоящая «избушка на курьих ножках» – небольшой бревенчатый дом, крытый соломой, у которой сидит сова. В.М. Васнецов спроектировал её в 1881–1882 годах для детей С.И. Мамонтова.

Участники «Абрамцевского художественного кружка» – объединения художественной молодёжи – интересовались русской историей и культурой, собирали и изучали произведения крестьянского искусства, стремясь возродить народные художественные ремёсла. В усадьбе открылась общеобразовательная школа для крестьянских

⁸⁸ Среди самых ценных в мемориальном отношении предметов – альбом С.А. Аксаковой с автографами и рисунками разных лиц, обнаруженный в 1925 г. в усадьбе С.Н. Дурылиным, одним из организаторов Музея им. С.Т. Аксакова в Абрамцеве. См.: *Кузнецова А.Г.* Альбом Аксаковых в Абрамцеве // Памятники культуры. Новые открытия. 1992 / Сост. Т.Б. Князевская. – М.: Наука, 1993. – С. 32–39.

⁸⁹ Возведена в стиле древнего псковско-новгородского зодчества в 1881–1882 годах архитектором П.М. Самариным по эскизу В.М. Васнецова и при участии В.Д. Поленова. См.: *Низовский А.Ю.* Самые знаменитые усадьбы России. – М.: Вече, 2001. – С. 10.

детей и столярно-резчицкая мастерская, положившая начало Абрамцево-кудринской резьбе по дереву. С тех пор в «Теремке», построенном архитектором И.П. Ропетом в 1877 году, располагалась экспозиция этой мастерской, погружающая посетителя в мир резной мебели, великолепных вещей, созданных руками известных людей и обычных учеников-подмастерьев. При участии Ф.И. Шаляпина и К.С. Станиславского в усадьбе регулярно устраивались любительские спектакли, послужившие основой Московской частной русской оперы. Популярными были произведения Керамической мастерской, организованной М.А. Врубелем, возведённой по проекту В.А. Гартмана в 1872 году. Среди майоликовых работ мастерской: панно «Принцесса Грёза» на фасаде гостиницы «Метрополь» (по эскизу М.А. Врубеля, 1899–1903), декоративные вазы и скульптуры в стиле модерн⁹⁰.

Более ста лет усадьба поражает своих посетителей идеальным сочетанием естественной природы и жилых построек. Главный усадебный дом – небольшой, деревянный, комнат немного, но довольно уютно – чем-то напоминает обычный деревенский дом, только больший по площади: маленькие окошки невысоко над землёй, невысокие потолки, печки, есть одна особо примечательная – печка с детской лежанкой, выполненной В.М. Васнецовым. Полки с книгами, мебель рубежа XIX–XX веков, оригинальные полотна В.Д. Поленова, В.М. Васнецова, М.А. Врубеля и других художников, созданные в Абрамцево, – всё сохранилось в неприкосновенности с тех пор. Весной, как и сто лет назад, главный усадебный дом окружён цветущей сиренью, полевые цветы растут целыми полянами, высажены пионы, чуть в отдалении стоит трёхсотлетний дуб. Здесь сама природа дарит художнику вдохновение.

Опыт мастерских усадьбы Абрамцево по коллекционированию изделий народного ремесла, сохранению и развитию народной художественной традиции возбуждал общественный интерес к народным промыслам, стимулировал изучение в российских усадьбах кустарных изделий, способствовал созданию земских учебных мастерских и художественно-промышленных музеев по всей России⁹¹.

«Музейного назначения» был и усадебный дом в имении Юрино Нижегородской губернии графа Василия Петровича Шереметева. Он получил его в наследство от сво-

⁹⁰ Подробнее см.: *Белоглазова Н.М.* Абрамцево. – М., 1981. – 266 с.

⁹¹ *Андреева О.Н.* Мастерские усадьбы Абрамцево и художественные промыслы Сергиева Посада во второй половине XIX – начале XX в. // *Русская усадьба в истории Отечества.* – Ясная Поляна – Москва: Ясная Поляна, 1999. – С. 86.

его дяди графа Сергея Васильевича Шереметева. В.П. Шереметев вместе со своей супругой О.П. Шереметевой жил в её имении или заграницей, а музей стал делом его жизни. Строительство же «Юринского замка» (как назывался дворец В.П. Шереметева) началось с 1882 года и велось с размахом несколько десятилетий, но к 1917 году до конца главный дом так и не был достроен⁹². В.П. Шереметев был весь в банковских долгах, и вся окрестная крупная буржуазия была его кредиторами. В усадьбе находились исключительные историко-культурные сокровища, и чета Шереметевых задалась целью предоставить их для всеобщего обозрения. Здесь были произведения отечественных и зарубежных мастеров. В числе отечественных – картины И.К. Айвазовского, А.П. Антропова, В.Л. Боровиковского, К.П. Брюллова, И.П. Аргунова, Ф.С. Рокотова, Д.Г. Левицкого и других. Среди картин зарубежных мастеров – единственное в то время в России полотно Эль Греко, работы художников Италии, Голландии, Англии, Испании, Германии, Польши, Фландрии и Франции. Всего у Шереметевых только живописных полотен к 1917 году было не менее тысячи, сотни скульптурных портретов, десятки тысяч предметов прикладного искусства. Внутреннее убранство комнат дома-дворца, в которых никто не жил и которые тоже предназначались для хранения культурных ценностей, делало его особого рода «заповедным» зданием. Из-за зрительного эффекта, производимого центральным залом, некоторые посетители сравнивали «Юринский замок» с Эрмитажем⁹³. После смерти В.П. и О.Д. Шереметевых в 90-е годы XIX века книги юринской библиотеки были переданы частично графу С.Д. Шереметеву в Михайловское, где тот созидал свой «музейный заповедник»⁹⁴, частично в Нижний Новгород. А сам замок стал практически художественным музеем. Он имел «Большой зал» с семьюдесятью тремя живописными портретами, пятьюдесятью девятью разными блюдами по стенам, «Большую гостиную» с камином, облицованным панелью, снятой с раскопок одного из помпейских дворцов, «Восточный кабинет», сработанный на мотив сказок Шахерезады, зимний сад, «Китайскую» и множество других комнат⁹⁵.

⁹² Строить замок начинали зодчие Рудольф Мюллер и Альфред Парланд, заканчивал – Павел Малиновский. Разномасштабные и асимметричные объёмы краснокирпичного строения воплотили в себе смесь стилей – готического, романского, восточного, древнерусского. См.: *Жизнь в усадьбе*. – М., 2006. – № 1 (12). – С. 5.

⁹³ Кислов К.А. Юрино. Усадебно-архитектурный памятник. – Йошкар-Ола, 1995. – С. 37.

⁹⁴ О нём см. ниже, в следующем параграфе данной главы.

⁹⁵ *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.* ... – С. 478–479.

1 декабря 1904 года в имении Островки археолога, коллекционера, общественно-го деятеля князя Андрея Александровича Ширинского-Шихматова (1868—1927) была торжественно освящена церковь-музей – «первый художественный храм-музей церковных древностей, удивляющий знатоков богатством своих редкостных коллекций»⁹⁶. Как отмечает академик Б.С. Соколов в своей монографии⁹⁷, этот храм-музей был действительно редким по своему изяществу и отделке (см. Прилож. 1, *рис. 6*). Он был заложен 22 июня 1901 года в честь Успения Божией Матери в присутствии тверского и кашинского архиепископа Димитрия (Самбикина) и тверского губернатора князя Н.Д. Голицына. При храме-музее было одно захоронение – могила сына основателя. Музейно-храмовый комплекс окружала «стена» из кустов жасмина, сирени, плакучей ивы, посаженными вдоль металлической ограды; могила была в цветах, её огибала тщательно ухоженная дорожка. Б.С. Соколов вспоминает легенду о том, что церковь подземным ходом была связана через залив озера Имоложье с винным погребом князя. Вышневолоцкий краевед Е.И. Ступкин, обобщивший целый ряд доступных ему источников⁹⁸, сообщает о князе А.А. Ширинском-Шихматове следующее: камергер Высочайшего Двора, известный путешественник и земский деятель, археолог, исследовавший в разные годы археологические памятники в бассейне реки Мсты, знаток древнерусской живописи, известный всей Европе медвежатник и кинолог, автор книг: «Альбом северных собак (лаек)» (1895), «По медвежьим следам. Очерки» (1900), «Особое мнение члена Комиссии по пересмотру ныне действующего закона об охоте» (1901), «В свободную минуту. Рассказы» (1904), «Медведь и медвежья охота» (1927) и др. К этому можно добавить, что в 1898 году он был причислен к канцелярии обер-прокурора Св. Синода, в 1903–1904 годы – прокурор Московской синодальной конторы и сенатор, в 1905 году – товарищ обер-прокурора Св. Синода, в 1906 году – обер-прокурор Св. Синода, с 1907 года – присутствующий член Государственного Совета, в начале XX века – Вышневолоцкий уездный предводитель дворянства⁹⁹.

⁹⁶ *Известия Императорской Археологической комиссии*. – Прибавление к вып. 14. – Хроника и библиография: вып. 7. – СПб., типография Главного Управления Уделов, 1905. – С. 27; И. Г. Освящение церкви-музея в имении князя А.А. Ширинского-Шихматова Островки // *Тверские губернские ведомости*. – (Часть неофициальная). – 1904. – 14 декабря. – № 97. – С. 4.

⁹⁷ Соколов Б.С. Указ. соч. – С. 52.

⁹⁸ Ступкин Е.И. «...На Имоволовском погосте» (из истории села и усадьбы Берёзки) // *Тверская усадебная культура: Материалы региональной науч.-практ. конф. в Твери 1–2 октября 2004 г.* – Тверь: Славянский мир, 2004. – С. 97.

⁹⁹ См.: «Формулярный список о службе бывшего Вышневолоцкого уездного предводителя дворянства камергера двора Его Величества князя Андрея Александровича Ширинского-Шихматова». – 26 июня 1909 г. // *ГАТО*, ф. 645, оп. 1, д. 7062. – 11 л.

Ширинский-Шихматов продолжал раскопки (преимущественно курганов, например, в 1903 году более восьмидесяти погребений в Фёдовском грунтовом могильнике¹⁰⁰), начатые в конце XIX – начале XX века в Вышневолоцком уезде князем П.А. Путятиным (см. Прилож. 5, *рис. 36*), В.И. Каменским и И.А. Тихомировым. В 1904 году рядом с его имением на берегу одного из рукавов озера Имоложье Н.К. Рерих (см. Прилож. 5, *рис. 41*) открыл так называемый Лялинский городок¹⁰¹. В последующие годы художник-археолог продолжал в этой местности археологические исследования, синхронизируя их всякий раз с новыми данными из раскопок князя А.А. Ширинского-Шихматова¹⁰².

Имение Островки располагалось в двух верстах от станции Заречье-Академическая Николаевской железной дороги в Подольской волости Вышневолоцкого уезда Тверской губернии (см. Прилож. 2, *рис. 21*, № 11). С 1900-го по 1907 год оно носило статус «временно-заповедного»¹⁰³ из-за собранных хозяином великолепных коллекций произведений искусства: церковной утвари, картин, икон, значительная часть которых с 1904 года была представлена в упомянутом выше художественном храме-музее церковных древностей. Кроме этого, в усадьбе находились большая библиотека и богатейший архив¹⁰⁴. Андрей Александрович был избран почётным членом Тверской губернской учёной архивной комиссии (далее – ТГУАК), одного из первых и самых известных в России обществ по изучению старины. Неоднократно он дарил в Тверской музей предметы из своей коллекции. В 1906 году в этом музее была даже устроена «отдельная комната для помещения предметов, пожертвованных князем

¹⁰⁰ Поселение, бывшее некогда возле Фёдовского грунтового могильника, считается древнерусским центром. Могильник находится на берегу протоки, соединяющей озеро Боровно с озёрами Дивинец и Тубос. Он был зафиксирован ещё в 1901 г. И.А. Тихомировым во время его поездки на реку Мсту // *Соловьёва Ф.Б.* Вышний Волочёк – Санкт-Петербург: культурно-историческая общность // *Рериховское наследие: Труды конференции.* – Т. II. – СПб. – Вышний Волочёк, 2005. – С. 384.

¹⁰¹ *Спицын А.А.* Новые сведения о городищах Дьяковского типа // *Записки Отделения русской и славянской археологии ИРАО (далее – ЗОРСА ИРАО).* – Т. VII. – Вып. 1. – СПб., 1905. – С. 90–91.

¹⁰² *Мельников В.Л.* Николай Константинович Рерих и Вышневолоцкий край // *Вышневолоцкий историко-краеведческий альманах (ВИКА).* – № 3. – Вышний Волочёк, 1999. – С. 27–34.

¹⁰³ «Дело об обращении имения князя А.А. Ширинского-Шихматова во временно-заповедное и о выведении из разряда временно-заповедных». – 1900–1907 гг. // *Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО),* ф. 59, оп. 1, д. 4924, 5003.

¹⁰⁴ См. подробнее об этом: «*Рукописные и старопечатные книги, поступившие в дар комиссии от князя А.А. Ширинского-Шихматова*» // *Журнал 105-го заседания ТГУАК 9 декабря 1908 г.* – Тверь, 1912. – С. 26; «*Доклад эmissара Тверского губернского комитета научных библиотек об обследовании библиотеки в имении Островки*». – Список книг. – 20 августа 1920 г. // *ГАТО,* ф. Р-57, оп. 1, д. 3, л. 55–59; «*Сведения о библиотеке Ширинского-Шихматова*». – Из протокола № 3 заседания Тверского губернского библиотечного комитета. – 28 августа 1920 г. // *Там же,* д. 2, л. 18; «*Краткое описание библиотеки*». – Из отчёта о деятельности Тверского губернского комитета научных библиотек за период с 1 мая 1920 г. по 1 декабря 1921 г. // *ГАТО,* ф. 103, оп. 1, д. 434, л. 12; «*Сведения о библиотеке Ширинского-Шихматова*». – Из протокола заседания Тверского губернского комитета научных библиотек. – 29 июля 1921 г. // *ГАТО,* ф. Р-57, оп. 1, д. 7, л. 14 об. – 15.

А.А. Ширинским-Шихматовым»¹⁰⁵. В ней хранились иконы, предметы церковного обихода: медные кресты, образки, складни, клейма, железные вериги, резные деревянные фигуры, резные царские врата, карнизы к царским вратам и т. д.; а также картоны с предметами из раскопок, произведённых в 1903 году князем, русский гобелен конца XVII века, крышка от старинной шкатулки, серебряный рожок, детский столовый ножик, железное копьё, кость мамонта и другие ценные подарки.

Его имение и окрестные усадьбы часто посещали известные художники, учёные, военные, духовные лица и общественные деятели, такие, как К.Н. Манзей, Н.С. Таганцев, М.В. Нестеров, Н.К. Рерих, Е.И. Столица, В.А. Беклемишев, протоиерей Иоанн Кронштадтский (И.И. Сергиев), священник Н.А. Синицын, князья П.А. и Н.С. Путятины, С.Б. Соколов, В.Е. Грум-Гржимайло и многие другие. Какое-то время в имении располагалось «убежище увечных воинов»¹⁰⁶.

В 30-х годах XX века церковь Успения Божией Матери была взорвана, бывший в ней музей разграблен, могила сына князя А.А. Ширинского-Шихматова варварски разрушена, и сейчас сквозь руины пробились уже высоченные деревья, кроны которых нависли над обломками красных стен. От княжеской усадьбы остались главный дом с оранжереей и флигелем (домовой церковью), два жилых флигеля, хозяйственный флигель, пейзажный парк с прудом и курганами XI–XII веков¹⁰⁷.

¹⁰⁵ Тверской музей и его приобретения в 1906 году. – Тверь, 1906. – С. 6.

¹⁰⁶ Тверская усадьба. Дворянство. Герб: Архивные документы, книги, статьи, фотографии: Путеводитель XVIII–XX вв. – Тверь: Научная библиотека Тверского государственного университета, 2000. – (База данных на CD-ROM).

¹⁰⁷ См. также об имении Островки и бывших в нём музейных предметах: «Письма членов комиссии князя П.А. Путятина и князя А.А. Ширинского-Шихматова // Журнал 77-го заседания ТГУАК 12 сентября 1900 г. – Тверь, 1900. – С. 83; «Фотографические снимки икон и видов древлехрамисща князя Ширинского-Шихматова. От князя Ширинского-Шихматова» // Тверской музей и его приобретения в 1902, 1903 и 1904 годах. – Тверь, 1907. – С. 44–45. – № 10224–10231; «Церковь в селе Островки Вышневолоцкого уезда» // Журнал 98-го заседания ТГУАК 20 декабря 1904 г. – Тверь, 1909. – С. 2–7; То же // Тверские губернские ведомости. – (Часть неофициальная). – 1905. – 1 февраля. – № 9. – С. 2; Скалон А. «Письмо в губмузей о поисках коллекции Ширинского-Шихматова». – 25 ноября 1919 г. // ГАТО, ф. Р-56, оп. 1, д. 5, л. 438; «Сведения о бывших частновладельческих хозяйствах». – 1919 г. // ГАТО, ф. Р-854, оп. 1, д. 34, л. 45 об.; «Опись живого и мёртвого инвентаря». – 25 сентября 1920 г. // ГАТО, ф. Р-1708, оп. 1, д. 94, л. 215–216; «Материалы по обследованию бывшего имения Островки Ширинского-Шихматова». – 1920 г. // Архив Тверской областной картинной галереи, оп. 1, д. 12, л. 30–32 об., 35, 36–39, 40–50, 75 – 75 об.; «Письмо Центрального управления по делам охоты Наркомзема в Тверскую губоходоту об изъятии и передаче в Москву из имения Островки фотографий, приборов и книг, связанных с охотой». – 26 октября 1921 г. // ГАТО, ф. Р-56, оп. 1, д. 8, л. 20; «Сведения о бывших частновладельческих хозяйствах». – 22 марта 1922 г. // ГАТО, ф. Р-854, оп. 1, д. 286, л. 5 об. – 6; «Описание бронзовой фигурки мамелюка и десяти картин (холст, масло), поступивших в Тверской музей из имения Островки». – 1923 г. // Архив Тверского государственного объединённого историко-литературного и архитектурного музея, ф. Р-1, оп. 1, д. 23, л. 161–162 об.; «Описание карманных часов, поступивших в Тверской музей из имения Островки в 1923 г.» // Там же, л. 163 об.; «Описание 15 предметов из меди и бронзы (кувшин, подсвечники, чайники), поступивших в Тверской музей из имения Островки в 1923 г.» // Там же, л. 164–166; «Описание семи картин (холст, масло), в том числе портрета Ширинской-Шихматовой, кисти Кившенко, поступивших в Тверской музей из имения Островки в 1924 г.» // Там же, л. 167–169; «Описание турецкого кремневого ружья, поступившего в Тверской музей из имения Островки в 1924 г.» // Там же, л. 170; «Описание лука, поступившего в Тверской

В предложенной историком музейного дела М.Е. Каулен классификации «различных подходов к экспонированию культовых памятников архитектуры» храм-музей Ширинского-Шихматова принадлежит к группе храмов-музеев, специально спроектированных и построенных для экспонирования церковно-археологических коллекций¹⁰⁸. Следует отметить уникальность этой группы, ибо таких музеев в России были единицы.

Благодаря М.Е. Каулен нам известен ещё один усадебный храм-музей из этой группы, заложенный в 1916 году в селе Рютино на озере Пирос в Новгородской губернии (см. Прилож. 2, *рис. 21*, № 5). Его основатель – Евгений Семёнович Рахлин-Румянцев (1876—1924), известный в петербургских музейных кругах собиратель церковной старины, действительный член Санкт-Петербургского Археологического института. Коллекция, формированию которой Евгений Семёнович посвятил немало сил и средств, насчитывала много сотен произведений искусства. Особенно широко в собрании была представлена мелкая пластика, иконопись XVII–XVIII веков; немало было редких, первоклассных памятников. Свершившаяся революция не заставила Рахлина-Румянцева отказаться от своих планов. Строительство музея-храма продолжалось. Как сообщает М.Е. Каулен, в начале 1920-х годов в Рютине постоянно жили и работали М.С. Рахлин-Румянцев – заведующий музейным фондом, инвентарём и технической частью при музее; А.Е. Рахлин-Румянцев – заведующий «сооружениями и работами»; профессор-археолог Н.Ф. Романченко, составивший каталог-путеводитель по коллекциям храма-музея; инженер-архитектор Г.П. Хржостовский; реставратор Ф.А. Каликин. Кроме этих лиц, обеспечивавших непосредственные работы по зданию, коллекциям и экспозиции музея, были заведующие хозяйственной частью, столлярными, печными и штукатурными работами, артельная кухарка, огородник и другие. Некоторые из них жили в Рютине вместе с семьями. Сам Евгений Семёнович, с гордостью именовавший себя в письмах и документах «основателем Храма-Музея»,

музей из имения Островки в 1924 г.» // *Там же*, л. 172; «Список бывших частновладельческих усадеб, состоящих на учёте губмузея». – 15 августа 1924 г. // *ГАТО*, ф. Р-488, оп. 5, д. 47, л. 151; *Верещагин К.Н.* «Письмо художника в Тверской музей по поводу авторства портрета медвежатника Семёна Арефьева, созданного им в имении Ширинского-Шихматова в 1892 году, в связи с тем, что в музее портрет приписан кисти В.В. Верещагина». – 18 июля 1931 г. // *ГАТО*, ф. Р-56, оп. 1, д. 80, л. 33–34; *Островки* (станция Академическая). – Усадьба Ширинского-Шихматова (Вторая половина XIX – начало XX в.). – Паспорт 4501. – 1977, 1992 гг. // *Архив Государственной инспекции по охране и использованию памятников истории и культуры Тверской области; События наших душ*. – Тверь: Альба, 1995. – С. 103. – [Фото усадьбы].

¹⁰⁸ *Каулен М.Е.* Указ. соч. – С. 141–142.

формально в состав коллектива не входил, жил в основном в Петербурге, но часто приезжал в Рютино для надзора за работами¹⁰⁹.

8 октября 1922 года состоялось открытие Рютинского храма-музея. К его открытию были изготовлены пригласительные билеты и афиша. В Петрограде был издан тиражом 300 экземпляров «Краткий путеводитель по храму-музею, сооружённому Е.С. Рахлиным-Румянцевым, в Новгородской губернии, Валдайского уезда, близ села Рютина»¹¹⁰, из которого известно, что музейная экспозиция подразделялась на четыре отдела: **(1)** памятники медного литья, включавшие такие редкости, как энколпионы XII–XIII веков, киевская панагия, двусторонняя икона XIII–XIV века с изображением святых Георгия и Николая Чудотворца, «Знамение Богоматери» XV–XVI веков, памятники новгородского литья XVI века и другие; **(2)** отдел иконописи, представлявший разные русские школы XV–XIX веков; **(3)** произведения декоративно-прикладного искусства – финифть, резьба по дереву, церковная утварь, в основном XVIII–XIX веков; **(4)** паникадила и лампы XVI–XIX веков, всевозможных видов, как металлические, так и стеклянные и хрустальные, разных форм и рисунков¹¹¹.

Рютинский храм-музей – настоящий культурный подвиг его создателя и сотрудников. Проект, родившийся на излёте Серебряного века, был поддержан крупнейшими деятелями музейного дела своего времени – К.К. Романовым, С.К. Исаковым, С.Н. Тройницким, В.А. Верещагиным, В.А. Беклемишевым, В.И. Ерыкаловым, А.С. Николаевым и другими. «Райский музейный уголок», «оазис культуры и просветительства»¹¹² был создан, несмотря на трудные послереволюционные годы, несмотря на голод и разруху в стране, несмотря на глубинную глушь (ближайшая станция Лыкошино находится на расстоянии 20 км по дороге, которая и сейчас является неважной). Впрочем, в начале XX века озеро Пирос с его усадьбами не было глушью для таких известных деятелей науки и искусства, как князь П.А. Путятин и Н.К. Рерих, производивших здесь историко-археологические исследования. При создании храма-музея Рахлин-Румянцев учитывал многовековые культурные накопления села Рютина и всего Припиросья в целом. Он чтит память просвещённой помещицы Елизаветы Алексеевны Поликострицкой, отпустившей на волю своих крепостных вместе с зем-

¹⁰⁹ Каулен М.Е. Указ. соч. – С. 70–73.

¹¹⁰ Романченко Н.Ф. Краткий путеводитель по храму-музею, сооружённому Е.С. Рахлиным-Румянцевым, в Новгородской губернии, Валдайского уезда, близ села Рютина. – Пг.: Российская государственная академическая типография, 1922 / Предисл.: зав. Новгородской губ. комиссией музеев Николай Порфиридов. – 25 с.

¹¹¹ Каулен М.Е. Указ. соч. – С. 75–76.

¹¹² Там же. – С. 70.

лэй ещё до реформы 1861 года (умерла в 16 апреля 1863 года; на погосте села Рютина при Успенской церкви сохранилось надгробие её могилы)¹¹³; хранил «мемории» усадеб известного этнографа и археолога Ивана Петровича Сахарова (1807—1863), председателя дворянства Валдайского уезда барона Аполлона Карловича фон Гейкинга и прадеда Е.И. Рерих Василия Семёновича Азарьева. В начале 1923 года Рютинский храм-музей перешёл из разряда «частных» в государственную музейную сеть Новгородской губернии. При участии председателя Совета Государственного Эрмитажа С.Н. Тройницкого было принято решение о создании в усадьбе «экскурсионной базы» и «Дома отдыха для музейных деятелей настоящих и будущих»¹¹⁴. Однако просуществовал Рютинский усадебный храм-музей меньше года.

13 августа 1923 года губернские власти его ликвидировали, постановив передать фонды в ведение Новгородского губернского музея и открыть в Рютино Новгородскую исправительно-трудовую сельскохозяйственную колонию. По иронии судьбы именно заботе о преступниках ещё до революции много сил отдал Евгений Семёнович. Он был в разные годы директором Санкт-Петербургского благотворительного тюремного комитета, попечителем центрального женского арестного полицейского дома, секретарём Общества попечения о семьях ссыльнокаторжных, директором убежища имени Её Императорского Высочества принцессы Е.М. Ольденбургской для женщин, отбывающих наказание в Санкт-Петербургских местах заключения, директором Евгениевского приюта для арестантских детей-девочек¹¹⁵. После варварского разграбления его музея и передачи усадьбы для целей исправления преступников Рахлин-Румянцев переехал в Москву, где проживал по адресу: ул. Петровка, № 8, кв. 3, и устроился на должность «чрезвычайного уполномоченного по снабжению топливом музеев Северо-Западной зоны при ВЦИК», в которой проработал не более четырёх месяцев. 5 января 1924 года он был арестован, обвинён в шпионаже и контрре-

¹¹³ Е.И. Рерих сообщает: «Поликострицкая была необыкновенно красивой, имела много поклонников, и после самоубийства второго поклонника она дала обет не показываться среди людей без маски. В имении тётки Путятиной висел прекрасный большой её портрет, в белом платье времен Ампира, она сидит в большом красном кресле и в руках у неё маленькая белая атласная маска. Головка действительно очаровательная. Тёмно-бронзовые волосы, курчавые и обрезаны, как у мальчика. Потомства она не имела. Умирая, она отпустила на волю своих крестьян и завещала им одно из своих поместий в Новгородской губернии. Народ чтит её могилу, ибо она велела похоронить себя в освобождённой земле, под открытым небом» (*Рерих Е.И.* Род Шапошниковых. Герб рода Голенищевых-Кутузовых. Род бабушки Азарьевой. Род Путятиных. — [Сведения о генеалогии и семейной истории, относящиеся к Голенищевым-Кутузовым, Азарьевым, князьям Путятиным, Шапошниковым и другим]. — Первая половина 1950-х годов. — Машинопись // *Архив МИСР*, фонд МСССМ, ксерокопия. Оригинал в архиве П.Ф. Беликова (Эстония), с его пометками).

¹¹⁴ Каулен М.Е. Указ. соч. — С. 80, 82.

¹¹⁵ Там же. — С. 71.

волюционной деятельности и осуждён Коллегией ГПУ к расстрелу. 28 июля 1924 года приговор был приведён в исполнение на территории московской Яузской больницы¹¹⁶.

К сожалению, в самом Рютине и Бологовском районе Тверской области, к которому теперь это село административно относится, память о Евгении Семёновиче Рахлине-Румянцеве хранят лишь немногие старожилы. Местный летописец Н.А. Ласточкин сообщает о нём и его храме-музее сведения, идущие от местной устной традиции, не подтверждая их никакими документами. Единственным достоверным свидетельством Н.А. Ласточкина о Рютинском усадебном музее является изданная им фотография выявленных «остатков фундамента храма-музея»¹¹⁷. Лишь благодаря Марии Елисеевне Каулен имя Е.С. Рахлина-Румянцева сегодня не забыто и его храм-музей вошёл в историю отечественного музейного дела.

Примером историко-мемориального усадебного музея может служить Дом-музей великого русского композитора Петра Ильича Чайковского (1840—1893) в подмосковном Клину – один из самых известных и посещаемых мемориальных музеев мира и одновременно старейший музыкальный музей России. Он был основан в 1894 году младшим братом композитора, драматургом Модестом Ильичём Чайковским (1850—1916). В 85 километрах к северо-западу от Москвы, в окрестностях старинного Клина – усадьбах Майданово и Фроловское, а затем и в самом городе П.И. Чайковский провёл последние восемь с половиной лет жизни. В доме-усадьбе на окраине Клина Пётр Ильич поселился 5 мая 1892 года и прожил последние семнадцать месяцев своей жизни. Именно из этого дома 7 октября 1893 года Чайковский уехал в свою последнюю концертную поездку в Санкт-Петербург. В этом тихом подмосковном уголке он нашёл идеальные условия для творчества: здесь он закончил корректуры партитур оперы «Иоланта» и балета «Щелкунчик», написал 18 пьес для фортепиано, вокальный квартет «Ночь», романсы на слова Д. Ратгауза, Третий фортепианный концерт, ставший последним произведением, над которым работал композитор, и другие сочинения. В конце рукописи Третьего фортепианного концерта стоит

¹¹⁶ *Жертвы политического террора в СССР: 1345796 имён жертв репрессий.* – Т. I. – Казахстан, Россия, Узбекистан, Украина. – Библиографический указатель. – М.: Международное общество «Мемориал», Комиссия при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий, Музей и общественный центр им. А.Д. Сахарова, Региональная общественная организация «Открытая Россия», 2003. – (База данных на CD-ROM).

¹¹⁷ *Ласточкин Н.А.* Родники Припиросья. – Тверь: Русская провинция, 2000. – С. 47–48, 53, 153.

дата: «октября 1893 г. Клин». В этом же доме была написана Шестая симфония, которую Чайковский считал «наилучшей и в особенности наиискреннейшей»¹¹⁸ из всех своих произведений.

В первые же дни после смерти брата у Модеста Ильича возникла мысль о сохранении в неприкосновенности клинского дома и об открытии там музея (см. Прилож. 1, *рис. 7*). Осуществить этот замысел удалось уже 9 декабря 1894 года. М.И. Чайковскому помогли наследник авторских прав П.И. Чайковского, его племянник Владимир Львович Давыдов (1871—1906) и слуга композитора, «наследник его движимого имущества», крестьянин Алексей Иванович Софронов (1859—1925). С первых дней своего существования усадебный дом-музей Чайковского – уникальный мемориальный комплекс с полностью сохранившейся мемориальной обстановкой, в том числе и со всемирно известным роялем Чайковского фирмы «Беккер», с мемориальным парком и усадебными постройками. Более чем за вековую его историю здесь побывали миллионы людей, многие из которых оставили слова благодарности, суждения о музыке великого композитора и о его клинском доме. Специальные книги регистрации посетителей появились в музее с момента его основания. Эти драгоценные записи свидетельствуют, как дорого это памятное место людям разных поколений, профессий, национальностей. Эти книги, которые сами со временем стали памятниками эпохи, поражают обилием и разнообразием имён: А.Н. Скрябин, А.М. Васнецов, К.А. Тимирязев, бельгийская королева Елизавета и президент США Ричард Никсон, О.Л. Книппер-Чехова, М.И. Прудкин и другие актеры Московского Художественного театра. Здесь оставили слова благодарности архитектор Ф.О. Шехтель и скульптор М.К. Аникушин, пианисты К.Н. Игумнов, С.Т. Рихтер, В.С. Горовиц. И одновременно огромное число имён мало кому известных врачей, техников, учащихся школ и студентов, инженеров и рабочих, священников и солдат. Всех их приводило в дом на окраине Клина желание ощутить на себе веяние той художественной силы, которой был полон гениальный житель его, ощутить на себе «дыхание» вечности. В первых книгах регистрации посетителей, когда были ещё живы люди, лично знавшие композитора, можно встретить отзывы-воспоминания о нём – штрихи к его портрету. Вот, например, слова художника Василия Дмитриевича Милиоти (1875—1943): «Далёкие дни... Нарядная толпа московских симфонических (концертов)... “Чайковский здесь!” Сред-

¹¹⁸ Здесь и далее документы и биографические материалы П.И. Чайковского цит. по: *Пожидаев Г.А.* Рассказы о музыке. – М.: Молодая гвардия, 1975. – 190 с.

него роста, простой и элегантный, несколько смущённый вниманием, входит Пётр Ильич. Коротко постриженные волосы настолько белы, что точно загорелое, может быть, обветренное лицо кажется красноватым. Глаза усталые, немного с косинкой, как бы утомлённые кабинетной работой. Чувствуется большая, внутрь ушедшая, сконцентрированная сила. Как будто отвычка от людей. “Одинокий”, – невольно думаешь. Садится в 3–4 ряд, внимательный и сосредоточенный, слушает...». А вот запись солистов Большого театра, не раз выступавших в Клину: «Для тех, кто любит с детских лет П.И. Чайковского по его произведениям, сроднился с ним через инструмент, голос, сцену, а также “знаком” с ним по дневникам и письмам, посещение “Дома Чайковского” <...> это уже последняя степень возможного приближения к такому близкому и дорогому, это уже “почти” личное общение, невозможное в действительности и немыслимое никому». Такое ощущение «присутствия» бывшего хозяина может возникнуть только в музеях, подобных дому Чайковского в Клину, а в мире их – единицы. Этот музей, и, прежде всего, его жемчужину, его «сердце» – дом композитора – не нужно было «создавать». Достаточно было лишь сохранить в неприкосновенности дом, его интерьеры такими, какими их оставил в октябре 1893 года знаменитый обитатель, уезжая в Петербург для первого исполнения только что им созданной Шестой симфонии. Как отмечал в своём исследовании П.Е. Вайдман¹¹⁹, для усадебного Дома-музея П.И. Чайковского в Клину собирательская и публикаторская линии деятельности являются традиционными. Они заложены ещё основателем музея Модестом Ильичём Чайковским, собравшим в усадебном музее архив композитора и материалы, раскрывающие те или иные стороны жизни и творчества Чайковского. Он составил и алфавитные списки всех людей, которые общались с его братом и которые состояли с ним в переписке. Так была начата продолжающаяся по сей день работа по сбору писем самого композитора, хранившихся у его адресатов, а также воспоминаний о нём. М.И. Чайковский просил вернуть ему для музея письма брата, встречался с людьми, знавшими его, и записывал их воспоминания о нём. Таким образом была заложена основа архива клинского музея, а на его базе создан трёхтомный труд М.И. Чайковского «Жизнь П.И. Чайковского» (Москва; Лейпциг, 1900–1903). Создатель музея считал, что дом композитора будет представлять интерес лет семьдесят, пока живы люди, лично знавшие Петра Ильича. Но Модест Ильич ошибся. Бессмерт-

¹¹⁹ Вайдман П.Е. Открывая нового Чайковского... // П.И. Чайковский. Забытое и новое: Альманах. – Вып. 1 / Сост. П.Е. Вайдман и Г.И. Белонович. – М.: ИИФ «Мир и культура», 1995. – С. 7.

ная музыка Чайковского, его жизнь, дом с его личными вещами, библиотекой и архивом – всё это продолжает волновать людей, быть для них необходимым и притягательным. Н.Я. Олесич опубликовала ценное наблюдение о личном художественном мире известного петербургского писателя и театраловеда рубежа XIX–XX веков князя С.М. Волконского: «Князь бережно хранил образ Петра Ильича Чайковского. Для Волконского он всегда оставался певцом России, русской жизни, её прошлого; и это было трогательно, близко князю Сергею. Композитор стал музыкальным “воплотителем” дорогого для него образа русской усадьбы»¹²⁰. Именно таким музыкальным «воплотителем» Пётр Ильич остался для всех, кому дорого это уникальное явление нашей истории и культуры.

Примером литературного и одновременно историко-мемориального усадебного музея может служить усадьба Мураново. И хотя государственный музей здесь был открыт лишь в августе 1920 года, в качестве «домашнего музея» Ивана Фёдоровича Тютчева (1846—1909)¹²¹, усадьба Мураново была известна за четыре десятилетия до этого. Его сын Николай Иванович Тютчев (1877—1949) серьёзно увлекался собирательством. Сохраняя в неприкосновенности все «мемории» мурановской усадьбы, он сосредоточил коллекционные вещи в своих личных комнатах, чтобы они не меняли общий облик дома.

В прошлом Мураново было среднепоместной усадьбой, включавшей главный дом, церковь, жилые и хозяйственные постройки, сад и парк. Усадьба органично вписывалась в природный ландшафт, составляя с ним единый архитектурно-пейзажный ансамбль. Одними из первых владельцев Муранова были князья Оболенские. В 1816 году усадьба Мураново была приобретена Екатериной Петровной Энгельгардт, женой отставного генерал-майора Льва Николаевича Энгельгардта. В 1826 году поэт Евгений Абрамович Боратынский (1800—1846) женился на старшей дочери Энгель-

¹²⁰ Олесич Н.Я. «Чем выше пьедестал, тем шире кругозор...». С.М. Волконский // *Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета*. – Т. I. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2002. – С. 110.

¹²¹ Фактический основоположник литературного музея в усадьбе Мураново И.Ф. Тютчев по образованию был юристом – в 1867 году он окончил Училище правоведения и начал службу в 6-м департаменте Сената в Москве. В 1868 году перешёл в Смоленскую палату уголовного и гражданского суда, был товарищем прокурора Смоленского окружного суда (1870), затем членом Московского окружного суда (1872). В 1875–1888 годах И.Ф. Тютчев служил мировым судьёй в Дмитровском уезде Московской губернии, с 1890 года – почётным мировым судьёй Москвы. С 1907 года – член Государственного совета. См. о нём: Кузина Л.Н. Предисловие: [Письмо] И.Ф. и О.Н. Тютчевым // *Ф.И. Тютчев* / АН СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького; Государственный литературный музей-усадьба «Мураново» им. Ф.И. Тютчева. – М.: Наука, 1988. – Кн. I. – С. 483–484. – (Литературное наследство; Т. 97). – С. 483–484.

гардтов Анастасии Львовне, а в 1837 году его друг, литератор Николай Васильевич Путята (1802—1877), стал мужем младшей – Софьи Львовны. В 1841–1842 годах по собственным чертежам Е.А. Боратынского (наброски сохранились) и под его непосредственным руководством строился главный дом усадьбы. Строгое двухэтажное здание, увенчанное восьмигранным фонарём, с башней, оранжереей – «зимним садом» – и трёхгранными эркерами, отличается оригинальным расположением комнат, создающим особое удобство и уют. Центральная зала первого этажа – Большая гостиная – пересекает его с юга на север, выходя в эркеры. Две анфилады, проходящие мимо эркеров, отделены от средней части залы двумя арками, составленными из четырёх замаскированных печей, топки которых находятся в соседних, менее парадных комнатах. В стихотворении Е.А. Боратынского «Есть милая страна, есть угол на земле...», написанном в начале 1830-х годов, запечатлён мурановский пейзаж и быт со всеми его характерными особенностями. По смерти Е.А. Боратынского имение перешло во владение к Н.В. Путяте, бережно хранившему наследие поэта. Путята открыл новую страницу литературной истории усадьбы: его гостями бывали Н.В. Гоголь, В.Ф. Одоевский, А.С. Хомяков, С.А. Соболевский. Чаще других бывал хозяин соседнего Абрамцева С.Т. Аксаков. 27 апреля 1869 года младший сын поэта Фёдора Ивановича Тютчева (1803—1873) от второго брака Иван женился на единственной дочери Н.В. Путяты Ольге Николаевне (1840—1920). После кончины Ф.И. Тютчева в Мураново был перевезён почти весь архив поэта, его книги, личные вещи, обстановка кабинета из петербургской квартиры и спальня из царскосельской дачи. По решению Ивана Фёдоровича обстановка кабинета была размещена в комнате, которую Боратынский некогда избрал для своих литературных занятий. Спальня заняла отдельную комнату в деревянной пристройке. Таким образом, начал формироваться «домашний музей» – основа будущей литературно-мемориальной экспозиции.

Затем дом пополнился мебелью из московского кабинета Ивана Сергеевича Аксакова, женатого на дочери Ф.И. Тютчева Анне Фёдоровне; частью обстановки московского салона Н.В. Сушкова, женатого на сестре Ф.И. Тютчева Дарье Ивановне; наконец после смерти Дарьи Ивановны сюда попала вся остававшаяся в Петербурге обстановка квартиры Тютчевых. Сам Ф.И. Тютчев в Муранове подолгу не жил, но, по преданию, бывал в гостях у своего сына в 1869–1871 годах. Так в Муранове постепенно создавался комплекс литературных и бытовых «меморий», связанных с жизнью и деятельностью известнейших поэтов и литераторов.

Внук поэта Николай Иванович Тютчев, первый и пожизненный хранитель музея-усадьбы, всю жизнь продолжал и расширял дело, начатое отцом, и провёл огромную научную работу по созданию экспозиции уже не домашнего, а государственного музея. Он понимал, что Мураново – прежде всего дом поэта пушкинской эпохи, что посетители захотят ознакомиться с картиной быта культурнейших представителей дворянства 1820-х – 1870-х годов. Освободив дом от всего случайного и второстепенного, Н.И. Тютчев органично соединил в экспозиции среднепоместное с городским, столичным, салонным; мемориальное с типологическим. Каждая комната, сохраняя своё исконное назначение в ряду парадных, становилась относительно самостоятельным экспозиционным комплексом: Большая гостиная воспроизводила в значительной степени Красную гостиную петербургской квартиры Ф.И. Тютчева, Зелёная гостиная – уголок сушковского салона, литературная гостиная – обстановку, в которой проводили свой досуг гости Н.В. Пютяты. Кроме того, были созданы экспозиции «кабинета двух поэтов», спальни Ф.И. Тютчева, кабинета И.С. Аксакова, столовой, библиотеки, прихожей. Ещё до революции внук поэта был известен среди искусствоведов и коллекционеров безупречным художественным вкусом, большим знанием русского дворянского быта. Он сумел собрать превосходную коллекцию мебели, бронзы и раннего старинного фарфора. Постепенно собралась и значительная художественная коллекция, напрямую связанная с историей Муранова¹²². Например, специально к 100-летию усадьбы художница М.Н. Градовская выполнила две миниатюры – композиции из дворянских гербов и портретов мурановских обитателей. Эта и другая интересная работа этой художницы¹²³ до сих пор сохраняется в главном доме. Особенное значение представляло собрание автографов стихотворений Тютчева, Фонвизина, Карамзина, Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Боратынского, Некрасова и других деятелей русской литературы и культуры, которое он впоследствии передал Литературному музею.

С первых пор существования «домашнего музея» усадебный комплекс включал в себя «Детский домик», построенный И.Ф. Тютчевым для своих детей, церковь, построенную в 1878 году на фундаменте старинного амбара и освящённую во имя Спаса Нерукотворного. Ежегодно 15 июля, в день смерти Ф.И. Тютчева, в церкви справлялись заупокойные службы с панихидой. 1 июня 1910 года в ней венчалась внучка по-

¹²² Гончарова Т. Глазами художников // Памятники Отечества: «Мураново» / Сост. Т.А. Князева, Е.А. Потапова. – М., 2003. – № 58. – С. 95–104.

¹²³ Абазур настольной лампы, украшенный сюжетами на «наполеоновскую» тематику.

эта Е.И. Тютчева с В.Е. Пигаревым. У восточной стены церкви – могила сына и внука поэта: Ивана Федоровича и Николая Ивановича. В 1984 году здесь же был похоронен последний директор Муранова из династии Тютчевых К.В. Пигарев.

В северо-восточной части парка находится деревянный флигель, который И.Ф. Тютчев построил в 1879 году для своей матери Эрнестины Фёдоровны. Здесь вдова поэта работала над подготовкой к изданию первого посмертного собрания сочинений Ф.И. Тютчева, переводила на французский язык биографию мужа, написанную И.С. Аксаковым. Рядом с флигелем была построена небольшая избушка, служившая при нём кухней. С западной стороны от главного усадебного дома располагался хозяйственный двор, хорошо замаскированный живой изгородью из боярышника и глухим забором. На нём в своё время были хозяйственные постройки: кучерская, амбар, каретный сарай, гладилка. К дому ведёт характерная для дворянской усадьбы XIX-го века липовая аллея, которая была посажена в 1880-е годы при И.Ф. Тютчеве.

Таким образом, Мураново – редкий пример неразорённого родового гнезда, где семейные культурные традиции продолжались и в музейный период более ста лет – «для советского безвременья ситуация почти уникальная»¹²⁴.

Ещё один литературный и одновременно историко-мемориальный усадебный музей был создан семьёй Осиповых-Вульф на Псковщине в Тригорском. Этот музей явился и самым первым в России музеем Александра Сергеевича Пушкина (1799—1837)¹²⁵. Остафьевский музей А.С. Пушкина, созданный С.Д. Шереметевым к 100-летию поэта, и традиционно считающийся первым в России пушкинским усадебным музеем, появился позже.

В 1762 году Екатерина II наградила коменданта Шлиссельбургской крепости М.Д. Вындомского поместьем Егорьевская губа, в состав которого входило Тригорское. С 1813 по 1859 годы хозяйкой усадьбы являлась его внучка Прасковья Александровна Осипова-Вульф. Впервые в 1817 году и потом, каждый раз приезжая в Михайловское, А.С. Пушкин бывал в Тригорском. Особенно он подружился с семейством П.А. Осиповой-Вульф в годы михайловской ссылки, навсегда связав свою жизнь и творчество с этим местом. С начала 1820-х годов семейство Осиповых-Вульф переехало из старого усадебного дома в здание бывшей полотняной фабрики – в одно-

¹²⁴ Толстухина А. Снежное безмолвие // *Жизнь в усадьбе*. – М., 2006. – № 1 (12). – С. 19.

¹²⁵ Низовский А.Ю. Указ. соч. – С. 225.

этажный, деревянный, обшитый некрашеным тёсом дом, переделанный в 1820-х годах, украшенный высокими портиками и деревянными колоннами. В южной половине дома располагались комнаты П.А. Осиповой-Вульф, гостиная, комнаты Е.Н. и А.Н. Вульфов, буфетная и кладовая; с северной стороны – передняя, столовая, библиотека, девичья и классная комнаты. Последние владелицы имения, помнившие и любившие поэта, организовали в конце XIX века в этом усадебном доме маленький музей – «Пушкинскую комнату», где были собраны его письма и вещи, имевшие к нему отношение: стол, за которым он писал, когда гостил в Тригорском, ночной его столик с изображением Мадонны, большая потемневшая картина «Искушение Святого Антония» и другие. Экспозицию «Пушкинской комнаты» естественно дополнял тесно связанный с воспоминаниями о Пушкине живописный Тригорский парк. Ещё современники поэта оценили Тригорское как Пушкинский заповедник. В сознании самих обитателей усадьбы, а позднее и первых паломников, дом в Тригорском воспринимался как «дом Лариных», а в чертах героев романа «Евгения Онегина» угадывались конкретные лица. Со временем отдельные уголки парка и некоторые деревья приобрели «статус» собственных имён: «аллея Татьяны», «ель-шатер», «дуб уединённый», «берёза-седло» и т. д. Литературные названия уголков парка, мемориальные деревья и поныне воспринимаются, как воспетые поэтом. Они несут знак памяти о нём. Сам Тригорский парк – это замечательный образец русского садово-паркового искусства второй половины XVIII века, занимающий площадь в 20 га. От дома Осиповых-Вульф между прудом и поросшим скатом холма к реке Сороти ведёт тропинка, постепенно переходящая в небольшую липовую аллею. Первый поворот направо – аллея выходит на площадку у обрыва над рекой. Тридцать старых лип образуют естественную беседку. Под склонившимся к обрыву старым дубом – старинная садовая скамья. «Скамьей Онегина» нарекли её в семье Осиповых-Вульф, связав с этим местом сцену объяснения Онегина с Татьяной. Отсюда открывается замечательный вид на приволье полей, лугов, причудливые изгибы Сороти, хорошо видна дорога из Михайловского, по которой Пушкин приезжал в Тригорское¹²⁶.

С 1859 года наследником имения стал старший сын Прасковьи Александровны Алексей Николаевич Вульф. При нём активно велись строительные и ремонтные работы. О строительной деятельности Алексея Николаевича подробно рассказывают его

¹²⁶ Подробнее см.: *Гейченко С.С.* У Лукоморья: Рассказы хранителя Пушкинского заповедника. – Л.: Лениздат, 1986. – 493 с.; *Он же.* Пушкиногорье. – М.: Художественная литература, 1987. – 79 с. – (Роман-газета; № 1).

«Словесные приказания» управляющему имением. Это подробный хозяйственный дневник, который вёл владелец Тригорского с 1854 по 1879 год. Согласно ему, в усадьбе было не менее 27 построек. После смерти А.Н. Вульфа в 1881 году усадьба перешла его младшей сестре Марии Ивановне Осиповой, а после её отъезда из усадьбы в 1895 году к старшей дочери Евпраксии Николаевны Вревской (Вульф) – Софье Борисовне Вревской, которая жила в 16 км от Тригорского, в имении своего отца Голубово. Летом 1913 г. Софью Борисовну перевезла в Тригорское её племянница Наталья Павловна Вревская. Здесь обе они прожили до 1918 года, бережно сохраняя домашний пушкинский музей. С 1884 года усадьба была сдана в аренду Михаилу Ивановичу Пальмову, бывшему прежде управляющим имением А.Н. Вульфа. Он арендовал усадьбу до 1916 года и тоже заботился о сохранении пушкинских «меморий».

Первым археолого-этнографическим усадебным музеем в России по праву считается «универсальный музей»¹²⁷ в имении Поречье (Можайский уезд Московской губернии) графов Уваровых, известный также под названием «Порецкий музеум»¹²⁸ (см. Прилож. 1, *рис. 8–9*). Ещё в 1840-е годы с уваровскими коллекциями знакомились многие известные деятели науки, литературы, художественной культуры. Здесь устраивались «академические беседы», участниками которых были С.П. Шевырёв, Т.Н. Грановский, П.А. Плетнёв, М.П. Погодин, И.И. Давыдов¹²⁹, там часто гостил поэт В.А. Жуковский¹³⁰. Уже с 50-х годов XIX века он стал доступен для посещений широкой публики. В 1853 году в Москве был издан «Указатель Порецкого музеума для посетителей» – один из ранних образцов путеводителя по частным музеям и коллекциям России. Для многих частных усадебных музеев в России «Порецкий музеум» во многих отношениях образцом, ибо выделялся основательным, строгим, научным подбором предметов. Основал «Порецкий музеум» крупный государственный деятель, граф Сергей Семёнович Уваров (1786—1855) – автор знаменитой формулы: «Православие, Самодержавие и Народность составляют последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего общества»¹³¹. Президент Санкт-Петербургской

¹²⁷ Вздорнов Г.И. Указ. соч. – С. 195.

¹²⁸ *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв. ...* – С. 390.

¹²⁹ Полякова М.А. Поречье: страницы истории // *Русская усадьба: Сборник ОИРУ.* – Вып. 1 (17). – М.: Жираф, 1994. – С. 110–111.

¹³⁰ Низовский А.Ю. Указ. соч. – С. 142.

¹³¹ Впервые эти положения были им заявлены в 1832 г.: Уваров С.С. Отчёт по обозрению Московского университета и гимназий (4 декабря 1832 г.) // *Сборник постановлений по министерству народного просвещения.* – Т. II. – Отделение 1-е. – Изд. 2-е. – СПб., 1875. – Стлб. 511.

Академии наук и министр народного просвещения, он был крупнейшим собирателем документов по истории России, памятников античного и западноевропейского искусства, являлся страстным библиофилом (собрал около 12 тысяч томов, преимущественно классиков, исторических сочинений, редких изданий), заложил основы современного российского востоковедения. Для размещения собранных им книг и коллекций он специально обустроил несколько залов в главном доме поместья, справедливо названном современниками «Русские Афины». В усадьбе Уваровых были собраны археологические и этнографические памятники, произведения русского декоративно-прикладного искусства (фарфор, изделия из серебра, эмали, финифти), церковная утварь (кресты, хоругви, плащаницы и т. д.). Уваровым удалось приобрести значительное количество выдающихся произведений изобразительного искусства, в том числе и иконы, выполненные на досках, тканях, литые и резные. Уваровы гордились и огромной коллекцией медалей и монет.

Все эти культурные ценности, включая фамильное собрание произведений искусства и древностей, перешли по наследству к его сыну, графу Алексею Сергеевичу Уварову (1825—1884/1885), ставшему всемирно известным археологом, членом-корреспондентом (1856), почётным членом (1857) Санкт-Петербургской Академии наук, одним из основателей Императорского Русского Археологического и Императорского Московского Археологического обществ, Исторического музея в Москве, Всероссийских Археологических съездов. С конца 1840-х годов А.С. Уваров проводил раскопки на Черноморском побережье, позднее исследовал курганы в районе Ростова Великого и Суздаля. На основе полученного материала подготовил публикацию «Меряне и их быт по курганным раскопкам» (1871)¹³². В бытность владения Поречьем Алексей Сергеевич существенно изменил направления в пополнении коллекции. Его стараниями сюда стали стекаться русские древности, археологические и этнографические памятники, старопечатные книги¹³³. Особое внимание он уделял сбору рукописей. В 1853 году стал обладателем коллекции рукописей купца Н.И. Царского, которую с тех пор постоянно пополнял¹³⁴. В 1860-е годы главный дом усадьбы Поречье (см. Прилож. 5, рис. 8) специально перестраивался с учётом необходимости размещения огромного количества коллекций и собраний, а также для более удобного расположения

¹³² Полный перечень его трудов см.: *Незабвенной памяти графа Алексея Сергеевича Уварова. Речи, прочитанные в соединённом заседании учёных обществ 28 февраля 1885 г.* — М., 1885. — 78 с.

¹³³ *Полунина Н., Фролов А.* Указ. соч. — С. 151.

¹³⁴ *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.* ... — С. 389–390.

приезжающих сюда для научных занятий членов археологических и других учёных обществ. «В его знаменитом Поречье, – писал один из таких посетителей, – только нижний этаж дома занят жилыми комнатами и картинною галереею. Бельэтаж есть историко-археологический музей, третий этаж есть огромная библиотека до 100.000 томов отборных сочинений историко-археологического содержания»¹³⁵. (См. Прилож. 1, *рис. 9*). Посвятивший всю свою жизнь исследованию и сбережению культуры, граф А.С. Уваров заботился не только о расширении своей коллекции, но и систематизировал, изучал, вводил её в научный оборот. Как наглядно показал Вздорнов, ядро уваровского музея, если не говорить о картинах, образовывали русские древности. Именно эта часть коллекции была описана самим А.С. Уваровым¹³⁶.

Его вдова, графиня Прасковья Сергеевна Уварова (1840—1924) продолжила работу, начатую мужем. Под её руководством архимандрит Леонид подготовил к печати в 1893–1894 годах «Систематическое описание славяно-русских рукописей графа А.С. Уварова» (в 4-х томах), составленное ещё при жизни А.С. Уварова; сама графиня составила «Каталог собрания древностей графа А.С. Уварова» (в 4-х томах). Благодаря этим публикациям мы имеем ясное понятие о характере и наиболее значительных памятниках уваровского музея. Вплоть до 1917 года она систематически расширяла «Порецкий музеум» за счёт новых археологических материалов, приобретала древние рукописи и старопечатные книги¹³⁷.

Вздорнов даёт описание уваровского собрания произведений старинной русской живописи¹³⁸, из которого древнейший период был представлен рукописными книгами – такими как новгородская Кормчая XIII века с миниатюрой, изображающей двух святителей, лицевое Житие Бориса и Глеба XVI века, копирующее известный Сильвестровский сборник, вологодское Евангелие 1577 года, Псалтирь 1592 года, Годуновская Псалтирь 1594 года, Библия XVII века и длинный ряд других рукописей, украшенных миниатюрами. Не случайно именно лицевые рукописи привлекали в Поречье учёных, интересовавшихся русским искусством и проблемами византийской и русской иконографии. Другую значительную часть уваровской коллекции русского изо-

¹³⁵ *Памяти графа А.С. Уварова. Речи, произнесённые С.М. Шпилевским, П.Д. Шестаковым и Д.А. Корсаковым на заседании Казанского общества археологии, истории и этнографии 17 января 1885 года.* – Казань, 1885. – С. 20.

¹³⁶ *Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова.* – Отд. IV–VI. – М., 1907. – Отд. VIII–XI. – М., 1908.

¹³⁷ *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.* ... – С. 477.

¹³⁸ *Вздорнов Г.И. Указ. соч.* – С. 195–196.

бразительного искусства составляли «иконы на дсках» и «шитые иконы»: около трёхсот первых и тридцать вторых. «Иконы на дсках» были представлены в основном XVI и XVII веками, причём явно преобладали иконы символического содержания, сложные и редко встречающиеся сюжеты, многие из которых имели обширные историко-литературные пояснения самого А.С. Уварова. В коллекции лицевого шитья было несколько выдающихся памятников – таких как пелена «Успение Богоматери», выполненная между 1561 и 1563 годами в мастерской Евфросинии Старицкой в Москве для Кирилло-Белозерского монастыря. В целом уваровское собрание включало в себя десятки произведений старинного русского искусства.

Как учёный-археолог и организатор науки граф А.С. Уваров особенно много сделал в рамках возглавляемого им Императорского Московского Археологического общества (далее – *ИМАО*). Алексей Сергеевич умел направить работу общества, и его инициатива положена в основании многих трудов и научных предприятий общества. По его мысли начаты были: палеографические сборники надписей, находящихся на вещественных предметах, археологический словарь и критический и библиографический отделы при журналах общества, сборники археологических материалов, «Археологический синодик», издание альбомов древностей Новгорода, Пскова, Рязани и Троице-Сергиевской лавры. Он возбудил вопрос об устройстве археологической выставки во время Всероссийского Археологического съезда в Москве. По его инициативе составлялись руководства для раскопок в курганах. По его предложению было произведено исследование курганов кривичей, городищ северян и древностей тверской Карелии. Он первый заинтересовался первопечатником Иваном Фёдоровым и содействовал составлению его биографии. В 1881 году вышел первый том его сочинения «Археология России. Каменный период». Завершилась его деятельность устройством Исторического музея в Москве. К июню 1883 года коллекции были собраны и часть музея открыта¹³⁹, при этом целый ряд предметов из «Порецкого музеума» перешёл в собрание крупнейшего национального исторического музея, куда по его завещанию в дальнейшем поступила и вся его коллекция, ставшая украшением не только этого музея, но и всей Москвы. После 1917 года собрание графа А.С. Уварова было расформировано: большая часть книг поступила в Государственную публичную историческую библиотеку (где сохраняется донныне отдельным фондом), памятники античного и западноевропейского искусства, в том числе знаменитая Альтемпская ур-

¹³⁹ *Петербургский Рериховский сборник*. – Самара: Агни, 1999. – № 2–3. – С. 145–146.

на¹⁴⁰ – в Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, русские древности остались в Государственном Историческом музее.

Ярким примером историко-этнографического усадебного музея являлась «Скрыня» княгини Марии Клавдиевны Тенишевой (1867—1928) – первый в России музей русского декоративно-прикладного искусства¹⁴¹ (см. Прилож. 1, *рис. 10*), возникший на рубеже XIX–XX веков в сельской усадьбе, купленной в 1893 году у княгини Е.К. Святополк-Четвертинской, которая с первых дней существования музея участвовала в его судьбе, и продолживший свою жизнь в городской смоленской усадьбе в качестве музея «Русская старина». Талашкинская коллекция народного искусства занимала ведущее место в России. В 1922 году знаток народного искусства В.С. Воронов писал: «В большом и многоимённом списке русских собирателей и коллекционеров мало можно указать имён, связанных с коллекциями по народному бытовому искусству. Собrania П.И. Щукина (Москва) и М.К. Тенишевой (Смоленск), послужившие бесценными вкладами в русские государственные музеи, являются наиболее крупными и полными достижениями в этой области. Внимание, средства и энергия этих двух коллекционеров были направлены главным образом на собирание памятников бытового народного искусства во всех областях его проявления. В их собрания притекали вещи очень ценные, редкие и типичные, свозимые перекупщиками с разных уголков России»¹⁴². Не только собрать уникальные памятники народного искусства, сохранить их, но и изучить, опубликовать – такова была цель усадебного музея княгини Тенишевой. В Талашкине была разработана широкая программа сохранения и изучения народного искусства, беспрецедентная для того времени. За повседневным ремеслом смоленских крестьянок было угадано непреходящее художественное творчество народа. Княгиня Тенишева осознала, что народное искусство может стать школой для современного прикладного искусства. Но те начинания, которые она решила воплотить в Талашкине, были новы, ещё не признаны официальными кругами и широкой публикой. В 1907 году княгиня М.К. Тенишева писала Н.К. Рериху о петербургском обществе: «...сколько в нём преступного равнодушия ко всему отечественному; стыдно делается за наших якобы культурных людей. Знают они отлично всё за-

¹⁴⁰ Низовский А.Ю. Указ. соч. – С. 143.

¹⁴¹ Пономарёва Н.И. Вступительная статья // Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. – Л.: Искусство, 1991. – С. 17–18.

¹⁴² Воронов В.С. О крестьянском искусстве: Избр. труды – М.: Советский художник, 1972. – С. 142–144.

падное и французов, а своего ни в зуб толкнуть»¹⁴³. Благодатную почву для своих начинаний М.К. Тенишева нашла не в столице, а в деревне, в своём смоленском имении Талашкино. В своих воспоминаниях она писала об этом моменте так: «Наконец, я могла отдаться своей страсти – коллекционированию русской старины <...>. Любя страстно русскую природу, я в душе всегда была чисто русским человеком. Всё, что касается моей старины, меня глубоко трогало и волновало... За границей всё воспето, изучено, иллюстрировано, издано, нам же, русским, поучиться негде и не на чем. До сих пор у нас в России, у которой нет ни художественных изданий, где целые периоды русского искусства не нашли своих историков, а произведения выдающихся представителей русского мастерства ещё не изданы – до сих пор находятся люди, издающие за громадные деньги давно прославленные иностранные шедевры»¹⁴⁴.

К началу 90-х годов XIX века не существовало научной методики собирания памятников народного искусства. Было издано лишь несколько работ, косвенно связанных с данной темой. Первым наставником княгини Тенишевой был археолог и историк профессор Владимир Ильич Сизов (1840—1904), один из основателей Исторического музея в Москве, проводивший тогда археологические раскопки на Смоленщине и нередко бывавший в Талашкине. Он изучал самое крупное в древности скандинаво-славянское поселение Гнёздово, ему же принадлежит открытие в 90-е годы XIX века длинных курганов в верховьях Днепра. Материалы его археологических раскопок и положили начало талашкинской коллекции¹⁴⁵. Увидев, что Тенишева хотя и инстинктивно, но очень верно начала работу по сбору памятников древнерусского, народного и декоративно-прикладного искусства, что она имеет средства продолжить и углубить работу, Сизов предложил ей хотя и сложный, но самый верный путь собирания – так называемый академический, который бы отразил полноту коллекций¹⁴⁶. Достигнуть этого можно было двумя путями: проанализировать памятники по «вертикали», т. е. во времени, и по «горизонтали», охватив большое географическое пространство. Конечно, при этом необходимо было знать историю художественных центров, отличительные признаки. Сизов предложил Марии Клавдиевне пригласить в помощники большого знатока старины Ивана Фёдоровича Барщевского (1851—1948), который жил в Яро-

¹⁴³ Отдел рукописей (далее – ОР) ГТГ, ф. 44, № 1383.

¹⁴⁴ *Тенишева М.К.* Впечатления моей жизни. – Париж: Издание Русского историко-генеалогического общества во Франции, 1933. – С. 301–302.

¹⁴⁵ *Журавлёва Л.С.* Талашкино: Очерк-путеводитель. М.: Изобразительное искусство, 1989. – С. 26.

¹⁴⁶ *Журавлёва Л.С.* Княгиня Мария Тенишева. – Смоленск: Полиграмма, 1994. – С. 226.

славле. Он занимался фотографированием памятников древней архитектуры, и Тенишева заказала ему 600 снимков. «Когда, наконец, я увидела их, – писала Мария Клавдиевна в своих воспоминаниях, – не могу сказать, что я чувствовала. Во мне закричал какой-то счастливый голос, я увидела то, чего смутно искала столько лет. Это был ответ на все мои запросы. Недоставало только одного: бежать туда самой и глядеть. Я надумала немедленно поехать в Ярославль и Ростов и пригласила себе сопутствовать профессора Прахова, который в то время казался мне авторитетом»¹⁴⁷. В июне 1898 года профессор Санкт-Петербургского университета Адриан Викторович Прахов (1846—1916) приехал в Талашкино и сразу же он и княгиня предприняли осмотр древностей Смоленска. А смотреть было что: в Смоленске сохранились памятники XII века и такая жемчужина, как церковь Михаила Архангела (Свирская). Газета «Смоленский вестник» сообщила 17 июня 1898 года, что Прахов в церкви обнаружил под позднейшими росписями фрески XII века. Тесные контакты с А.В. Праховым продолжались и на следующий год. Тенишева побывала с ним в Москве, осмотрела Кремлёвские соборы, Оружейную палату. Её собрание начинает пополняться иконами московского письма, ювелирными изделиями Оружейной палаты. В тенишевском собрании были братина царицы Евдокии Лукьяновны, первой жены Михаила Фёдоровича Романова; чаша путная 1493 года стольника И.Б. Колнынина, исполненная иностранным мастером при дворе Ивана III; две именные братины И.Б. и М.И. Хитрово. Причём, братина Ивана Богдановича Хитрово – руководителя Оружейной палаты, – уникальна тем, что на ней имеется клеймо иностранного мастера, аналогов которому не было в нашей стране¹⁴⁸. Со временем талашкинская коллекция потребовала постоянного собирателя и хранителя. Таким человеком стал И.Ф. Барщевский. В юности он посещал классы рисования ИАХ и школу ИОПХ. В 1877 году начал профессионально заниматься фотографией. В 1883 году был избран членом-корреспондентом ИМАО и сотрудником ИАХ. Известность ему принесли фотографии памятников старины. В 1897 году Барщевский приехал в Талашкино. В 1907 году в Лувре он принимал участие в создании экспозиции талашкинского музея старины, за что был награждён французским правительством орденом «Пальма Академии» II степени. В советское время был удостоен звания Заслуженного деятеля искусств РСФСР.

¹⁴⁷ Тенишева М.К. Указ. соч.

¹⁴⁸ Журавлёва Л.С. Указ. соч. – С. 227.

Несмотря на то, что у Тенишевой были такие помощники, как В.И. Сизов, А.В. Прахов, И.Ф. Барщевский, её усадебный музей создавался «не без борьбы», ибо глубокого понимания народного искусства ещё не было. Как наглядно показала в своих исследованиях биограф княгини Тенишевой Л.С. Журавлёва, интерес Тенишевой к отечественной старине не был случайным. Русская художественная культура второй половины XIX века стремилась к осознанию своих национальных истоков. Народная тема нашла широкое воплощение в русском изобразительном искусстве, архитектуре, музыке. Исследование о народном искусстве написал В.В. Стасов. Коллекции составляли Исторический музей, Строгановское училище, а также частные собиратели П.И. Щукин, Н.Л. Шабельская, К.Д. Далматов, Е.Д. Поленова, князь П.А. Путятин. Характерные черты этого процесса отразились в общей демократизации культуры и искусства второй половины XIX века. В этом русле возник и талашкинский музей. Это же повлияло на отбор экспонатов и на его структуру в целом. Если в Абрамцеве была попытка «разбудить» народное искусство, то в Талашкине – его утвердить¹⁴⁹. Если для коллекционеров первой половины XIX века было характерно собирание старины, представляющей быт церкви и просвещённого дворянства, то в талашкинской коллекции сознательно делается акцент на народное искусство. И старина предстала в талашкинском собрании уже в ином свете. К ней обратились не только как к материалу, который уже исчезает и который надо спасать как свидетельство истории прошлого. Впервые встал вопрос о ценности народного искусства для национальной культуры вообще, о путях и методах его изучения, о соединении историко-культурных и художественных аспектов изучения народного искусства. Тенишева старалась представить народное искусство разнообразными памятниками. Поэтому, какой бы раздел её музейного собрания мы ни рассматривали, всюду прослеживается стремление показать тот или иной промысел цельно и в развитии.

Нельзя обойти вниманием и памятники западноевропейского прикладного искусства, которые были в талашкинском собрании. Так, здесь присутствовали редкие изделия из раскопок Помпеи и Геркуланума: керамика, стенная роспись, металл. Большой раздел собрания составляли памятники восточного искусства: финикийские сосуды, подвески, бусы, ткани из Персии, Турции, керамика из Самарканда и Бухары. Эти памятники заняли совершенно обоснованное место в талашкинском собрании. Они отвечали правильному историческому взгляду на развитие русского искусства,

¹⁴⁹ Журавлёва Л.С. Талашкино: Очерк-путеводитель. М.: Изобразительное искусство, 1989. – С. 28–29.

не изолированного от восточного и западного, а взаимно обогащённого. Заслуга талашкинцев состоит в том, что уже тогда, в конце XIX века, они сумели увидеть, понять и утвердить красоту и своеобразие русского народного искусства, представить его разнообразными памятниками. Поэтому работу, проведённую Тенишевой и Барцевским, можно считать очень важной и во многом определившей развитие музейного дела в области сравнительной этнографии. О разнообразии талашкинской коллекции в 1911 году подробно писал «Исторический вестник»: «Этот музей представляет большой интерес, и особенно в сравнении с другими русскими губернскими, а частью и уездными частными и общественными хранилищами такого рода. Это хранилище всяческих предметов русской исчезающей жизни. В нём собрано много замечательных свидетельств домашнего быта, старинных обрядов, замечательных вещей с историко-культурной, с историко-бытовой и этнографических точек зрения. Здесь рукописи, и грамоты, и утварь, и костюмы, и мебель, дворянская и крестьянская, теперешняя, вышивки, старинная посуда. Но музей интересен ещё как хранилище всего замечательного в народном художественном творчестве и жизни не только Смоленского края. Почти по всем стенам музея набита деревянная резьба с изб, с рубок, с барж, выкружки из входов в северные избы, сани, возок, фризы, наличники. И всё это большею частью из Нижегородской, Владимирской, Костромской, Ярославской губерний и редко с Севера, северных рек, а больше с Волги. В первых же нижних залах – коллекция набойных досок для рисунков по холсту. Эти деревянные набойки почти исчезли из художественного крестьянского обихода. В расположении предметов порядка нет: рядом со старинными квасниками очень интересной поливы – вериги, свадебные купеческие шкатулки николаевского времени, русские и служские коллекции поясов, ряски, кокошники с китайским жемчугом, с перламутром, платки, фаты, покрывала, кружева белые и цветные, коллекции пуговиц со сканью, чернью, с горошком, с камнями, китайки, суконки из фиолетовых сукон, портовые саяны, сукманы из красного сукна, чёрные сорококлины с жёлтым галуном наперед, андараки, ферязи; и каждая такая вещь – художественно сработанная, интересная и в бытовом, и в этнографическом, и очень часто в историческом отношении. И тут же среди этих художественных образцов прекрасных старинных кружев – куклы, сшитые из тряпок для крестьянских детей, продающиеся на смоленских базарах, пара деревянных башмаков из-за Днепра <...>. Табакерки, косоцветки, зеркальца, миниатюры, некоторые интересные в бытовом отношении документы, как, например, лейб-кампанская грамота,

паспорта недорослям до явки в полк, о рождении. Большой отдел составляет утварь и домашние вещи, помимо костюмов и нарядов: скрины, ларцы, ендовы, ковши, серебряная чеканная посуда, фарфор английский и русский, русские и голландские изразцы разных заводов XVIII века – это всё наполняет витрины, шкафы и столы музея»¹⁵⁰.

Коллекция собиралась быстро. И.Ф. Барщевский совершил ряд поездок по Северу России и привёз много редких образцов. В 1901 году в столичной печати появилась небольшая статья под заголовком «Археологический и этнографический музей княгини М.К. Тенишевой в селе Талашкине, близ Смоленска»¹⁵¹. В ней, помимо перечисления памятников, говорилось, что под музей отведено каменное здание с двумя комнатами для коллекций и библиотеки. Первоначально это была художественная мастерская Тенишевой. Когда в конце 90-х годов XIX века решили в этом здании разместить музей, то его частично перестроили, добавив справа комнату и вход. Предметы разместили в витринах и шкафах. Как сообщает Л.С. Журавлёва, об эмалевых изделиях писалось, что они могут быть украшением любого столичного музея. Упоминалось, что в собрании имеются коптские ткани и много других редкостей. Сообщалось также, что Барщевский начал работу по фотографированию крестьян в народных костюмах, крестьянских построек, деталей архитектуры и предметов быта. «Полнота этого этнографического отдела музея придаёт его коллекциям весьма важный научный интерес и послужит образцом для устройства подобных музеев в других городах»¹⁵². С этого момента о музее писали много. «Русское слово» отмечало, что «специалисты, изучающие состав древнерусских тканей и их характер, главное своё внимание принуждены обращать именно на собрание кн. М.К. Тенишевой»¹⁵³. А.А. Ростиславов писал о музее: «Особенность его не только в богатстве отдельных коллекций, особенно кружев, вышивок, резьбы из дерева, редкости отдельных экземпляров, например, некоторых древних икон, а в чрезвычайной цельности и равности, в отсутствии даже намёков на музейный хлам. Всюду чувствуется строгий выбор, обдуманность, почему и получается впечатление как бы насыщенности настоящим искусством»¹⁵⁴.

В 1904 году предпринимается поездка, о которой Д.С. Стеллецкий писал Б.М. Кустодиеву: «А вот чему, я думаю, ты совсем позавидуешь, это то, что послезав-

¹⁵⁰ *Исторический вестник*. – СПб. – 1911. – № 11. – С. 386.

¹⁵¹ Журавлёва Л.С. Княгиня Мария Тенишева. – Смоленск: Полиграмма, 1994. – С. 232.

¹⁵² Цит. по: Журавлёва Л.С. Указ. соч. – С. 233.

¹⁵³ *Русское слово*. – СПб. – 1911. – № 122.

¹⁵⁴ *Старые годы*. – СПб. – 1911. – № 10.

тра княгиня, Барщевский, Зиновьев, Бекетов (здешние художники из Строгановского училища – очень талантливые декораторы), Лидин <...> и я едем по древнерусским городам смотреть древности. Всё это, понятно, за княгинин счёт. Маршрут, кажется, такой (если не изменится): Москва, Владимир, Суздаль, Юрьев-Польский, Троица-Сергиев, Ростов, Ярославль, Романов, Кострома, Углич, Новгород и Псков. Ведь не дурно это увидеть»¹⁵⁵. Тогда же осмотрели и Ферапонтов монастырь под Вологдой. Каждая из поездок обогащала музей бесценными экспонатами. Тенишева не стремилась удивить количеством. Памятники, собранные в компактные тематические коллекции, отражали все особенности художественных ремёсел России в сравнении с лучшими аналогичными образцами Запада и Востока. Главный принцип, которым руководствовалась Тенишева при создании экспозиций и собирании коллекций, – компактность. Выезжая в тот или иной регион, она отбирала памятники наиболее характерные и разнообразные по материалам и технике исполнения. Так она фиксировала характерное и индивидуальное в народном творчестве, и на основе её коллекций можно было проследить взаимовлияние орнамента, форм изделий, уровень ремесла, бытование. Ещё одна особенность составления музея: Тенишева была против собирания памятников поздних, т. е. конца XIX века, считая, что в них уже утрачены древние формы, орнамент искажён, художественность низкого уровня. Высокую оценку её работы по коллекционированию дали современники. Её многолетний сподвижник И.Ф. Барщевский признавал за Марией Клавдиевной большие заслуги, считая её умной и талантливой русской женщиной, художественно одарённой, предприимчивой и всецело отдающейся задуманному делу. «У неё есть немало заслуг перед родиной. При жизни князя [В.Н. Тенишева, её супруга. – В. М.] она не имела личного состояния и из того, что получала от князя для личной жизни, немало уделяла на приобретение предметов нашего музея, а это, согласитесь, очень и очень редкое явление в среде светских женщин»¹⁵⁶.

В 1903 году М.К. Тенишева начинает строить в Смоленске здание для музея (см. Прилож. 1, *рис. 11*), так как ей хотелось сделать свои коллекции общедоступными, ибо она поняла, что держать их у себя в имении – это показывать только гостям и ученикам сельской школы. 27 мая 1903 года Смоленская городская дума рассматривала вопрос о передаче музея Тенишевой городу. Городской голова О.Н. Воейков вёл засе-

¹⁵⁵ ОР ГРМ, ф. 26, № 34.

¹⁵⁶ Архив Государственного художественного историко-архитектурный и природно-ландшафтного музея-заповедника «Коломенское» (далее – ГХИИПЛИЗ «Коломенское»), фонд Ф.И. Барщевского, д. 2, л. 52.

дание и прежде, чем вести разговор об участке земли, задал присутствующим странный вопрос, а стоит ли вообще принимать музей. Все единогласно постановили «принять с благодарностью»¹⁵⁷, но фактически дар княгини Тенишевой так и не был принят городом. Когда стали обсуждать вопрос о земле, гласный В.А. Петров заметил: «Вообще музей кн. Тенишевой представляет собой не только археологическую ценность, но обладает и выдающимися произведениями искусства. Поэтому устройство музея у нас в городе крайне желательно, и затягивать этот вопрос прямо стыдно. Между тем, если мы передадим его в комиссию, то он затянется месяца на два, на три. Я предлагаю немедленно решить вопрос»¹⁵⁸. Тогда городская дума постановила предоставить Тенишевой участок земли по Авраамиевской улице возле Никольской башни. Но «оригинальность» такого предложения состояла в том, что земля не была собственностью города, а принадлежала Императорской Археологической комиссии (далее – *ИАК*) и теперь от неё зависела судьба частного усадебного музея. К тому же данный участок земли был частью искусственного рва, которым была окружена ранее крепостная стена, и при строительстве участок необходимо было выровнять, затратив немалые средства. 12 июля 1903 года в вежливой форме Тенишева в письме к О.Н. Воейкову отказалась от земли. Тогда её выручила княгиня Е.К. Святополк-Четвертинская, уступив свою землю на углу Георгиевской улицы, где стояла бывшая рисовальная школа. Здание разобрали и на этом месте, после получения соответствующего разрешения от властей, 31 августа 1903 года приступили к строительству по сути нового усадебного музея (на этот раз – городского) по проекту С.В. Малютина. К концу года здание уже выстроили вчерне. Ещё через полтора года оно было уже готово, и в него сразу же стали перевозить экспонаты из Талашкина.

Музей в Смоленске, названный «Русская старина», открылся в 1905 году¹⁵⁹ и сразу же привлёк внимание прессы и специалистов, но через некоторое время, опасаясь революционных беспорядков и погромов, Тенишева вывезла свои коллекции в Париж, где они в 1907 году были показаны в Лувре в павильоне прикладного искусства «Марсан». Для экспозиции были предоставлены четыре зала и всё необходимое оборудование, подготовлен и издан на французском языке каталог со вступительной статьёй известного французского историка искусства и художественного критика Дениса Львовича

¹⁵⁷ Журавлёва Л.С. Указ. соч. – С. 234.

¹⁵⁸ Смоленский вестник. – Смоленск. – 1903. – 29 мая.

¹⁵⁹ Журавлёва Л.С. Талашкино: Очерк-путеводитель. М.: Изобразительное искусство, 1989. – С. 45.

Роша, подписывавшегося псевдонимом «Дени Рош»¹⁶⁰. Всего было выставлено 5695 предметов древнерусского и народного искусства. Показ продолжался с 10 мая по 10 октября 1907 года и вызвал широкие отклики, как в русской, так и в зарубежной печати. Выставка очень своевременно совпала с начинаниями С.П. Дягилева по пропаганде русского искусства за рубежом. Однако успех музея вызвал нападки реакционной прессы. В деятелях, поддерживающих всё народное, видели революционеров, их опасались и преследовали. Масло в огонь подливали и откровенные завистники. По их подложным свидетельствам было инспирировано судебное дело о «разграблении» ризницы смоленского Успенского собора, в чём обвинили и Тенишеву. Судебное разбирательство продолжалось несколько лет, Мария Клавдиевна даже была осуждена на семь дней домашнего ареста. Дело было прекращено лишь в 1911 году «за недоказанностью» накануне торжеств по передаче музея «Русская старина» Смоленскому филиалу Московского Археологического института. Тенишева долго не могла найти поддержки, как во властных структурах, так и в общественных научных организациях, к которым обращалась с просьбой принять свой музей в виде безвозмездного дара, чтобы таким образом решить вопросы его текущего содержания. Она нашла понимание лишь у профессоров Московского Археологического института, которые не только с радостью приняли музей, но и превратили его в институтскую аудиторию, занялись изучением коллекции. Директор института А.И. Успенский на торжественной передаче сказал: «Дар этот тем более ценен, что в основу музея положена строго научная система. Это драгоценное национальное хранилище предметов почти исключительно родной старины и памятников народного искусства»¹⁶¹.

М.К. Тенишева постаралась привлечь к изучению коллекции музея крупнейших специалистов. Так, академик Н.П. Кондаков писал И.Ф. Барщевскому 19 декабря 1909 года: «Прямо говоря, музей меня очень интересует, к тому же я недавно услышал, что в этом музее много замечательных икон Богоматери, и когда Дени Рош, издавна мне знакомый, передал мне желание княгини Тенишевой, чтобы я принял участие в деле составления научного каталога, то я ему выразил принципиальное согласие, сказав, что меня наиболее могут заинтересовать иконы музея»¹⁶². Когда музей «Русская старина» был передан городу, его стали называть единственным в России «общедоступным музеем»

¹⁶⁰ Журавлёва Л.С. Княгиня Мария Тенишева. – Смоленск: Полиграмма, 1994. – С. 237.

¹⁶¹ Смоленский вестник. – Смоленск. – 1911. – № 118.

¹⁶² Архив ГХИАПЛИМЗ «Коломенское», фонд Ф.И. Барщевского, д. 2, л. 51.

русского декоративно-прикладного искусства. И это действительно так. Его шли смотреть зрители разных возрастов, сюда приезжали издалека экскурсии, здесь работали крупные учёные, писали статьи, составляли каталоги. Неустанно пополнялись коллекции. И продолжалась живая связь между прошлым и настоящим во имя знания и утверждения Прекрасного. Уникальность тенишевского частного музея ещё и в том, что после 1917 года он не прекратил своё существование, а продолжил свою работу. В настоящее время почти в каждом отделе Смоленского государственного музея-заповедника представлены богатейшие коллекции тенишевского музея. Они органически влились в общий рассказ об истории России и смоленского края. В целом музей княгини М.К. Тенишевой, её коллекции, усадьбы и дома в Талашкино, Смоленске, Санкт-Петербурге и других местах являются наиболее исследованными из всего комплекса частных усадебных музеев России. В Талашкино, как верно заметили авторы монографии «Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.», «было через край творчество известных выдающихся деятелей культуры и молодых, начинающих писателей, учёных, поэтов, художников, скульпторов. <...> Собрание в усадьбе творческих людей исключало праздное времяпрепровождение»¹⁶³.

Таким образом, мы видим, как в целом успешно создатели профильных усадебных музеев выполняли поставленные перед собой задачи культурного строительства, при этом не всегда они располагали достаточными средствами и поддержкой властных структур. Такие профильные усадебные музеи, как Нерчинский музей М.Д. Бутина, музей В.Д. Поленова в усадьбе Борок, галерея и мастерские в Абрамцево, музей княгини М.К. Тенишевой в Талашкине и Смоленске и некоторые другие, с открытыми при них образовательными учреждениями участвовали в формировании особой группы отечественных музеев, специально ориентированных на педагогическую деятельность. С их помощью в конце XIX – начале XX века в музейной усадьбе успешно реализовывалось «сближение музея и общества», ибо «всё большее признание получала мысль об особом значении образовательно-воспитательного потенциала музеев»¹⁶⁴. Усадебный музей стал настоящей школой как для создателя, так и для посетителя.

¹⁶³ *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв. ...* – С. 480–481.

¹⁶⁴ *Шляхтина Л.М., Мастеница Е.Н. Музейно-педагогическая мысль в России. – Исторические очерки / Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств. – СПб., 2006. – С. 18.*

1.4. Комплексные усадебные музеи

Ярким примером комплексного усадебного музея является музей «первого профессионального археолога Симбирского края»¹⁶⁵ Владимира Николаевича Поливанова (1849—1915) в селе Акшуат Карсунского уезда Симбирской губернии (ныне – Барышский район Ульяновской области). Этот усадебный музей успешно сочетал археолого-этнографический, естественнонаучный, литературный и художественный профили. В 80-е годы XIX века в своём имении Поливанов заложил Акшуатский дендропарк, до сих пор являющийся главной природной достопримечательностью региона. Созданный Поливановым единый музейный комплекс с парком-дендрарием и художественной, геологической, археологической и другими коллекциями, размещёнными в нескольких постройках на территории усадьбы, стал, по сути, первым отечественным «музеем под открытым небом», а Поливанов – русским Хаселиусом.

Шведский филолог и этнограф Артур Хаселиус (1833—1901) увековечил своё имя созданием Скансена – ландшафтно-этнографического музея на возвышенной части острова Дьюгарден в Стокгольме¹⁶⁶. Отличие этих музеев в том, что Хаселиус большую часть усилий сосредоточил на «Скандинавской этнографической коллекции» (открылась в 1873 году в одном из частных домов Стокгольма, легла в основу Северного музея) и ей подобных традиционных народных собраниях, а Поливанов работал одновременно по пяти направлениям: созидал свой дендропарк, коллекционировал геологические образцы, собирал рукописи, составлял художественное собрание и производил первые профессиональные раскопки в регионе, доставившие в его музей целую серию археологических находок. Его усадебный музей в значительной мере предопределил и основание им Симбирской губернской учёной архивной комиссии (далее – *СГУАК*) и при ней историко-археологического музея с художественным разделом, открытым в Симбирске 30 июля 1895 года. Хаселиус стремился вос-

¹⁶⁵ Вискалин А.В. Указ. соч. – С. 19–23.

¹⁶⁶ Юренева Т.Ю. Указ. соч. – С. 207.

создать вокруг привезённых им подлинных жилищ ремесленников естественную природную среду, поскольку, согласно, его концепции, «постройки, рельеф местности и окружающая флора должны были составлять в музее единое целое»¹⁶⁷. Так же делал и Поливанов, только ничего свозить ему не пришлось – всё оказалось на месте.

В какое бы время года ни приходилось ехать по дороге, ведущей от Симбирска на юго-запад губернии к небольшому городку Барышу, подъезжая к Акшуату, невозможно не отметить необыкновенной красоты этих мест. Лента дороги (ныне – асфальтированной) плавно огибает поросшие лесом холмы, спускается в низины. Но вот дорога взбегают на пригорок к околице села, и вплотную к ней подступает могучий сосновый бор, образуя живые своды рукотворного музея – храма природы и науки. Стройные сосны взметнули свои вершины на тридцатиметровую высоту. Воздух напоён смолистым ароматом, чист и прозрачен. Колонны исполинских деревьев стоят идеально выровненными рядами, как воины в парадном строю: на строго определённом расстоянии друг от друга, ряды просматриваются во всех направлениях. Видно, что этот лес возник не естественным путём. Этот, как сейчас бы сказали, ландшафтный музей-заповедник оставил своим потомкам Владимир Николаевич Поливанов, бывший высокообразованным общественным и государственным деятелем и крупным землевладельцем (9 тысяч десятин земли в Симбирской и Казанской губерниях). Он окончил юридический факультет Императорского Казанского университета. Занимал различные государственные и общественные должности. Круг его научных и художественных интересов был очень широк, и именно поэтому усадебный музей в Акшуте был комплексным, прямо связанный со всем укладом и хозяйством его имения, а также с невиданной красоты церковью Тихвинской иконы Божьей Матери, жемчужиной всей округи, непрестанно напоминавшей, что слово «акшут» в переводе с тюркского означает «святая вода». В Акшуте действительно до сих пор находится 22 природных источника, почитаемых в народе чудотворными. Особенность разрушенного в 1964 году храма была в том, что расписывал его бывший крепостной Поливановых, симбирский художник Василий Григорьевич Худяков (1826—1871), с работ которого начиналась не только усадебная художественная коллекция, но и ГТГ.

Здесь на 4755 десятинах земли под руководством Владимира Николаевича велось высокодоходное многоотраслевое сельскохозяйственное производство, работали кирпичный и винокуренный заводы. В 80-е годы XIX века он всерьёз занялся лесоразве-

¹⁶⁷ Юренева Т.Ю. Указ. соч. – С. 208.

дением. За период с 1882 по 1907 год на его землях было создано 325 десятин насаждений сосны, лиственницы и ели, в основном на развеваемых песках. История их создания, применявшиеся способы лесовыращивания представляют большой интерес не только для специалистов-лесоводов, но и для широкого круга людей, интересующихся природой. В условиях Симбирской губернии это были первые опыты защитного лесоразведения, в результате очень удачные. О том, как всё это рукотворное природное «чудо» создавалось, сохранилось письменное свидетельство самого Поливанова. В 1908 году в Симбирске им была издана книга «Двадцатипятилетие Акшутского лесоразведения в Симбирской губернии (1883—1908). Опыт лесоводственного отчёта». Говоря о том, что побудило его заняться лесоразведением, Владимир Николаевич отмечал: «...Желание разводить лес у меня явилось отчасти вынужденным и вот почему. Юго-западная часть Карсунского уезда, где находится моё имение, представляет до сих пор обширную площадь сосновых лесов». И далее он пишет, что заманчивая перспектива засеять пустоши разжигала хищнические инстинкты населения без всякого разбора и заботы о будущем. Так в этой местности появилось немало оголённых холмов, некогда покрытых густым лесом, истощённых, покинутых залежей и громадных пустырей. «Возле моего бора, – вспоминал Поливанов, – образовалась площадь до 50 десятин песчаной лысины, которая, прилегая к недурному пахотному полю, окончательно погубила его производительность. Я оказался вынужденным принять радикальные меры против наступательного движения песков». Испробовав самые различные способы борьбы с развеванием песков, оказавшиеся неудачными, он остановился на лесоразведении. «В августе 1882 г. я приступил к облесению песчаной площади и в первую же осень засадил около 5 десятин»¹⁶⁸. Посадки производились дичками, взятыми у опушек ближайших сосновых рощ. Так начались работы, в результате которых были созданы знаменитые своей красотой поливановские боры. В последующие годы в урочище Колок был заложен древесный питомник, а также опытные плантации древесных пород – экзотов. Были высажены саженцы сосен – веймутовой, жёлтой и горной, лиственниц – сибирской и европейской, елей – европейской, белой и Энгельмана, туи гигантской и других деревьев.

Владимир Николаевич поддерживал творческие связи с выдающимися деятелями лесоводства своего времени, в частности с профессором И.К. Турским, от которого

¹⁶⁸ Цит. по: Поливанов В.Н. Двадцатипятилетие Акшутского лесоразведения в Симбирской губернии (1883—1908): Опыт лесоводственного отчёта. – Симбирск, 1908. – 23 с.

получил в 1886 году семена ели. Успехи Поливанова в лесоразведении были по достоинству оценены современниками. Ему дважды присуждали премии и золотые медали министерства государственных имуществ (в 1894 и 1903 годы). После 1917 года принадлежащие ему лесные земли вошли в состав Государственного лесного фонда Акшутского лесничества Барышского лесхоза. Так созданные Поливановым лесные насаждения были бережно сохранены и приумножены, его опыт не пропал даром. В окрестностях села Акшут произведены посадки новых лесных насаждений на сотнях гектаров. Неотъемлемая часть его усадьбы – урочище Колок, в котором располагались бывшие питомник и древесная школа, общей площадью 63 га, в 1976 году объявлено памятником природы «Акшутский дендропарк». Кварталы с участками лесных культур, созданных самим Поливановым, отнесены к категории «лесов научного и исторического значения» и таким образом были вторично музеефицированы уже в наше время. Здесь проводятся областные и региональные семинары, симпозиумы лесоводов, учёных-селекционеров, ведутся исследовательские работы по вопросам защитного лесоразведения и интродукции древесных пород. Эти объекты по-прежнему представляют большой интерес для туристов и экскурсантов. И напутствием на будущее не только лесоводам, но и другим работникам сельского хозяйства, образования и культуры остались слова Владимира Николаевича: «Достигнутые мною результаты двадцатипятилетней лесоводной практики, несмотря на случайные разочарования, настолько укрепили во мне сознание в глубоком значении этого дела, в доступности его ведения для каждого сельского хозяина и лесовладельца, что я горячо советую каждому из них заняться разведением леса. В этом труде, кроме материальной пользы, они найдут источник эстетического и морального удовлетворения»¹⁶⁹.

Именно эти мотивы – «эстетические» и «моральные» – двигали им, когда он созидал свой частный усадебный музей в ландшафтном пространстве дендропарка, являвшегося его неотъемлемой частью. Официальный год основания Акшутского музея – 1890-й, хотя составлять свои коллекции Владимир Николаевич начал лет на двадцать раньше¹⁷⁰. Это был первый в губернии частный музей. Для размещения геоло-

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ В 1871 году он поступил в Канцелярию Комитета министров, но вскоре оставил государственную службу и посвятил себя земскому делу. С 1875 года неоднократно утверждался почётным мировым судьёй по Карсунскому и Симбирскому уездам. С 1898 года и до конца жизни был Симбирским губернским предводителем дворянства и с этого же года – председателем Симбирского общества сельского хозяйства. В 1906 году Симбирским чрезвычайным губернским земским собранием был избран членом Государственного Совета от земства. Был членом-корреспондентом Французского и Бельгийского археологических обществ, почётным членом Санкт-Петербургского Археологического института и других научных обществ и установлений.

гических и археологических коллекций было выстроено специальное здание, напоминающее античный храм. Художественные коллекции, включая собрание гравюр и коллекцию восточной керамики¹⁷¹, библиотека, собрание рукописей и автографов замечательных лиц находились в барском доме, построенном ещё в 1792–1795 годах. В «Каталоге музея В.Н. Поливанова», выпущенном в Симбирске в 1909 году, упоминаются письма и автографы Виктора Гюго, Жорж Санд, Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.М. Языкова, Н.В. Гоголя. К наиболее ценным произведениям изобразительного искусства в собрании Поливанова можно отнести работы западноевропейских мастеров XVI–XVIII веков – Гельдорна Горциуса, Яна Давида де Хеми, Никола Ларжильера, известных русских художников XIX века – М.К. Клодта, Ю.Ю. Клевера, А.Ф. Писемского, И.И. Левитана. Значительный интерес представляло собрание произведений симбирских художников – В.Г. Худякова, В.Т. Тимофеева, М.Ф. Каврайского и других. Несомненно, значительное место занимали реликвии старинного дворянского рода Поливановых. Его дед, сенатор Иван Петрович Поливанов в августе 1812 года сумел вывезти из Москвы в Коломну, а затем и в Нижний Новгород сокровища Оружейной Палаты. Отец, Николай Иванович, служил на Кавказе, был близко знаком с М.Ю. Лермонтовым. Владимир Николаевич был единственным сыном и наследником Н.И. Поливанова, фамильное собрание и состояние которого он не только не растратил, но и существенно преумножил. Он был женат на Марии Николаевне Языковой, внучатой племяннице поэта Н.М. Языкова¹⁷².

Исследователи наследия Поливанова (например, М.И. Бузоверов и А.В. Вискалин) справедливо полагают, что именно с открытия частного усадебного музея в Акшуте в 1890 году его увлечение археологией приобретает профессиональный характер. Дополнительным толчком к этому становятся раскопки Муранского могильника, сыгравшие заметную роль в судьбе Поливанова. Могильник был открыт поблизости от сызранского поместья Поливановых в результате земляных работ по устройству плотины и сразу стал объектом пристального внимания Владимира Николаевича. Начиная с 1890 года, он уже проводит здесь раскопки, получив для этого официальное разрешение – Открытый лист от ИАК. Только за первый полевой сезон на могильнике им было вскрыто 324 могилы, из которых добыто «1400 предметов, исключая бу-

¹⁷¹ Воронова И.А. Указ. соч. С. 125–127.

¹⁷² Дети Владимира Николаевича и Марии Николаевны Поливановых: Людмила Владимировна, в замужестве Коптева (1883—?); Николай Владимирович (1886—?); Александр Владимирович (1890—?). В 1918 году Поливановы эмигрировали во Францию, в Ниццу.

сы»¹⁷³, многие из которых образовали костяк археологического собрания усадебного музея. Крупномасштабные раскопки им велись с привлечением 280 рабочих, нанятых на средства Удельной конторы, в соответствии с принятыми в то время методическими рекомендациями. И не удивительно, что в том же 1890-м году результаты раскопок привлекают внимание участников VIII Археологического съезда, в том числе и присутствовавшего на нём известного французского археолога, искусствоведа, лекционера и путешественника барона Иосифа Августовича де Бая (1853—1931)¹⁷⁴. В 1892 году выставка предметов из могильника демонстрируется в Москве перед участниками Международного конгресса антропологов, этнографов и археологов. На этом конгрессе Поливанов выступает уже не просто как докладчик, а как член организационной комиссии, что, безусловно, указывает на рост его научного и общественного авторитета. В 1894 году совместно с И.А. де Баем он готовит сообщение о муранских древностях на Конгрессе ориенталистов в Женеве. Своеобразной кульминацией муранской «археологической эпопеи» становится появление нескольких публикаций на тему раскопок могильника в зарубежной научной литературе. В России предварительная публикация по Муранскому могильнику появляется в «Известиях Казанского общества археологии, истории и этнографии» за 1893 год. В 1895 году Поливанов завершает итоговый труд под названием «Муранский могильник», увидевший свет в 1896 году в Москве. И хотя данная работа не велика по объёму, но она отвечает научным требованиям того времени и может рассматриваться как несомненное свидетельство возросшего профессионализма его автора, выполнившего к тому же полное описание собранной археологической коллекции¹⁷⁵. В некоторых определениях прослеживается «экспозиционная» образность, характерная для исследователя, представившего в музейном пространстве результаты своего труда. Например, одно из муранских погребений Поливанов назвал «могилою всадника». Он отметил его особенность, которая заключалась в том, что над гробницей было открыто довольно много лошадиных костей, а при костяке, кроме кремня, огнива, двух татарских монет и двух

¹⁷³ Поливанов В.Н. Муранский могильник. — М., 1896. — С. 6.

¹⁷⁴ Таково написание его имени и отчества на русский манер. Полное имя — барон Амур Огюст Луи Жозеф Бертело де Бай. В конце XIX — начале XX века подолгу жил в России и не раз гостил у владельцев усадебных музеев, например, у графов Шереметевых в Остафьево и Михайловском, у князя П.А. Путятина в Бологом, у княгини М.К. Тенишевой в Талашкине. Следствием интереса барона к русской усадебной культуре явилась публикация пяти брошюр об усадьбах Вороново, Вязёмы, Гавронцы, Кусково и Остафьево в 1902–1909 гг. Учёный, просветитель и общественный деятель, он много сделал для того, чтобы открыть Россию французскому читателю. См.: Карнишина Л.М. Возвращаясь к напечатанному: барон Жозеф де Бай // Остафьевский сборник. — Вып. 9. — Остафьево, 2004. — С. 29–38.

¹⁷⁵ Вискалин А.В. Указ. соч. — С. 20.

колец – украшения конской сбруи и колокольчики. Здесь учёный зафиксировал связь археологии и этнографии, сверяя данные раскопок с бытовавшими в этих местах представлениями и обрядами: «Обычай класть в могилу любимые вещи покойного, в убеждении, что они ему понадобятся в будущей жизни, очевидно, был в полном ходу в XIV веке у народности, оставившей Муранский могильник»¹⁷⁶. Такой «этноархеологический» подход был большой редкостью в то время¹⁷⁷. Самую замечательную из шейных подвесок, найденных в одной из могил Муранского могильника, составлял золотой медальон подковообразной формы, длиною в 1½ вершка и весом 14⅓ золотников чистого золота. Находка этой крайне интересной вещи была сделана случайно в 1888 году, она была продана нашедшими её одному местному землевладельцу, у которого уже Поливанов её приобрёл и, понимая особую ценность находки, передал в дар Эрмитажу. С выходом публикации исследования Муранского могильника отнюдь не завершились. Ещё не менее четырёх полевых сезонов Поливанов провёл здесь, обнаружив и раскопав в общей сложности свыше 800 могил. Но даже и позже он не забывал могильник, постоянно возвращаясь к нему в своих планах и исследованиях. За годы раскопок Муранского могильника оформилось новое отношение Поливанова к археологии. Из сферы частного увлечения собирательством она превратилась в общественную деятельность, протекающую под эгидой созданной им вместе с П.Л. Мартыновым СГУАК, бессменным председателем которой он являлся первые 20 лет её существования. По решению этой организации издавались многие его труды, например, «Материалы к истории Симбирского дворянства 1781–1900» (Симбирск, 1900), II и III тома издания «Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца» (Симбирск, 1898 и 1902. Совместно с В.Э. Красовским) и др. Смысл и назначение археологических исследований Поливанова определились на первых заседаниях СГУАК. Это: **(а)** составление свода археологических памятников – «Археологической карты», **(б)** «изучение стадий развития человечества» и **(в)** выяснение этногенеза проживающих на данной территории народов¹⁷⁸. Актуальность задач, поставленных более 100 лет тому назад, сохраняется и сегодня.

Поливанова интересовали разнообразные памятники археологии: стоянки неолита и курганы бронзового века, средневековые селища и городища, отдельные местона-

¹⁷⁶ Поливанов В.Н. Указ. соч.

¹⁷⁷ Он был свойственен ещё одному его коллеге по Археологическим съездам, в дальнейшем другу, князю П.А. Путятину (об этом см. ниже, в третьей главе настоящего исследования).

¹⁷⁸ Отчёт о деятельности СГУАК за 1902 год. – Симбирск, 1903. – С. 6.

хождения и грунтовые могильники. В ходе археологического изучения Симбирского края Поливановым и его единомышленниками были совершены многочисленные археологические «экскурсии» по губернии и её окрестностям: в Коржевку, Сабанчеево, Кременки, Старую Майну, Старо-Тимошкино, Архангельское, Пальцино, Сосновку, Гулькино, Хрящевку, Болгары. Во время этих экспедиций проводились детальные разведки и обследование археологических памятников, нередко с применением раскопок. Начиная с 1895 года, особой заботой В.Н. Поливанова стало обобщение имеющихся сведений и создание «Археологической карты Симбирской губернии» – задача не из лёгких, учитывая чрезвычайно слабую исследованность края и отсутствие квалифицированных научных кадров. Однако задача сбора первичной информации решалась в этих условиях успешно. Посредством широкого опроса общественного мнения через специальные листы-анкеты, высылаемые наиболее компетентным и известным людям в уездах, а также во все без исключения волостные управы, создавался внушительный банк данных, лёгший в основу «Археологической карты Симбирской губернии»¹⁷⁹. Это издание вышло в свет в Симбирске в 1900 году и было представлено на XII Археологическом съезде в Харькове (1902)¹⁸⁰. «Археологическая карта» – одно из любимых детищ Поливанова, предмет его заслуженной гордости¹⁸¹. Она впервые ввела в научный оборот обширный археологический материал, выстроила и описала его по наиболее совершенной для того времени «французской» методике¹⁸². Труд не утратил своего значения и сегодня, поскольку за прошедшие 100 лет другого подобного издания выпущено не было. В этом своде памятников среди источников, послуживших к его составлению, неоднократно упоминается «Музей в с. Акшуате, Симбирской губернии, Карсунского уезда, В.Н. Поливанова». Были перечислены места находок и сами предметы, пополнившие археологическую коллекцию Акшутского усадебного музея. Вот только некоторые примеры.

Деревня Новое Алекино Симбирского уезда Симбирской губернии. «Местные крестьяне в валу и городке находят много железных обломков холодного оружия, наконечников стрел, копий, кос, топориков и секир. Часть этих находок в 1878 году была приобретена В.Н. Поливановым для его музея» (с. 7–8).

¹⁷⁹ Вискалин А.В. Указ. соч. – С. 21.

¹⁸⁰ Отчёт о деятельности СГУАК за 1902 год. – Симбирск, 1903. – С. 6.

¹⁸¹ Поливанов В.Н. Археологическая карта Симбирской губернии. – Симбирск, 1900. – 73 с.

¹⁸² Имеется в виду методика парижской палеоэтнологической школы, основанной Габриелем Мортилье.

Село Ключищи Симбирского уезда Симбирской губернии. «Около с. Ключищи, с правой стороны большой почтовой дороги к Симбирску, есть признаки могильника. Несколько лет тому назад В.Н. Поливанов исследовал это место и нашёл орнаментированные черепки глиняной посуды и обожжённые кости животных. Коллекция здесь найденных черепков хранится в музее Симбирской Учёной Архивной Комиссии» (с. 12).

Село Кайбала Ставропольского уезда Самарской губернии. «Близ села Кайбалы, на левом берегу Волги, есть городище. Раскопки, произведённые здесь В.Н. Поливановым, открыли много старинной утвари, кремневых орудий, черепков глиняной посуды, обожжённых костей, каменных изделий, железной изгари и проч.» (с. 19).

Село Кивать Сенгилеевского уезда Симбирской губернии. «В селе Кивати найдена была железная кольчуга, которая хранится в музее В.Н. Поливанова (в с. Акшуате)» (с. 23).

Село Сабанчеево Алатырского уезда Симбирской губернии. «В селе Сабанчеево, на песчаном бугре, около церкви открыт в 1896 году мордовский могильник XVII века, исследованный г. Поливановым. В могильнике были найдены: бусы, медные и серебряные монеты, раковины (сургеа), пряслицы, серебряные и медные перстни, кольца, браслеты, броши-сюльгамы из сплава и другие предметы женских украшений, а также глиняные горшки. В четырёх верстах от села Сабанчеева находится мордовский могильник, который носит и до сих пор название “Калмо-Чамо”, что значит “могильный склон”. Могильник в 1896 году был исследован г. Поливановым. Произведённая раскопка обнаружила погребения на большой глубине в гробах с остатками угля и золы. В одной из могил было найдено медное плоское кольцо. Близ села Сабанчеева найдены были интересные бронзовые и медные вещи: три кельта, украшенные городчатым орнаментом и снабжённые ушками; два пластинчатых наконечника копья: наконечник копья пламевидной формы с вырезами и широкой втулкой; два ножа или кинжала; интересная большая булава с головкой из пластинчатой спирали типа, известного из находок бронзового века в Западной Европе, и гладкий проволочный предмет в виде браслета со спиральными завитками на концах; кроме того, медная полая рукоятка, орнаментированная штрихами в клетку, и здесь от сабли, которую можно отнести к IX–X векам, известного кавказского типа» (с. 49).

В предисловии к «Археологической карте» Поливанов писал: «До конца второй половины текущего столетия Симбирская губерния разделяла общую участь нашей восточной окраины, представляя с археологической стороны почву малоисследованную. Пробуждение в этом отношении интереса, несомненно, принадлежит IV Всерос-

сийскому археологическому съезду в Казани и его руководителю незабвенной памяти графу А.С. Уварову. С тех пор изучение культуры среднего Поволжья успело уже принести свои плодотворные результаты, и труды местных учёных, общества и комиссии, несомненно, содействовали некоторому выяснению прошлого этого края. Очевидно, на этом никакая археологическая карта остановиться ещё не может, и пополнения её возможны с каждым годом. Настоящая попытка собрать археологические памятники одной из приволжских губерний и тем внести посильную лепту к составлению будущей археологической карты России составляет цель настоящего издания. Составитель, помня вызванный в нём живой интерес к родной старине археологическим съездом, на котором он в первый раз имел честь присутствовать, решается, как дань своей глубокой признательности, посвятить этот труд тому же учёному собранию в Харькове»¹⁸³. Именно, «живой интерес к родной старине» двигал Владимиром Николаевичем в его многолетнем труде по созданию и пополнению общедоступного усадебного музея, обрамлённого в такую изысканную «оправу», как «Акшутское лесоразведение» – знаменитый Поливановский бор и Акшутский дендропарк. Многолетние систематические научные исследования Поливанова не остались незамеченными и в столичных научных кругах. ИАК неоднократно обращалась к нему с просьбой возглавить раскопки курганов в тех или иных регионах Поволжья. Будучи человеком, занятым общественной работой, и особенно на склоне лет Владимир Николаевич не всегда лично участвовал в археологических «экскурсиях», но совершенно очевидно, что инициатива большинства из них принадлежала лично ему. Убедительным примером неугасимого пристрастия к археологии становятся раскопки Майнского могильника в 1914 году, произведённые Поливановым на вершине его общественной славы и положения и всего за год до смерти¹⁸⁴.

Исследователь наследия Поливанова А.В. Вискалин отмечает именно комплексный характер музееведческой деятельности Владимира Николаевича, пополнявшего свой усадебный музей и созданный им городской музей СГУАК собранными со всего мира древностями и предметами декоративно-прикладного искусства Китая, Японии¹⁸⁵, Древнего Египта, Неаполя, Херсонеса, Ольвии, Болгар, не говоря о великолепии

¹⁸³ Поливанов В.В. Указ. соч. – С. 3–4.

¹⁸⁴ Отчёт о деятельности СГУАК за 1914 год. – Симбирск, 1915. – С. 6.

¹⁸⁵ В фондах Ульяновского областного художественного музея до наших дней сохранилось 54 произведения восточной керамики из собрания В.Н. Поливанова, из них китайских – 35, японских – 19, а большая часть –

ной коллекции находок из Муранского могильника, где было «добыто очень много различных предметов старины, как то: шейных, ручных и поясных украшений, домашней утвари, оружия, монеты и проч., всего свыше 2000 номеров»¹⁸⁶. Комплексный характер усадебного музея в Акшуте помогал познать мир и себя, родную культуру и природу, способствовал развитию науки региона, в частности археологии и биологии. Этот музей был ликвидирован в 1917–1918 годы, часть его коллекций теперь хранится в музеях и библиотеках Ульяновска, Санкт-Петербурга и других городов. О бывшем здесь когда-то усадебном музее-заповеднике напоминает хозяйство Акшутского дендропарка, а также небольшой «Комплексно-краеведческий музей Акшутской средней школы», открытый в 1982 году¹⁸⁷ (см. Прилож. 1, *рис. 12*: фрагмент экспозиции). Коллекция школьного музея состоит на учёте в Областном краеведческом музее, школьные учителя и их воспитанники собрали богатый материал о семье Поливановых, в фондах музея хранятся их раритеты, в том числе Поливановский фотоальбом, представляющий зримо то чудо, которое мы потеряли.

К комплексным усадебным музеям следует отнести и своеобразный «музейный заповедник», который построили в своей усадьбе Михайловское Подольского уезда Московской губернии историк, почётный член Санкт-Петербургской Академии наук, председатель Общества любителей древней письменности (с 1888 года), член-учредитель Русского генеалогического общества (с 1897 года), адъютант и личный друг Александра III, граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844—1918), купивший эту усадьбу в 1870 году, и его супруга графиня Екатерина Павловна Шереметева, урождённая княжна Вяземская, «возлюбленная внучка» поэта П.А. Вяземского¹⁸⁸. Созданный здесь естественнонаучный музей, сосредоточивший в своих стенах экспонаты всей московской флоры и фауны, получил широкую известность ещё в 1900 году. Тогда он хранил более двух с половиной тысяч листов гербария, в котором было пред-

экспортная керамика второй половины и конца XIX века, хотя есть вещи и конца XVII – начала XVIII века. См.: Воронова И.А. Указ. соч.

¹⁸⁶ Поливанов В.В. Археологическая карта Симбирской губернии. – Симбирск, 1900. – С. 25.

¹⁸⁷ Здесь хранятся не только предметы быта – инкрустированные раковинами шкатулки и рамочки для фото, изящная плетёная мебель и уникальные, ни на что не похожие вышивки, но и музыкальные инструменты, письма, фотографии, кинодокументы, плакаты, а также различные материалы, посвящённые известным далеко за пределами малой родины акшутцам (например, агроному и почвоведу, академику АН СССР (1932) и ВАСХНИЛ (1935) Николаю Максимовичу Тулайкову (1875—1938), чья жизнь оборвалась в период сталинских репрессий). Руководит музеем Вера Петровна Фомина. См.: Буганина И. Прикосновение к истории // *Мономах*: Ульяновский литературно-краеведческий журнал. – Ульяновск, 2005. – № 1 (40). – С. 23–24.

¹⁸⁸ Её портрет, выполненный в 1877 году К.Е. Маковским, ныне хранится в московском музее-усадьбе Останкино. Воспроизведён: *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.* ... – С. 452.

ставлено более пятисот видов растений. При усадьбе был создан ботанический сад с целью изучения флоры Московской губернии, а в парке – декоративный питомник с аллеями ценных пород деревьев: лиственницы, сибирской пихты, сосны, дуба. В том же Михайловском С.Д. Шереметевым было устроено книгохранилище, пристроенное к правому крылу главного усадебного дома (см. Прилож. 1, *рис. 13–14*). В эту библиотеку вошли книги трёх поколений Шереметевых, в частности, В.С., Б.С. и А.С., а также Д.Н., Н.П. и С.С. Шереметевых, библиотека писателя и поэта А.М. Жемчужникова, богатая книгами по искусству. В библиотеку С.Д. Шереметева вошла и часть книг языковеда С.А. Соболевского, приобретённых графом на аукционе в Лейпциге. В эту библиотеку присылали книги как частные лица, так и государственные учреждения. Для коллекции живописи в 1901 году в Михайловском была построена специальная картинная галерея между музеем и церковью. В церковной ризнице хранилось собрание икон и старинных предметов церковного обихода.

В 1905 году С.Д. Шереметев писал: «Обращаемое в заповедное Михайловское может ещё сослужить службу будущим поколениям»¹⁸⁹. Но в одном Михайловском Сергею Дмитриевичу было тесно. Его страсть к несению знания и просвещения в самые тёмные уголки российского общества искала и находила всё новые поприща для его музеетворческой деятельности, которую можно считать комплексной не только по методам организации музейного дела, но и по географии развития его музеев и тех объектов музейного значения, которые он спас от исчезновения (Фонтанный Дом в Санкт-Петербурге, Кусково, Остафьево и Михайловское в Московской губернии, Юрино в Нижегородской губернии и другие усадьбы).

Шереметевы продлили жизнь усадьбы Остафьево Подольского уезда Московской губернии – «Русского Парнаса» начала XIX века (см. Прилож. 1, *рис. 15*). С 1898 года, когда эта усадьба перешла в руки графа С.Д. Шереметева, она приобрела по-настоящему мемориально-музейное значение, хотя начало её музеефикации связано ещё с прежним владельцем, тестем С.Д. Шереметева, князем Павлом Петровичем Вяземским (1820—1888)¹⁹⁰. При его сыне князе Петре Павловиче Вяземском (1854—1931) «Остафьевский музей» пришёл в упадок¹⁹¹ и лишь покупка у последнего всего имения С.Д. Шереметевым спасла его от полного запустения. Ещё в 1889 году Сергей Дмит-

¹⁸⁹ Шереметев С.Д. Михайловское. – М.: Синодальная типография, 1906. – С. 45.

¹⁹⁰ Карнишина Л.М. Из воспоминаний // Остафьевский сборник. – Вып. 9. – Остафьево, 2004. – С. 119.

¹⁹¹ Ярцев А.А. Подмосковные прогулки. Подольск – Ивановское – Дубровицы – Остафьево / Сост. Н.М. Карнишина. – М.: Глобус, 2005. – С. 52–60.

риевич написал пронзительный очерк об Остафьеве с подробным описанием уже имеющихся музейных предметов, сосредоточенных в Карамзинской комнате (Прилож. 1, *рис. 16*), которая, по мысли Павла Петровича Вяземского, «должна была составлять музей предметов, являющихся дорогим воспоминанием» времени Пушкина и Карамзина, «и здесь им уже собрано было всё более ценное и любопытное»¹⁹². В мемориальной экспозиции усадьбы С.Д. Шереметев подчеркнул особое значение реликвий, связанных с именами Пушкина, Карамзина и других «столпов» отечественной культуры. Он сохранил и письменный стол Пушкина, и его трость, и чёрный двубортный жилет поэта, и пуговицу Ганнибала, принадлежавшую Петру I. «Остафьево, святилище поэта, и после его смерти остаётся неприкосновенным. У литературного прошлого здесь есть хранитель и страж, ибо для графа С.Д. Шереметева Остафьево дорого вдвойне», – писал в своей книге об усадьбе французский учёный барон И.А. де Бай¹⁹³. Сергей Дмитриевич широко отметил 100-летний юбилей Пушкина, открыв в 1899 году в Карамзинской комнате второй в России музей, связанный с именем великого поэта¹⁹⁴, и объявив тогда же весь усадебный дом общедоступным музеем. В 1911–1913 годах он установил в усадьбе несколько памятников, в частности, бюст А.С. Пушкина работы А.М. Опекушина, памятник В.А. Жуковскому, монументы, посвящённые памяти Н.М. Карамзина, П.А. Вяземского, П.П. Вяземского¹⁹⁵.

В восточном крыле дворца располагалась библиотека в 38 тысяч томов. Многие залы были заняты коллекциями русской и западноевропейской живописи. Картинная галерея насчитывала более шестисот живописных полотен западноевропейских и отечественных мастеров. Украшением музея стало одно из крупнейших в России собраний гравюр XV–XIX веков, насчитывающее до десяти тысяч листов, в том числе такие уникалы, как гравюры Шонгауера, Дюрера, Гольбейна Младшего, архитектурные композиции Пиранезе. Кроме того, здесь были сосредоточены прекрасно подобранные коллекции художественного стекла и фарфора, различного рода осветительных устройств (от крестьянских светцев для лучин до дворцовых хрустальных люстр), образцов мебели, старинного оружия. Итогом трудов Сергея Дмитриевича стало превра-

¹⁹² Шереметев С.Д. Остафьево // *Остафьевский сборник*. – Вып. 9. – Остафьево, 2004. – С. 126.

¹⁹³ Бай Ж., де Остафьево. Воспоминания о поездке // *Остафьевский сборник*. – Вып. 8. – Остафьево, 2002. – С. 97.

¹⁹⁴ Выборный В.Н. Остафьево – «Русский Парнас» (О реставрации усадьбы и развитии музея) // *Русская усадьба: Сборник ОИРУ*. – Вып. 6 (22). – М.: Жираф, 2000. – С. 398.

¹⁹⁵ Вергунов А.П., Горохов В.А. Русские сады и парки. – М.: Наука, 1988. – С. 207–208.

щение Остафьева в первый в России государственный музей-заповедник. В 1903 году последовал правительственный указ, объявлявший усадьбу заповедным местом¹⁹⁶.

Сын Сергея Дмитриевича, граф Павел Сергеевич Шереметев (1871—1943) всю жизнь был тесно связан с отцовской усадьбой и вырос достойным продолжателем его дел. Ещё будучи студентом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, он помогал отцу разбирать и обрабатывать Остафьевский архив князей Вяземских, вёл большую работу по подготовке экспозиций в залах усадебного музея. П.С. Шереметев подолгу жил в Остафьеве, где у него были комнаты в западном флигеле усадебного дома. Здесь он рисовал, занимался исследовательской работой. К 1911 году им была подготовлена и издана книга «Карамзин в Остафьеве»¹⁹⁷. По роду своей деятельности предводителя дворянства подмосковного Звенигородского уезда ему постоянно приходилось бывать в помещичьих усадьбах, знакомиться с усадебным хозяйством и культурными богатствами. Между тем, к началу XX века многие старинные родовые дворянские усадьбы переходили из-за долгов и неумения вести хозяйство современными методами в посторонние руки, и чаще всего в руки представителей «третьего сословия». Новые владельцы порой не понимали уникальность доставшихся им усадебных комплексов и не горели желанием сохранять «старину». Нависла реальная угроза утраты целого пласта истории русской культуры и быта, причём не только в Подмосковье. Это серьёзно беспокоило многих учёных, деятелей культуры, самих помещиков и отчасти – правительство. Так, в стенах Государственной Думы в 1911 году активно обсуждался проект Закона об охране памятников старины, который так и не был принят. На страницах журналов «Мир искусства», «Старые годы», «Столица и усадьба» и других в начале XX века появилось множество публикаций об истории сотен старинных усадеб, в том числе музейного значения и профиля.

П.С. Шереметев активно включился в работу по сохранению русской усадебной культуры. В 1901 году он вместе с группой единомышленников предложил широкой общественности начать работу по описанию наиболее значимых в историко-художественном отношении усадеб. Наиболее интересные описания предполагалось впоследствии издать. Формулируя задачу своего научно-издательского проекта «Русские усадьбы» (1903) он писал: «...Подобное издание особенно дорого <...> в переживаете-

¹⁹⁶ Полунина Н., Фролов А. Указ. соч. – С. 157.

¹⁹⁷ Шереметев П.С. Карамзин в Остафьеве: 1811—1911 / Репринтное воспроизведение издания 1911 г. – М.: Новый Ключ, 2003. – 168 с.

мое ныне время хронического недомыслия и повторяющихся недоразумений. Причина таковых – малое знакомство с Россией, скудное или одностороннее знание особенностей нашей земли и <...> стадное увлечение в поклонении чужим кумиром...»¹⁹⁸. Своё согласие работать в этом направлении дали такие известные историки, деятели культуры и просвещенные любители старины как Н.П. Лихачёв, А.П. и Н.П. Барсуковы, Н.В. Султанов, Н.З. Панов, граф Ю.А. Олсуфьев, князь Н.В. Голицын, князь Д.Д. Оболенский, граф С.Д. Шереметев и некоторые другие, в том числе создатели и попечители частных музеев. Издавать книги граф Павел Сергеевич предполагал тиражом в 200–500 экземпляров за свой счёт, и окупать затем издержки за счёт распродажи тиража изданий¹⁹⁹. В 1912 году в Петербурге вышла первая книга из задуманной серии. Она была посвящена родовой усадьбе князей Голицыных Покровское в Звенигородском уезде. Автор книги – князь М.М. Голицын, генерал-адъютант, гофмейстер двора великого князя Владимира Александровича, один из членов-учредителей Историко-родословного общества в Москве и родной брат тогдашнего владельца усадьбы²⁰⁰. В 1916 году в Петрограде вышла книга самого П.С. Шереметева «Вязёмы»²⁰¹. Автор тщательно изучил богатый усадебный архив, документы в государственных архивах, что позволило ему написать подробную историю этой замечательной подмосковной усадьбы (ныне – Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина «Усадьба Вязёмы»). Павел Сергеевич подготовил к печати и уже сдал в типографию ещё одну книгу этой серии – «Льгов» (или «Ольгово»). Книга не увидела свет в связи с событиями революции, но в шереметевском фонде РГИА сохраняются черновые материалы, негативы иллюстраций к этой книге, которая должна была воссоздать историю интереснейшей подмосковной усадьбы, известной с начала XVII века, принадлежавшей сперва роду дворян Чаплиных и Соймоновых, но особен-

¹⁹⁸ РГИА, ф. 1088, оп. 2, д. 444, л. 1.

¹⁹⁹ Там же, л. 6, 8.

²⁰⁰ Покровское известно по документам с XVI века как вотчина князей Прозоровских, которая в 1720 году в качестве приданого отошла в род Голицыных. В книге подробно рассказано о владельцах, об истории строительства усадебных построек, описано убранство дома с родовым архивом, портретами, библиотекой и прочими реликвиями. Она прекрасно иллюстрирована – приведены планы, виды дома, интерьеров, снимки с портретов и документов. Это было одно из лучших отечественных изданий такого рода, обозначившее серьёзное отношение к делу инициаторов проекта.

²⁰¹ Это старинное подмосковное село принадлежало боярам Годуновым, затем стало царской вотчиной, а с конца XVII века перешло во владение князей Голицыных – той ветви рода, к которой принадлежала княгиня Наталья Петровна, прототип пушкинской «Пиковой дамы». Затем Вязёмами владели её сын Дмитрий Владимирович, московский генерал-губернатор, получивший титул Светлейшего князя, и его потомки. Графы Шереметевы состояли в родстве с владельцами Вязём; Сергей Дмитриевич и Павел Сергеевич нередко там бывали. Книга об этой усадьбе тоже была сделана на хорошем научном и полиграфическом уровне.

но прославившейся при Апраксиных, которые владели ею с 1735 года²⁰². В том же архивном фонде сохраняются подготовительные материалы к монографии о шереметевской родовой усадьбе Уборы в Звенигородском уезде и наброски ещё нескольких книг о коломенских шереметевских вотчинах Подмосковья под общим названием «Родовая круговина».

Для того чтобы привлечь как можно больше энтузиастов к изучению и описанию усадеб, членами вышеупомянутой творческой группы «Русская усадьба» была составлена специальная анкета из 12 пунктов, которая распространялась среди владельцев усадеб через дворянские депутатские собрания и земство. Вопросы были составлены таким образом, что, ответив на них, заинтересованный помещик или любой другой любитель «поместной старины», составлял своего рода историческую справку. В бумагах П.С. Шереметева²⁰³ хранятся десятки ответов на вопросы этой анкеты. Они содержат богатый фактический материал о многих усадьбах Центральной России, который практически неизвестен современным «усадьбововедам». В наши дни этот усадебный «материк» Шереметевых был заново открыт Аллой Владимировной Краско, вице-президентом Русского генеалогического общества. Анкета П.С. Шереметева получила в начале XX века широкий общественный резонанс. Так, новгородские любители и знатоки сумели под руководством И.В. Аничкова собрать материал по истории 69 помещичьих усадеб, опубликовав собранные данные в книге «Исторический обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии» (вышло два издания). В 1917 году появилась книга «Старинные усадьбы Харьковской губернии», в которой опубликованы описания нескольких десятков интересных усадеб шести уездов губернии, обследованных перед самым началом войны Богодуховским уездным предводителем дворянства графом Н.В. Клейнмихелем, инициатором всего замысла, и архитектором и искусствоведом Г.К. Лукомским. Так в комплексных по своей сути усадебных музеях графов Шереметевых начиналась целенаправленная и комплексная научная работа по изучению культурного наследия русской усадьбы.

Возвращаясь к судьбе усадебного музея в Остафьево, отметим, что он продолжал своё существование и после революции. П.С. Шереметев получил «охранную грамоту» от новой власти и стал заведующим Музеем-усадьбой Остафьево. До осени

²⁰² Краско А.В. «Он жил жизнью, отдалённой от повседневности, погружённый в занятия историей...». П.С. Шереметев // *Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета*. – Т. I. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2002. – С. 254.

²⁰³ РГИА, ф. 1088, оп. 2, д. 361.

1929 года Павел Сергеевич с женой Прасковьей Васильевной (урождённой княжной Оболенской), сыном Василием и матерью Екатериной Павловной жил в усадьбе, был хранителем художественно-исторических ценностей Остафьева. Всё то время, пока музей в Остафьеве был открыт, Павел Сергеевич работал над описанием его обширных и разнообразных коллекций. В 1927 году был издан без указания автора написанный П.С. Шереметевым путеводитель по музею. Подготовлен к изданию VI том Остафьевского архива князей Вяземских. Однако в июне 1928 года бывший граф был уволен из музея, а осенью 1929 года выселен из Остафьева. В 1930 году уникальное собрание было рассредоточено по различным музеям, а в 1931 году Остафьево из заповедного Музея-усадьбы преобразовано в обычный дом отдыха. Теперь в Остафьеве снова музей (открыт для посетителей с 1989 года). Но большинство некогда принадлежавших музею вещей так и не вернулось на своё место.

Как видим, в комплексных усадебных музеях природа и хозяйство особенно явно накладывали отпечаток на облик музея, стиль его экспозиции и предметный подбор экспонатов. Истории Акшутского дендропарка В.Н. Поливанова, этого рукотворного «храма природы и науки», и шереметевских Михайловского и Остафьева показали, что усадебный музей – это не только «Дом Муз», это и «Парк Муз», «Озеро Муз», «Аллея Муз», «Поле Муз». В усадебных музеях воспитывалась в человеке «нравственная оседлость» (выражение академика Д.С. Лихачёва), навсегда запечатлевалась в сознании окружающая человека красота, рождалось ощущение себя в среде культуры как начало созидания, преобразования²⁰⁴. Как справедливо отметил отечественный страновед А.А. Григорьев, все музейные усадьбы концентрировали наследие «не только культурное, но и природно-культурное»²⁰⁵.

На рубеже XIX–XX веков как комплексные, так и профильные усадебные музеи становились местом собирания предметов материальной культуры, хранения крупных библиотек, формирования заповедных культурных мест. Особую роль в культурном пространстве усадьбы играл уникальный «опыт взаимодействия Музея и Храма»²⁰⁶, ярчайшими примерами которого были художественные храмы-музеи в

²⁰⁴ Мурашова И.И. Учебное пособие по локальной истории: опыт подготовки и преподавания // *Ладога и истоки Российской государственности и культуры* / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. – СПб.: Вести, 2003. – С. 358.

²⁰⁵ Григорьев А.А. Священные земли Озёрного края. – СПб., 2001. – С. 54.

²⁰⁶ Жилкин В.А. Взаимодействие Музея и Храма в культуре Серебряного века и современных условиях. Доклад на V Международной научно-практической конференции «Рериховское наследие» в 9–10 октября 2005 г. в СПбГУ// Рукопись в архиве МИСР.

имении князя А.А. Ширинского-Шихматова Островки и в усадьбе Е.С. Рахлина-Румянцева в Рютино. Как и любого другого, суть усадебного музея как «храма предков», как «школы сынов» была чрезвычайно важна в нравственной жизни человека, ибо, по Н.Ф. Фёдорову, «нарушение обязанности к музеям» должно считаться самым большим преступлением, а «основание музеев» – высшей добродетелью²⁰⁷.

Духовным стержнем всех без исключения музейных усадеб был храм, чаще всего вновь выстроенный, бережно сохраняемый и украшаемый владельцами усадебного музея. Поэт Николай Гумилёв, чьё знание российской усадьбы было отнюдь не поверхностным (он знал её по тверским имениям Борисково и Слепнёво), в стихотворении «Старые усадьбы» (1913) отразил роль храма и иконы в усадебной России:

Порою крестный ход и пение,
Звонят во все колокола,
Бегут, – то, значит, по течению
В село икона приплыла²⁰⁸.

Как правило, роль хранителей усадебных сокровищ небезуспешно выполняли представители дворянского сословия (гораздо реже – купечества и крестьянства), сумевшие организовать, собрать воедино результаты творчества людей не только своего класса и своей страны, но и разных стран, сословий и происхождения²⁰⁹.

К началу XX века именно таким, одним из наиболее значительных и разнообразных по составу коллекций памятников культуры, крупнейшим «культурным центром усадебной галактики»²¹⁰ являлся комплексный по своему типу усадебный музей петербургского археолога, антрополога и коллекционера князя Павла Арсеньевича Путятина в Бологом.

²⁰⁷ Шляхтина Л.М., Мастеница Е.Н. Указ. соч. – С. 16.

²⁰⁸ Гумилёв Н.С. Стихи. Письма о русской поэзии. – М.: Художественная литература, 1989. – С. 193.

²⁰⁹ Вслед за А.И. Фроловым можно привести примеры музейных по своему значению и характеру бытования коллекций **в графских усадьбах**: Шереметевых (Куково и Останкино в Московской губернии), Уваровых (Карачарово Владимирской губернии), Брюсов (Глинка Московской губернии), Гудовичей (Введенское Московской губернии), Бобринских (Богородицкое Тульской губернии), а также **княжеских**: Голицыных и Юсуповых (Архангельское и Петрово-Дальнее Московской губернии), Барятинских (Марьино Курской губернии), Голицыных (Никольское-Урюпино Московской губернии), Глебовых-Стрешневых и Шаховских (Покровское-Стрешнево Московской губернии), Дондуковых-Корсаковых (Глубокое Смоленской губернии) и многих других. См.: Фролов А.И. Частные коллекции дворянских усадеб (вторая половина XIX – начало XX в.) // Русская усадьба: Сборник ОИРУ. – Вып. 2 (18). – М.: Жираф, 1996. – С. 73.

²¹⁰ Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв. ... – С. 476.

ГЛАВА 2. БОЛОГОВСКИЙ УСАДЕБНЫЙ МУЗЕЙ КНЯЗЯ П.А. ПУТЯТИНА КАК ЦЕНТР КУЛЬТУРЫ

2.1. Князь П.А. Путятин, его родственное окружение и бологовские усадьбы

Известный отечественный археолог, организатор исторической науки и музейного дела Александр Андреевич Спицын (1858—1931) написал в 1921 году в статье памяти учёного: «Мы недостаточно оценивали князя П.А. Путятин, потому что не доросли до него. После него остался ряд хороших, взвешенных статей, отличное собрание Бологовских и заграничных вещей, специальная библиотека, конечно, лучшая в России, фотографические снимки, переписка... Если он достиг такой завидной старости, то, конечно, благодаря своему ясному душевному настроению, не знавшему колебаний ни в политических, ни в религиозных взглядах. А как трогательно он чтит всех “подвижников науки”, как радовался успехам русской археологии, к подвижникам которой должен быть причтён и он сам»²¹¹. Эти слова, ставшие для нашего исследования своеобразным «камертоном», в полной мере характеризуют не только самого князя Павла Арсеньевича²¹² Путятин (1837—1919) (см. Прилож. 5, *рис. 36* и *37*), но и его усадебный музей, относящийся по составу коллекций и интересам владельца к музеям комплексного типа (см. Прилож. 2, *рис. 22*, № 1: местоположение). Отправной точкой для изучения музейного наследия князя Путятин стали старинные фотоальбомы и документы, сохранённые в семье его пасынка, петербургского музыканта Степана Степановича Митусова (1878—1942) (см. Прилож. 5, *рис. 37*). Эти, скромные на первый взгляд, материалы открыли целый ряд неизвестных страниц ис-

²¹¹ Спицын А.А. [Памяти князя П.А. Путятин] // *Российский Исторический Журнал* РАН. – Кн. 7. – Пг.: Государственное издательство, 1921. – С. 247–249.

²¹² В некоторых исторических документах отчество князя Путятин пишется как «Арсентевич» и «Арсентьевич». См. текст автографа князя П.А. Путятин в альбоме М.И. Семевского во втором параграфе второй главы и ответ РГИА № 1212 от 13 октября 1994 г. на запрос Бологовского совхоза-колледжа (подписали В.В. Лапин и Л.И. Сеницына; копия в архиве МИСР, фонд князя П.А. Путятин).

тории отечественной культуры. Время всех документов в Мемориальном собрании С.С. Митусова (далее – МСССМ): вторая половина XIX – первая половина XX века. Значительная группа фотодокументов – это чудом уцелевшие в лихолетьях XX века фотопортреты, аккуратно наклеенные на паспарту, иногда с тиснением и ретушью. Качество профессиональных оттисков поразительно: чёткость и изысканная художественность, почти утраченная в современных «кодаках». Другая группа фотодокументов – это пейзажные и интерьерные фотографии, выполненные любителями. Снимки более низкого технического уровня, многие из них побледили, треснули, имеют утраты фотографического слоя, которые, впрочем, ещё возможно восстановить с помощью новейших компьютерных технологий. По этим снимкам и фотопортретам началось воссоздание облика ныне безвозвратно утраченного усадебного музея.

Первым результатом исследования музейного и научного наследия Путятинна стала небольшая монография «Князь Павел Арсеньевич Путятин и его Бологовская усадьба»²¹³, в которой документы из МСССМ, других архивов и музеев, имеющие отношение к Путятину, были впервые представлены в форме своеобразной «виртуальной» экскурсии по бологовским путятинским владениям. Такая форма была выбрана отчасти и потому, что данная работа развивалась в беседах с внучкой княгини Е.В. Путятиной Людмилой Степановной Митусовой (1910—2004), хранившей живые свидетельства, как о самом князе, так и о его имении. Продолжая исследование²¹⁴, автор стремился воздать должное памяти этой выдающейся женщины, сохранившей наследие не только своих именитых предков, но и всех тружеников науки, деятелей искусства, музыкантов и других людей, с которыми её сводила судьба; ставшей уже в наши дни фактическим основателем МИСР, куда ею были переданы и все документы князя Путятинна и его родственников. В ближайшее родственное окружение князя Путятинна входили семьи и самой Людмилы Степановны, и Рерихов. Последние оставили о князе Путятине также немало страниц в своих воспоминаниях и архивах, поэтому их имена чаще других современников Путятинна возникают при изучении его жизни и творчества. Кроме Л.С. Митусовой, большую помощь в подготовке и осмыслении наследия князя Путятинна оказал старейший бологовский краевед Михаил Алексеевич Иванов.

²¹³ Мельников В.Л. Князь П.А. Путятин и его Бологовская усадьба. – СПб.; Вышний Волочёк: Ирида-прос, 2000. – 72 с.

²¹⁴ Мельников В.Л. Частные усадебные музеи конца XIX – начала XX века на примере музея князя П.А. Путятинна в Бологом: к постановке проблемы // *Триумф музея?* – СПб.: Осипов, 2005. – С. 432–455.

В своих воспоминаниях Людмила Степановна пишет о том, что её отец, С.С. Митусов, гордился тем, что благодаря ему художник Николай Константинович Рерих (1874—1947) (см. Прилож. 5, *рис. 41*) познакомился с его отчимом князем Путятиним, которого он рекомендовал как человека, интересующегося и занимающегося археологией. «Кроме того, – сообщает далее Л.С. Митусова, – князь Путятин любил и коллекционировал произведения искусства, главным образом, картины. У него была прекрасная библиотека. Знал астрономию, и вообще, был весьма образованным человеком»²¹⁵. Многочисленные исторические источники не только подтверждают эти слова, но и позволяют «откомментировать» их многочисленными примерами из сохранившихся описаний Бологовского усадебного музея. Даже самый беглый взгляд на библиографию работ князя Путятина позволяет судить о широте его научных и художественных интересов²¹⁶. Полная биография этого выдающегося учёного ещё не написана, что только усиливает значимость исследований о нём и его усадебном музее.

Князь Павел Арсеньевич Путятин, тридцать второе колено от Рюрика, происходит из русского княжеского рода (см. Прилож. 8, *рис. 58*: герб); родился 4 октября 1837 года, скончался 6 января 1919 года в Петрограде в больнице Общины Св. Евгении, что располагалась на углу Лиговского проспекта и улицы Некрасова. М.А. Иванов предположил, что он похоронен в Бологом в ограде Троицкой церкви²¹⁷, но документов, подтверждающих это сообщение, до сих пор не обнаружено²¹⁸. Возможно, князь Путятин нашёл упокоение на одном из кладбищ революционного Петрограда, однако сводный справочник-путеводитель «Исторические кладбища Петербурга» (1993) не содержит об этом никакого упоминания. По данным Х.П. Гребельского, родоначальником фамилии Путятиных был князь Иван Семёнович Младший Друцкой, по прозвищу Путята, живший в первой половине XV века, сподвижник великого князя Литовского Свидригайла (1355—1452), известный тем, что в 1422 году подписал трактат Литвы с крестоносцами²¹⁹. Другой исследователь, В. Безроднов, род князей

²¹⁵ Митусова Л.С. Указ. соч. – С. 13.

²¹⁶ Мельников В.Л. Князь П.А. Путятин и его Бологовская усадьба. – СПб.; Вышний Волочёк: Ирида-прос, 2000. – С. 51–59.

²¹⁷ Иванов М.А. Путятины. Кто они? // Новая жизнь. – Бологое, 1990. – 24 июля. – С. 3. Информацию о том, что «князь Путятин» похоронен в ограде храма, предоставляет и справочная система Тверской епархии.

²¹⁸ В метрической книге Бологовской Покровской церкви за 1919 год также нет записей о захоронении и смерти князя П.А. Путятина. См.: Багажова И.В., Иванов М.А., Полякова Л.А. Бологое на Валдае. – Бологое, 2005. – С. 74.

²¹⁹ Гребельский Х.П. Князья Путятины // Дворянские роды Российской империи. – Т. I: Князья. – СПб.: Вести, 1993. – С. 228.

Путятиных выводит из старшей ветви Стародубского княжеского дома²²⁰. Дед князя П.А. Путятин Степан Васильевич и его отец Арсений Степанович (1805—1882) были родом из Вышневолоцкого уезда Тверской губернии, где владели землёй²²¹. Окончили сухопутный шляхетский кадетский корпус. Его окончил и Павел Арсеньевич. По окончании кадетского корпуса он начинал службу юнкером в лейб-гвардии Финляндском полку, во время освобождения крестьян, состоя на военной службе, выполнял должность мирового посредника, потом служил на должностях Вышневолоцкого уездного предводителя дворянства, почётного и одно время участкового мирового судьи, в 1906 году вышел в отставку в чине действительного статского советника²²².

Дед Путятин и жена деда, Любовь Ивановна (в девичестве Милюкова), часто приглашали к себе в гости в Братское (родовое имение Путятиных), живущего неподалёку в сельце Тронихе и соседних деревнях Сливневе, Максихе, Микашихе и Сафонкове знаменитого художника, одного из основоположников русского бытового жанра Алексея Гавриловича Венецианова (1780—1847). В 1815 году художник написал известный портрет их дочери княжны Веры Степановны Путятиной, провинциальной барышни с книгой в руках (см. Прилож. 8, *рис. 60*). Писал он и портреты её братьев Платона и Арсения (см. Прилож. 7, *рис. 52 и 53*; Прилож. 8, *рис. 61*). С

²²⁰ Безроднов В. Родословие князей Стародубских и происхождение князей Путятиных (по материалам синодика князей Микитиничей-Головчинских) // *Генеалогический вестник*. – № 2. – СПб., 2001. – С. 30–34. Ср.: Винклер П.П., фон. Родословия Русского дворянства. Дворяне и графы Путятины. – СПб.: типография Э. Гоппе, 1895. – 19 с.; Маишафаров А.В., Шумков А.А. Князья Путятины // *Дворянский календарь*. – Тетрадь 2. – СПб., 1997. – С. 76–84.

²²¹ По данным справочника «Тверская усадьба» (Тверь, 2000), в Вышневолоцком уезде князю А.С. Путятину и его ближайшим родственникам принадлежали следующие имения и деревни: Братское в Поддубской волости, Михайловское и Манино в Макаровской волости, Горчи (Горчель) и Курская (Курск) в Доркской волости и «сельцо Старое». См. также: «Уведомление о продаже имения корнетши княгини Елизаветы Михайловны Путятиной Горчи и Курская, направленное Тверским губернским правлением губернскому предводителю дворянства». – 8 апреля 1854 г. // *ГАТО*, ф. 59, оп. 1, д. 3469, л. 10; «О продаже имения княгини Е.М. Путятиной Горчель и Курск в Вышневолоцком уезде» // *Тверские губернские ведомости*. – 1855. – № 16. – С. 191; № 17. – С. 207; № 18. – С. 220; № 28. – С. 347; № 29. – С. 359; № 30. – С. 368; 1859. – № 49. – С. 657; № 50. – С. 683; № 51. – С. 695; 1860. – № 50. – С. 670; № 51. – С. 683; № 52. – С. 700; «Описание имения Братское». – 1858 г. // *ГАТО*, ф. 148, оп. 1, д. 503. – 16 л.; «Описание имения Манино». – 1858 г. // *ГАТО*, ф. 148, оп. 1, д. 442. – 16 л.; «Прошение князя Сергея Александровича Путятин, направленное губернскому предводителю дворянства Б.В. Мещерскому, о назначении на должность посредника Общества взаимного поземельного кредита по Тверской губернии». – 31 августа 1872 г. // *ГАТО*, ф. 59, оп. 1, д. 4480. – 2 л.; «Формулярный список о службе бывшего Вышневолоцкого уездного предводителя дворянства, титулярного советника князя Арсения Степановича Путятин». – 21 декабря 1880 г. // *ГАТО*, ф. 59, оп. 1, д. 4675. – 4 л.; «О продаже имения княжны Марфы Александровны Путятиной Михайловское и Погорелка» // *Тверские губернские ведомости*. – 1888. – № 74. – С. 1–2; № 75. – С. 2; № 76. – С. 2; 1896. – № 94. – (Часть официальная). – С. 4; № 95. – (Часть официальная). – С. 3; № 96. – (Часть официальная). – С. 4; «Копия формулярного списка о службе бывшего Вышневолоцкого уездного предводителя дворянства князя П.А. Путятин». – 6 октября 1907 г. // *ГАТО*, ф. 59, оп. 1, д. 5013. – 6 л.; «О продаже имения князя Нила Сергеевича Путятин в сельце Старое» // *Тверские губернские ведомости*. – 1913. – № 67. – С. 3.

²²² «Свидетельство на имя князя П.А. Путятин». – № 015691 от 1 апреля 1897 года. – Подписали: министр внутренних дел и директор центрального статистического комитета // *РА ИИМК*, ф. 15, № 196, л. 11; Состав ИРГО. – СПб., 1913. – С. 76; *ИМАО* в первое пятидесятилетие его существования: 1864–1914 – Т. II. – М., 1915. – 447 с.

1832 года художник живёт преимущественно в Сафонкове, где он построил дом с мастерской. О Сафонкове он писал: «...никогда не оставлю я того, что питало и будет питать в уединении мою душу»²²³. Здесь, в Вышневолоцком уезде, и родился тот Венецианов, который стал создателем новой живописной эпохи в отечественном искусстве. Здесь, в Сафонкове и Тронихе, Венецианов создал школу, которая стала уникальным явлением как в отечественном, так и в мировом искусстве. По всей округе отыскивал он талантливых художников-подростков, приглашал их к себе, беря на содержание. Среди его учеников были Алексей Тыранов и Василий Зиновьев, Никифор Крылов и Аполлон Мокрицкий, Александр Алексеев и Фёдор Славянский. Всего их около семидесяти, семерых он освободил от крепостной неволи²²⁴. Ученик Венецианова Григорий Васильевич Сорока (1823—1864) расписывал храм в селе Костовском, в непосредственной близости от владений князей Путятиных²²⁵. А крепостной крестьянин князя Арсения Степановича Путятина Фёдор Иванович Братский тоже был учеником Венецианова, в 1850 году получил «вольную» от своего хозяина, чтобы иметь возможность учиться в Академии художеств²²⁶. Затем он вернулся к Путятиным, писал их портреты (см. Прилож. 7, *рис. 50 и 51*), наставлял в искусстве их детей и всех окрестных ребятишек по примеру своего учителя.

Отец Павла Арсеньевича, князь Арсений Степанович Путятин, в 1847 году был записан в V часть Тверской дворянской книги, имел чин титулярного советника. В разные годы являлся комендантом мирового посредника Вышневолоцкого уезда и предводителем дворянства, был избран в числе крупнейших помещиков государства в Комиссию по ликвидации крепостного права и выработке освобождения крестьян²²⁷. Женившись на Марии Ивановне Мельницкой, он получил земли в Медведевской волости Валдайского уезда Новгородской губернии и переселился жить в Бологое (см. Прилож. 2, *рис. 21, № 7*: местоположение), в усадьбу со старинным названием Елки-

²²³ Цит. по: *Шишкова М.П.* Тверской край – музыка – Санкт-Петербург. – Тверь: Фактор, 2003. – С. 33.

²²⁴ *Соловьёва Ф.Б.* Вышний Волочёк – город на Древнем Волоке // *Вышний Волочёк 2000: Справочник.* – Вышний Волочёк: Ирида-прос, 2000. – С. 16.

²²⁵ *Подушков Д.Л.* Григорий Васильевич Сорока – творческий символ Удомельской земли. 180 лет со дня рождения // *Удомельская старина.* – Удомля, 2003. – Сентябрь. – № 33. – С. 1–2.

²²⁶ До этого он окончил Вторую Московскую рисовальную школу. С 1850 года – вольноприходящий ученик ИАХ. В 1857 году получил звание «неклассного художника по живописи исторической и портретной». См.: *Словарь русских художников, ваятелей, живописцев, зодчих, рисовальщиков, гравёров, литографов, медальеров, мозаичистов, иконописцев, литейщиков, чеканщиков, сканщиков и проч. С древнейших времён до наших дней: XI–XIX вв.* / Сост. на основании летописей, актов, архивных документов, автобиограф. заметок и печатных материалов Н.П. Собко. – Т. I. – СПб.: типография М.М. Стасюлевича, 1893. – Стлб. 23. См. также ниже, в третьем параграфе данной главы, документ о его освобождении по ходатайству герцога М. Лейхтенбергского.

²²⁷ *Рерих Е.И.* Указ. соч.

на Дача (см. Прилож. 2, *рис. 22*, № 1: местоположение). При его живейшем участии и на его средства в 1872 году был основан и в последующие годы развивался Вышневолоцкий Казанский женский монастырь, где он 13 декабря 1882 года скончался и был похоронен. Его кончину монахини почитали как «блаженную и видимою милостию к нему от Царицы небесной за его труды и усердие»²²⁸. О своём отце Павел Арсеньевич написал слова, характеризующие его жизненное кредо: «Двор не был его стихией, и он ничего не добивался в этой сфере, высоко ценя свой пост предводителя дворянства <...>. Ему всегда думалось, что в придворном кругу он не сумел бы удержаться, говоря, что для этого потребно многое и, даже проникнувшись подобною целью, необходимо к тому готовиться с малолетства и иметь обширные связи»²²⁹. Так же жил и сам Павел Арсеньевич, следуя, вслед за В.В. Стасовым, гётевской мудрости, гласившей, что «только тот по-настоящему счастлив и велик, кому не нужно ни подчиняться, ни приказывать для того, чтобы представлять собой что-то»²³⁰.

Наибольшее влияние на князя Путятина в юности имел его дядя, писатель князь Дмитрий Алексеевич Эристов (1797—1858), автор-составитель полюбившегося А.С. Пушкину «Словаря исторического о святых угодниках православной российской церкви»²³¹. Дмитрий Алексеевич окончил курс в Царскосельском лицее, служил во II отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии, потом был генерал-аудитором флота. В 1838–1841 годах принимал деятельное участие в «Энциклопедическом Лексиконе» А.А. Плюшара (по отделам всеобщей истории и истории искусств) и в первых томах «Военно-Энциклопедического лексикона», издававшихся в 1830-х годах. В 1842 году «Словарь исторический о святых...» был удостоен Демидовской премии. Как писатель, Эристов помещал в журналах статьи разного, большей частью исторического, содержания, например, его перу принадлежит «История русских призов»²³². Вот что написал об этом ярком человеке Павел Арсеньевич: «Сколько помнится, первый

²²⁸ *Сказание о Казанской женской общежительной обители близ города Вышнего Волочка Тверской епархии*. – Тверь: Типография губернского правления, 1890. – С. 103. См. также о нём: *Путятин А.С.* «Всепопданнейшее письмо на имя Государыни Императрицы Марии Александровны». – Февраль 1872 года // *Там же*. – Приложения. – С. 1–2; *Сказание о Вышневолоцком Казанском женском монастыре Тверской губернии* / Сост.: И.В. Пикуль, Н.С. Смирнова. – СПб.: Православный фонд Валентина Пикуля, 1997. – С. 49–52, 57, 61, 62, 69, 70, 161–162.

²²⁹ *Путятин П.А.* Воспоминания и заметки: 1854–1881 / Отд. отт. из исторического журнала «Русская Старина» издания 1887–1888 гг. – Село Бологое, Валдайского уезда, Новгородской губернии, [1888]. – С. 18–19.

²³⁰ *Голубева О.Д.* В.В. Стасов. – СПб.: РНБ, 1995. – С. 126.

²³¹ *Эристов Д.А.* Словарь исторический о святых угодниках православной российской церкви. – СПб.: тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1835. – 303 с.

²³² *Морской сборник*. – СПб., 1854. – № 9–11. – 1855. – № 6–9.

толчок знания произвёл на меня кружок покойного дяди моего, князя Дмитрия Алексеевича Эристова. <...> Кружок его друзей состоял преимущественно из современных А.С. Пушкину лицейцев». И далее названы: канцлер, светлейший князь А.М. Горчаков, министр юстиции Д.Н. Замятин, сенатор Б.К. Данзас, секундант Пушкина К.К. Данзас, сенатор и адмирал Ф.Ф. Матюшкин, граф М.А. Корф, художник В.П. Лангер, брат Пушкина Лев, Рыкачёв, Манзей, Абазы и ряд других современников великого поэта. «Товарищи князя у него часто собирались и во время вечеринок вспоминали о Пушкине, бароне Дельвиге, Брюллове, Глинке и проч.»²³³.

Павел Арсеньевич был воспитан глубоко верующим человеком, в духе традиционного православия он воспитывал и своих детей и внуков. В этом можно убедиться по его воспоминаниям, изданным в 1888 году отдельным оттиском, на титульном листе которого указано место издания: «Село Бологое, Валдайского уезда, Новгородской губернии». Данный оттиск был обнаружен нами в библиотечном собрании академика Ариста Аристовича Куника (1814—1899), с которым князь Путятин был хорошо знаком²³⁴. В своём исследовании мы постоянно обращались к «Воспоминаниям и заметкам» Павла Арсеньевича, чтобы понять его личные взгляды на то или иное явление или на ту или иную сторону его многогранной личности. Следующее высказывание из этого текста позволяет узнать не только о религиозных интересах князя, но и о религиозной жизни всей бологовской округи. В данном фрагменте – ценное указание и на то, что все свои занятия, в том числе научные и собирательские, князь Путятин соотносил с религиозным опытом и христианской этикой, в которой искал опору и указание для дальнейших изысканий:

«Говоря о влияниях, побуждавших меня к занятиям, не могу не воздать должное русскому духовенству, которое поддерживало меня в минуты отчаяния и болезни. Так, я многим обязан нашему великому проповеднику митрополиту Филарету, митрополитам: Григорию петербургскому, Арсению и Филофею киевским и Иннокентию московскому; архиепископам: Евсевию, бывшему экзарху Грузии, и Алексею тверским. Наконец, архимандриту Иверского монастыря в Валдае – Лаврентию. Все эти иерархи уже почивают от дел своих, но успокоительное влияние их слов и поучений и до сих пор благотворно отзывается на нашем строе.

²³³ Путятин П.А. – Указ. соч. С. 4–5.

²³⁴ В настоящий момент данное собрание хранится в БАН.

Имение отца моего было в Тверской губернии; он сам одно время жил в Твери, потому ясным становится его близость к митрополиту Григорию, который в это время был тверским архиереем. Я помню тогдашний строй тверского общества, выдающимися членами которого был наш хороший знакомый, знаменитый русский романист, вице-губернатор И.И. Лажечников²³⁵, поэт Ф.Н. Глинка, [Н.М.] Коншин, М.Е. Салтыков (Щедрин), Милюковы, Самойловы. Затем, разумеется, и другие архиепископы тверские, по своим отношениям к пастве, стояли близко к отцу. Мой отец был человек религиозный; при его помощи в Волочке устроился женский монастырь во имя Казанской Богоматери. Главным деятелем сооружения была теперешняя его настоятельница игуменья Досифея.

Этот монастырь, в начале женская община, осуществился с большим трудом. Невольно удивляешься, до какой степени разрослось без положительных фондов совершенно новое учреждение. Монастырь уже по тому одному стал мне близок, что в нём умер мой незабвенный отец и там покоится его прах²³⁶. Из числа благодетелей монастыря упомяну о московском купце покойном Германове и петербургском – [Е.Н.] Сивохине. Г-н Сивохин приобрёл монастырю знаменитую святыню – икону греческой Божией Матери, именуемую Андрониковой. Она названа так потому, что находилась во дворце греческого императора Андроника II Палеолога. Живопись иконы приписывается евангелисту Луке. Судя по её древнему типу, она действительно должна подходить к тому времени. Андроникова икона из Зимнего дворца поступила в Троицкий собор. С причтом Троицкого собора возник процесс от грека, ввёзшего эту икону в Россию. Адвокат, взявший на себя ведение процесса, дал истцу отступное, выиграл процесс и получил икону. Г-н Сивохин, в свою очередь, перекупил святыню от него и передал её Вышневолоцкому женскому монастырю.

Говоря о моём отце, не могу умолчать и о моей матушке (рождённой Мельницкой), которая своим христиански-разумным словом поддерживала все стремления мои к научным занятиям. Одно время меня мучило сомнение, – не разнится ли с религиозными взглядами раскопка древних усыпальниц, и хотя мои исследования касались только языческих обрядностей, но всё-таки какое-то неловкое чувство ощуща-

²³⁵ Князь П.А. Путятин отмечал: «У меня сохраняется его гравированный портрет, подаренный моему отцу с его подписью» (Указ. соч. – С. 49). – *Примеч. В. М.*

²³⁶ До наших дней монастырское кладбище не сохранилось. На его месте был устроен солдатский плац Тверской дивизии, многие годы располагавшейся на территории монастыря. В настоящее время монастырь восстановлен и возрождается. – *Примеч. В. М.*

лось при переборке человеческих костей. Это моё смущение, в первые годы занятий, я поверил на исповеди покойному моему учителю Закона Божия, отцу Петру Скороумову, в Бологом, который успокоил меня приблизительно следующими словами:

– Не смущайтесь; научные практические занятия не идут в разрез с религией, не нужно только их делать с целью наживы.

То есть, как видно, он под этим подразумевал ограбления древних могил и курганов с корыстными целями.

Из нынешних святителей упомяну о митрополитах: Исидоре петербургском и Иоанникии московском. Высокопреосвященнейшему Иоанникию я имел честь, как экзарху Грузии, представляться в Тифлисе; потом об отце Савве, архиепископе тверском; знаменитом палеографе, архимандрите Иверского монастыря Леониде и об искренно мною любимом духовнике старце-иерее Николае Максимовиче Гайдовском-Потаповиче. Бывший улан-подполковник, под влиянием духовного настроения, он пожелал посвятиться в иереи, что и было сделано московским митрополитом Филаретом. Безбрачный священник, миссионер по России, он много сделал добра на своём веку. Помогая болящим и словом, и делом, обращая раскольников, он всю свою жизнь это совершал скромно, бескорыстно и уединённо. До сих пор я благоговею перед его трудами, и в минуты горя это такой же мне преданный и искренний друг и учитель, каким был разве только родной отец²³⁷. Ещё не могу умолчать об отце Иоанне Кронштадтском, во многом сходном с моим душевным старцем Николаем, а также и об отце Алексии, духовнике Георгиевской общины Красного Креста.

Кому неизвестна благотворительная деятельность Георгиевской общины, находящейся под высоким покровительством Государыни Императрицы и великой княгини Евгении Максимилиановны Ольденбургской; эта община, как и Троицкая, состоящая под начальством моей родственницы В.А. Абаза, исполняют своё вполне высокое благотворное назначение.

Отец Николай тем более был в состоянии меня поддерживать, что его научный строй, военная жизнь и сословное положение ближе подходили к тому кругозору, в котором поставило меня известное положение. Мало того, что он человечно отнёсся к моему недугу (сильное нервное переутомление), но он поддерживал меня и в житейской борьбе, и в научных моих стремлениях.

²³⁷ Старец отец Николай почил от дел своих. У нас в Бологом ещё закрылась новая могила. Опять Провидение лишило меня человека близкого по сердцу и душе. – *Примеч. князя П.А. Путятина.*

Мы переживали тяжёлое время, годы борьбы с крамолой»²³⁸.

О том, в каком духе были воспитаны дети Путятин, также свидетельствует эпистолярный, хранящийся в РА ИИМК в особом фонде князя (№ 15). Павел Арсеньевич учил своих сыновей внимательно относиться к нуждам простого человека, жить по христианским заповедям терпения, смирения, целомудрия и любви, ценить Прекрасное во всех проявлениях, помнить о жизни предков. Метод его воспитания был самый простой и действенный – на собственном примере, своими словами и делами. Неслучайно его сын Павел, однажды посетивший проездом Вышний Волочёк, написал отцу следующее: «Я спросил, успею ли я съездить отслужить панихиду по дедушке в Монастырь»²³⁹, и мне сказали, что успею. <...> Удалось отслужить панихиду по деду, так я был очень рад, так как намолился сердечно»²⁴⁰. Именно воспитать сердечность более всего стремился князь Путятин в самом себе, и это естественно передавалось его детям и внукам. От сердечности и равнодушия случилось и «сильное нервное переутомление», упомянутое выше в «Воспоминаниях и заметках», охватившее князя в период тяжелейших жизненных испытаний. В начале 1881 года смертельно заболела его первая жена Ольга Ивановна, дочь генерал-аншефа от кавалерии И.П. Шабельского, кавалера ордена Св. Георгия 4-го класса. 1 марта 1881 года в Санкт-Петербурге был убит царь Александр II Освободитель, которого князь знал лично и весьма почитал; его гибель была для него сильнейшим ударом. «Задушевная ангелоподобная доброта монарха, – писал Павел Арсеньевич, – оставила глубокий след в моём сердце, которое никогда его не забудет»²⁴¹. 13 декабря 1882 года от болезни сердца, осложнённой простудой, скончался отец, по словам Павла Арсеньевича, «мой друг, моя надежда, моя защита»²⁴². Наконец, почти одновременно с этой смертью умер от оспы младший сын от первого брака Иван, любимый внук покойного князя Арсения Степановича. «Если бы в это время я не встретил поддержки в обожаемой мною второй жене, – вспоминал спустя 6 лет князь Путятин, – то не знаю – как бы я мог перенести все эти последовательные удары судьбы, которые тогда сыпались на меня так нещадно»²⁴³. Но тогда это были не единственные злоключения князя. Прельщённая его богатством,

²³⁸ Путятин П.А. Указ. соч. – С. 49–51.

²³⁹ Имеется в виду Казанский женский монастырь в Вышнем Волочке. – *Примеч. В. М.*

²⁴⁰ Путятин П.П. Письмо П.А. Путятину. – 25 сентября 1907 г. // РА ИИМК, ф. 15, № 103, л. 23–25.

²⁴¹ Путятин П.А. Указ. соч. – С. 61.

²⁴² Путятин П.А. Указ. соч. – С. 62.

²⁴³ Там же.

тёща Шабельская (мать покойной первой жены) решила за его счёт поправить своё материальное положение, воспользовавшись его горем. Для достижения этой цели она обвинила князя в «расстройстве умственных способностей» и написала донос министру внутренних дел. Было назначено секретное дознание, завязалась ведомственная переписка. У князя грозили отнять детей и назначить над ним опеку. В результате в канцелярии новгородского губернатора Эдуарда Васильевича Лерхе (1823—1889) было заведено дело «Переписка губернатора с Валдайским исправником по заявлению гр. Шабельской о плохом обращении князя Путятина со своими детьми»²⁴⁴. Материалы этого дела со всей откровенностью иллюстрируют справедливость французской поговорки: «Calomniez, calomniez, il en restra toujours quelque chose» – «Клеветайте, клеветайте, что-то да останется». Цель недоброжелателей не была достигнута, князя оправдали. Только в заголовке архивного дела всё-таки осталась явная клевета. Этот случай показывает потомкам, как порой запечатлеваются светлые облики в истории. В ход идут ложь, обман, инсинуации, причиняя страдания подвижникам культуры. Но именно за эти страдания люди, подобные князю Путятину, вознаграждены памятью поколений. Не будь всех этих наветов на князя, человека честного и благородного, не сохранилось бы в бумагах должностных лиц исторических сведений о Бологовском имении и самом князе, не узнали бы мы мнений о нём его соседей и местной дворянской элиты. Рассмотрим некоторые документы из этого дела, содержащие ценные для нашей темы факты.

2 августа 1881 года шеф жандармов в России, будущий министр внутренних дел Вячеслав Константинович Плеве (1846—1904) конфиденциально обратился к Э.В. Лерхе: «Милостивый Государь Эдуард Васильевич. Его Сиятельством, Г-ном Министром Внутренних Дел, получено ходатайство от Г-жи Шабельской, в котором она, объясняя, что после покойной её дочери бывшей в замужестве за Князем Путятиным осталось четверо детей, просит передать их на её попечение, так как по причине расстройства умственных способностей отца их, проживающего с ними в имении своём в Новгородской губернии, они содержатся крайне небрежно. Вследствие сего имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство, не признаете ли Вы, Милостивый Государь, возможным сообщить мне, для доклада Г-ну Министру Внутренних Дел, самые подробные сведения по сему предмету, с заключением Вашим насколько настоящее ходатайство заслуживает уважения. Примите, Милостивый Госу-

²⁴⁴ Государственный архив Новгородской области (далее – ГАНО), ф. 138, оп. 1, № 2997.

дарь, уверение в истинном моём почтении и совершенной преданности. Вячеслав Плевее». В исполнение этого запроса 14 августа 1881 года Валдайский уездный исправник также секретно сообщал Э.В. Лерхе следующее: «Вследствие словесного приказанья и затем последовавшего предписанья Вашего Превосходительства от 9 сего Августа за № 783, я производил негласный расспрос некоторых жителей селения Бологое, в том числе Священника местной приходской церкви, об образе жизни, нравственных и душевных качествах Князя Павла Арсеньевича Путятина и об обращении его с своими детьми, оставшимися после смерти его жены, урождённой Шабельской. Из слышанного мною от разных лиц я составил понятие, что Путятин не страдает расстройством умственных способностей, и мне он показался человеком обыкновенным. Я видел его в первый раз 9 сего Августа у обедни в Бологовской церкви, с его матерью и с его старшим сыном, одетым в платье кадетов Пажеского корпуса; после обедни я встретился с ним в помещении театра, в тот день имевшегося быть в Бологом, и здесь я с ним познакомился; и в тот же день был у него с визитом; видел всех его четверых детей, которые были одеты, хотя небогато, но прилично, по домашнему. Дети его показались мне довольно развязными и в весёлом настроении духа, на меня смотрели они с детским любопытством, как на человека, которого они видят в первый раз. Здесь же в доме был отец Князя Павла Арсеньевича – старый Князь Арсений Степанович Путятин, с женою своею, которая, как мне передавали, имеет надзор и попечение о своих внуках, то есть детях Князя Павла Арсеньевича. Три старших сына Князя Путятина приняты по Высочайшему повелению, в сем году, в Пажеский Его Императорского Величества корпус, но теперь находятся ещё при отце. В этот же день я находился с Князем Павлом Арсеньевичем на торжественном открытии Бологовского пожарного общества и после того на обеде в ваксале, по приглашению члена означенного общества купца Чемичёва; Князь Путятин сидел рядом со мной и разговаривал; из разговоров его и вообще поведения за обедом я ничего ненормального, и признаков умственного расстройства в нём не заметил; но говорят, что несколько лет пред сим на него находило по временам какое-то нравственное раздражение, похожее на умопомешательство, вследствие ссор с его женой. Желание Г-жи Шабельской, тёщи Князя Павла Арсеньевича Путятина, взять внуков к себе на попечение, Бологовской священник в секретном разговоре со мной, объясняет тем, что она, приняв внуков к себе, будет требовать от их отца, человека богатого, денег на содержание и воспитание детей, которые будет обращать в свою пользу, как женщина

небогатая; – с этим выводом и я согласен. Чтобы Князь Путятин жестоко обращался с детьми своими я ни от кого не слышал; заявление об этом Г-жи Шабельской не верно. Уездный Исправник [Чечуров]²⁴⁵». 13 сентября 1881 года о том же самом, но только более лаконично, и так же «секретно» сообщал новгородскому губернатору и местный предводитель дворянства: «Согласно отношения Вашего Превосходительства от 9 Августа сего года за № 782, о доставлении мною сведений по ходатайству Г. Шабельской к Высшей Администрации, в котором она заявляет, что после покойной её дочери, бывшей в замужестве за Князем Путятиным, осталось четверо детей, которые по причине расстройства умственных способностей отца их, содержатся крайне небрежно, почему и просит передать их на её попечение, имею честь уведомить: что заявление Г. Шабельской не обставлено никакими доказательствами, указывающими на небрежное содержание Князем Путятиным своих детей, что же касается до моего заключения об его умственных способностях, то могу сказать, что Князь Путятин не совершает ни каких действий или поступков, которые бы давали право властям на признание его не правоспособным. Предводитель Дворянства Валдайского Уезда Барон фон Гейкинг». В результате собранных данных без лишней задержки уже 18 сентября 1881 года Э.В. Лерхе ответил В.К. Плеве: «Конфиденциально. Милостивый Государь, Вячеслав Константинович. На письмо от 2 Августа за № 4811, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что, по отзывам Валдайского Уездного Предводителя Дворянства и Уездного Исправника, за тамошним землевладельцем Князем Путятиным не замечается никаких действий или поступков, которые бы давали повод признать его не правоспособным, что же касается четверых детей его, то они содержатся им прилично их званию и из них три старшие сына приняты в Пажеский Его Императорского Величества Корпус. Желание тещи его Г-жи Шабельской взять внуков к себе на попечение можно объяснить тем, что она, приняв внуков, будет иметь право требовать от отца их, человека богатого, денег на содержание, с целью, как предполагают, обращать их в свою пользу, как женщина небогатая. В виду этого я, с своей стороны, признавал бы ходатайство Г-жи Шабельской не заслуживающим уважения. Примите уверение в совершенном почтении и преданности. Э. Лерхе». Так это дело и было закрыто, но благодаря ему известно следующее: **(а)** князь Путятин со своей семьёй регулярно посещал местную церковь (в 1881 году Бологовской приходской церковью была Покровская церковь – деревянная «с бывшей колокольной», построенная,

²⁴⁵ Подпись в документе неразборчива.

по данным А.Н. Виноградова²⁴⁶, в 1735 году) (см. Прилож. 4, *рис. 28*); **(б)** дети его, как и сам князь, с детства были приближены ко Двору, при этом содержались им «лично их званию»; **(в)** по оценке местных властей, князь Путятин был человек богатый; **(г)** он пользовался поддержкой местной администрации и дворянства; **(д)** в Бологом проходили общедоступные театральные представления; **(е)** князь Путятин и местный купец Чемичёв участвовали в открытии Бологовского пожарного общества; **(ж)** «званные» обеды по разным торжественным поводам проходили в Бологом в помещении «воксала» – в здании Бологовской железнодорожной станции 1-го класса²⁴⁷; и, наконец, **(з)** из данных дела следует, что к началу 1880-х годов в Бологовском усадебном доме вместе жили три поколения древнего княжеского рода Путятиных. В дальнейшем число поколений выросло до четырёх. К ним ещё нужно добавить многочисленных родственников, свойственников и знакомых, время от времени подолгу гостивших в доме и трёх его флигелях. Дом был большим и вместительным настолько, что в 1862–1864 годах, во время зимних звериных охот, в нём останавливался сам император Александр II (1818—1881) с великими князьями.

Согласно «Земельному инвентарю Валдайского уезда», по сведениям 1901 года, в Медведевской волости значились следующие владения князя П.А. Путятина (в скобках дана площадь имения в десятинах, с учётом «удобной» и «неудобной» земли): в селении Бологое усадьба Елкина Дача (всего 288,1 десятин, в т. ч. удобной – 51); «сельцо Бологое, что ныне село», оно же Старое Бологое (всего 125,68 десятин, в т. ч. удобной – 24,18); в «сельце Дарагани» пустоши Летонча (73,9), Дараганская Полоса (356,7), Дараганское Устье (253,1) и Чаполово (22,6); а также отдельные пустоши Петровское (124), Фелькино (97,1), Подборье на Бору, оно же Большое Подборье (464,4), Подборье, оно же Малое Подборье (214,6), и сенные покосы в Кафтино (см. Прилож. 2, *рис. 21*, № 8: местоположение), «принадлежащие к селу Бологому» (40,6). В Ильятинской волости ему принадлежала пустошь

²⁴⁶ Виноградов А.Н. Памятники деревянного церковного зодчества в епархиях: Новгородской, Тверской, Ярославской, Иркутской и Красноярской XVII и XVIII вв. (с 36 таблицами) // *Записки ИРАО*. – Т. VI. – Новая серия (далее – *Н. с.*). – СПб., 1893. – С. 294. – Табл. XVI.

²⁴⁷ Станция Бологое, как известно, расположена на полпути между Москвой и Санкт-Петербургом, при Бологовском озере, имевшем в конце XIX века до 6 кв. вёрст площади (см. Прилож. 2, *рис. 21*, № 7; *рис. 22*, № 3: местоположение). В те годы это центр пересечения Николаевской железной дороги с Виндаво-Рыбинской. В 1898 году станция отправляла в Санкт-Петербург хлеба до 11 млн пудов и в Москву более 3 млн пудов. Кроме того, в обе столицы из Бологого отправлялось значительное количество других товаров, главным образом, соль, нефть, уголь, дрова, лес. Жителей, по переписи 1897 года, 10.000 человек. См.: *Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания* / Под ред. С.Н. Южакова. – СПб.: Просвещение, 1901. – Т. 3. – С. 460.

Агафоново, она же Цикино (156,6). Совместно с сыном Михаилом Павел Арсеньевич также владел в Медведевской волости на озере Кафтино островами Тетерев, Рысно, Кругляк, Долгов, Велье, Липовец, Орлово Гнездо, Сабани, Сухмень-Березица, которые «большую часть года бывают залиты водою, уровень которой повышается Кемецким бейшлотом»²⁴⁸. Этот же источник сообщает данные о ближайших соседях князей Путятиных в 1901 году, чьи земельные наделы были гораздо скромнее их. «Сельцо Бологая Гора» и «деревня Подлипье, что была пустошь» (см. Прилож. 2, *рис. 22*, № 8: местоположение) принадлежали в разных долях «крестьянам Подлипья, бывших Бутеневых и Смяровского», купцу М.В. Бельтихину, наследникам В.И. Сороколетова и «1-я часть Подлипья с частью Бологой Горы» жене коллежского асессора Е.А. Вилькиной²⁴⁹. Отнесённое к деревне Огрызково (см. Прилож. 2, *рис. 22*, № 2: местоположение) село Новое Бологое принадлежало дворянам А.А., С.А. и В.А. Зарубиным и О.Н. Василисиной, кроме того, часть Обществу Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги. «Сельцо Бологое, что ныне село» (Старое Бологое), кроме земель Путятиных, включало земельные наделы и усадьбы: крестьян Ф. Васильева, С.Ф. Манухина, К.Д. Зуева, П.И. Клюканова, А.Н. Тупицына, В.П. Чуренкова, мещан Н.Ю. Иогансона, М.К. Гудовского, М.М. Капустиной, В.В. Туркина, А.К. Лаврентьева, И.И. Сверчкова, М.Л. Кригера, купеческих сыновей В.А., Я.А. и П.А. Каретниковых, купчихи П.Д. Гречиной, купцов Е.Г. и И.Г. Коловских, И.Н. Экстрова, губернского секретаря Н.Н. Рыкачёва, дочери действительного статского советника Е.К. Геккер. По данным М.А. Иванова²⁵⁰, в Бологом и его окрестностях во второй половине XIX – начале XX века также владели землёй, усадьбами и домами следующие лица: Артемьевы, М.Н. Галахова, А.Ф. Гильфердинг, А.В. Голенищева-Кутузова (бабушка Е.И. Рерих и С.С. Митусова), Гребенщиков, Н.Н. Дубинин, С.Г. Ефремов, Н.И. Иванов, Корсаки, Н.Н. Манзей, Ф.Ф. Матюшкин, Мельников, Ю.А. Мельницкая, Д.А. Митропольский, Уткин, князь А.А. Ширинский-Шихматов, княгиня С.И. Эристова, Я.И. Якк. Владения упомянутых соседей не превышали и десятой доли всех путятинских наделов. Таким образом, в начале XX века десятитысячная слобода Бологое почти полностью располагалась на землях князей

²⁴⁸ *Земельный инвентарь Валдайского уезда / Статистическое отделение Новгородской губернской земской управы. – Новгород: губернская типография, 1902. – С. 52, 74, 205, 209, 211, 212, 215, 218, 219, 221, 225, 227, 229.*

²⁴⁹ Как сообщает справочник «Тверская усадьба» (Тверь, 2000), владельцами Бологой (Благой) Горы в 1909 году являлись уже одни Сороколетовы.

²⁵⁰ *Иванов М.А. Бологое на Валдае. – Бологое, 1995. – 134 с.*

Путятинных, и ныне город Бологое вбирает в себя бывшие их сёла, деревни и дачи: Елкину дачу, «сельцо Бологое, что ныне село» (Старое Бологое), Бологое Новое, Высокое и другие. Отсюда вывод: в то время любой факт жизни Бологого автоматически относился к путятинским усадьбам.

Вокруг Бологого были обширные, богатые зверем леса, в них водились медведи, лоси, дикие козы, зайцы, кабаны и даже северные олени (*cervus tarandus*), ныне исчезнувшие совершенно. Охоты на лосей, оленей и диких коз совершались облавами; медведей, кроме облав, стреляли прямо в берлогах. Когда князь Арсений Степанович Путятин убеждался, что около Бологого появились хорошие стада копытных животных и медведь или медведи, то извещал об этом графа Г.П. Ферзена, который высылал затем двух придворных егерей для проверки окладов. Егеря на лыжах каждый день до охоты обходили кругом те места, на которых стояли звери, и удостоверались, не тронулись ли они и не вышли ли за обходимый ими круг (оклад). Затем, если элементов для охоты было достаточно и имелся в запасе медведь, то приезжали унтер-егермейстер и управляющий царскими охотами. Несколько позже приезжал обер-егермейстер с егерями и, наконец, государь-император со свитой. Как отмечал участник всех этих событий князь П.А. Путятин²⁵¹, приезд государя совершался всегда вечером; иногда его сопровождали великие князья, приглашённые почётные лица, свитские генералы и другая знать. Походные кровати государя-императора и великих князей и разные принадлежности для стола и припасов привозились заранее. Главный усадебный дом (см. Прилож. 1, *рис. 17 и 18*) целиком передавался для императора и великих князей, а также кухня, так как ужины, завтраки и обеды приготавливались придворными поварами. Сани для охот привозились из Санкт-Петербурга, только лошади для великих особ были местные, путятинские, из Бологовских и Вышневолоцких имений²⁵². И свита ездила на нанятых лошадях. Как вспоминал Павел Арсеньевич, «приезд со станции вечером в дом бывал чрезвычайно оригинален и живописен». Его отец доставал от смоленников несколько кубических сажень смолы и по обеим сторонам дороги – главной бологовской магистрали, идущей вдоль Бологовского озера, –

²⁵¹ Путятин П.А. Указ. соч. – С. 11–14.

²⁵² По сообщению Н.А. Архангельского, даже в неблагоприятном 1916 году в только в одной Казякинской волости Вышневолоцкого уезда Тверской губернии Павел Арсеньевич на земле в 1497 десятин держал 28 собственных лошадей (*Архангельский Н.А. История Удомельского района. – Ч. II: 1900–1917 годы. – Тверь: Верхневолжская ассоциация периодической печати, 1995. – С. 97*). Если учесть, что он имел другие значительные земельные владения в Тверской и Новгородской губерниях, где также держал лошадей, то очевидно, что выбор в Бологом у государя был хороший.

приказывал складывать костры (впоследствии в честь проезда императора эту улицу назовут Александровской; см. Прилож. 3, *рис. 26*). Как только царский кортеж двигался со станции, костры зажигались, и царские сани с чёрными медвежьими полосками, с государем и свитой, освещённые красноватым светом, быстро скользили по снегу к дому князей Путятиных. Там уже был готов сервированный ужин, за который скоро все садились. После ужина все приглашённые, исключая государя и великих князей, уезжали на «воксал», где для их ночлега в большом пассажирском зале раскидывались палатки с кроватями и туалетными принадлежностями. В путятинском доме все помещения были распределены по назначению: в зале подавался чай, обед и ужин, гостиная служила для приёмов, угловая комната за гостиной назначалась для опочивальни и кабинета. В этой комнате помещались походная кровать, походный молитвенный столик с образами и молитвенниками и письменный стол, недалеко от камина. Несмотря на то, что зачастую император Александр II далеко за полночь разговаривал с охотниками, он всё-таки занимался делами. Сидя у письменного стола, он слушал доклады секретаря и принимал депеши. Ненужные бумаги тут же летели в камин, который нарочно для этого затапливался²⁵³. Доклады иногда продолжались до двух часов ночи. В Бологом во время приезда царя в 1863 году совершался обмен депешами с Наполеоном III по поводу польских дел. Как отмечал в «Воспоминаниях и заметках» Путятин, сдав доклады, секретарь уходил, и «государь долго и горячо молился». Потом, часа в два или три, он засыпал, покрывшись тоненькой военной шинелью. Этот сон продолжался недолго: часов в 5 или 6 утра все отправлялись на охоту. В одном из трёх флигелей около дома размещался граф Г.П. Ферзен, другой занимала кухня. Дети отправлялись ночевать к помещику Василевскому, за речку (сажен 100 от дома Путятина)²⁵⁴. Перед самой охотой раздавали номера, по которым охотники должны были стоять во время охоты на определённых местах. Десятки крестьян и крестьянок принимали участие в охотах, оцепляя ту местность, в которой был прослежен медведь. Егеря входили в оклад, стреляли холостыми зарядами и почти наверняка выставляли на номер императора обложенного зверя. Чаще всего охотились в районе деревни Подлипье (см. Прилож. 2, *рис. 22*, № 8: местоположение).

²⁵³ Осенью 2006 года, во время знакомства с усадьбой современных художников В.Ф. и А.Ф. Токаревых в деревне Кишарино под Вышним Волочком, мы обнаружили старинный экран для камина (см. Прилож. 8, *рис. 65*), который, по словам его владелицы Александры Феликсовны Токаревой, происходит из Бологовской усадьбы князя Путятина. Не исключено, что он стоял в кабинете князя Путятина, где останавливались самые почётные гости его усадьбы.

²⁵⁴ Иванов М.А. Бологое на Валдае. – Бологое, 1995. – С. 74.

Но дом князей Путятиных в Бологом был знаменателен не только тем, что в нём гостил император Александр II. Этот дом был настоящим «магнитом» для образованных и культурных людей не только обеих столиц, но даже других стран. Вот только некоторые имена тех, кто был частым гостем в этом доме: бологовский художник, руководитель (с 1869 года) частной школы для обучения черчению, рисованию и грамоте при Бологовском путятинском музее Ф.И. Братский²⁵⁵, сосед по имению историк-этнограф А.Ф. Гильфердинг²⁵⁶, новгородский губернатор В.Я. Скарятин, старший советник новгородского губернского правления, впоследствии курский губернатор П.П. Косаговский, археолог А.А. Спицын, деятель искусства С.П. Дягилев, семьи Герцогов Ольденбургских, князей Эристовых, князей Шаховских, баронов фон Гейкинг, Голенищевых-Кутузовых, Манзеев, Азарьевых, Шапошниковых, Рерихов, Митусовых, Марковых, Потоцких, Торопогрицких. От посещения художника Н.С. Самокиша осталась картина «Дом Путятина в Бологом» (ныне в ГРМ). В один из приездов государя Александра II имение посетил прусский посланник князь Рейсс Генрих XXII, и впервые внимание высоких гостей привлекли картины, находящиеся в усадебном музее²⁵⁷. Английский епископ Лонгс, друг премьер-министра У.Ю. Гладстона, командированный правительством Великобритании на Восток «для изучения эмансипации в виду освобождения рабов Индии», был первым из западных путешественников, посетивших усадьбу; результаты его поездки были изданы в Англии²⁵⁸. В 1878 году в имение князя Путятина приезжал А.Н. Виноградов, член-сотрудник

²⁵⁵ По свидетельству А.А. Спицына, именно сближение князя Путятина с Ф.И. Братским «ввело его в мир искусства, теоретически и практически; он занялся рисованием копий с картин Эрмитажа и составлением коллекций гравюр и картин старых мастеров» (*Спицын А.А. Указ. соч. – С. 247*). В школе Братского постоянно обучалось 40–45 учеников, преимущественно крестьянских детей (*Иванов М.А. Указ. соч. – С. 72*).

²⁵⁶ «Соседство по имению с Гильфердингом открыло князю Павел Арсеньевичу новый мир и дало прочные знакомства с выдающимися деятелями русской литературы и науки; особенно важным оказалось знакомство с Калачовым, память которого он чтит с неизменным благоговением» (*Спицын А.А. Указ. соч. – С. 248*). Как сообщает справочник «Тверская усадьба» (Тверь, 2000), Гильфердинги владели имением Арефино в Медведевской волости Валдайского уезда (после них оно перешло к князю Ухтомскому, который был её последним владельцем). См.: *Аксаков И.С. Заграничные письма: (Из путешествия по Славянским землям) // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. – М.: тип. М.Г. Волчанинова, 1892. – Ч. 1. – Т. 3. – С. 349–512. – Из содержания: [О статьях А.Ф. Гильфердинга]. – С. 416, 464, 469; К. Б.-Р. [К.Н. Бестужев-Рюмин.] Гильфердинг Александр Федорович, 1831—1872 гг. // *Энциклопедический словарь* / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб.: типолитография И.А. Ефрона, 1893. – Т. 16. – С. 685; «Протокол № 101 заседания коллегии уездного земельного отдела по результатам обследования нетрудовых хозяйств». – 6 декабря 1919 г. // *ГАТО*, ф. Р-1479, оп. 1, д. 17, л. 53; *Филимонова Е.В. Российский дипломат А.С. Ионин (1837—1900) // Новая и новейшая история. – М., 1992. – № 6. – С. 111–131. – Из содержания: [Сведения о пребывании в его усадьбе князя П.А. Путятина, И.С. Аксакова, Н.В. Калачова, М.И. Семевского, К.Н. Бестужева-Рюмина, И.С. Тургенева; в 1857 г. Ионин был секретарем А.Ф. Гильфердинга]. – С. 113; Сычёв В. Русский консул в Сараево // *Литературная Россия. – М., 1993. – 5 августа. – С. 10; Он же. Меж двух столиц. – Новгород: Русская провинция, 1998. – С. 95–97.***

²⁵⁷ *Путятин П.А. Указ. соч. – С. 21–22.*

²⁵⁸ Об этом сообщает князь П.А. Путятин (*Там же. – С. 10*), но нам эту публикацию разыскать не удалось.

ИРГО и ИРАО. Осмотрев палеографическую коллекцию князя Путятина, библиотеку, автографы выдающихся лиц, картины и прочее, он поместил описание всего собрания в «Памятниках древней письменности»²⁵⁹. Эта публикация знаменательна не только тем, что является единственным палеографическим исследованием этого выдающегося русского синолога²⁶⁰, но и тем, что в предисловии к ней собрание впервые названо «музеем князя П.А. Путятина в селе Бологом Валдайского уезда». В 1879 году князь Путятин навел знаток христианских и русских древностей В.А. Прохоров, автор многих «почтенных трудов, посвящённых святой старине»²⁶¹. Не раз в усадьбе останавливались экспедиции Петербургского Археологического института во главе с директором Н.В. Калачовым²⁶², оставившим ценнейшее свидетельство о хозяине усадьбы и его музее. В исследованиях института активно участвовал князь Путятин, о чём можно судить по многочисленным отчётам и публикациям. Уже в самом первом отчёте Н.В. Калачова отмечен Бологовский усадебный музей: «Осмотрев предварительно устроенный князем Путятиным близ его дома, который стоит живописно на самом берегу Бологова озера, музей, заключающий в себе разные памятники искусства и письменности, с учреждённою им, при этом же музее, школою для черчения и рисования [выделено мною. – В. М.], мы отправились в надёжной лодке, с двумя гребцами, через всю длину означенного озера по направлению с севера на юг»²⁶³. В 1885 году в имении побывал выдающийся географ и антрополог Д.Н. Анучин. После того, как 1 мая 1897 года на берегу озера Бологое под руководством ботаника, академика И.П. Бородина стала действовать одна из первых в России Пресноводная биологическая станция²⁶⁴ (см. Прилож. 2, рис. 22, № 6: местоположение), в усадьбе время от времени появлялись её сотрудники, например, известный профессор-энтомолог М.Н. Римский-Корсаков, сын великого композитора²⁶⁵. Трудом сотрудников станции было подготовлено первое биолого-геологическое описание

²⁵⁹ Виноградов А.Н. Палеографическая коллекция князя П.А. Путятина // *Памятники древней письменности*. – Т. 1. – М., 1878–1879. – С. 216–229.

²⁶⁰ См. о нём: Чигринский М.Ф. Иеромонах Алексей (Виноградов) в Оптиной Пустыни // *Православие на Дальнем Востоке: Сб. статей к 275-летию Российской Духовной Миссии в Китае*. – СПб., 1993. – С. 55.

²⁶¹ Путятин П.А. Указ. соч. – С. 29.

²⁶² В составе экспедиций усадебный музей посещали слушатели института А.А. Благовещенский, А.А. Туган-Мирза-Барановский, Г. Данилов, Н.Н. Оглоблин, Е.М. Тимаев, И. Феноменов, К.А. Шапошников, А.Н. Шишкин и другие.

²⁶³ Калачов Н.В. О работах слушателей Института в архивах и осмотре памятников древностей в 1879 году // *Сборник Археологического Института*. – Кн. 3. – СПб., 1880. – С. 52.

²⁶⁴ См. о ней: Багажова И.В., Иванов М.А., Полякова Л.А. Указ. соч. – С. 25–26.

²⁶⁵ Багажова И.В. Бологое 500 лет. – Ржев, 1995. – С. 8.

Бологовского озера и соединённого с ним искусственным проливом озера Глубокое²⁶⁶. Другой сын Н.А. Римского-Корсакова, друг юности С.С. Митусова, в будущем известный музыковед и музыкант В.Н. Римский-Корсаков, в январе 1901 года тоже гостил в усадьбе и был восхищён поездками, прогулками, красотой здешних мест, о чём свидетельствуют переписка и воспоминания²⁶⁷. После своего первого визита летом 1899 года Н.К. Рерих многие годы, вплоть до своего отъезда из России, регулярно бывал в этом доме с семьёй, о чём напоминают его научные труды, эпистолярное и художественное наследие²⁶⁸. О князе Путятине, путятинском доме, и в целом о Бологовском имении сохранила светлые воспоминания и внучка княгини Е.В. Путятиной Л.С. Митусова, с которой мы имели уникальную возможность общаться и обсуждать материалы данного исследования вплоть до 23 апреля 2004 года, когда она ушла из жизни. Людмила Степановна щедро делилась воспоминаниями не только о князе Путятине, но и о его ближайшем родственном окружении, в том числе о своей двоюродной тёте Елене Ивановне Рерих (1879—1955), о посещении Болового Рерихами, о Римских-Корсаковых²⁶⁹. Она рассказывала нам истории, которые слышала в семье от отца, пасынка князя Путятина, С.С. Митусова. Говорила о дружбе в юные годы отца и его кузины Е.И. Рерих, урождённой Шапошниковой, об их совместных «шалостях» в Бологовском имении. Крёстной матерью старшей сестры Л.С. Митусовой Златы была

²⁶⁶ *Временные правила Бологовской биологической станции С.-Петербургского общества естествоиспытателей.* – Утверждены 10 мая 1898 г. / Отд. отт. из т. 29, вып. 1 «Трудов С.-Петербургского общества естествоиспытателей». – СПб., 1899. – 3 с.

²⁶⁷ Более подробно эти материалы рассмотрены ниже. Владимир Николаевич бывал ещё в одном имении Путятиных – Братском Поддубской волости Вышневолоцкого уезда Тверской губернии: «В “Братском”, когда я туда приезжал из Крапачухи, Путятины не жили. Они постоянно жили в Бологом. Там было у них большое имение и всё местечко (теперь может быть и город) расположено на Путятинской земле, что давало князю порядочный доход. В Бологом я тоже был...» (*Римский-Корсаков В.Н.* Копии писем к брату Андрею (и примечания к оным). – 1941 г. // *Архив семьи Римских-Корсаковых в Санкт-Петербурге.* – Авторизованная машинопись, л. 38. – Копия в архиве МИСР, опись «Римские-Корсаковы», дело «В.Н. Римский-Корсаков»).

²⁶⁸ Ранее мы сообщали отдельные подробности визитов Рерихов в Бологое, см.: *Мельников В.Л.* О наследии Н.К. Рериха в Институте Истории Материальной Культуры РАН // *Левша.* – Нижний Новгород, 1998. – Январь. – № 1 (9). – С. 3. – Февраль. – № 2 (10). – С. 2–3; *Он же.* Н.К. Рерих и Санкт-Петербургская палеоэтнологическая школа // *Петербургский Рериховский сборник.* – № 1. – СПб.: Изд-во Буковского, 1998. – С. 102–118; *Он же.* Николай Константинович Рерих и Вышневолоцкий край // *Вышневолоцкий историко-краеведческий альманах (ВИКА).* – № 3. – Вышний Волочёк, 1999. – С. 21–43; *Он же.* Н.К. Рерих и Ф.К. Волков. Из истории Санкт-Петербургской палеоэтнологической школы // *Рериховские Чтения.* 1997 год: Материалы конференции. – Новосибирск: СибРО, 2000. – С. 317–341; *Он же.* Н.К. Рерих и князь П.А. Путятин // *Н.К. Рерих и его современники. Коллекции и коллекционеры: Сб. статей по материалам Международной научно-практической конференции.* – Одесса: Астропринт, 2001. – С. 6–32; *Он же.* Предтеча российской астроархеологии князь П.А. Путятин и семья Рерихов // *История и культура Востока Азии: Материалы международной научной конференции.* – Новосибирск, 9–11 декабря 2002 / Отв. ред. С.В. Алкин. – Т. I. – Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2002. – С. 196–202.

²⁶⁹ До конца своих дней Л.С. Митусова записывала свои воспоминания, вышедшие в свет вскоре после её смерти отдельной книгой. В ней немало страниц посвящено князю Путятину и его жизни в Бологом и Санкт-Петербурге: *Митусова Л.С.* Указ. соч. – С. 16, 23–27, 29–31, 67, 181. Кроме этого, впервые опубликованы многие фотопортреты князя, его домочадцев и Бологовского имения: *Там же.* – С. 239, 244, 256, 266–272.

Екатерина Васильевна Шапошникова, урождённая Голенищева-Кутузова, мать Е.И. Рерих, крёстным отцом – князь П.А. Путятин. В семье Митусовых сохранилась свидетельствующая об этом «Выпись из метрической книги о родившихся за 1908 год, выданная причтом Бологовской Покровской церкви, Валдайского уезда, Новгородской епархии»²⁷⁰. Последний раз с отцом Л.С. Митусова приезжала в Бологое в 1918 году. Павел Арсеньевич, которого девочки Митусовы считали своим дедушкой, был ещё жив. Усадебный дом, стоявший на берегу озера, в районе бывшего городского дома культуры, уже сгорел. Митусовы тогда жили в одном из флигелей (см. Прилож. 1, *рис. 19*). От большого дома ещё оставалась кухня. На лестнице флигеля, где жили Павел Арсеньевич и его супруга Евдокия Васильевна, было особенно много герани, сильный запах которой Людмила Степановна запомнила на всю жизнь. Ещё она запомнила круглые дольки свежесделанного масла, с рельефным клеймом князей Путятиных на них. Запомнила и доброе лицо Павла Арсеньевича. Он делал детям разные гримасы, развлекал. Дети бегали на пепелище его усадебного музея и «находили там камушки» из археологической коллекции, «сохранившиеся сквозь толщу лет, прошедшие и через этот пожар, и уносили к себе во флигель»²⁷¹. А ещё Л.С. Митусова говорила: «Был большой красивый парк – от усадьбы до нынешней городской площади – и было озеро. Усадьба, озеро, парк – вот основное, что унесла детская память из Бологого». Уже позже, в Петрограде, к Митусовым приходила женщина из бывшей прислуги Путятиных – Мария Александровна Шеко. Встречая к тому времени овдовевшую княгиню Е.В. Путятину, она обращалась к ней «Ваше сиятельство», несмотря на то, что уже несколько лет была другая власть. Людмила Степановна много беседовала с этой женщиной о Путятиных, которых она вспоминала с восхищением, рассказывала, как хорошо они относились к прислуге, вспоминала разные случаи. Например, однажды Павел Арсеньевич послал её за святой водой в определённую церковь. Она сходила и принесла. А князь ей говорит: «Что-то ты пришла очень быстро. Из того ли храма святая вода?» Но после объяснений поверил, поблагодарил. «Князь был очень добрый», – заключала свой рассказ М.А. Шеко.

Учёные гости Павла Арсеньевича оказывали существенное влияние на его научные занятия, но, как точно заметил «апостол русской археологии» А.А. Спицын, не в России он черпал вдохновение и энергию к работе. В России, в Бологовском имении,

²⁷⁰ *Архив МИСР, фонд МСССМ, опись «Документы З.С. Митусовой».* Полный текст этого документа приводится ниже.

²⁷¹ *Митусова Л.С. Указ. соч. – С. 25.*

в конце концов, сложилось поле его деятельности, но решительное руководящее значение в его жизни имели поездки за границу, сперва для лечения, а после и с научной целью. В мир западной антропологической науки он вошёл в период возникшего на Западе увлечения палеолитом, быстрого создания крупных музеев, первых археологических съездов. Князя охватило «высокое состояние палеоэтнологии за границей», его увлекли труды англичанина Чарльза Лайеля (1797—1875), французов Габриеля Мортилье (1821—1898) и Эмиля Карталяка (1843—1921). В 1880 году им была открыта дюнная стоянка каменного века в окрестностях Бологого близ деревни Озеревичи и там же — древняя кричная плавка железа. Красивые озеревицкие поделки из кремня дали князю Путятину повод вступить в переписку с Джоном Лёббоком (1834—1913), который доложил о находках в Лондонском Археологическом институте и «вообще очень тронул князя своим участием; в России за экспертизой не к кому было обратиться»²⁷². Поразительная удача сопутствовала князю: в том же 1880 году случайно, буквально «под носом», в самом Бологом, на своей земле он открыл ещё одну стоянку каменного века, поначалу мало оценённую, но после давшую основную тему и смысл для всех его дальнейших занятий (см. Прилож. 2, *рис. 22*, № 5: местоположение). Задачей своей князь поставил «изучение условий первобытной жизни обитателей своей местности», определённо и ясно держась положения, что жизнь эта течёт на общечеловеческих основаниях, с которыми и необходимо, прежде всего, считаться. Благодаря непрерывному и живому общению с Западом, учёный вырос в большого специалиста, которого, как признался Спицын, отечественная наука так и не успела использовать в полной мере. «Знания его были весьма значительны, — отмечал Спицын в статье памяти учёного, — его заключения о бологовских материалах заслуживают самого прилежного внимания и уважения и не утратили своего значения до сих пор. Теперь стало вполне ясным, что князь П.А. Путятин был действительно первым и пока единственным нашим специалистом по каменному веку. Если и чувствуется зарождение у нас новой школы по палеолиту, создавшейся в Париже, то она пока ещё мало проявилась, и пальма первенства никогда не выпадала из рук престарелого бологовского археолога, обратившись в его надгробный венок».

Для чёткости дальнейших биографических исследований приведём ещё несколько генеалогических замечаний, в основе которых лежат до сих пор полностью не изданные воспоминания племянницы княгини Е.В. Путятиной Елены Ивановны Ре-

²⁷² Спицын А.А. Указ. соч. — С. 248.

рих²⁷³. В первом нашем издании, посвящённом князю П.А. Путятину и его Бологовской усадьбе, мы проиллюстрировали их 22 фотографиями, сохранёнными в семье Митусовых²⁷⁴. Уникальность многих снимков в том, что они сделаны на территории Бологовской усадьбы и лишь по ним можно судить о том, как выглядело Путятинское имение в конце XIX – начале XX века, в пору своего наивысшего расцвета.

Как уже упоминалось, первая жена князя Путятин Ольга Николаевна, рождённая Шабельская, умерла рано. От первого брака у Путятина остались дети: Михаил (1870—?), Павел (1871—1943)²⁷⁵, Арсений (1872—1893)²⁷⁶, Иван (Иоанн, 1874—1882)²⁷⁷. Арсений юношей утонул в Бологовском озере во время прогулки на яхте, вместе с товарищем, камер-пажом Лазаревым²⁷⁸. Он приезжал в усадьбу Высокое к бабушкам накануне производства в офицеры. Горю родных, потерявших сына и внука, не было предела. Похоронен юный князь Арсений Павлович Путятин у Троицкой церкви в Бологом. Надгробная плита сохранилась до наших дней, лежит недалеко от церкви, ближе к центральной дороге по улице Кирова (ранее именовавшейся Александровской, а ещё ранее Путятинской). Попутно заметим, что Высокое – ещё одна путятинская усадьба в бологовской Медведевской волости Валдайского уезда Новгородской губернии (см. Прилож. 2, *рис. 22*, № 7: местоположение). В XIX веке это родовое гнездо княгини Софии Ивановны Эристовой, урождённой Мельницкой, супруги князя Д.А. Эристова, верного друга многих лицеистов, бывавших здесь: Матюшкина, Пущина, Рыкачёва, Манзея, Абаза и других²⁷⁹. Как предполагает архитектор Тверской научно-реставрационной производственной мастерской О.А. Петровичина²⁸⁰, автором проекта главного усадебного дома в Высоком был архитектор Иван Егорович Старов (1745—1808) или другой архитектор из его школы (см. Прилож. 1, *рис. 20*: период расцвета; Прилож. 4, *рис. 29*: современное состояние). После первого

²⁷³ Рерих Е.И. Указ. соч.

²⁷⁴ Ныне в собрании МИСР, фонд МСССМ. См.: Мельников В.Л. Князь П.А. Путятин и его Бологовская усадьба. – СПб.; Вышний Волочёк: Ирида-прос, 2000. – С. 4, 11–13, 16, 17, 22, 23, 25–28, 30, 32, 36, 37.

²⁷⁵ В РГИА имеются свидетельство о его рождении (ф. 686, № 81) и его «духовное завещание» (ф. 686, № 83).

²⁷⁶ В РГИА имеется свидетельство о его рождении (ф. 686, № 81).

²⁷⁷ Гребельский Х.П. Указ. соч. – С. 229. Бологовские краеведы сообщают о том, что на кладбище у Троицкой церкви похоронены «дети князя П.А. Путятина – сын Арсентий, сын Иван и дочь Надежда» (*Багажова И.В., Иванов М.А., Полякова Л.А.* Указ. соч. – С. 105). Данные о Надежде (дочь князя П.А. Путятина, очевидно, от первого брака) никакими документами не подтверждены.

²⁷⁸ Свидетельство о смерти князя А.П. Путятина хранится в РГИА, ф. 686, № 81.

²⁷⁹ Иванов М.А. Приятели А.С. Пушкина в Бологое / Краеведческий материал по истории г. Бологое (в помощь преподавателям). – Бологое, 1992. – С. 3–40.

²⁸⁰ Багажова И.В., Иванов М.А., Полякова Л.А. Указ. соч. – С. 99.

посещения Высокого в 1997 году нам было понятно то волнение, с которым писал об этом священном для многих лицеистов месте бологовский поэт и краевед Виктор Сычѳв: «Не удивлюсь, если мне скажут, что по старому дому в усадьбе Высокое (нынешнее Бологое-II) ночами бродят тени, читающие стихи... Может быть, тень Илличевского. Может быть, Лѳвушки, простите, Льва Сергеевича Пушкина... Может быть, Александра Горчакова, канцлера... Может – сам Фѳдор Матюшкин в безысходной своей тоске по Пушкину поскрипывает обновлѳнными половицами эристовского дома. Дома, который был долголетним приютом лицейской годовщины»²⁸¹.

София Ивановна была младшей сестрой жены князя Арсения Степановича Путятин. Когда он скончался, мать Павла Арсеньевича переехала жить к сестре, уже давно овдовевшей. Чета Эристовых потомства не имела, и София Ивановна завещала Высокое своему внучатому племяннику князю Михаилу Павловичу Путятину, старшему сыну Павла Арсеньевича²⁸². Князь М.П. Путятин по окончании Пажеского корпуса вышел в Драгунский полк, князь П.П. Путятин – в Кавалергардский Еѳ Величества полк. Оба брата наследовали от матери богатейшие угольные копи в Орловской губернии и крупное владение в Екатериноградской губернии²⁸³. Оба были жена-ты на двух родных сестрах Екатерине²⁸⁴ и Ольге, дочерях таганрогского (1882–1885) и, затем, одесского (1905) градоначальника Павла Алексеевича Зеленоѳго (1833–1909), участника русско-турецкой войны в 1877–1878 годах, совершившего два кругосветных плавания и дослужившегося до звания «генерала по адмиралтейству»²⁸⁵. После смерти в 1897 году княгини С.И. Эристовой братья летом жили со своими семьями в Высоком, хотя также выезжали и в Одессу, где у сестѳр Зеленых был деревенский дом их родителей. По желанию сестѳр прах их родителей был перевезѳн в усадьбу Высокое, в парке была построена часовня и установлен склеп.

²⁸¹ Сычѳв В.В. «Эристов с Пушкиным, двое мальчишек...». – Бологое, 1991. – С. 19–20.

²⁸² Об этом свидетельствует еѳ духовное завещание, хранящееся в РГИА, ф. 686, № 83. В печати появлялось сообщение, что имение Высокое было завещано Павлу Арсеньевичу (*Кайдаш С.* Молодые годы Елены Рерих // *Утренняя звезда*. – М.: Международный Центр Рерихов (далее – МЦР), 1993. – № 1. – С. 151), что является ошибкой. По сведениям 1901 года, в Медведевской волости князь М.П. Путятин получил не только усадьбу Высокое в деревне Медведево, но и землю в пустошах Рябово, Тѳмное Веретье (она же Селище), Макавищи, Поддубье, Раменье, Дупли, Клиницы, Подборье на Бору (она же Большое Подборье), Подборье (она же Малое Подборье), Мишутино, Ралево, Пруды (она же Большие Пруды) и на сенных покосах в Кафтино, «принадлежащих к селу Бологому». В «сельце Бологое, что ныне село» (оно же Старое Бологое) ему принадлежало 4 десятины неудобной земли. См.: *Земельный инвентарь Валдайского уезда*. ... – С. 52, 74, 205, 209, 211, 212, 215, 218, 219, 221, 225, 227, 229.

²⁸³ Об этом свидетельствует еѳ духовное завещание, хранящееся в РГИА (ф. 686, № 83).

²⁸⁴ В РГИА (ф. 686, № 83) хранится еѳ духовное завещание.

²⁸⁵ Федорченко В.И. Дворянские роды, прославившие Отечество: Энциклопедия дворянских родов. – Красноярск: Бонус; М.: Олма-пресс, 2003. – С. 159.

Подробных биографических сведений о князе М.П. Путятине собрать не удалось²⁸⁶. Это задача для будущих исследований. Известно, что он вёл большое хозяйство, поддерживал усадьбу Высокое, включая парк и берега Бологовского озера, в образцовом состоянии. К озеру от главного усадебного дома вели ухоженные пешеходные тропинки, обсаженные акацией и сиренью. На клумбах выращивались цветы. Молодой князь занимался земледелием, молочным скотоводством, прудовым рыбодством и разведением лис²⁸⁷. Кроме этого, он являлся попечителем школ в Бологом и предводителем Старорусского дворянства Новгородской губернии, где у князей Путятиных было ещё одно имение. Умер в эмиграции после 1917 года в Париже.

Князья Михаил и Павел продолжили семейную традицию личного служения царской семье. Спустя годы Е.И. Рерих вспоминала, что семьи младших князей Путятиных «были очень близки» с великим князем Михаилом Александровичем, «и даже отречение произошло в квартире одного из них»²⁸⁸. Имеется в виду подписание «Манифеста об отказе Великого Князя Михаила Александровича от восприятия Верховной власти», которое состоялось 3 марта 1917 года на квартире Павла Павловича и Ольги Павловны Путятиных, что находилась в доме № 12 на Миллионной улице в Санкт-Петербурге, в присутствии его жены и семьи; туда же для переговоров с великим князем, укрывшимся в квартире Путятиных, приехала делегация Временного правительства с П.Н. Милюковым и А.Ф. Керенским во главе. Хозяин дома, князь П.П. Путятин, в тот момент был в Киеве в действующей армии. В 1919 году семья князя П.П. Путятина вместе с женой великого князя Михаила Александровича, графиней Натальей Сергеевной Брасовой (Шереметевской), через Одессу выехала за границу, где и прожила всю оставшуюся жизнь, сначала на Мальте, а потом в Париже²⁸⁹. У оставшейся в России семьи Немковских, близких родственников Зеленых и князей Путятиных, после 1917 года сохранялись отдельные реликвии Путятиных. В настоящее время Ирина Яковлевна Немковская предоставила некоторые из них на выставку Музея-института семьи Рерихов, посвящённую Е.И. Рерих, со следующим пояснением: «...У меня чудом сохранилось несколько предметов. Среди них – серебряный корпус от изящного дамского блокнота для записей, который, судя по гравиро-

²⁸⁶ В РГИА имеется его духовное завещание (ф. 686, № 83).

²⁸⁷ О его вкладе в развитие усадьбы Высокое см.: *Багажова И.В., Иванов М.А., Полякова Л.А.* Указ. соч. – С. 93–100.

²⁸⁸ *Рерих Е.И.* Письма: 1932–1955. – Новосибирск: Вико, 1993. – Письмо 18 июня 1936. – С. 151.

²⁸⁹ В РГИА, ф. 686, № 83 сохранилось духовное завещание князя П.П. Путятина.

ванной на нём надписи, датированной 1909 годом, принадлежал княгине Ольге Путятиной. “Бог и отечество” – девиз князей Путятиных, выгравирован на корпусе блокнота. А ещё печать с гербом князей Путятиных и инициалами Ольги Путятиной на изысканной перламутровой ручке. А могли бы сохраниться белые тонкие бальные перчатки, если бы мне ещё в детстве не пришлось в голову натянуть их на свою руку. И они у меня на глазах разошлись по швам. И очень красивый веер из страусовых перьев, который я не смогла сохранить, и он совсем недавно рассыпался»²⁹⁰. Князь Павел Павлович имел одну дочь, Наталью (1904—1984), «Таточку», как её звали родственники, уже в эмиграции вышедшую замуж за крупного мальтийского капиталиста, доктора Эдгара Табоне. Именно ей принадлежали упомянутые И.Я. Немковской бальные перчатки. Делом её жизни стало создание балета на Мальте. Около 1930 года Наталья Табоне окончательно поселилась на Мальте и основала там Академию классического танца. В Петербурге её учителями были лучшие мастера балета XX века – Тамара Карсавина, Фелия Дубровская, Любовь Егорова, Ольга Преображенская. Знаменитая Анна Павлова сказала о ней: «Молодая княжна обладала необыкновенной чувствительностью к музыкальной выразительности в движениях – природный дар, которому нельзя научить»²⁹¹. Знаменательно, что этот дар мог развиваться и крепнуть в наилучших условиях бологовских усадеб. По свидетельству одной её мальтийской ученицы, передавшей то, что было сказано самой Натальей Табоне, воспитание здесь было организовано «на высшем уровне»: «княжну окружала красота, её дом, одежда, игрушки, музыка, живопись, литература и танцы делали её счастливым ребёнком, благодаря чему она имела прекрасный взгляд на жизнь и развивала наилучшим образом выражение этого счастья – танец»²⁹². Схожие воспоминания сохранили и другие дети – обитатели путятинских усадеб в Бологом. Знакомясь с ними, не приходится удивляться, почему так много детей всегда бывало у Павла Арсеньевича и почему все они выросли достойными людьми, несмотря на сложности и трагедии наступившего после 1917 года лихолетья.

²⁹⁰ Немковская И.Я. Моя жизнь и память о Путятиных // *Я иду по Миллионной*. – Вып. 5: Улица, дома, люди, события. – СПб.: Издательство Гороховского, 2005. – С. 54–56. – Ил.

²⁹¹ Цит. по: «*Poutiatine lineage and family history. Ballet foundations in Malta*»: [Ответ министерства культуры Мальтийской Республики на запрос Бологовского краеведческого музея им. Н.И. Дубравицкого]. – Около 1990 г. – На англ. яз. – Машинопись // *Архив Бологовского краеведческого музея им. Н.И. Дубравицкого*. – Копия в архиве МИСР, опись «князь П.А. Путятин и его семья».

²⁹² Цит. по: *Там же*. Имя этой ученицы в данном документе не приводится.

О том, с какой любовью относилась княгиня Евдокия Васильевна к своему мужу, детям и внукам, можно судить сохранившимся фотоснимкам и письмам. Вот фрагмент только одного её письма написанного в Италии 13 марта 1913 года, посланного мужу в Бологое: «Дорогой мой Павлуша! Спасибо, родной мой, за письма, какое это утешение нам здесь. Слава Богу, что Кате²⁹³ лучше, меня это очень тревожило. <...> Ты не думай, дорогой, что я забыла о твоём поручении, но дело в том, что мы ещё не были в Милане, так как приходится оставлять детей на несколько часов, а мы этого боимся, а так как нам необходимо ехать через Милан, то мы и решили остановиться там на один день и исполнить твоё поручение, Мира²⁹⁴ мечтает выбрать тебе хорошенький рисунок. <...> Скажи Серёже²⁹⁵, что и я, и Мира деньги благополучно получили. Напиши что-нибудь про Стёпу²⁹⁶, тоска ничего не слышать о нём и его семье, ведь он мне тоже дорог. Что Мима, что Нока²⁹⁷, был ли ты на концерте? <...> Скажи Соне²⁹⁸, что следующее письмо будет ей, и это прочти ей. И Миру мне жалко, и Вас то я всех так люблю, и скучаю по Вас, одним словом, душа моя разрывается. Всех люблю, всех хотела бы иметь около себя. Целую тебя и Соню, и деток, и Катю крепко, твоя жена и друг. Е. П.»²⁹⁹. Ещё в 1888 году Павел Арсеньевич писал, что супруга горячо поддерживает его в археологических занятиях³⁰⁰. Как видим, спустя четверть века поддержка Евдокии Васильевны оставалась прежней и даже иногда усиливалась благодаря детям. Княгиня Евдокия Васильевна (25 мая 1855 — после 1922), урождённая Голенищева-Кутузова, родом из Торопецкого уезда Псковской губернии³⁰¹, имела двух дочерей от князя Путятина: Софию (родилась в 1883 году) и Марианну (родилась в 1884 году) (см. Прилож. 5, рис. 37: семейная фотография).

К совершеннолетию старшей дочери Путятиных было приурочено её представление семье императора Николая II на балу в январе 1900 года. По этому случаю Павел

²⁹³ Имеется в виду Е.Ф. Митусова, жена С.С. Митусова (см. ниже). — *Примеч. В. М.*

²⁹⁴ Имеется в виду М.П. Маркова, дочь Путятиных, жена С.Л. Маркова (см. ниже). — *Примеч. В. М.*

²⁹⁵ Имеется в виду С.Л. Марков (см. ниже). — *Примеч. В. М.*

²⁹⁶ Имеется в виду С.С. Митусов (см. ниже). — *Примеч. В. М.*

²⁹⁷ Имеются в виду Марина и София Потоцкие, внучки Путятиных (см. ниже). — *Примеч. В. М.*

²⁹⁸ Имеется в виду С.П. Потоцкая, дочь Путятиных, жена Д.Н. Потоцкого (см. ниже). — *Примеч. В. М.*

²⁹⁹ РА ИИМК, ф. 15, № 103, л. 9-10.

³⁰⁰ Путятин П.А. Указ. соч. — С. 34.

³⁰¹ Её метрика хранится в Великолукском филиале Государственного архива Псковской области, ф. 39 за 1855 г., оп. 1, метрическая книга церкви погоста Канищево, л. 920, запись № 311. См.: Иванов М.А. Находка подтверждает версию // *Новая жизнь*. — Бологое. — 1989. — 26 сентября.

Арсеньевич посвятил ей стихотворение, в котором выразил преданность семье российского монарха и радость за первый успех любимой дочери:

Бал³⁰²

Как сон, как чудное виденье
 Мелькнула радость прежних дней;
 Твоё дочурка представленье
 Награда в жизни всей моей.
 Любил – люблю вождей народа,
 России гордость и покой,
 И вот для нынешнего года
 Я видел Их семьёй родной...
 Я счастлив!.. Чары звуков бала
 Ещё звучат в моих ушах,
 Смотрел, как ты, друг, танцевала,
 Пропала жуткость, тайный страх.
 Я счастлив... Счастье больного
 Да даст Вам радость и любовь
 В кругу народа Вам родного
 И сохранит от всех врагов.
 Не хватит сил и выраженья
 За Вашу милость, доброту
 Мне высказать благодаренья.
 За всё... За бала красоту...

Княжна София Путятинна вышла за Дмитрия Николаевича Потоцкого (1880—1949), Георгиевского кавалера в Первой мировой войне, в 1916 году получившего звание генерал-майора³⁰³. Имела от него двух дочерей Марину (по-семейному «Миму») и Софию («Ноку»), впоследствии оказавшихся в США. Марине Потоцкой князь П.А. Путятин посвятил стихотворение «Мариночка моя, внучка родная...»³⁰⁴. Она вышла замуж за американского голландца, финансиста Марка Лос Туккера, имела с ним трёх сыно-

³⁰² Автограф. Датирован 27 января 1900 г. // *ОР ИРЛИ*, р. I, оп. 22, № 558, л. 47 – 47 об.

³⁰³ Подробные сведения о Д.Н. Потоцком собрал М.А. Иванов: *Иванов М.А. Зятья князя П.А. Путятинна // Рериховское наследие: Труды конференции. – Том II. – СПб. – Вышний Волочёк, 2005. – С. 351–356.*

³⁰⁴ Недатированный набросок см.: *ОР ИРЛИ*, р. I, оп. 22, № 558, л. 60.

вей, из которых после всех войн остался в живых один средний, Стеббин, талантливый музыкант-композитор. Старший сын, Марк, стал лётчиком, погиб в Корейской войне (1950–1953), младший сын, Джордж (по-семейному «Жоржик»), скончался «от злостного белокровия». Сестра её, София Потоцкая, вышла замуж за швейцарского подданного Сант-Гали, проживавшего в США, и рано умерла от туберкулёза³⁰⁵.

Младшая сестра Софии, княжна Марианна Путятинна, вышла замуж за Сергея Леонидовича Маркова, также Георгиевского кавалера в Первой мировой войне, получившего звание генерал-майора в декабре 1915 года. Марковы имели сына Леонида и дочь Марианну (по-семейному «Дитю»). За генералом Марковым прочно закрепилась слава героя, проявлявшего, по свидетельству современников³⁰⁶, беспримерную храбрость, шедшего в атаку впереди своего полка, увлекая за собой остальных. В одном эмигрантском издании о нём были напечатаны следующие строки: «Редко в жизни нашего Воинства можно встретить явление, чтобы так быстро, высоко и ярко взлетела боевая слава, как это предопределила судьба генералу Маркову. Его натура – Безудержная жажда подвига во имя долга и пользы Родины, движение только вперёд. <...> Он успел сделаться легендарным героем <...>, синонимом всегдашней победы. <...> Всеми признавался воином и впрямь отмеченным Перстом Божиим»³⁰⁷. В Гражданской войне генерал Марков сражался под командованием А.И. Деникина; 12 июня 1918 года героически погиб в бою от прямого попадания снаряда из бронепоезда. Семья генерала после революции жила в Бельгии. Уже в эмиграции Марианна Сергеевна Маркова, внучка Путятинных, вышла замуж за Чебыкина, сына Анастасии Васильевны Чебыкиной, урождённой Голенищевой-Кутузовой. Последняя приходилась княгине Евдокии Васильевне племянницей. Таким образом, поженились внучка и внучатый племянник княгини Путятинной.

В ноябре 1922 года, уже в глубокой старости, княгиня Е.В. Путятинна покинула Советскую Россию, и какое-то время жила в Бельгии у своей дочери Марианны Мар-

³⁰⁵ Иванов М.А. Путятинны. Кто они? // *Новая жизнь*. – Бологое. – 24 июля 1990. – С. 3.

³⁰⁶ См., например, свидетельство Р.Б. Гуля, которое приводит М.А. Иванов: «...Снег, ночь, ветер. Промокшие до нитки офицеры уткнулись в реку. Замялись. Но медлить нельзя – проигрывается дело. А на реке ледяная кора. “Полк, вперёд!” – командует Марков и первым шагает вброд. Высоко над головою держит винтовку, офицеры перешли ледяную реку, сходу взяли станицу и много пленных. Назавтра повесили семь комиссаров...» (Иванов М.А. Зятья князя П.А. Путятинна // *Рериховское наследие: Труды конференции*. – Том II. – СПб. – Вышний Волочёк, 2005. – С. 354).

³⁰⁷ *Белая Россия*. – Нью-Йорк: издание Главного управления Зарубежного Союза Русских Военных Инвалидов, 1937. – С. 92.

ковой. Через год княгиня ослепла и доживала свой век в богадельне³⁰⁸. Примечательно, что срок отъезда княгини Путятиной из страны зафиксировал один странный документ из семейного архива Митусовых, возможно, имеющий отношение и к музейному собранию князя Павла Арсеньевича Путятина. Это расписка, данная княгине Путятиной накануне отъезда неким С.А. Поповым. Оформлена она явно не по правилам императорской России. На клочке бумаги, оборот которого исписан детскими каракулями, синими чернилами записано: «Принято от Е.В. Путятиной на хранение 28/X-22: Столовая лампа – 1. Гостиная люстра – 1. Лампа с 3 тюльпанами – 1. Стоячая электрическая лампа – 1. Висячая электрическая лампа – 1. Фотографии малого и среднего размера – 17. Фотографии малого размера – 7. Фотографии среднего размера – 12. Фотографии большие – 2. Итого 38. Масляные картины (портреты – 8 и 1 изображение Иисуса Христа) – 9. Стенные зеркала в золоченых рамах – 2. С.А. Попов. Петроград»³⁰⁹. Какова судьба этого «хранения» Людмила Степановна Митусова нам прояснить не смогла, очевидно, по этим предметам можно было бы полнее представить последний, самый трагичный период в истории Бологовского усадебного музея.

Всю свою жизнь последние бологовские реликвии и память о создателе Бологовского усадебного музея сохранял её отец, Степан Степанович Митусов, сын княгини Евдокии Васильевны Путятиной от первого брака со Степаном Николаевичем Митусовым, пасынок князя П.А. Путятина, женатый в первом браке на дочери «потомственного дворянина» Нине Александровне Давыдовой-Карапетовой. Как и у матери, первый его брак оказался недолговечным – он вторично женился в 1907 году на Екатерине Филипповне Потоцкой (1884—1942), из старинного польского дворянского рода, разжалованного после поражения Польского восстания 1863–1864 годов в своём достоинстве и сосланного на поселение в Олонецкую губернию. Степан Степанович стал известным музыкантом-педагогом, внёс значительный вклад в развитие отечественной культуры. Об этом свидетельствует не только его творческое наследие, но и современники в своих воспоминаниях, например, Рерихи³¹⁰. А вот какую «характеристику» дал ему Владимир Николаевич Римский-Корсаков в примечаниях к переписке своих родителей: «Степан Степанович Митусов – товарищ Андрея и Владимира Рим-

³⁰⁸ Иванов М.А. Указ. соч. – С. 354.

³⁰⁹ Автограф в архиве МИСР, фонд МСССМ, опись «Княгиня Е.В. Путятина».

³¹⁰ Мельников В.Л. Герои Культуры // Пакт Рериха: 70 лет. – Материалы Международной научно-практической конференции 15 апреля 2005 г. в Санкт-Петербургском Доме юриста. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2005. – С. 97–98.

ских-Корсаковых, один из ближайших друзей всей семьи Римских-Корсаковых. Высококультурный и разносторонний человек, увлекавшийся современной музыкой, живописью, литературой. Автор либретто оперы Игоря Стравинского «Соловей»³¹¹. У Степана Степановича и Екатерины Филипповны было три дочери: Злата³¹² (1908—1942) (см. Прилож. 5, *рис. 40*), впоследствии замужем за художником Олегом Всеволодовичем Карташовым (1915—1941); Людмила (1910—2004), впоследствии замужем за художником Ростиславом Владимировичем Трониным (1911—1942); и младшая Татьяна (1913—1994), оставшаяся незамужней. Из сестёр Митусовых только Злата Карташова имела дочь Наталью (1941—1942). Из членов семьи Митусовых, погибших в блокадном Ленинграде, она умерла последней. Сначала скончались от голода Степан Степанович, Екатерина Филипповна и Злата. Ещё раньше погибли на Ленинградском фронте Олег Карташов и Ростислав Тронин³¹³. Последней хранительницей реликвий семьи более 60 лет оставалась Л.С. Митусова, у неё, например, сохранилась упомянутая выше метрика, в которой князь П.А. Путятин фигурирует в качестве восприемника. Вот полный текст этого документа, выданного 30 января 1909 года в Бологом: «Выпись из метрической книги, часть первая, о родившихся, за 1908-й год. Счёт родившихся: Женского пола 172. Месяц и день рождения: Июль, 19; крещения: Июль, 30. Имена родившихся: Злата. Звание, имя, отчество и фамилия родителей, и какого вероисповедания: Потомственный дворянин Степан Степанович Митусов и жена его Екатерина Филипповна, православные. Звание, имя, отчество и фамилия восприемников: Потомственная дворянка Екатерина Васильевна Шапошникова и князь Павел Арсеньевич Путятин. Кто совершал таинство крещения: Священник Александр Скородумов с псаломщиком Павлом Синявиным. Новгородской епархии Валдайского уезда, Бологовской Покровской церкви Священник Александр Скородумов, Диакон Гавриил Вознесенский»³¹⁴. На метрике стоит печать с изображением пятиглавого храма. В этой величественной церкви, возведённой на путятинской земле в конце XIX века в самом центре Бологого на красивом возвышенном месте (см. Прилож. 3, *рис. 24*—

³¹¹ Римский-Корсаков В.Н. Примечания к переписке Н.А. и Н.Н. Римских-Корсаковых 1894—1907 годов // Архив семьи Римских-Корсаковых в Санкт-Петербурге. — Авторизованная машинопись, л. 87 — Копия в архиве МИСР, опись «Римские-Корсаковы», дело «В.Н. Римский-Корсаков».

³¹² О ней особую заботу проявляла Е.И. Рерих. Например, в письме мужу 21 июня 1909 года из села Берёзки Вышневолоцкого уезда она пишет: «На этих днях поеду в Бологое, надо навестить новую племянницу и больную Златочку, та всё ещё плоха, бедняжка. В Августе тётя Дуня [т. е. княгиня Е.В. Путятин. — В. М.] пошлёт её в Крым» (ОР ГТГ, ф. 44, № 192).

³¹³ Мельников В.Л. Указ. соч.

³¹⁴ Архив МИСР, фонд МСССМ, опись «Документы З.С. Митусовой». Курсив — текст, вписанный от руки.

26; Прилож. 4, *рис. 33*), крестили многих внуков князя Павла Арсеньевича, здесь для многих он сам становился крёстным отцом, о чём и свидетельствует метрика Златы Митусовой, или, к примеру, метрика внучатого племянника княгини Евдокии Васильевны, Юрия Николаевича Рериха (1902—1960) (см. Прилож. 5, *рис. 38, 39, 41*), будущего выдающегося востоковеда и исследователя Центральной Азии³¹⁵. После революции Покровский храм взорвали. С «путятинских» времён в Бологом сохранились четыре храма: руинированная Высоковская домовая церковь Дмитрия Солунского³¹⁶ (см. Прилож. 4, *рис. 29*) и действующие – Троицкая церковь (дата постройки – 1808 год; см. там же, *рис. 30–32*), часовня и церковь митрополита Алексия Чудотворца и святителя Тихона Задонского (освящены в 1904 и 1916 годах; см. там же, *рис. 34*)³¹⁷ и Поминальная часовня (построена в 1912 году в память о жертвах пожара в кинематографе; см. там же, *рис. 35*)³¹⁸.

Итак, у четы Путятиных в Бологом воспитывались и набирались сил 7 их собственных детей и 8 их внуков и внучек, а также несколько десятков детей родственников и свойственников. К примеру, у Евдокии Васильевны было ещё два брата и три сестры, и все они гостили в Бологом со своими отпрысками. Ближе всех ей были сестра Екатерина Васильевна Шапошникова (1857—1913) со своей дочерью Еленой, в замужестве – Рерих³¹⁹. На протяжении тридцати лет, начиная с 1882 года, они месяцами жили в Бологом. Бессменный директор Музея Николая Рериха в Нью-Йорке З.Г. Фосдик приводит сведения о самых ранних годах пребывания Елены Шапошниковой в имении князя Путятина, записанные с её слов. Первые усадебные впечатления юной «Ляли» (или «Лялечки», как ещё её называли в семье) связаны с животными: «Любовь к животным сказалась в раннем возрасте. Лето часто проводилось в Бо-

³¹⁵ См. оригинал метрики в ЦГИА СПб., ф. 144, оп. 2, № 138, л. 95–97.

³¹⁶ Церковь построена в первой половине XIX века как пристройка к главному усадебному дому имения Высокое князя Д.А. Эристова. В конце XX века по инициативе местных жителей переименована в Троицкую домовую церковь. Ныне закрыта, неосвящена. Житель города Бологое, краевед, майор в отставке Виктор Александрович Яковлев решил восстановить этот храм. Для него это уже не первый опыт по восстановлению архитектурного наследия России: он открыл частное предприятие «Обет», специализирующееся на реконструкции храмов. Для восстановления церкви В.А. Яковлев создал инициативную группу. В неё вошли директор, преподаватели и учащиеся аграрного колледжа, расположенного неподалёку, руководитель Бологовского шпалопропиточного завода, командир близлежащей воинской части и местные жители. С 2003 года оформляется проектно-сметная документация, на 1 октября 2006 года восстановительные работы не начаты.

³¹⁷ Несколько лет назад после десятилетий забвения церковь и часовня были восстановлены на средства прихожан и меценатов. Основная часть икон и иконостас в церкви были выполнены тверским художником Андреем Запрудным. Сейчас ведутся озеленительные работы, внутренняя и внешняя реконструкция (сообщено М.А. Ивановым).

³¹⁸ См.: «Церковные ведомости Валдая и его уезда». – 1872 и 1914 гг. // ГАНО, ф. 480, «Новгородская духовная консистория» (сообщено Н.А. Ласточкиным).

³¹⁹ Шумков А.А. Род Голенищевых-Кутузовых. – М.: ГИМ, 1995. – № 348.

логом, имении князя Путятина и его жены, сестры её матери. Маленькая девочка с любовью ухаживала за птицами и животными. Журавль с подбитым крылом, которое нужно было перевязать, больной цыпленок, домашние животные, все бежали к ней навстречу, когда она утром спускалась вниз, чтобы их кормить. Все чувствовали её заботу о них и шумно приветствовали»³²⁰. На сохранившихся фотографиях усадьбы мы, действительно, видим детей рядом с домашними животными: козой, петухом, собаками и т. д. (см., например, Прилож. 1, *рис. 18*). Павел Арсеньевич и его сыновья содержали самых разнообразных животных, занимались разведением лис, прудовым рыболовством и добились в этом значительных успехов. Коровы, завезённые из Швейцарии (швицы и симменталы), давали у них до двух вёдер молока в сутки при жирности 4% и более, что отмечал в своих трудах учёный-зоотехник Николай Дмитриевич Потёмкин³²¹. Одно из сильнейших детских переживаний Елены Шапошниковой также случилось в Бологом, в местной церкви. Описание этого переживания оставил в своих дневниках её супруг: «На днях Елена Ивановна вспомнила трогательный эпизод из её раннего детства. В Бологовской церкви семья Путятиных имела особое знатное место на клиросе. По праздникам все ездили на службу в праздничных нарядах. Елена Ивановна помнит и белое платье с кружевами, и шёлковые чулки, и белые сапожки. И вдруг она видит, как через решётку протягивается крошечная загорелая ручка и робко гладит белый сапожок. Елена Ивановна так и застыла, чтобы не спугнуть девочку. Стало стыдно, незабываемо стыдно и за своё кружевное платье, и за шёлковые чулки, и за белые сапожки, и за знатное место»³²². С годами отношение к малоимущим у Елены Ивановны не изменилось. Она никогда не кичилась ни своими успехами, ни богатством, ни блистательной внешностью. Не боялась выходить к обездоленным и подавала в Бологом милостыню даже во время эпидемий³²³. Как и Таточка Путятина, юная Ляля была очень музыкальна, у неё были определённые успехи в игре на рояле, разделённые ею с любимым кузеном, неразлучным спутником её детства, Стёпой Митусовым (см. Прилож. 5, *рис. 37*). Об этом сохранились воспоминания, записанные в 1949 году: «Окружавшая девочку так называемая “золотая моло-

³²⁰ Фосдик З.Г. Воспоминания. Автограф // *Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке*.

³²¹ См.: Иванов М.А. Путятины. Кто они? // *Новая жизнь*. – Бологое, 1990. – 24 июля. – С. 3.

³²² Рерих Н.К. Памятный день. – Нагар, Кулу, Индия. – 1 марта 1946 г. // *Рерих Н.К. Листы дневника*. – Т. III. – М.: МЦР и др., 2002. – С. 355–356.

³²³ Об этом 25 августа 1900 года Н.К. Рерих обмолвился в письме к ней из Санкт-Петербурга: «Сегодня уже 26-е, стало быть, уже скоро переедете, ибо про оспу что-то не слышно и во всяком случае она в более низких слоях, с которыми Ты никаких сношений не имеешь, так что вероятность заразиться настолько же велика, как и от нищих, которым Ты подаёшь в Бологое» (ОР ГТГ, ф. 44, № 162).

дѣжь”, за редкими исключениями, ничего не могла дать ей. Единственным тогда огоньком явился двоюродный брат Стѣпа Митусов, спутник её детства. Он приносил некоторые неплохие книги модных поэтов и мыслителей и знакомил с новыми веяниями в искусстве, главным образом, в музыке»³²⁴. Этот момент отмечал и Николай Рерих: «Стѣпа Митусов всегда был живым звеном с музыкальным миром»³²⁵. Несомненно, огромное влияние на воспитание Елены Шапошниковой оказала музыкальная жизнь Путятинской усадьбы, которая поддерживалась не только заезжими артистами (вспомним представление в 1881 году, отмеченное выше в документе из «клеветнического» дела), но и окружавшими её родственниками. Прежде всего, это относится к хозяйке дома княгине Е.В. Путятиной. Интересно в связи с этим привести высказывание Н.В. Шишкиной, одной из немногих известных теперь знакомых Е.И. Рерих в молодости, бывшей завсегдатаем бологовских усадеб: «Евдокия Васильевна обладала необычайно красивым колоратурным сопрано и пела с огромным успехом в опере Мариинского театра в Петербурге. <...> Искусство музыки и пения царило в их доме, пели и дочери и она сама. Дом их напоминал дом Ростовых в “Войне и мире”. Вот та обстановка, в которой Елена Ивановна проводила свою молодость. У князя Путятина был свой особняк в Петербурге и имение в Новгородской губернии. Они вели великосветский образ жизни. У них бывали блестящие балы, и, конечно, на этих балах всегда бывала Елена Ивановна, всегда в красивом бальном туалете, – она мало танцевала, больше сидела где-нибудь в конце зала, окруженная толпой поклонников»³²⁶.

В мае 1878 года, уже нося под сердцем своего будущего сына Степана, Евдокия Васильевна окончила курс Санкт-Петербургской консерватории по классу пения Камилло Эверарди и классу композиции Антона Рубенштейна. В её аттестате отмечено, что во внимание «к особым дарованиям и успехам Евдокия Голенищева-Кутузова награждена большою серебряною медалью»³²⁷. В биографии Эверарди о ней напечатано следующее: «С блестящим успехом дебютировала в Париже в итальянской опере, но затем и покинула сцену. Редкое по красоте и гибкости голоса колоратурное сопра-

³²⁴ Рерих Е.И. Сны и видения. – 1949 г. // Рерих Е.И. У порога Нового Мира. – М.: МЦР, 1993. – С. 33–34. 26 сентября 1900 года Николай Рерих называет в письме к Елене Шапошниковой конкретную книгу, с которой её мог познакомиться Степан Митусов: «Читал запрещённые русские книги, я их тут [в берлинском парке Тиргартена. – В. М.] накупил. Правда в “Воскресеньи” [имеется в виду роман Л.Н. Толстого, запрещённый на родине. – В. М.] хорошо церковная служба описана? Ведь у Тебя оно от Степана было?» (ОР ГТГ, ф. 44, № 332).

³²⁵ Рерих Н.К. Друзья. – 1937 г. // Рерих Н.К. Листы дневника. – Т. II. – М.: МЦР и др., 1996. – С. 110.

³²⁶ Шишкина Н.В. Отрывки воспоминаний современницы Е.И. Рерих, приблизительно от последних лет XIX столетия и первых лет XX столетия. – Караганда: Дом инвалидов, 1955 // Архив МИСР, фонд МСССМ.

³²⁷ Аттестат № 85. Оригинал в МИСР, фонд МСССМ, опись «княгиня Е.В. Путятина».

но»³²⁸. В МСССМ хранится семейная реликвия – свидетельство её ошеломляющего парижского дебюта: алая лента, которую Евдокия Васильевна получила от благодарных поклонников. На ней золотыми буквами начертано: «Русской Патти. 28 апреля 1877»³²⁹. Ещё один свидетель этого успеха, итальянский концертмейстер Рива-Берни, спустя 20 с лишним лет с восхищением рассказывал Николаю Рериху в Париже о Евдокии Голенищевой-Кутузовой³³⁰. Её выступления на сцене Мариинского театра находили такой же горячий отклик в сердцах отечественных слушателей³³¹. Нам удалось отыскать письмо Константина Петровича Победоносцева (1827—1907) от 10 января 1882 года, адресованное Е.Ф. Тютчевой. Судя по всему, влиятельный обер-прокурор Синода, законоучитель наследников престола относился к Евдокии Васильевне, тогда ещё Митусовой, с большим сочувствием и интересом: «Вы помните Митусову, которую вы видели у нас и которой плачевную историю мы вам рассказывали. Дело её с безумным и распутным мужем³³² кончается разводом, а она хочет поступать на сцену, и завтра дебютирует на Мариинском театре в Риголетто. По этому случаю не мудрено, что и я завтра попаду в театр»³³³. Между датой этого представления и 4 апреля 1882 года – датой венчания Павла Арсеньевича и Евдокии Васильевны в Екатерининской церкви на Васильевском острове в Санкт-Петербурге – меньше трёх месяцев. Оче-

³²⁸ *Камилло Эверарди*: Биографический очерк. – Киев, 1895. – С. 49.

³²⁹ Патти (Patti) – знаменитые итальянские певицы (колоратурное сопрано), сёстры: Аделина (1843—1919), Карлотта (1835—1889). Особенно прославилась Аделина. Пела во многих странах.

³³⁰ В письмах к Е.И. Шапошниковой из Парижа Н.К. Рерих писал: «В смысле музыкального образования итальянец Рива будет очень полезен (они его зовут Ривочка), ибо он знает всех и всё и имеет в музыкальном мире руку. (Он с великим восторгом говорит о княгине)» (22 ноября 1900 г.); «Что Стёпа? Что Музыка? Князь? Княгиня? О ней часто говорит Рива-Берни; верно он был влюблён в неё. Спроси» (1901 г.). См.: ОР ГТГ, ф. 44, № 175, 184.

³³¹ К сожалению, некоторые современные музыковеды не знают правильно даже её имени. В авторитетном словаре отечественных вокалистов о ней приведены ошибочные данные. Автор приводит относящиеся к ней факты в статье «Кутузова Нина Александровна» (очевидно путая Евдокию Васильевну, урождённую Голенищеву-Кутузову, с первой женой С.С. Митусова, пианисткой Ниной Александровной Давыдовой-Карапетовой): «Артистка оперы (колоратурное сопрано) и концертирующая певица. Мать пианиста и хормейстера С.С. Митусова. Пению обучалась в Петербургской консерватории (класс Ж. Эверарди), по окончании которой совершенствовалась в Италии и три года выступала на итальянских оперных сценах. В 1882 г. дебютировала в партии Джильды на сцене петербургского Мариинского театра. В 1892 г. выступала в Харькове. Гастролировала в Париже. Французские критики называли её “русской Патти”. Принимала участие в концертах Русского Музыкального общества п/у Э. Направника, в которых исполнила отрывки из оперы “Троянцы” Г. Берлиоза (1875) и сцены из “Фауста” В. Гёте, Р. Шумана (III ч., 1876). Была дружна с Н. Римским-Корсаковым» (*Пружанский А.М.* Отечественные певцы: 1755—1917. – Ч. I. – М.: Советский композитор, 1991. – С. 247). Также ошибочно следующее сообщение: «С.Н. Митусов заплатил театру громадную неустойку, и Евдокия Васильевна ушла со сцены и вышла за него замуж» (*Иванов М.А.* Родословная Елены Ивановны Рерих // *Утренняя Звезда*. – М.: МЦР и др., 1994—1997. – № 2/3. – С. 369). Этот случай, если он соответствует действительности, мог относиться только к князю П.А. Путятину, поскольку в своих воспоминаниях Л.С. Митусова отмечает, что после свадьбы он запретил жене петь в Мариинском театре или вообще где-либо на официальных концертах: «Она могла петь лишь на домашних вечерах. И был погублен, вероятно, незаурядный талант. <...> Ну как же – дворянка, урождённая Голенищева-Кутузова, жена князя и петь на публику» (*Митусова Л.С.* Указ. соч. – С. 13–14).

³³² Имеется в виду Степан Николаевич Митусов.

³³³ ОР РГБ, ф. 230, картон 4410, № 2, л. 6 об.

видно, в этот срок весьма бурно решалась их судьба. И если князь весьма ко времени встретил поддержку в обожаемой им второй жене, то и Евдокия Васильевна не разрубила бы гордиев узел своих несчастий без него, своего защитника и покровителя. Как следует из письма княгини Е.В. Путятиной ректору Санкт-Петербургского Императорского университета А.Х. Гольмстену от 20 января 1903 года, она прошла тогда через бракоразводный процесс, в результате которого её сын Степан «был судом всецело отдан на её попечение»³³⁴. В результате даже согласия на вступление в брак Степана от отца, С.Н. Митусова, не требовалось. В ГАТО хранится документ о вступлении князя Путятина во второй брак: «4 апреля 1882 года отставной штабс-капитан гвардии князь Павел Арсеньевич Путятин, посредник III участка Валдайского уезда, повенчан в Екатерининской церкви в Петербурге при главном управлении корпуса жандармов вторым браком с бывшей женой коллежского советника Степана Николаевича Митусова, Евдокией Васильевной, урождённой Голенищевой-Кутузовой. Поручителями при венчании были: полковник Алексей Кузьмич Зарубин, камер-юнкер барон Аполлон Карлович Гейкинг, надворный советник Иван Иванович Шапошников³³⁵, надворный советник Иван Иванович Энгельгардт»³³⁶.

Так же скоротечно бурно решилась и судьба четы Рерих. Произошло это летом 1899 года именно в Бологом, о чём спустя годы Николай Константинович записал ёмко и выразительно в своём дневнике: «Во время... раскопки, в Бологом, в имении князя П.А. Путятина я встретил Ладу, спутницу и вдохновительницу. Радость!»³³⁷ Ласковое именование Елены Ивановны Ладой, Ладущкой, другиней, вдохновительницей Рерих пронёс через всю жизнь. Большое значение в этой встрече имел С.С. Митусов, сыгравший роль проводника, указующего дорогу к заветной цели. Именно он, тогда ещё просто знакомый Рериха по университету, объяснил ему, как добраться до путятинского имения³³⁸. Николай Константинович сталкивался с князем Путятиным

³³⁴ ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 3, № 35685, 1898 г., л. 21.

³³⁵ Отец Е.И. Рерих.

³³⁶ Сообщено М.А. Ивановым. См. также: «Копия формулярного списка о службе бывшего Вышневолоцкого уездного предводителя дворянства князя П.А. Путятина». — 6 октября 1907 г. // ГАТО, ф. 59, оп. 1, д. 5013. — 6 л.

³³⁷ Рерих Н.К. Университет. — 1938 г. // Листы дневника. — Т. II. — М.: МЦР и др., 1996. — С. 163.

³³⁸ В литературе встречалось сообщение, что встреча произошла в Высоком (Кайдаш С. Указ. соч. — С. 150–153). Это не соответствует действительности, ибо имение князя П.А. Путятина располагалось не в Высоком (Бологое-II), а в бывшей Елкиной Даче (Бологое-I). На карте Бологого и окрестностей, исполненной князем П.А. Путятиным (см. Прилож. 2, рис. 22), его имение отмечено как № 1; имение Высокое, которым владел его сын Михаил, это № 7.

на заседаниях ИРАО ещё и раньше, начиная с весны 1897 года³³⁹, но настоящего знакомства не было, тут и помогла рекомендация Степана Степановича³⁴⁰. По-видимому, коллекции князя Путятина давно привлекали Рериха. Бологовский музей произвёл на него неизгладимое впечатление, но первое его «открытие» в усадьбе было не в области науки или искусства. Встреча с прекрасной девушкой – встреча на всю жизнь – решила всё. З.Г. Фосдик записала об этом со слов Е.И. Рерих: «Сегодня Елена Ивановна опять очаровательно рассказывала, как она первый раз познакомилась с Николаем Константиновичем, когда он приехал в Бологое, имение её тётки княгини Путятиной, где она тогда гостила. Приехал он вечером. “Сначала, – говорит Елена Ивановна, – через окно прямо на балкон шагнула пыльная нога или, вернее, пыльный сапог”. Елена Ивановна подошла к окну, а Николай Константинович спрашивает: “Здесь живёт князь Путятин?” Елена Ивановна пошла в комнату своей тётки и говорит: “Тётя, не то курьер, не то арендатор к тебе приехал”³⁴¹. Та велела ей обратиться к лакею, чтобы он провёл его к мужу. Вечером за чаем выяснилось, что это археолог какой-то, его ещё никто не видел. Тётя говорит: “Археолог, какое-то старьё, положить его спать у князя в кабинет”. На другой день за завтраком гостя увидели, он оказался молоденьким, хорошеньким, и решили ему дать комнату для приезжих. <...> Пробыл он там три дня. Елена Ивановна говорит, что он расположил их к себе тем, что дипломатично и тонко завёл разговор о старине своей фамилии Рерих и своего рода, а вся семья Путятиных увлекалась старинными родословными. <...> Он был представлен Елене Ивановне как знаменитый художник, и ей сразу понравились его “чистые глаза”³⁴². Близко к этому описание знакомства, данное П.Ф. Беликовым и В.П. Князевой³⁴³. Известно ещё одно описание этого события, принадлежащее Н.В. Шишкиной, якобы присутствовавшей при встрече. В нём имеются детали, характеризующие быт Бологовской усадьбы в конце XIX века. Несмотря на то, что к нему следует отне-

³³⁹ В документах ИРАО зафиксированы их встречи на заседаниях – до лета 1899 года всего 7 сопresentствий. См.: *РА ИИМК*, ф. 3 (архив ИРАО): № 401, л. 132, 135, 137; № 402, л. 9, 27, 32, 32 об.; № 409, л. 170, 176, 177, 189, 191; № 410, л. 5.

³⁴⁰ Митусова Л.С. Указ. соч. – С. 13.

³⁴¹ Арендаторов у князя П.А. Путятина во все периоды его усадьбы были десятки, если не сотни. Очевидно, аренда являлась одним из основных источников дохода. Для упорядочивания отношений с арендаторами по заказу Павла Арсеньевича в бологовской типографии А.В. Каткова был отпечатан бланк «Договора об аренде земли у князя П.А. Путятина». Один такой заполненный договор, датированный 20 июля 1907 года, сохранился в архиве Бологовского краеведческого музея им. Н.И. Дубравицкого. См.: Багажова И.В., Иванов М.А., Полякова Л.А. Указ. соч. – С. 50. – Примеч. В. М.

³⁴² Фосдик З.Г. Мои Учителя. Встречи с Рерихами: По страницам дневника 1922–1934 годов. – М.: Сфера, 1998. – С. 92–93, 325. – Записи 5 августа 1922 г. и 2 сентября 1928 г.

³⁴³ Беликов П.Ф., Князева В.П. Рерих. – М.: Молодая гвардия, 1973. – С. 52–53.

стись критически из-за ряда фактических неточностей, приведём его здесь: «[Елена Ивановна] говорила, что поставила себе задачей в жизни выйти замуж за человека – знаменитого служителя искусства, будь то музыкант, певец, художник, живописец или скульптор, но непременно человек с высшим дарованием и талантом. И вот её желание исполнилось. Лето её мать и она всегда проводили в имении князя Путятина, у её тетки, станция Бологое, Новгородской губернии, на берегу прекрасного озера в 22 км в окружности. Сам князь Путятин был археолог, член, а может быть, и председатель “Общества Археологов” в Петербурге. Новгородская губерния богата раскопками очень древних наслоений ископаемых. К нему часто наезжали другие археологи. Однажды вся семья Путятиных отправилась в свою деревенскую баньку, построенную тут же на краю парка, на берегу озера. Елена Ивановна первая вернулась и, проходя через переднюю, увидела в углу сидящего человека; она машинально взглянула на него и прошла мимо, приняв его за охотника или за одного из служащих князя Путятина. Сам Путятин был в это время в отъезде, тоже по делам раскопок; уехал туда на несколько дней. Она не очень большое внимание уделила сидящему ожидающему человеку, но этот скромно сидящий человек с огромным удивлением перед её красотой поглядел на неё. Она шла с распущенными после мытья волосами, которые, как длинная пелерина, окутывали сверху донизу её стан. Вернувшись из бани, вся семья села за стол в столовой ужинать, и тут только Елена Ивановна вспомнила о том, что в передней “сидит какой-то человек, приехавший, должно быть, по делу к дяде”. Спыхватились, пошли к нему, пригласили его к столу. Это был невзрачно одетый, в охотничьих высоких сапогах, куртке и фуражке, человек, очень скромно назвавший свою фамилию – Рерих. Из разговора выяснилось, что он и есть знаменитый уже в то время художник Рерих, чьи картины уже были в Третьяковской галерее в Москве и на выставках картин Петербурга, и что приехал он к ним к старому князю-археологу по делам археологических раскопок, производимых в этой местности. Старик-князь задержался в пути, и несколько дней прогостил Рерих в их усадьбе в ожидании приезда князя. И вот за эти несколько дней решила вся судьба Елены Ивановны. Вот человек, которого так долго ожидала её душа! Вот оно то вдохновение, которое она так давно искала! Любовь взаимная решила всё! Рерих уехал счастливым женихом³⁴⁴, а она сияла от счастья»³⁴⁵.

³⁴⁴ Это неверно, ибо о помолвке было объявлено только на следующий год в Санкт-Петербурге. – *Примеч. В. М.*

³⁴⁵ *Шишкина Н.В.* Указ. соч.

Однако Елене Ивановне было нелегко решиться связать свою жизнь с художником. Она и её семья принадлежали к великосветской знати, и большинство её родственников прочили ей совсем другое будущее. К ней сватались блестящий гусар Аккерман, затем, один лицеист, единственный сын у родителей-миллионеров (имя его осталось для истории неизвестным), на балах за ней ухаживал богач Теодор Молво³⁴⁶, были и другие «заманчивые предложения». Но «манили» они не Елену Шапошникову, а её мать, Екатерину Васильевну, её «тётю Дуню» (как называли княгиню Путятину племянники и племянницы), многих других в их знатном кругу. «Вечно поющий»³⁴⁷ Степан Митусов безоговорочно поддержал выбор любимой кузины и стал активно ей способствовать в этом непростом выборе. Князь Путятин тоже с первых дней симпатизировал молодому Рериху, поддерживая его в археологических и художественных устремлениях. Это был настоящий «заговор» против своего круга, реализованный смело и не без хитрости. Приходилось прибегать к тайной переписке, ибо обычные письма Рериха читала вся семья. Были и тайные встречи и, наконец, Елена Шапошникова и Николай Рерих были тайно обручены. Соппротивление родственников было сломлено лишь тогда, когда жених стал секретарём ИОПХ и получил право прямого доклада к «Его Императорским Высочествам» и «Его Императорскому Величеству», то есть к Николаю II, принцессе Е.М. Ольденбургской, а впоследствии и великим княгиням Елизавете Фёдоровне и Марии Павловне и великим князьям Георгию Михайловичу и Петру Николаевичу³⁴⁸.

О том, что Николай Константинович весьма дорожил общением с князем Путятиным, свидетельствуют многие его высказывания в письмах к Елене Ивановне, самые разнообразные по настроению: «Поклонись всем, кому следует, скажи им что-либо приятное и к случаю подходящее, Ты ведь это умеешь как нельзя лучше. Князя можно поцеловать в лысину, ему будет приятно. Княгине скажи, что она помолодела; Екатерине Васильевне, что она похудела; ну, словом, кому поумнела – кому что следует» (май 1900 года); «Сейчас я написал и князю, и кажется “очень”, – какое на него произведёт впечатление? <...> Ещё у князя есть мои прошлогодние фельетоны»

³⁴⁶ См.: Благово Н.В. Семья Рерихов в гимназии К.И. Мая. – СПб.: Наука, 2006. – (Серия «Щедрый дар». – Вып. II). – С. 25.

³⁴⁷ Митусов С.С. Письмо А.Н. Римскому-Корсакову. – Конец 1900-х гг. // Кабинет рукописей Российского института истории искусств в Санкт-Петербурге (далее – КР РИИИ), ф. 8, р. VII, № 363/3, л. 1 об.

³⁴⁸ Анненкова Э.А., Голиков Ю.П. Принцесса Е.М. Ольденбургская и Н.К. Рерих в Императорском Обществе поощрения художеств // Рериховское наследие: Труды конференции. – Том II. – СПб. – Вышний Волочёк, 2005. – С. 291.

(19 июня 1900 года); «Воображаю, как князь ходит грачом. Анекдоты без меня процветают?» (20 июня 1900 года); «Целую Тебя крепко и всем кланяюсь и целую. Но конечно не всех, а князя и Екатерину Васильевну» (24 июня 1900 года); «Князя поцелуй, но иначе, чем Екатерину Васильевну» (24 августа 1900 года); «К празднику мне бы хотелось написать письмо князю; научи, будет ли удобно, или просто карточку послать?» (14–15 декабря 1900 года); «Что Стёпа? Князь? И все» (1901 год); «Всех целую. Екатерину Васильевну так, а князя этак, чтобы неодинаково» (17 июля 1901 года); «Князь наш как рад членству в Обществе³⁴⁹ – а ещё говорили, что он не хочет быть» (17 ноября 1907 года); «Ривьер³⁵⁰ – князю поклон» (23 ноября 1907 года); «Скажи князю, что прирейнский каменный век не очень интересен – очень много позднейшего полированного» (16 июля 1908 года); «Поцелуй Стёпу и князя – если они Тебе полезны и приятны. В сущности, без них кто же ещё останется в Бологом?» (25 июля 1908 года)³⁵¹. Сохранились десятки писем Рериха к Елене Ивановне, адресованные в Бологое, в имение князя П.А. Путятин. В этих и в других его письмах порой упомянуты подробности тесного семейного круга, выражено отношение к Путятинным и их гостям³⁵². А вот примеры, имеющие отношение к музейному делу: «Князь хочет сказать де-Баю про мою картину, он находит, что это было бы очень хорошо» (8 июля 1900 года). «Спасибо князю за письмо» (12–13 августа 1901 года)³⁵³. Это свидетельство того, что князь Путятин поддерживал деятельность художника ещё до его назначения секретарём ИОПХ, значит, для него была важнее его творческая индивидуальность, а не положение в «табели о рангах» в данный момент.

Упомянутый в письме Рериха французский барон Иосиф Августович де Бай много лет дружил с князем и, конечно, знакомство с ним было полезно молодому художнику, ибо де Бай являлся признанным в Европе и России деятелем музейного дела, знатоком искусства, а, кроме того, выполнял дипломатическую миссию Французского

³⁴⁹ Имеется в виду ИОПХ.

³⁵⁰ Имеется в виду французский антрополог и археолог Ривье де Прекур.

³⁵¹ Рерих Н.К. Письма Е.И. Шапошниковой. СПб. – Париж – Нейенар. 1900–1901 гг. // ОР ГТГ, ф. 44, № 157, 156, 180, 182, 255, 230, 186, 249, 348, 354, 353, 240 (в порядке цитирования).

³⁵² Приведём в конспективной форме суть некоторых упоминаний. Названы завсегда таи усадьбы Беляев и «целая свора гг. Редкиных и К^о». Отмечены некие «бологовские анекдоты», которыми Рерих был поначалу несколько шокирован, но когда пообщался с герцогом Н.Н. Лейхтенбергским в его имении Горы под Окуловкой, они показались ему «младенчеством». Упомянуты прогулки Рерихов в «Бологовском саду» в июле 1901 года. Из писем ещё известно, что князь Путятин любил заказывать пряники в Твери (1902 г.) и с начала XX века обычно уезжал на зиму в Санкт-Петербург, покидая Бологое до конца сентября и возвращаясь обратно в мае (1909). См. подробнее: Мельников В.Л. Князь П.А. Путятин и его Бологовская усадьба. – СПб.; Вышний Волочёк: Ирида-прос, 2000. – С. 67.

³⁵³ ОР ГТГ, ф. 44, № 228, 229.

правительства в России³⁵⁴. О том, что знакомство состоялось и переросло в сотрудничество, свидетельствует последующая переписка Рериха с де Баем³⁵⁵.

Приведённые документальные сведения показывают, что биографы Рерихов и местные краеведы совершенно обоснованно признали Бологовскую усадьбу князя П.А. Путятина важнейшим пунктом на символической карте «Держава Рерихов»³⁵⁶. Для Рерихов, как, впрочем, и для многих других гостей Бологовской усадьбы, Павел Арсеньевич был преемником выдающихся деятелей прошлого, сохранившим память о пушкинском круге, об императорских звериных охотах, о потомственных Петербургских собирателях-подвижниках. Беззаветно преданный идеалам отечественной культуры, князь Путятин был идейным продолжателем духовных заветов «святой старины», идей нравственного развития общества, почерпнутых из сокровищниц православия, других религий мира, этических учений античности и современных ему масонов. К князю притягивали его музейное подвижничество, любовь к наукам и, прежде всего, к истории, археологии, антропологии, палеоэтнологии, этнографии. Его усадебный музей при ближайшем рассмотрении оказывается принадлежащим к ещё двум великим биографическим «Державам»: поэта Александра Сергеевича Пушкина и композитора Николая Андреевича Римского-Корсакова (1844—1908)³⁵⁷.

Выше мы упоминали о том, что пушкинские «мемории» занимали особое место в культурном пространстве путятинской усадьбы. Благодаря С.С. Митусову бологовский усадебный мир оказался в поле зрения композитора Римского-Корсакова и его семьи. Не останавливаясь на всех имеющихся фактах, перечислим ряд эпизодов, касающихся бологовских усадеб, почерпнутых нами из личного общения с Татьяной Владимировной Римской-Корсаковой (1915—2006) и документального наследия её великого деда.

Как указывал музыковед Алексей Иванович Кандинский, в опере «Сказка о царе Салтане» (1900) нет преобладания какого-либо одного фольклорного пласта, но, напротив, обращает на себя внимание пестрота использованных народных и бытовых жанров. И одна из многих народных тем, претворённых в стилистике духовного сти-

³⁵⁴ О его вкладе в историю российского музейного дела см. выше, где он упомянут в связи с В.Н. Поливановым, создателем усадебного музея в селе Акшуат Барышского района Ульяновской области.

³⁵⁵ *Петербургский Рериховский сборник*. — Самара: Агни, 1999. — № 2–3. — С. 396.

³⁵⁶ *Новосельский К.И.* Проект карты «Держава Рерихов» // *Матерь Агни Йоги: Материалы конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения Е.И. Рерих*. — Новосибирск, 1989. — С. 77–89.

³⁵⁷ См.: *Мельников В.Л.* Римский-Корсаков и Рерих: пушкинские реминисценции // *Петербургский Рериховский сборник*. — СПб., 2001. — № 4. — С. 140–161.

ха, происходит из Бологого. Это суровая тема корабельщиков-купцов «Благодарствуй, царь Салтан» из второй картины III акта³⁵⁸. По свидетельству биографа композитора В.В. Ястребцева, записанному 21 ноября 1900 года, «эту песню слышал Степан Степанович Митусов в Тверской губернии, недалеко от станции Бологое; её пели нищие на слова “Я стремлюсь к тому чертогу” и “Я поставлю к Богу свечку”. Приехав гостить в Вечашу, Митусов не раз, в виде шутки, напевал эту песенку, она понравилась Николаю Андреевичу, и он взял её в оперу для характеристики купцов»³⁵⁹. Как уже не раз отмечалось в литературе³⁶⁰, С.С. Митусов был «живым звеном» в связи с музыкальным миром Римских-Корсаковых не только для Рерихов. Дом великого композитора он посещал в течение двенадцати-тринадцати лет до самой его смерти, чуть ли не ежедневно, да и после постоянно навещался к своим друзьям. По его признанию, именно в кругу Римского-Корсакова он «получил хорошее разностороннее музыкальное образование»³⁶¹. Степан Степанович был счастлив, когда к нему в Бологое, в усадебный флигель, который занимала его семья (см. Прилож. 1, *рис. 19*), на несколько дней приехал его близкий друг Владимир Николаевич Римский-Корсаков – приехал, чтобы поохотиться и полюбоваться на окрестные виды: леса, озёра и холмы, кое-где увенчанные живописными могилами и церквушками. Как указывалось выше, случилось это в начале января 1901 года. В семейной переписке Римских-Корсаковых бологовским приключениям Владимира Николаевича посвящено сразу 6 писем³⁶². Непосредственно Николай Андреевич получил подробное описание жальника на холме при деревне Подлипье, на берегу озера Глубокого (см. Прилож. 2, *рис. 22*, № 8: местоположение), который «мог бы раскопать князь Путятин, но не захотел этого делать, так как тут же стоит часовня и поэтому земля эта святая, а святую землю нельзя трогать». «Этот холм замечателен не только могилами, – писал своему отцу Владимир Николаевич, – но и своей красотой. На нём удивительно красиво располо-

³⁵⁸ Кандинский А.И. История русской музыки. – Т. II: Вторая половина XIX века. – Кн. 2: Н.А. Римский-Корсаков. – М.: Музыка, 1979. – С. 146.

³⁵⁹ Ястребцев В.В. Николай Андреевич Римский-Корсаков. Воспоминания. – Т. II: 1898–1908. – Л.: Музгиз, 1960. – 634 с.

³⁶⁰ Мельников В.Л. Памятник. [К 150-летию Н.А. Римского-Корсакова и 120-летию Н.К. Рериха] // Музыкальная Академия. – М., 1994. – № 2. – С. 164–169; Будникова Ю.Ю. С.С. Митусов и «Мир искусства» // Петербургский Рериховский сборник. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. – № 4. – С. 458–476.

³⁶¹ Митусов С.С. Автобиография // Утренняя Звезда. – М.: МЦР и др., 1994–1997. – № 2/3. – С. 344.

³⁶² 2 письма Владимира Николаевича Римского-Корсакова отцу; письмо брата, Андрея Николаевича Римского-Корсакова, отцу; 2 письма жены композитора, Надежды Николаевны Римской-Корсаковой, сыну Андрею; письмо сестры, Софии Николаевны Римской-Корсаковой, брату Андрею. – 1901 г. // КР РИИИ, ф. 7, р. XII, № 60, л. 9–12; ф. 7, р. XII, № 81/2, л. 2; ф. 8, р. XVIII, № 2031, л. 3, 5, 5 об.; ф. 8, р. VII, № 468/45.

жены: одна сосна довольно зелёная, затем несколько тёмных елей, в некоторых местах с сединой, от покрывающего их инея. Ели перемешаны с совсем седыми плакучими берёзами. Тёмные с проседью ели, могилы, часовня и покрывающий всё это снег придают этому холму какой-то суровый характер, особенно когда этот холм выделяется на фоне свинцового тяжёлого неба. Летом, говорит Степан Степанович, выглядит совсем иначе и тоже замечательно красиво». В другом письме из Бологого Владимир писал: «Дорогой папочка, только что вернулись с прогулки. Ездили в санях на паре довольно далеко через всё озеро. Между прочим, видели дачу, где жил Миша летом³⁶³. Во все стороны дивные виды. Замечательная красота! Приехали мы в некое местечко, называемое Починок³⁶⁴; там вылезли из саней и довольно долго гуляли по лесу». И так далее, с прибавлением описания охоты, катания, обеда и других происшествий в гостеприимном имении.

Помимо рассказов об охотах и прогулках, Владимир Римский-Корсаков привёз отцу из Бологого и нечто иное, а именно сведения о культурных сокровищах, с которыми он там соприкоснулся. О них, конечно, рассказывал и Степан Митусов, ибо именно в петербургском доме Римских-Корсаковых на Загородном проспекте, № 28 приглашал друга в неблизкую для зимы поездку. Памятью о друзьях Пушкина в те годы всё ещё «дышали» стены бологовских усадеб. Памятные места князя Д.А. Эристова в усадьбе Высокое не могли оставить равнодушным ни одного посетителя. Имя этого интересного человека в наследии А.С. Пушкина упоминается неоднократно³⁶⁵. Здесь князь умер и был похоронен в ограде Троицкой церкви на кладбище (см. Прилож. 4, *рис. 30–32*).

Ещё одним «пушкинским» местом в Бологом была усадьба Лидино, она же дача Заимка³⁶⁶, построенная адмиралом Российского флота Фёдором Фёдоровичем Ма-

³⁶³ Имеется в виду Бологовская биологическая станция С.-Петербургского общества естествоиспытателей, на которой работал М.Н. Римский-Корсаков. – *Примеч. В. М.*

³⁶⁴ См. Прилож. 2, *рис. 22*, № 10: местоположение. – *Примеч. В. М.*

³⁶⁵ Вот только один пример – строки из Михайловского в письме к А.А. Дельвигу в октябре 1825 года: «...Вот тебе, душа моя, приращение к куплетам Эристова. Поцелуй его от меня в лоб. Я помню его отроком, вырвавшимся из-под полоцких езуитов. Благословляю его во имя Феба и св. Бобония безносого» (*Пушкин А.С. Сочинения: В 8 томах / Ред. П.А. Ефремов. – СПб., 1903. – Т. 7. – С. 232*). См. также ниже.

³⁶⁶ Последним её владельцем был русский поэт и критик Владислав Фелицианович Ходасевич (1886—1939). См. об этой усадьбе: *Список населённых мест Новгородской губернии / Под ред. секретаря Новгородского губ. стат. ком. В.А. Подобедова. – Новгород, 1909. – Вып. 5: Валдайский уезд. – С. 60–61; Черейский Л.А. Матюшкин Фёдор Фёдорович // Черейский Л.А. Пушкин и Тверской край: Докум. очерки. – М., Калинин: Московский рабочий, 1985. – С. 115–117; Иванов М.А. «И человек настоящий...»: [К 190-летию со дня рождения адмирала Ф.Ф. Матюшкина] // *Новая жизнь. – Бологое, 1989. – 11, 13, 15 июля; Ходасевич В.Ф. «...Где сердцу – воля и сладкий плен!..»: Ходасевич в Бологое / Вступление и публикация В.В. Сычёва. – [Фото Н.В. Блинова «Дом усадьбы Лидино»; А.Я. Головин. Портрет М.Э. Маковской (урождённой Рындиной). – Ил.] // Русская про-**

тюшкиным (1799—1872), хранителем лицейских бумаг и традиций. В ней и в имени Высокое он прожил последние 12 лет жизни. Пушкин до конца дней своих дорожил его дружбой. Ему посвящены строки в стихотворении «19 октября» (1825):

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
 Чужих небес любовник беспокойный?
 Иль снова ты проходишь тропик знойный
 И вечный лёд полунощных морей?
 Счастливый путь!.. С лицейского порога
 Ты на корабль перешагнул шутя,
 И с той поры в морях твоя дорога,
 О, волн и бурь любимое дитя!

По совету Пушкина Фёдор Фёдорович во время кругосветных плаваний вёл путевой дневник, который потом был издан. По свидетельствам современников, в бытность свою в Бологом Матюшкин был большим любителем охоты, днями пропадал со своим старым матросом Андреем Романовым в окрестностях Заимки, Высокого и уже упоминавшегося выше Подлипья³⁶⁷.

Судьба и имя ещё одного близкого Пушкину человека связана с Бологим. Это декабрист Иван Иванович Пущин (1798—1859), автор известных «Записок о Пушкине», называемый друзьями «Рыцарем Правды». В Бологовской приходской церкви 22 мая 1857 года состоялось тайное венчание И.И. Пущина и Наталии Дмитриевны Фонвиной (1805—1869), вдовы декабриста М.А. Фонвизина. Свидетелями были лицейские друзья Матюшкин и князь Эристов.

Именно поэтому, с учётом всего отмеченного выше, князь Путятин подчёркивал в «Воспоминаниях и заметках», что он сформировался в среде, где имя Пушкина произносилось с благоговением, было культурным и нравственным ориентиром, символизировало принадлежность к определённому кругу ищущих, творчески одарённых и любящих жизнь людей. Павел Арсеньевич с юности восхищался красотой своих мест так же, как и лицейские друзья Пушкина. И все приезжавшие в Бологое имели возможность прикоснуться к творческому наследию Пушкина не только через «мемо-

винция. — 1994. — № 2. — С. 88–93; Сычёв В.В. Бывают странные сближенья: Бологое — родина первой книги Владислава Ходасевича // *Тверская жизнь*. — 1994. — 7 апреля; Он же. Дом Ходасевича // *Сегодня*. — 1994. — 2 июля; Он же. Меж двух столиц. — Новгород: Русская провинция, 1998. — С. 122–125.

³⁶⁷ Руденская М.П., Руденская С.Д. «О, волн и бурь любимое дитя!»: Фёдор Матюшкин / С лицейского порога. — Л.: Лениздат, 1984. — С. 109; Иванов М.А. Приятели А.С. Пушкина в Бологое // *Иванов М.А. Краеведческий материал по истории г. Бологое (в помощь преподавателям)*. — Бологое, 1992. — С. 20–24.

рии» лицеистов, но и через подлинные рукописи поэта, бережно хранимые в Бологовском усадебном музее вплоть до катастрофы 1917 года³⁶⁸.

17 июля 1917 года Николай Константинович Рерих писал с горечью о гибели путятинского имения: «В Бологое у старика Путятин сгорел старый дом. Часть мебели вынесли, но наслоения времени погибли»³⁶⁹. Следует отметить, что к этому пожару не имели отношения революционные беспорядки, повсеместные в тот год. Пожар возник из-за сажи в старинном дымоходе, накопившейся ещё с начала XIX века, когда был выстроен главный усадебный дом. Об этом свидетельствуют два письма князя Путятин Рериху, недавно обнаруженные в архиве Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. В конце июня 1917 года из Бологого князь Путятин послал Рериху открытку со следующим текстом: «Его Высочеству Николаю Константиновичу Рёригу³⁷⁰. Сердоболь. Sortavala. Seminarium Relander. Родной и сердечный Николай Константинович. Очень благодарим Вас за память. В трудные наши жизненные минуты она для нас драгоценна. Вижу, что Вы не знаете о нашем громадном горе. Большой Бологовский дом накануне почти нашего приезда сгорел, хотя многое удалось из него спасти. Картины и большую часть библиотеки, рояль, мебель успели вытащить. Но такую постройку с верандой, паркетом и пр. из чудного соснового леса, почти столетнего, не устроишь – сгорела дотла. Думаю, Вы понимаете, какой для нас с женою и детьми жестокий удар. При погромах, разрушениях памятников, грабежах наше горе понятно. Кабинет-лаборатория, разумеется, исключая книг, частью разрушен у 80-тилетнего старика больного и моей жены! Целуем все вас крепко, как любим. Князь П.А. Путятин. P. S. Видимо, конец моим занятиям по археологии и искусствам, положение жестокое, аренды не платят и везде грабят. [P.] P. S. Соня³⁷¹ и Мира³⁷² у своих мужей на фронте, а у нас живут Митусовы Злата, Людя и Катя³⁷³. Адрес Стёпы³⁷⁴: Омск, Думская улица, 33»³⁷⁵ (см. Прилож. 6, *рис. 47 и 48*: воспроизведение). Отметим, как в данном письме князь Путятин называет свой рабочий кабинет в главном уса-

³⁶⁸ См. в третьем параграфе второй главы настоящего исследования, подраздел 2.3 «Собрание автографов и факсимиле замечательных лиц», № 180–182.

³⁶⁹ Рерих Н.К. Письма к А.Н. Бенуа. – СПб.: Сердце, 1993. – С. 11.

³⁷⁰ Именно так Путятин записал фамилию художника. – *Примеч. В. М.*

³⁷¹ Имеется в виду дочь Путятинных С.П. Потоцкая. См. Прилож. 5, *рис. 37*. – *Примеч. В. М.*

³⁷² Имеется в виду дочь Путятинных М.П. Маркова. См. Прилож. 5, *рис. 37*. – *Примеч. В. М.*

³⁷³ Имеются в виду Е.Ф. Митусова, жена С.С. Митусова, и их дочери Злата и Людмила. – *Примеч. В. М.*

³⁷⁴ С.С. Митусов был в то время призван в армию и находился на службе в Омске. – *Примеч. В. М.*

³⁷⁵ Автограф. Почтовая карточка. Штемпели: Бологого 30 июня 1917 г., Сердоболь (Sortavala) 26 июля 1917 г. // Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. – Ксерокопия в архиве МИСР, фонд МСССМ.

дебном доме – кабинет-лаборатория, а сам сгоревший дом – Большой Бологовский дом. Второе сообщение, относящееся ко второй половине 1917 года, было написано князем Путятиным уже в Петрограде. В нём Павел Арсеньевич описывает подробнее, что произошло в начале лета 1917 года в Бологом и что происходит в настоящий момент в Петрограде: «Дорогой друг Николай Константинович. Не знаю, когда к Вам дойдёт моё письмо, и дойдёт ли исправно при современной путанице. Ду-³⁷⁶ня писала раза три и не получила в ответ от Ляли³⁷⁷ ничего. Верно письма пропадают. Поправилось ли Ваше здоровье, и приедете ли Вы в наш милый град Питер, который, по случаю дороговизны и пр., порядочно повымирает [1 сл. нрзб.]. Мы, как знаете, это время к старости порядочно терпим. Сначала сгорел дом в Бологом. Потом страдания за дочерей и их мужей. Ныне из-за разных недомоганий и так далее просто жизнь делается адом. Что Юра и Светик³⁷⁸, как они проводят время. Относительно науки могу одно сказать – теперь она принижена, и только иногда бывают учёные доклады в обществах, но на них по случаю трудностей в трамваях и пр. часто невозможно попадать. Кроме того, моя 80-тилетняя голова не выдерживает все эти давления судьбы, и я сам прихварываю от страданий телесных и душевных. Как Ваша живопись и что случилось с квартирой и коллекциями?.. Хотя до сих пор ещё мои дочери не утратили веру в будущем, но письма зятьёв, сильно пострадавших от военных бурь, нас всех перемучили и подействовали на организмы. Мы сильно осунулись, похудели и изменились. Беспорядочно жестокий век отразился губительно. Письмо посылаю заказным в виду того, что не только наши к Вам не дошли, но и племянниц. Катя сомневается, дошла ли корреспонденция Кн. Шаховской³⁷⁹?.. Стёпу мы видим, но не надолго. Он тоже волнуется и хлопочет о своей судьбе. Жаль мне очень Бологовского дома и моего кабинета, моей лаборатории раскопок и продуктов драги с озёрных жилищ на плотках³⁸⁰. Образцы почв тоже я не успел подвергнуть промывке до пожара. Что из моей библиотеки и собраний предметов науки пропало, не могу ещё сообразить. Ещё в 1878-м году в “Памятниках древней письменности” у Ф.И. Булгакова была статья под заглавием “Палеографическая коллекция Кн. П.А. Путятина”. Картины и мебель спасли. По-видимому, тут был недосмотр трубо-

³⁷⁶ Имеется в виду княгиня Е.В. Путятина, его жена. – *Примеч. В. М.*

³⁷⁷ Имеется в виду Е.И. Рерих. – *Примеч. В. М.*

³⁷⁸ Имеются в виду сыновья Рерихов Юрий и Святослав. См. Прилож. 5, рис. 38, 39, 41. – *Примеч. В. М.*

³⁷⁹ Имеется в виду княгиня Анастасия Васильевна Шаховская, сестра княгини Е.В. Путятиной. – *Примеч. В. М.*

³⁸⁰ Подчёркнуто князем Путятиным. – *Примеч. В. М.*

чиста, чистившего трубы к нашему приезду летом. Но что наше горе с ужасами погромов дворцов, уничтожением памятников истории и искусств, старинных зданий усадеб и пр., пр. Наши с Вами художественные волнения ничто перед этим. Там уничтожалось воюющими народами – а тут свой своего и своих разоряет и уничтожает, доводя до голода народ. Графиня Уварова³⁸¹ мне написала очень сочувственное письмо по поводу утрат в Бологом. Но что всё это в сравнении с муками о детях, внуках и наших страданий героев России... Всё это ничто перед больным сердцем. Дай Бог Вам всего хорошего от старика и его жены и Сони, которая не забывает нас, почит, сколько возможно, не смотря на то, что тоже похудела и перестрадалась много. Об Мире тоскуем тоже, она с мужем и с детьми около них. Целую всех от мала до велика от любящего сердца. Князь П.А. Путятин». И приписка супруги Евдокии Васильевны: «Ляля, целую тебя и деток без конца. Сердечный привет Колинке твоему. Твоя тётя»³⁸². Здесь важно отметить ценное упоминание лаборатории раскопок и продуктов озёрной драги. Подводной (озёрной) археологией князь Путятин занимался в последние годы своей жизни, став пионером в этом направлении археологической науки в России.

Но с пожаром в 1917 году в Большом Бологовском доме злоключения Путятинского имения в прошедшем веке не кончились. Во второй половине тридцатых годов была уничтожена Бологовская Покровская церковь. Постепенно вырубался Путятинский парк, окаймлявший Бологовское озеро. С 13 по 23 марта 1943 года на Бологое было сброшено 1811 немецких авиабомб, в другие месяцы войны ещё тысячи снарядов. «Это был настоящий ад!» – говорят выжившие очевидцы³⁸³. Почти весь город был стёрт с лица земли. Пророческие строки из стихотворения Иннокентия Анненского «Старая усадьба» в полной мере отражают судьбу всех без исключения бологовских усадеб:

Сердце дома. Сердце радо. А чему?

Тени дома? Тени сада? Не пойму.

Сад старинный, всё осины – тощи, страх!

Дом – руины... Тины, тины, что в прудах...

³⁸¹ Имеется в виду археолог, организатор науки и музейного дела графиня Прасковья Сергеевна Уварова (1840—1924), урождённая княжна Щербатова, о «Порецком музее» которой мы писали выше. – *Примеч. В. М.*

³⁸² Приписку князя Путятина на полях разобрать не удалось. Автограф. Без даты (вторая половина 1917 г.) // *Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке*. – Ксерокопия в архиве МИСР, фонд МСССМ.

³⁸³ Багажова И.В. Указ. соч. – С. 6.

Что утрат-то!.. Брат на брата... Что обид!..
 Прах и гнилость... Накренилось... А стоит..
 Чьё жилище? Пепелище?.. Угол чей?
 Мёртвой нищей логовище без печей...³⁸⁴

Ныне от усадьбы Павла Арсеньевича сохранилась лишь одна аллея, ведущая к озеру (см. Прилож. 3, *рис. 27*). Во время недавних земляных работ на значительной площади бывшей усадьбы снят и куда-то вывезен культурной слой (толщина снятого грунта 1–1,5 м). Эти работы велись без наблюдения со стороны специалистов-археологов. Таким образом, в течение XX века облик усадьбы изменился неузнаваемо и невосстановимо. Поэтому так важно сохранить то подлинное, что ещё осталось от Бологовской усадьбы князя П.А. Путятина. Необходимо объявить это место памятником истории и культуры хотя бы местного значения.

Судьба музейной коллекции князя Путятина остаётся до конца невыясненной. Это тоже тема для будущих исследований. Очевидно одно – она не могла полностью сгореть в пожаре 1917 года. Известно, что археологические находки князя поступали в Государственный Эрмитаж, в Кунсткамеру, в Санкт-Петербургский Императорский университет, Музей ИРАО, в Исторический музей в Москве, в Новгородский музей, в Венский придворный музей натуральной истории и даже в Смитсоновский институт в Вашингтоне. О вкладе князя Путятина в Музей ИРАО известно по его каталогу, составленному А.А. Спицыным³⁸⁵:

«№ 8. Семь таблиц с поделками из кремня и сланца и огромное собрание черепков из раскопок князя П.А. Путятина в Бологом. Коллекция издана в “Записках Русского Отделения ИРАО”, т. V, вып. 1, с. 239–277. Принесена в дар Обществу князем в 1907 г.»;

«№ 63. Горшок с сожжёнными костями, найденный на Бологовском мысу, на глубине 1 арш., и доставленный в 1907 г. князем П.А. Путятиным. Первая находка этого рода на Валдайской возвышенности»;

«№ 110. Вещи из курганов XI–XII в., раскопанных в прежнее время на берегу Бологовского озера, у мельницы Глубочицы, доставленные князем П.А. Путятиным в 1903 г.: бусы, височные кольца проволочные среднего размера (в обломках), бубен-

³⁸⁴ Анненский И.Ф. Кипарисовый ларец. – М.: Книга и бизнес, 1992. – С. 74.

³⁸⁵ Краткий каталог Музея ИРАО / Составил А. Спицын, действительный член Общества, хранитель Музея. – СПб.: типография М.А. Александрова, 1908. – С. 7, 18, 27, 39, 47–48.

чики, сломанная медная шейная гривна, витой медный браслет, железные поделки. Данные в “Записках ИРАО”, т. XI, вып. 1, с. 372».

«№ 215. Шиферная плитка с изображениями из Эдессы, полученная в 1900 г. от князя П.А. Путятина. Данные в “Записках ИРАО”, т. XII, вып. 1, с. 199».

«№ 271. Мраморный бюст фавна, вывезенный из Италии в давнее время и переданный в Общество князем П.А. Путятиным. Работа XVIII в.».

В «Указателе Исторического музея», «Описании Новгородского музея» и каталогах ещё нескольких других музеев того времени можно прочесть подобные записи.

В 1915–1916 годах князь Путятин поддержал созданный Рерихом Музей русского искусства при школе ИОПХ, передав в дар этому Музею шесть произведений из своей коллекции³⁸⁶. Но где находятся теперь эти произведения, попали ли они в Русский музей, другие музеи страны, были ли проданы за границу, неизвестно. Отдельные предметы из Бологовского усадебного музея теперь хранятся в Бологовском краеведческом музее им. Н.И. Дубравицкого, куда их до сих пор приносят местные жители. Например, в экспозиции этого музея можно увидеть шлем, щит и ножны из коллекции князя Путятина, составлявшие некогда доспехи иранского воина (см. Прилож. 8, *рис. 64*). Также несколько картин и вещей, имеющих прямое отношение к имени князя П.А. Путятина в Бологом, ныне хранится в Музее-институте семьи Рерихов в Санкт-Петербурге в составе Мемориального Собрании С.С. Митусова. Например, два произведения художника Фёдора Ивановича Братского, бывшего крепостного, дававшего когда-то уроки живописи молодому Павлу Арсеньевичу (см. Прилож. 7, *рис. 50 и 51*: воспроизведения). О том, каким чудом сохранились эти вещи, Л.С. Митусова поведала в своих воспоминаниях: «Спустя какое-то время после той последней поездки в Бологое [в 1918 году] к папе приехал оттуда один человек, кажется, местный милиционер. Он передал ему некоторые вещи из Путятинской усадьбы, к тому времени уже полностью занятой “новыми хозяевами”. Причём вывез он эти вещи с риском для себя. Из этих вещей сохранился большой папин портрет, выполненный в Бологом художником Фёдором Ивановичем Братским, когда папа был ещё мальчиком. Рассказывал этот человек и о том, какое воровство и разгром были в усадьбе. Но его устроили не путятинские крестьяне, а эти “новые хозяева” – коммунисты. Когда я приезжала в 1990 году в Бологое, встречалась с учащимися и жителями, узнала, как

³⁸⁶ Музей Русского искусства при Школе ИОПХ: Каталог. – Пг., 1916. – С. 3, 9, 13. См. подробнее в третьем параграфе второй главы настоящего исследования, подраздел 1 «Собрание живописи и графики», № 4, 11, 12, 17–19.

хорошо относились крестьяне и старые жители к Путятиным, любили их и, конечно, не они разрушали их имение после революции»³⁸⁷.

Почти ежегодно на протяжении последних 10 лет мы посещаем путятинские места в Бологом³⁸⁸. На территории усадьбы Высокое (Бологое-II) уже более полувека располагается сельскохозяйственный совхоз-колледж, ведётся работа по воспитанию молодёжи. Многие постройки старой усадьбы утрачены, но дом князей Эристовых-Путятиных ещё стоит, хотя крыша и некоторые перекрытия давно рухнули. Окна без рам и стёкол глядят немым укором. На месте Большого Бологовского дома князя П.А. Путятина в главной Бологовской усадьбе ныне высится внушительное кирпичное здание местного спортивного комплекса. До недавнего времени в этом здании был районный дом культуры, в нём находились мастерские художников, народные промыслы, танцевальные кружки, библиотека и тому подобное, но местная администрация отправила их куда-то на задворки города. В 2002 году в единственной сохранившейся аллее Путятинского парка на берегу Бологовского озера (см. Прилож. 3, рис. 27), примерно в 100 метрах от того места, где находился Большой Бологовский дом князя П.А. Путятина, стараниями местных краеведов установлен памятный «Камень Любви», на котором прикреплена чугунная табличка с уже приводившимся выше текстом Н.К. Рериха: «Во время раскопки, в Бологом, в имении князя П.А. Путятина я встретил Ладу, спутницу и вдохновительницу. Радость!»³⁸⁹. Так продолжается вековая история Путятинской усадьбы – замечательного памятника русской культуры и подвижничества, запечатлённого в творчестве выдающихся учёных, художников, писателей и композиторов³⁹⁰.

³⁸⁷ Митусова Л.С. Указ. соч. – С. 26–27.

³⁸⁸ См., например, отклики в местной краеведческой печати: Медведев С.В., Хасаинов М.Ж. Время собирать камни... Концепция и опыт социального партнёрства на примере работы фонда поддержки образования. – Вышний Волочёк: Ирида-прос, 2000. – С. 38–42.

³⁸⁹ В 2006 году «Камень Любви» был перенесён поближе к центральной магистрали города, на площадь между спортивным комплексом и районной библиотекой, где он неудачно соседствует с местными шашлычниками и «луна-парком».

³⁹⁰ Дополнительные сведения об усадьбе П.А. Путятина, его соседях, условиях их быта и другие подробности истории Бологого см.: «Описание имения». – 1858 г. // ГАТО, ф. 148, оп. 1, д. 503. – 16 л.; «Формулярный список о службе бывшего Вышневолоцкого уездного предводителя дворянства князя А.С. Путятина». – 21 декабря 1880 г. // ГАТО, ф. 59, оп. 1, д. 4675. – 4 л.; Россия: Полное географическое описание нашего отечества. – СПб., 1900. – Т. 3: Озёрная область. – С. 71; «Список лицам, имеющим право быть избранными Тверским губернским земским собранием в члены Государственного Совета». – [По Вышневолоцкому уезду]: Путятин Павел Арсеньевич, действительный статский советник. – // Тверские губернские ведомости. – 1915. – 14 августа. – № 62. – С. 5; «Протокол № 101 заседания коллегии уездного земельного отдела о результатах обследования нетрудовых хозяйств». – 6 декабря 1919 г. // ГАТО, ф. Р-1479, оп. 1, д. 17, л. 53; Добринская Л.Б. Трагедия Ивана Пущина: [Упомянуется о венчании с Н.Д. Фонвизиной] // Белые ночи. – Л., 1989. – С. 143; Перхалёв Б., Сычёв В. Венециановские портреты Путятинных // Новая жизнь. – 1993. – 22, 26 июня; Сычёв В. Цар-

Усадьба князя П.А. Путятина и её средоточие – Бологовский усадебный музей во второй половине XIX – начале XX века были культурным, научным, образовательным и духовным центром особой историко-культурной зоны в пределах Новгородско-Тверского пограничья на Волжско-Балтийском водоразделе³⁹¹. В стенах усадебного музея пополнили свои знания десятки учёных. В частной школе при музее князя Путятина получили образование три поколения местных жителей. В Бологом, на территории усадеб и сопредельных с ними участках, при непосредственном участии князей Путятиных и их ближайших родственников в течение всего XIX века велось целенаправленное храмостроительство. Здесь же в 1880-е годы ставились первые в регионе театральные постановки. В усадьбе хранились не только фамильные реликвии древнего рода князей Путятиных, но и памятные предметы многих выдающихся гостей усадьбы: императора Александра II, барона И.А. де Бая, А.Ф. Гильфердинга, В.Н. Калачова, Н.К. Рериха и многих других. Князь П.А. Путятин хранил и передавал память о лицейских друзьях А.С. Пушкина, проживавших по соседству в усадьбе Высокое и на даче Заимка. Он вёл прогрессивное хозяйство, разводил редкие породы домашних животных, вывезенные им из Европы, стремился приспособить их к российской деревне. Далеко за пределами усадьбы своими редкими растениями славился Путятинский парк, в любое время года доступный для прогулок и отдыха местных жителей. Именно на территории этого парка, у Бологовского озера, князем П.А. Путиным была открыта известная Бологовская стоянка каменного века, ставшая неотъемлемой частью усадебного музейного комплекса. Член-корреспондент РАН по Отделению исторических наук Пётр Николаевич Третьяков (1909—1976) писал о ней в своих дневниках 1930-х годов, повторяя мнение своего учителя А.А. Спицына: «Материалы открытий П.А. Путятина на Бологовском мысу мы можем смело назвать важнейшим из всего, что до сих пор было собрано в России по каменному веку»³⁹². В пространстве Бологовской усадьбы формировались новые музейные коллекции и целые научные направления, к рассказу о которых мы и переходим.

ские охоты // *Новая жизнь*. – 1992. – № 29, 30; *Он же*. Лауреат Демидовской премии: [О князе Д.А. Эристове] // *Тверская жизнь*. – 1994. – 20 января; *Он же*. «Любить Россию в непогоду...» и знать! // *Тверская жизнь*. – 1994. – 20 мая; *Он же*. Пленительное счастье декабриста Пущина // *Тверская жизнь*. – 1994. – 28 июля; *Иванов М.А.* На родине предков Елены Рерих: озеро Пирос и Рютинская волость // *Петербургский Рериховский сборник*. – СПб.: Изд-во Буковского, 1998. – № 1. – С. 119–128.

³⁹¹ *Основания регионалистики: Формирование и эволюция историко-культурных зон Европейской России* / В.А. Булкин, А.С. Герд, Г.С. Лебедев, В.Н. Седых; Под ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – С. 8.

³⁹² Цит. по: *Сычёв В.В.* Меж двух столиц. – Новгород: Русская провинция, 1998. – С. 116.

2.2. Этапы формирования музейной коллекции князя П.А. Путятина

1850-е – 1860-е годы. I этап, «протомузейный». Истоки музейной коллекции князя Путятина следует искать ещё в его отрочестве, когда он шёл «как бы ощупью, без системы, без известных направлений в науке», имея при этом с самого начала влечение к изучению древностей – к археологии³⁹³. Он начал собирать свою личную коллекцию в то время, когда под словом археология подразумевалось нечто в роде собирания различных старинных предметов, и археологов смешивали с простыми антиквариями, а музеи с лавочками «bric-a-brac»³⁹⁴. В область археологии включалась и древняя история с изучением классической древности, и нумизматика, палеография, изучение древней живописи и скульптуры, палеоэтнология, древняя география и многое другое. Как писал князь Путятин в своих «Воспоминаниях и заметках», каждый образованный россиянин, занимаясь археологией в пределах своей страны, не мог пренебрегать её «общеевропейским прогрессивным движением»³⁹⁵. На Западе, как и в России, археология бурно развивалась, её разные отрасли получали особые названия, как, например, палеоэтнология, которой он преимущественно и стал заниматься впоследствии. В этом направлении «первый толчок знания» дал ему кружок дяди – князя Дмитрия Алексеевича Эристова (1797—1858), состоявший в основном из лицеистов – современников А.С. Пушкина, о которых мы уже писали выше. Под впечатлением кружка лицеистов после поступления юнкером в лейб-гвардии Финляндский полк Путятин избрал себе отрасль «художественной» археологии, по его мнению, более всего подходящую к поэзии – живопись. Во время летних каникул в усадьбе он брал уроки у бологовского художника Фёдора Ивановича Братского, ознакомившего его с технической стороной живописи в традициях школы своего учителя А.Г. Венецианова. Вскоре он уже решился копировать древних мастеров в Эрмитаже, для чего обратился к ректору ИАХ Фёдору Антоновичу Бруни (1799—1875), бывшему в то время

³⁹³ Путятин П.А. Указ. соч. – С. 4.

³⁹⁴ Bric-a-brac из французского языка: безделушки, старинные вещи.

³⁹⁵ Путятин П.А. Указ. соч. – С. 4.

хранителем картинной галереи Эрмитажа. Занятия в Эрмитаже по билету Ф.А. Бруни привели к тому, что от копирования картин князь Путятин перешёл к изучению техники и живописи древних школ, т. е. к исторической части теории живописи. Пособием к изучению Эрмитажа с этой точки зрения ему послужила книга А.Н. Андреева «Живопись и живописцы главнейших европейских школ» (СПб.: издание Вольфа, 1857). И хотя многого она не объясняла, но мнения академика Ф.А. Бруни, архитектора Дмитрия Андреевича Корицкого (1823—1880) и других профессионалов помогли ему уяснить многое. Первый опыт каталогизирования музейной коллекции князь Путятин приобрёл тоже в Эрмитаже, каталог которого начал составлять. Этот труд остался незавершённым из-за выхода в свет монографий Александра Николаевича Андреева (1830—1891) «Памятники древнего Рима» (1861) и «Венеция в художественном отношении» (1864), написанных в форме каталогов в значительной степени по тем разделам эрмитажной коллекции, которые он с особым рвением изучал.

Большое влияние на развитие интересов Павла Арсеньевича в тот период оказали встречи в Эрмитаже с интересными людьми и, прежде всего, с великой княгиней Марией Николаевной (1819—1876), президентом ИАХ и председателем ИОПХ. Именно эти встречи в Эрмитаже, первый опыт каталогизирования, изучение живописи не только в теории, но и на практике привели к тому, что у него, как писал сам князь Путятин, «развивалась страсть к собиранию гравюр, эскизов и древних картин»³⁹⁶ и он начал составлять свою первую художественную коллекцию. Но окончательно собиратель утвердился на музейном поприще после одного разговора с государем Александром II, состоявшегося во время одного из приездов последнего в Бологое на охоту в 1862–1863 годах. В силу значимости этого разговора в судьбе Бологовского усадебного музея приведём его здесь полностью в изложении самого князя Путятина: «В один из приездов Государя к нам на охоту, во время ужина, зашла речь о картинах, находящихся в Бологое. После ужина, пересматривая снова картины с прусским посланником князем Рейсом, Государь похвалил некоторые из них, затем, поговорив немного с нами, ушёл в свою опочивальню. Желая чем-нибудь доказать признательность за внимание нашего монарха к такому маленькому военному человечку, каким был я, у меня утвердилось намерение поднести эти картины его величеству. Зная, что Император чуть свет отправляется на охоту, я осмелился утром придти в зал выжидать выхода. Как будто на счастье, никого из посторонних не было в зале, отец тогда толковал с

³⁹⁶ Путятин П.А. Указ. соч. – С. 7.

графом Ферзенем во флигеле об охотах. Но вот из гостиной вышел Государь, веселый, оживлённый. Я преклонился пред ним.

– «А, ты тут, здравствуй!».

– «Ваше императорское величество, у меня есть до вас просьба».

Государь удивился, думая, вероятно, что я не из числа ли любителей выпрашивать что-нибудь для себя. Даже в этом вопросе выражалась присущая ему снисходительность. Моя застенчивость заставила не так высказаться; было очень возможно, что подобная просьба сына хозяина дома могла показаться дерзким и нахальным попрошайничеством.

– «Ваше величество, вы изволили вчера похвалить некоторые из картин моей коллекции; хотя я знаю, что все эти картины слишком ничтожны пред теми произведениями искусства, которыми вы обладаете, но всё-таки некоторые из них могли бы быть отобраны для Эрмитажа».

Государь тогда посмотрел на меня такими ласковыми глазами, что до сих пор этот взгляд остался у меня в памяти, и подал свою руку.

– «Non, non, mon cher, я знаю, что ты сам любишь живопись. Благодарю, я не хочу лишать тебя твоих картин».

Эти приветливые слова Государя были для меня совершенной наградой. Всё то, что я собирал с таким трудом и жертвами, я готов был с радостью передать Государю, но эти картины стали ещё ценнее после милостивых слов монарха. И я потом с большей энергией стал изучать теорию живописи»³⁹⁷.

С 1869 года большим подспорьем в деле местного художественного образования стала частная школа для обучения черчению, рисованию и грамоте, существовавшая все последующие годы при Бологовском путятинском музее под руководством художника Ф.И. Братского.

1870-е годы. II этап. Как его определил сам князь Путятин, «**аффективный период**»³⁹⁸. Занятия в Эрмитаже прервались получением офицерского звания и назначением в Бологое на должность «кандидата в мировые посредники». Всю собранную на тот момент коллекцию князь Путятин взял с собой, разместив картины по комнатам Большого Бологовского дома. Вскоре из «кандидатов» его перечислили в «мировые

³⁹⁷ Путятин П.А. Указ. соч. – С. 21–22.

³⁹⁸ Путятин П.А. Указ. соч. – С. 26.

посредники» и ему пришлось «совершать грамоты» у известного слависта Александра Фёдоровича Гильфердинга (1831—1872). Как вспоминал князь Путятин, «Гильфердинг отличался необыкновенным добродушием и мягкостью в обращении; беседа его была в высшей степени приятна и интересна. Особенность его прекрасного характера была та, что он ни о ком никогда не говорил дурно и вообще терпеть не мог вдаваться в мелочи. Пламенный патриот, славянин до мозга костей, он не был, однако, исключителен в своём увлечении: всё прекрасное в цивилизации Европы находило в нём полное сочувствие и желание видеть всё это доброе на родной ему почве дорогого отечества»³⁹⁹. Князь Путятин был обязан Гильфердингу тем, что в его имении Арефино, расположенном по соседству с его Бологовской усадьбой в той же Медведевской волости Валдайского уезда, он познакомился с несколькими выдающимися писателями того времени, ставшими впоследствии и его гостями, и, прежде всего, с Иваном Сергеевичем Аксаковым (1823—1886), чаще других бывавшем в Арефино. У Гильфердинга он познакомился также с директором Санкт-Петербургского Археологического института Николаем Васильевичем Калачовым (1819—1885), общественным деятелем, издателем и писателем-историком Михаилом Ивановичем Семевским (1837—1892), историком Константином Николаевичем Бестужевым-Рюминым (1829—1897), писателем Иваном Сергеевичем Тургеневым (1818—1883) и другими. М.И. Семевский, к тому времени собравший обширную библиотеку и собиравший редкие книги и рукописи, навёл князя Путятина на мысль пополнить и свою тогда ещё небольшую библиотеку, а также на приобретение старинных и редких изданий, а главное – заняться собиранием древних рукописей и автографов выдающихся лиц.

Эти намерения едва не прервались из-за случившейся болезни сердца. Доктора решительно советовали князю Путятину не уклоняться от поездки за границу для лечения. И он решает ехать в надежде, что часть времени, предназначенного для лечения и путешествия, сможет посвятить науке и музейному делу. За советом, где и что можно сделать полезного для отечественной истории во время поездки в Европу, Павел Арсеньевич обратился к академику А.А. Кунику. Арист Аристович предложил ему исследовать берега Брегалницы в Македонии, где, по преданию, в IX веке подвизались святые Кирилл и Мефодий. Он предполагал, что в македонских церквах и монастырях могут храниться рукописи самих первоучителей славян. Для того чтобы подготовиться к такому новому и ответственному исследованию, князь Путятин от-

³⁹⁹ Путятин П.А. Указ. соч. – С. 8.

правился изучать палеографию в Отделение рукописей и старопечатных славянских книг Императорской Публичной библиотеки, где его радушно принял хранитель Отделения, академик Афанасий Фёдорович Бычков (1818—1899), к заслугам которого его современники относили то, что он «русифицировал библиотеку»⁴⁰⁰. А.Ф. Бычков открыл перед ним труд тверского архиепископа Саввы (в миру Иван Михайлович Тихомиров, 1819—1896) – «Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки VI–XVII века», изданный в Москве в 1863 году, содержащий 62 снимка на 8 таблицах, представляющих славянские шрифты разных веков. Показал другие аналогичные сочинения, по которым князь Путятин узнал начертания букв кириллицы и глаголицы разных времён, а также старогреческий алфавит. И хотя его поездка в Македонию не состоялась из-за препятствий на границе с Турцией, эти занятия не пропали даром. Теперь Павел Арсеньевич мог лучше понимать свои палеографические реликвии, различал почерки, отбирал нужное для систематического собрания.

Вскоре палеографическая коллекция князя П.А. Путятина стала известна среди специалистов и привлекла внимание в то время начинающего учёного-русиста, члена-сотрудника ИРАО и ИРГО, а в дальнейшем выдающегося историка, синолога и собирателя, Александра Николаевича Виноградова (1845—1919), принявшего постриг и имя – Алексей и назначенного в Пекинскую Духовную Миссию в Китае⁴⁰¹. В 1878 году Виноградов подготовил опись этой коллекции⁴⁰². При участии секретаря Московского Общества любителей древней письменности Фёдора Ильича Булгакова (1852—1908) она была издана в первом томе «Памятников древней письменности» (1878—1879). В редакционном предисловии к этой публикации впервые в отечественной историографии дано краткое описание уже имеющегося на тот момент собрания «музея князя П.А. Путятина в селе Бологом Валдайского уезда». «В музее этом, – сообщала редакция «Памятников древней письменности», – находится весьма ценное собрание картин масляными красками, эстампов работы русских и иностранных художников, эскизов, акварелей, архитектурных чертежей, фотографических, олеографических, литографических и других снимков; сверх того, в музее есть коллекция монет, медальонов, жетонов, бюстов и других вещей, добытых на севере и юге России. Глав-

⁴⁰⁰ Стасов В.В. Письма к родным (1880–1894). – Т. 3. – Ч. 1. – М., 1962. – С. 293.

⁴⁰¹ ЦГИА СПб., ф. 796, оп. 168, д. 2235, л. 6; ф. 791, д. 2415, л. 5.

⁴⁰² Виноградов А.Н. Указ. соч.

ную же и, несомненно, важную для отечественной истории и археологии часть музея составляет палеографическое собрание разных рукописей, старопечатных книг, свитков, столбцов и другой формы бумаг, автографов и факсимиле замечательных лиц. Собрание это состоит из трёх отделений. В состав 1-го отделения входят рукописные и старопечатные книги; 2-е отделение содержит в себе рукописные столбцы, свитки и другие бумаги с разного рода юридическими актами; в состав 3-го отделения входят автографы и факсимиле. Последнее отделение, судя по описанию г. Виноградова, неполно, что весьма понятно, так как составить его с желательной полнотой чрезвычайно затруднительно. Но в данном случае, несомненно, важна высокая идея, преследуемая в созидании этого рода коллекции»⁴⁰³. Князь Путятин не только предоставлял материалы своей палеографической коллекции для публикации приезжим учёным, но и сам её публиковал. К концу II этапа существования Бологовского усадебного музея он подготовил свою первую палеографическую публикацию⁴⁰⁴.

Как видно из представленного выше первого описания музейного собрания Путятин, в этот период Бологовский усадебный музей расширялся и за счёт предметов, приобретённых во время его путешествий по Европе. Эти путешествия позволили князю Путятину осмотреться в европейских музеях, отточить свой вкус и многому научиться. В первую очередь он осмотрел музеи Майнца, Женевы и других швейцарских городов, а также церкви Куара, в непосредственной близости от места его лечения в Рагаце. Там он познакомился с несколькими видными деятелями государства и культуры, как и он, получавшими лечение на швейцарском курорте: с генерал-губернатором Восточной Сибири графом Николаем Николаевичем Муравьёвым-Амурским (1809—1881), лицейским приятелем А.С. Пушкина бароном Модестом Андреевичем Корфом (1800—1876), известным писателем, творцом «Окраины России» Юрием Фёдоровичем Самариным (1819—1876). По совету барона Корфа, Путятин представился и великой княгине Елене Павловне (1807—1873), приехавшей подлечиться в Рагац. При Дворе после реформ 1861 года её называли Princess la Liberte – Княгиня «Свобода». Она была известна как покровительница художников и любительница искусств, основавшая, в частности, Русское музыкальное общество. Она приветливо приняла

⁴⁰³ *Памятники древней письменности*. – Т. 1. – М., 1878–1879. – С. 215–216.

⁴⁰⁴ *Список с росписи приданного Анны Кондратьевны Загряжской, вышедшей за муж в 1687 году за князя Петра Ивановича Хованского, двоюродного племянника начальника стрельцов, князя Ивана Андреевича Хованского, обезглавленного 17 сентября 1682 года / Доставлен членом-сотрудником [ИРАО] кн. П.А. Путятиным. – Напечатано по распоряжению ИРАО. – СПб.: тип. Императорской Академии наук, [1879–1881]. – 11 с.*

князя, советовала ехать в Остенде и вручила адрес одного из тамошних докторов. Как вспоминал князь Путятин, «её доброта распространилась до того, что она присылала своего доктора в Солотурн», когда ему вдруг стало хуже⁴⁰⁵.

Впечатление, произведённое первым путешествием князя Путятина по Европе, повлияло на него так, что, едва поправившись от болезни, он уже желал посещать всё новые и новые местности. Видимо, именно поэтому этот период своей жизни он назвал впоследствии «аффективным». Во вторую поездку по Европе в 1873 году он осмотрел Краков с его собором, побывал в Вене во время Всемирной выставки, где его внимание привлекли собор святого Стефана, Императорская картинная галерея, галереи князя Лихтенштейна, графов Гариха и Чернина, Амбруазово собрание, Арсенал, Дворцовый сад с Персеем Антонио Кановы, парк Пратер, театр и многое другое. После Вены князь Путятин проехал в Эмс, где состоялись ещё одна его встреча с государем Александром II и представление германскому императору Вильгельму I (1797—1888). Затем он отправился в Париж, где осмотрел Луврские галереи, посетил Лион, Марсель, Барселону, Милан, в котором осмотрел его знаменитые собор, музей и галерею, видел Венецию с собором Святого Марка и многочисленными галереями, катался по каналам в гондолах, наблюдал за регатой. «Все эти путешествия, – писал князь Путятин, – освежали мысль и давали толчок к более правильному выбору основного предмета занятий»⁴⁰⁶. А «основной предмет занятий» находился для князя в России: это был Бологовский музей. «Любимая наука» – палеоэтнология.

Чтобы лучше сориентироваться в мире отечественной археологии и культуры, князь Путятин предпринял ряд поездок и по России. Наибольшее влияние на него оказало посещение Великого Новгорода в 1875 году со своим давним наставником в живописи художником Ф.И. Братским. Первым путеводителем для князя тогда явилась книга графа М.В. Толстого «Святыни и древности Великого Новгорода» (1862), и он посвятил немало времени осмотру новгородских древностей. Кремль со Святой Софией, мост с часовней Чудотворного Креста, Ярославово городище с уцелевшей древней башней, дом Марфы-посадницы, церковь Фёдора Стратилата на Ручью с фресками XIV века, Новгородский музей и другие памятники не оставили его равнодушным – и по своей красоте и величию, и по своему плачевному состоянию. По итогам поездки князь Путятин и Братский подготовили статью «Взгляд на новгородские

⁴⁰⁵ Путятин П.А. Указ. соч. – С. 24.

⁴⁰⁶ Путятин П.А. Указ. соч. – С. 26.

древности» и послали её в ИРАО⁴⁰⁷. В статье авторы выразили всю ту горечь, которая накопилась у них «при виде бедственных условий, при которых обретаются наши новгородские исторические памятники»⁴⁰⁸, в том числе фрески Благовещенской церкви на Рюриковом Городище и в Знаменском соборе. В ответ на статью князь Путятин получил следующее заключение Отделения русской и славянской археологии от 20 апреля 1876 года (подписал секретарь ИРАО И.В. Помяловский): «В Императорском Русском Археологическом обществе получена записка ваша и г. художника Братского, под заглавием: “Взгляд на новгородские древности”, каковая записка и была передана на рассмотрение и обсуждение Отделения славяно-русской археологии. Ныне Отделение передало в общество следующие свои по поводу вашей записки заключения. Отделение постановило: 1. Благодарить составителей записки за сообщенные ими сведения; самую же записку напечатать в Известиях общества; 2. Благовещенская церковь в 6850 г. была нарушена и построена вновь на прежнем основании; в 6851 году была кончена и освящена каменная церковь; после этого в летописях упоминается о ней по случаю пожаров и возобновлений. Всё это даёт повод предполагать, что настенная живопись Благовещенской церкви, для которой по повелению князя Мстислава написано Алексею известное Мстиславово евангелие, не может относиться к XI веку⁴⁰⁹; 3. Сообщить составителям записки, что в настоящее время образуется комиссия, на которую будет возложена обязанность начертать правила по сохранению памятников древности»⁴¹⁰. Таким образом, поездка в Великий Новгород дала два важнейших результата: появилась первая публикация князя П.А. Путаева и была создана одна из первых в России комиссий по охране памятников культуры. Сама статья также послужила тому, что 28 декабря 1878 года князь Путятин был избран в члены-сотрудники ИРАО, затем 20 октября 1881 года – в действительные члены этого авторитетного научного общества⁴¹¹.

Кроме Великого Новгорода, он съездил также через Бердянск в Ногайскую степь, где посетил мёртвый город – бывшее становище татар, «соединительное звено по-

⁴⁰⁷ Братский Ф.И., Путятин П.А., кн. Взгляд на Новгородские древности // *Известия ИРАО*. – Т. VIII. – Вып. 1. – СПб., 1877. – Стлб. 516–521. – Отд. отт.: СПб.: тип. Имп. Академии наук, [1877]. – 8 с.

⁴⁰⁸ Путятин П.А. Указ. соч. – С. 30.

⁴⁰⁹ Князь Путятин считал, что настенная живопись Благовещенской церкви (построена в 1103 году, капитально перестроена в 1342–1343 годах) «почти одновременна» со Спасо-Нередицкими фресками, исполненными в 1199 году. – *Примеч. В. М.*

⁴¹⁰ Путятин П.А. Указ. соч. – С. 30–31.

⁴¹¹ Состав Императорского Русского Археологического общества по 1 января 1897 года // *Записки ИРАО*. – СПб., 1897. – Т. IX. – Вып. 1–2. – С. 6.

следней Орды в Европе с нашею нынешней цивилизациею»⁴¹². Затем он совершил путешествие в Финляндию, где посетил Выборг с его замком и парками, водопад Иматру, Гельсингфорс (Хельсинки) и Свеаборг (Суоменлинна). По дороге домой он заехал в рыцарский Ревель (Таллинн), «в котором всё напоминало крыжаков», посетил местный музей, который ему очень понравился. Потом он съездил в Крым, древности которого его давно интересовали, осмотрел Бахчисарай с дворцом и Фонтаном слёз, воспетым А.С. Пушкиным, пещерный город-крепость Чуфут-Кале, основанный, предположительно, в V–VI веках, с его Иосафовской долиной, грузинскими тюрьмами и железными воротами; Свято-Успенский монастырь; Севастополь, знаменитый своей героической обороной; Херсонес с остатками храма, в котором крестился князь Владимир, и с храмом Святого Климента, папы римского, скончавшегося в Херсонесе; Балаклавский Свято-Георгиевский монастырь, около которого его заинтересовали остатки святилища Дианы; прославленную преданиями Феодосию – древнюю Кафу генуэзцев; Керчь – античную Пантикапею с Митридатovým холмом и прочее. В своих «Воспоминаниях и заметках» Павел Арсеньевич особо отметил посещение двух крымских музеев – в Керчи и Феодосии, где он посетил один из первых художественных музеев России – галерею Ивана Константиновича Айвазовского (1817—1900), о которой мы писали выше⁴¹³. «Все эти местности говорили натурой о древней жизни, – вспоминал Павел Арсеньевич, – всё это влекло к занятиям и изучению её»⁴¹⁴. Он считал, что лучшим способом для этого является дальнейшее развитие своего музея.

С годами князь Путятин всё больше и больше задумывался над вопросом: какую ему ещё взять отрасль для развития музейного собрания, за счёт чего расширить поле деятельности? И вот к какому ответу он пришёл к концу II этапа развития своего музея: «В нашей местности нет классических памятников язычества, а византийское влияние дошло только в скудных подражаниях. О нём свидетельствуют разрушающиеся деревянные церкви, да плиты и каменные кресты кладбищ. Остались одни памятники первобытного язычества – свидетели давно минувших веков, памятники, которыми в настоящее время занимаются лучшие умы научной Европы, памятники науки живой палеоэтнологии. В этой науке даже ослабевшие в научной борьбе силы подогреваются новыми открытиями, новыми исследованиями, новыми выводами. Ею я

⁴¹² Путятин П.А. Указ. соч. – С. 25.

⁴¹³ Князь Путятин называет её именно *музеем*.

⁴¹⁴ Путятин П.А. Указ. соч. – С. 25.

и занялся»⁴¹⁵. С лета 1879 года в его усадьбе стали регулярно останавливаться экспедиции Санкт-Петербургского Археологического института. С первого же полевого сезона князь Путятин стал организатором всех разведок и раскопок этого учреждения в регионе. Как следствие, 10 ноября 1879 года состоялось его «утверждение министром народного просвещения в качестве почётного члена Археологического института»⁴¹⁶. Уже в 1880 году в отчётной публикации Н.В. Калачова о раскопках в Бологом князь Путятин назван его «одним из ревностнейших сотрудников»⁴¹⁷.

1880–1883 годы. III этап. Переломное время в истории усадебного музея. Отчасти из-за испытаний, которые выпали на долю семьи князя Путятина и его самого⁴¹⁸, отчасти из-за археологических открытий, которые учёный сделал в самом Бологом на своей земле, на территории Путятинского парка и в непосредственной близости от него. Именно здесь в 1880 году он открыл Бологовскую стоянку каменного века, поначалу мало оценённую, но после давшую основную тему и смысл для всех его дальнейших научных занятий. Именно в этот период Бологовский усадебный музей начинает развивать свою многопрофильность. К картинной галерее в Большом Бологовском доме, палеографической коллекции и собранию рукописей выдающихся лиц новейшего времени добавляется обширная археологическая коллекция, отныне составляемая князем не только из купленных на стороне вещей, но и из собственных археологических находок. В непосредственной близости от Бологого и в самой усадьбе оказывается неисчерпаемое «изобилие остатков доисторической жизни, из которых многие совершенно не исследованы, как и вообще большинство наших национальных первобытных памятников»⁴¹⁹. На расстоянии 8 вёрст от бологовского имения Путятина находилось древнее городище, называемое «Рай-Городок» (см. Прилож. 2, рис. 22, № 9: местоположение). В 1880 году при содействии князя Путятина А.И. Савельев и А.А. Туган-Мирза-Барановский изучили этот памятник, поместив его описание и рисунки (см. Прилож. 2, рис. 23) в «Сборнике Археологического института»⁴²⁰, с которым князь Путятин сотрудничал с момента его учреждения. В этом же сборни-

⁴¹⁵ Путятин П.А. Указ. соч. – С. 27.

⁴¹⁶ Путятин П.А. Указ. соч. – С. 38.

⁴¹⁷ Калачов Н.В. Указ. соч. – С. 52.

⁴¹⁸ Об этом мы подробно писали выше.

⁴¹⁹ Путятин П.А. Указ. соч. – С. 9.

⁴²⁰ Савельев А.И. Заметка о городках Райке и прочих // *Сборник Археологического Института*. – Кн. 3. – СПб., 1880. – С. 53–54.

ке помещена статья Н.В. Калачова, в которой упоминалось ещё одно городище «на западном берегу Бологова озера, в саду помещика Смяровского, в усадьбе Красотка»⁴²¹, расположенное близ пролива озера, называемого в народе «Ворота на узах». На другой стороне этого пролива, на земле князя Путятина, существовал мыс. На этом мысе впоследствии и открылись древнейшие остатки поселений человека, названные потом Бологовской стоянкой каменного века (см. Прилож. 2, *рис. 22*, № 5: местоположение). Исследования этих поселений князь Путятин с самого начала производил целенаправленно и систематично. В дальнейшем они подтвердили многие выдвинутые учёными предположения, например, идею екатеринбургского археолога, организатора первых научных археологических раскопок на Урале, Н.В. Малахова (1856—1885) о том, что «жители мысов были древнее жителей городков»⁴²².

1884–1904 годы. IV этап. По выражению князя Путятина, «*phase intellectuelle*» – «интеллектуальный период», когда все его разбросанные занятия соединились в одно стремление – «стремление исследовать условие умственных зачатков первобытной жизни обитателей нашей местности»⁴²³, т. е. особой историко-культурной зоны в пределах Новгородско-Тверского пограничья на Волжско-Балтийском водоразделе, преимущественно в пределах Валдайской возвышенности. Содержание музейной деятельности князя Путятина теперь целиком зависит от его занятий палеоэтнологией – наукой на стыке антропологии, археологии и этнографии, а также разработкой новой археологической дисциплины – астроархеологии. Он пытается «восстановить» и психологию, мировоззрение, верования древних людей. В «Книге автографов» М.И. Семевского появляется его запись: «Открывая остатки минувшего, приходишь к тому заключению, что один из периодов в жизни первобытного человечества (период так называемый Магдален), был для них счастливее настоящего для нас. 16-го января 1884. Князь Павел Арсентевич Путятин»⁴²⁴.

В этот период одна за другой выходят в свет его публикации, подготовленные в значительной мере на основе археологической коллекции Бологовского усадебного

⁴²¹ Калачов Н.В. Указ. соч. – С. 53.

⁴²² Путятин П.А. Указ. соч. – С. 10.

⁴²³ Путятин П.А. Указ. соч. – С. 26.

⁴²⁴ ОР ИРЛИ, ф. 274 (архив М.И. Семевского), оп. I, № 396, дело «Знакомые. 1880–1888. Книга автографов. II», с. 225. Здесь же ремарка: «Занимается Археологией, был на Тифлисском и Одесском съездах, где читал рефераты свои. В Известии Географического Общества напечатаны чтения “О первобытном гончарстве в России”».

музея⁴²⁵. К концу этого этапа практически исчезают публикации на русском языке, что свидетельствует о европейском признании учёного, сделавшим Бологовский усадебный музей научным центром уже не регионального, а европейского масштаба. Путятинский археологический кабинет и биохимическая лаборатория раскопок, ставшие центральным предметным комплексом его усадебного музея, вкуче с самой Бологовской стоянкой каменного века были настоящим магнитом для учёных, краеведов, учителей, любителей старины и просто неравнодушных к прошлому России посетителей. Именно они в августе 1899 года привлекли в Бологое известного художника-археолога Н.К. Рериха. Его приезд изменил не только его собственную личную судьбу, но и существенно повлиял на развитие музея в Бологом. Одним из первых дел Рериха в должности секретаря ИОПХ стала выставка картин старых мастеров, организованная им осенью 1901 года в помещении этого общества в Санкт-Петербурге в доме на Большой Морской улице, № 38. Среди приглашённых Рерихом владельцев картин присутствовал и князь Путятин, многие годы действительный член ИОПХ, внёсший, по словам Рериха, «значительные труды на пользу этого учреждения»⁴²⁶. В письме к Е.И. Шапошниковой художник упоминает о редком полотне из путятинского собрания: «Дорогая моя Ладушка, сейчас был я у Тринейзена. <...> Картину князя – ждём у него; она в порядке. Передал ему поклон и ожидание князя его приезда. Картина князя, по его словам, интересна, и, быть может, кое-где на ней подлинная рука да Винчи»⁴²⁷. 21 декабря 1902 года князь Путятин познакомил собрание ИОПХ «с принадле-

⁴²⁵ «О гончарном искусстве в каменном веке. Сообщение, сделанное в заседании Отделения этнографии ИРГО 6 марта 1884 года», «Орнаментации древнего гончарства» (1884), «Раскопки летом 1885 года на восточном берегу Бологовского озера. Сообщение на заседании Отделения русской и славянской археологии ИРАО 10 декабря 1885 года», «Замечания и добавления к “Заметке о легенде для составления карты по русской доисторической археологии”» (1886), «Об изображении созвездия Большой Медведицы на точилке каменного периода. Сообщение на заседании Отделения русской и славянской археологии ИРАО 18 марта 1886 года», «О сходстве Бологовских предметов с индустрией кьёккенмедингов» (1887), «О способах проделки отверстий в боках глиняных сосудов неолитного периода» (1889), «О раскопках близ Бологого. Новый вид ископаемой собаки каменного века, названный именем князя П.А. Путятина» (1889), «Note sur la station de Bologoje» (1889), «О костяках неолитного периода, найденных близ Бологого» (1889), «Археологическая карта Валдайского уезда» (1890), «О фауне каменного века из раскопок около Бологого с палеоэтнологической точки зрения» (1891), «К делению предметов каменного века в России» (1893), «Каменный нож и его изменения» (1893), «Vestiges du premier age de fer à Bologoie» (1893), «Была ли хирургия в каменном веке?» (1894), «О палеолитическом веке в Европе» (1895), «Les Silex taillés et les premiers pas de la technique de retouches» (1900), «Variations des constructions mégalithiques en Russie du Nord» (1900), «Contribution a l'étude du tatouage» (1901), «Les traces des morsures sur les ossements des périodes paléolithique et neolithique» (1902), «Eclats de silex avec conchoides (bulbes) par percussion et naturels nucleus» (1902), «Les découvertes en Belgique relatives a la période neolithique de fusaiols en argile, pierre etc.» (1902), «Station nouvelle sur les bords sud du lac Bologoie» (1903) и др. См. их подробное библиографическое описание в изд.: Мельников В.Л. Князь П.А. Путятин и его Бологовская усадьба. – СПб.; Вышний Волочёк: Ирида-прос, 2000. – С. 52–54.

⁴²⁶ Рерих Н.К. Листы дневника. – Т. I. – М.: МЦР и др., 1995. – С. 53.

⁴²⁷ Рерих Н.К. Письмо Е.И. Шапошниковой. – СПб. – 17 июля 1901 г. // *ОР ГТГ*, ф. 44, № 249.

жащей ему коллекцией рисунков русских и иностранных художников»⁴²⁸. В конце XIX – начале XX века, в общей сложности более четверти века, он активно участвовал в деятельности Общества поощрения художеств, в том числе как эксперт, член жюри художественных конкурсов и премий⁴²⁹.

В этот период музей начинает активно участвовать в выставках: в Археологическом институте (1889), на VIII Археологическом съезде в Москве (1892), на выставке в Николаевском дворце в Петербурге (1893), на Франко-русской художественно-ремесленной и кустарной выставке Красного Креста в Соляном городке в Петербурге (1899) и т. д. И хотя на последней выставке у князя Путятина было всего лишь «место с письменный стол»⁴³⁰, он был награждён золотой медалью за участие. Примечательно, что князь Путятин был увлечён не только научным содержанием своей коллекции, но и красотой добытого им археологического материала. Своим корреспондентам он писал о том, как красивы «картоны со стрелками, наконечниками дротиков, копий, ножичков (lames) и прочим», о том, как «характерны орудия северной переходной эпохи – резак (долота) tranches, о которых так заботился покойный Сальмон в его переписке со мною»⁴³¹. Именно изысканной художественностью отличались его экспозиции, посвящённые каменному веку. В полной мере это смог оценить лишь один его коллега, для которого он стал первым наставником в палеоэтнологии, – известный художник-археолог Н.К. Рерих.

На протяжении всего IV этапа своего существования Бологовский усадебный музей активно развивался. Расширялись усадебный парк и биологические коллекции. Часть своего музейного собрания, в том числе несколько скульптур и отдельные археологические предметы, князь Путятин передал в дар музеям Москвы и Санкт-Петербурга. Наконец, в 1903 году А.А. Спицын осуществил первое издание археологической коллекции князя Путятина с выполненными самим владельцем таблицами археологических находок из собрания Бологовского усадебного музея⁴³² (см. Прилож. 9, рис. 67–70).

⁴²⁸ *Петербургская газета*. – 1902. – 22 декабря. – № 351. – С. 10.

⁴²⁹ См., например: *Кириллов И.* Художественные заметки / Конкурс в ИОПХ // *Санкт-Петербургские ведомости*. – 1905. – 7/20 февраля. – № 30. – С. 2; *В Обществе поощрения художеств* // *Петербургская газета*. – 1906. – 10 апреля. – № 96. – С. 3; *Художественный отдел* // *Слово*. – СПб., 1908. – 5/18 февраля. – № 372. – С. 5.

⁴³⁰ *Петри Э.Ю.* Письмо В.С. Передольскому. – 12 января 1899 г. // *ГАНО*, ф. 717, № 34, л. 10.

⁴³¹ *РА ИИМК*, ф. 15, № 104, л. 7.

⁴³² *Спицын А.А.* Бологовская стоянка каменного века // *ЗОРСА ИРАО*. – Т. V. – Вып. 1. – СПб., 1903. – С. 241.

1904–1916 годы. V этап. Его можно назвать «**рериховским**», поскольку в это время Николай Константинович Рерих сыграл огромную роль в развитии Бологовского усадебного музея, с 1901 года – родственник князя Путятина по линии жены. В 1904–1916 годы Рерих с семьёй летом подолгу жил либо в Бологовской усадьбе, либо на дачах где-либо поблизости (село Берёзки и деревня Ключино Вышневолоцкого уезда, имение Сменцово у станции Лыкошино Валдайского уезда и др.), и вёл регулярные археологические раскопки, в том числе вместе с князем Путятиным. Самая значительная их совместная раскопка состоялась летом 1904 года на озере Пирос (см. Прилож. 2, *рис. 21*, № 5), где они обнаружили три новые неолитические стоянки⁴³³. 12 ноября 1904 года «Санкт-Петербургские ведомости» сообщили о специальном художественно-археологическом музее князей Путятиных, который «даёт полную картину этой богатой историческими воспоминаниями местности», поскольку в нём «находятся богатейшие коллекции различных предметов доисторической эпохи, собранные при раскопках близ станции Бологое, Николаевской железной дороги» и далее: «в устройстве этого музея принимают участие многие известные петербургские археологи и художники». В этой заметке примечателен факт упоминания «князей Путятиных», что свидетельствует о том, что к музейной работе в усадьбе подключились сыновья Павла Арсеньевича Павел и Михаил. Отмечая известных петербургских археологов и художников, авторы данной заметки имели в виду прежде всего Рериха. В 1905 году выходит первая публикация, посвящённая художественной коллекции усадебного музея: «Собрание князя П.А. Путятина», с воспроизведением нескольких картин⁴³⁴. В очерке «Собиратели» Николай Константинович кратко охарактеризовал тех владельцев произведений искусства, с которыми ему пришлось столкнуться в жизни. Всех владельцев он разделил на две неравные части: наследственные собственники коллекций, в формировании которых они не принимали участия, и «три группы живых собирателей, горевших каждый по-своему и любивших избранную ими область». Эти три группы, по выражению Рериха, «дали России много культурных страниц». Князя Путятина Рерих поместил в первую из этих трёх групп – группу петербургских собирателей, охарактеризованную им в целом так: «Не все из них бы-

⁴³³ «Место настоящих находок было случайно найдено кн. П.А. Путятиным, обратившим внимание, при проезде земскою дорогою около берега озера, на огромное количество кремней, лежавших в двух пунктах озера. Находка кн. П.А. Путятина вызвала нашу с ним поездку, давшую настоящее собрание». См.: *Рерих Н.К.* Каменный век на озере Пирос // *ЗОРСА ИРАО*. – Т. VII. – Вып. 1. – С. 160–169. – Отд. вып.: СПб., 1905. – 13 с.

⁴³⁴ *Художественные сокровища России*. – СПб., 1905. – Т. V. – С. 43–44, вкладки № 13, 14, 16, 17.

ли богатеями. Многие отдавали в собирательство все свои средства и заработки. Как часто бывает, семейное окружение нередко препятствовало собирательству, считая его не дельною забавою. Также нередко увлечение собирательством объяснялось чем-то своекорыстным для удовлетворения самолюбия. Всегда люди судят по себе»⁴³⁵.

Сотрудничество князя Путятина и Рериха на музейном поприще уже рассматривалось нами в отдельном исследовании⁴³⁶. О конкретных вещах из музейного собрания Павла Арсеньевича в материалах Рерихов сохранились интересные, хотя и отрывочные сведения. Например, Е.И. Рерих в конце жизни записала целую историю в связи с одним полотном неизвестного художника из Бологовского собрания – портретом своей родственницы, рютинской помещицы Елизаветы Алексеевны Поликострицкой⁴³⁷. Мы предполагаем, что фотография именно этого портрета сохранилась в фотоальбоме Рерихов, относящемся к началу XX века (см. Прилож. 8, *рис. 62*).

Несколько раз князь Путятин и Рерих совместно участвовали в художественных выставках в качестве владельцев представленных произведений, например, в выставках, устроенных Сергеем Петровичем Дягилевым (1872—1929). Это «Историко-художественная выставка русских портретов», открывшаяся 6 марта 1905 года в Петербурге, в Таврическом дворце, «в пользу вдов и сирот павших в бою воинов», и «Выставка Русского искусства» в парижском Осеннем Салоне в 1906 году.

В рассматриваемый период вышли последние публикации князя Путятина, все на французском языке⁴³⁸. Особо следует отметить публикацию «Présentation de nombreux objets préhistoriques, provenant de fouilles exécutées en Russie» (1905), сообщившую результаты новых раскопок князя Путятина в Бологом и Рериха в районе Вышнего Волочка. Это был первый опыт представления предметов из России, относящихся к каменному веку, перед сотрудниками научных учреждений на Французском Доисторическом конгрессе в Перигё⁴³⁹.

⁴³⁵ Рерих Н.К. Листы дневника. – Т. III. – М.: МЦР и др., 1996. – С. 591.

⁴³⁶ Мельников В.Л. Н.К. Рерих и князь П.А. Путятин // Н.К. Рерих и его современники. Коллекции и коллекции: Сб. статей по материалам Межд. научно-практ. конф. – Одесса: Астропринт, 2001. – С. 6–32.

⁴³⁷ Мы приводили её выше, в третьем параграфе первой главы, в рассказе о Рютинском храме-музее Е.С. Рахлина-Румянцева.

⁴³⁸ «Les Animaux et les os incisés de la station du lac de Bologoïé près de Saint-Petersbourg» (1908), «Trouvaille faite récemment d'un partie de crane d'un bovide dans le lac de Bologoïe» (1910), «Os incisés trouvés dans une station lacustre en Russie» (1910) и др.

⁴³⁹ См. также: Melnikov V. Prince Poutiatine and the European Prehistoric Archaeology // 9th Annual Meeting European Association of Archaeologists. – 10th – 14th September. – 2003. – Final Programme and Abstracts. – SPb., 2003. – P. 42.

1917–1918 годы. VI этап, завершающий. В начале лета, после пожара в Большом Бологовском доме, началось сворачивание деятельности усадебного музея. Князь Путятин этот пожар застал в момент его увлечения новой отраслью археологии – подводной. Он совсем недавно обновил свою музейную «лабораторию раскопок» экспонатами, добытыми озёрной драгой со дна Бологовского озера, но всё это пропало на музейном пепелище. «Картины и большую часть библиотеки, рояль, мебель успели вытащить», – писал тогда князь Путятин Рериху. Художественное собрание усадьбы было частично перевезено, а частично осталось в усадьбе, чтобы потом, после смерти хозяина 6 января 1919 года, разойтись по антикварным лавочкам и перекупщикам. Накануне своего отъезда из России в ноябре 1922 года вдова князя Путятин Евдокия Васильевна не могла его сохранить в целости. Но она сделала самое главное – собрала с помощью учёных друзей князя Путятин все основные его бумаги и передала их в Рукописный архив Государственной Академии материальной культуры (ныне ИИМК), где они в виде отдельного фонда № 15 хранятся и теперь.

Таким образом, у Бологовского усадебного музея было шесть этапов развития с 1850-х годов до 1918 года: I этап – «протомузейный»; II этап – «аффективный период»; III этап – переломное время; IV этап – «интеллектуальный период»; V этап – «рериховский»; и, наконец, VI этап – завершающий.

Все годы существования усадебного музея князь Путятин не переставал расширять свой ставший любимым для местных жителей Бологовский парк, пополнять художественное собрание, палеографическую коллекцию и библиотеку. И хотя теперь трудно полностью восстановить состав его музейного собрания, кое-что всё же можно представить в виде краткого описания его структуры с приведением отдельных примеров по сохранившимся документам.

2.3. Структура музейного собрания князя П.А. Путятина

(1). Собрание живописи и графики. Уже к 1878 году в Бологовской усадьбе находилось «собрание картин масляными красками, эстампов работы русских и иностранных художников, эскизов, акварелей, архитектурных чертежей, фотографических, олеографических, литографических и других снимков»⁴⁴⁰. К началу XX века собрание включало не менее 1310 предметов, о чём свидетельствует сохранившаяся наклейка с номером на обороте портрета А.С. Путятина кисти А.Г. Венецианова (см. ниже, № 5). Об этом разделе музея дают представление следующие сохранившиеся материалы в архиве учёного: «Флорентийская школа живописи в произведениях её художников в период Ренессанса» (доклад князя Путятина на 14 листах)⁴⁴¹, «Рисунки предметов древностей (эстампажи и прорисовки)» (на 21 листах)⁴⁴², «О приобретении рисунков П.А. Путятиным, изучении в Эрмитаже коллекции картин и рисунков и копировании картин Эрмитажа и о собирателях произведений изящных искусств Жабак и Крозит» (на 7 листах)⁴⁴³. О внимательном, даже любовном отношении владельца к художественной коллекции свидетельствуют не только его «Воспоминания и заметки» (Бологое, 1888), но и стихотворения, например, «Старорусский портрет»⁴⁴⁴ (см. Прилож. 6, *рис. 45*: воспроизведение автографа). Судя по упоминаниям в прессе, собрание рисунков русских и иностранных художников хранилось у князя Путятина обособленно⁴⁴⁵. Картины из Бологовского усадебного музея неоднократно выставлялись, например, на «Историко-художественной выставке русских портретов» (Санкт-Петербург, Таврический дворец, 1905), «Выставке русского искусства» (Париж, Осенний Салон, 1906) и персональной выставке А.Г. Венецианова (Санкт-Петербург,

⁴⁴⁰ Памятники древней письменности. – Т. 1. – М., 1878–1879. – С. 215.

⁴⁴¹ РА ИИМК, ф. 15, № 10.

⁴⁴² РА ИИМК, ф. 15, № 30.

⁴⁴³ РА ИИМК, ф. 15, № 31.

⁴⁴⁴ Не датировано. См.: ОР ИРЛИ, р. I, оп. 22, № 558, л. 53.

⁴⁴⁵ Петербургская газета. – 1902. – 22 декабря. – № 351. – С. 10.

1911). Приведём несколько примеров известных произведений, в том числе по публикации «Собрание князя П.А. Путятина» 1905 года, в которой некоторые полотна из собрания Бологовского усадебного музея были воспроизведены⁴⁴⁶.

1. Бонвичино, Алессандро (Моретто де Брешиа). Явление Пресвятой Богородицы Св. Доминику. Настоящее местонахождение неизвестно. (Прилож. 7, *рис. 49*: воспроизведение). Вот что сообщали об этом полотне и его авторе «Художественные сокровища России»: «Алессандро Бонвичино родился в 1498 году близ Брешии, умер в 1555 году. Был учеником Романино и Фиораванте Феррамоло, изучал также произведения Тициана. Произведения Моретто да Брешиа имеются во всех важнейших европейских музеях, в том числе в Императорском Эрмитаже и галерее герцогов Лейхтенбергских. Издаваемая нами картина раньше находилась в собрании Татищева, на что указывают имеющиеся на изнанке её две сургучные печати. Размеры картины: вышина 1,03 м, ширина 0,81 м. Писана на еловой доске, связанной двумя поперечными шпунтами. Доска с изнанки заклеена холстом и выкрашена масляной краской для защиты от влияния сырости. Живопись хорошо сохранилась. Святой Доминик родился в 1170 году в Каралуего в Старой Кастилии, умер в Болонье 6 августа 1221 года. Им был основан орден доминиканцев и монастыри этого ордена в Риме, Болонье, Венеции. На прилагаемой картине он изображён в позе молящегося, где ему чудится образ Богоматери с младенцем, окружённой Херувимами и Ангелами, воспевающими славу. Взоры Богоматери и младенца, поднявшего благословляющую десницу, устремлены на святого. На фоне с левой стороны виден монастырь, крытый розовой черепицей, направо замок, далеко река и город, частью раскинувшийся по склону горы, острые очертания которой напоминают вулканические сдвиги почвы, встречающиеся в северной Италии. Общий тон картины отличается белизной, краски художника условны и резко делятся на три плана. Первый – коричнево-зелёный, тёплый тон тердесиены в переднем плане пейзажа, второй – синевато-зелёный тон неба и дальних гор, отличающихся друг от друга лишь интенсивностью, третий – розовато-белый тон монастыря и облаков. Сообразно этому делению написаны и подробности картины. Так, например, деревья дальнего плана написаны в том же сине-зелёном тоне, что горы и небо. Тип Богоматери северно-итальянский. Светло-рыжие золотистые волосы волной спускаются из-под белого платка на плечи. Нос прямой почти без переносицы,

⁴⁴⁶ *Художественные сокровища России.* – СПб., 1905. – Т. V. – С. 43–44, вкладки № 13, 14, 16, 17. Ниже произведения приводятся в алфавитном порядке их авторов.

овал лица округлённый, шея полная и крепкая. Признаки того же типа мы можем видеть в чертах лица младенца Иисуса и ангелов, из которых особенно играющий на мандолине напоминает Христа. Одежда Богоматери: светло-зелёная с синим оттенком мантия на травянисто-зелёной подкладке. Хитон её малиновый, рукава золотисто-жёлтые. Хор ангелов воспевают её славу, играя на различных музыкальных инструментах. Характерна ломбардская мандолина с широким коротким грифом в руках ближайшего к Богоматери ангела. Следующий за ним играет на свирели, далее группа из трёх поющих ангелов. В руках одного из них развёрнутые ноты, написанные в скрипичном ключе на пяти линейках. Ноты составляют начало музыкальной фразы: *re, sib, re, mi, re, la*. Над этой группой ангел, играющий на скрипке с дугообразным смычком. Рядом два ангела, из которых один указывает протянутой левой рукой в сторону Богоматери, видимо что-то рассказывая соседу, который смотрит на младенца Христа, сложив молитвенно руки. Вокруг Богоматери рой головок херувимов, расположенных в два ряда, между ними виднеется ангел, с удивлением разведший руки. Интересны экспрессии этих маленьких головок, особенно лежащего на ногах Богоматери со стороны поющих ангелов херувима с пламенными крыльями. Пейзаж представляет интерес в сравнении с имеющимся в собрании князя П.А. Путятина рисунком *Marco Ricci* (1679—1729), где изображена гора по очертаниям своим почти тождественная с видимой на картине с правой стороны. Так же вьётся горная речка, и только здания имеют другой характер. Это совпадение позволяет предположить, что послуживший фоном пейзаж не плод авторской фантазии, а место действительно существовавшее. Так как *Marco Ricci* долгое время жил в Венеции, то можно предположить, что монастырь на картине *Алессандро Бонвичино* представляет монастырь, основанный близ этого города св. Домиником»⁴⁴⁷.

2. Братский Ф.И. Портрет Степана Митусова. 1883 год. Холст, масло. 112×81. По нижнему краю надписи: *1883 г. Бологое и Ф. Братский*. Изображён сидящий мальчик в одном из уголков Бологовского парка. Ныне в собрании МИСР, фонд МСССМ. (Прилож. 7, *рис. 50*: воспроизведение).

3. Братский Ф.И. Портрет княгини Евдокии Васильевны Путятиной. Около 1883 года. Холст, пастель. 48×39. Ныне в собрании МИСР, фонд МСССМ. (Прилож. 7, *рис. 51*: воспроизведение). Впервые, после почти векового перерыва, эти две

⁴⁴⁷ *Художественные сокровища России*. — СПб., 1905. — Т. V. — С. 43–44. — Воспроизведение на отдельной вкладке. — Ил. 13.

работы Братского были представлены широкой публике на выставке «Николай Рерих и другие», открывшейся 16 сентября 2005 года в МИСР⁴⁴⁸.

4. Братский Ф.И. Благовещение. 5 набросков на одном листе. Не датировано. Бумага, карандаш. 17³/₄×21. В 1916 году в собрании Музея русского искусства при Школе ИОПХ, № 23 (дар князя Путятина)⁴⁴⁹. Местонахождение неизвестно.

5. Венецианов А.Г. (1780—1847) Портрет князя Арсения Степановича Путятина в детстве. 1813—1815 годы. Картон, масло. 18,3×14,7 (овал). Ныне в собрании Национального художественного музея Республики Беларусь, РЖ-588. (Прилож. 7, рис. 52: воспроизведение). На картоне, закрывающем авторский картон, надписи: *Портретъ Князя Арсенія Степановича Путятинна 1805†1882, писанъ Алексѣй Гавриловичемъ Венеціановымъ род. 1775† (первый русскій жанристъ; Князь Арсеній Степановичъ Путятин 1805—1882 20 декабръ портретъ работы Венеціанова*. Этикетка с текстом: *Историч. выставка портретов 1905 г. Портретъ Князя Арсенія Степановича Путятинна работы А.Г. Венеціанова 1775†1846. Собственность Князь Путятинъ Павелъ Арсеньевичъ Лиговский 65 СПб.* Наклейка с № 1310. Синяя марка с гербом, буквами КПАП⁴⁵⁰ и текстом: *№ 1310 портретъ Князя А.С. Путятинна кисти Венеціанова*⁴⁵¹. Выдавался на выставки в Санкт-Петербург в 1905 году (Таврический дворец)⁴⁵² и 1911 году (Русский музей Александра III)⁴⁵³.

6. Венецианов А.Г. Портрет князя Платона Степановича Путятина в детстве. Конец 1810-х – начало 1820-х годов. Пастель. Местонахождение неизвестно. (Прилож. 7, рис. 53: воспроизведение)⁴⁵⁴.

⁴⁴⁸ Николай Рерих и другие. Художники XIX – XXI веков в собрании Музея-института семьи Рерихов: Каталог / Составители Ю.Ю. Будникова и В.Л. Мельников. – СПб., 2005. – С. 8. – № 11 и 12.

⁴⁴⁹ Музей Русского искусства при Школе ИОПХ: Каталог. – Пг., 1916. – С. 3.

⁴⁵⁰ См. аналогичную, но незаполненную марку из Отдела эстампов РНБ в Прилож. 8, рис. 59.

⁴⁵¹ Приобретён музеем в 1956 году у М.П. Петровой (Ленинград). См.: *Русская дореволюционная и советская живопись в собрании Национального художественного музея Республики Беларусь: Каталог в двух томах / Сост. Р.Г. Вадин и др. – Т. 1: А – И. – Минск: Беларусь, 1995. – С. 204–205.*

⁴⁵² См.: *Дягилев С.П.* Список портретов, отобранных для Историко-художественной выставки 1905 года генеральным комиссаром С.П. Дягилевым в осмотренных им в течение летних месяцев 1904 года 72-х русских имениях. – СПб., Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1904. – 164 с.; *Он же.* Предполагаемый список экспонентов Историко-художественной выставки русских портретов, составленный С. Дягилевым. – [СПб., 1904]. – 41 с.; *Список портретов, отобранных для Историко-художественной выставки 1905 года в общественных и частных собраниях г. С.-Петербурга.* – СПб., 1905. – 591 с.; *Каталог Историко-художественной выставки русских портретов, устраиваемой в Таврическом дворце в пользу вдов и сирот павших бою воинов.* – Вып. 1–8. – СПб., 1905. – Кат. № 1958.

⁴⁵³ См.: *Врангель Н.Н., барон.* Выставка работ Венецианова в музее Александра III // *Старые годы.* – СПб. – Апрель 1911. – С. 58–60; *Он же.* Алексей Гаврилович Венецианов в частных собраниях. – СПб.: Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, [1911]. – 31 с. – Ил. 20: воспроизведение.

⁴⁵⁴ См.: *Врангель Н.Н., барон.* Указ. соч. – Ил. 19.

7. Венецианов А.Г. Старушка-крестьянка. 1820-е годы. Дерево, масло. 29,5×22. Ныне в собрании Национального художественного музея Республики Беларусь, РЖ-587. (Прилож. 7, рис. 54: воспроизведение). На обороте надписи: № 39; *Путятинъ; Венецианов Старушка*. Этикетка с текстом: *Историч. выставка портретов 1905 г. Портретъ Работа Собственность Князя Путятина Павелъ Арсеньевичъ Лиговская 65 СПб.* Остатки этикетки русской выставки 1906 года в Париже⁴⁵⁵. Произведение экспонировалось на выставках в 1905 (Санкт-Петербург, Таврический дворец)⁴⁵⁶, 1906 (Париж, Осенний Салон)⁴⁵⁷ и 1911 (Санкт-Петербург, Русский музей Александра III)⁴⁵⁸ годах.

8. Венецианов А.Г. (?) Портрет неизвестного из семьи князей Путятиных. Не датирован. Холст, масло. 32,5×25. Ныне в собрании ГРМ, ЖБ-696⁴⁵⁹. (Прилож. 7, рис. 55: воспроизведение).

9. Итальянский мастер XV–XVI веков. Ангел ведущий Товию. Местонахождение неизвестно. (Прилож. 7, рис. 56: воспроизведение). «Картина написана на доске. Размеры: высота 0,99 м, ширина 0,76 м. В руках у ангела круглый сосуд с желчью, на который с любопытством смотрит Товия. Одежды ангела желтовато-серого тона с зеленоватыми тенями, на отвёрнутых частях видна розово-серая подкладка. Крылья ангела серо-коричневые, тёмные с красноватым рельефом на них. Товия одет в пурпурно-розовую рубашку тона Паоло Веронезе и ярко красное трико, дисгармонирующее с общим серо-зеленовато-розовым тоном картины. Тон неба и пейзажа пасмурный»⁴⁶⁰.

10. Лампи Ж.Б.⁴⁶¹ (1751—1830). Портрет графа Самойлова. Местонахождение неизвестно. «Жан Батист Лампи родился в 1751 году в Ромено (Тироль), умер 11 февраля 1830 года в Вене. Учился у своего отца, затем в Вероне у Унтербергера и Ф. Лоренци. В 1783 году переехал в Вену, где в царствование Иосифа II был профессором академии. В 1787 году король Станислав Август II переманил его в Варшаву, где Ж.Б. Лампи пи-

⁴⁵⁵ Русская дореволюционная и советская живопись в собрании Национального художественного музея Республики Беларусь. ... – С. 205.

⁴⁵⁶ См.: Дягилев С.П. Указ. соч.; *Каталог* Историко-художественной выставки русских портретов... – Кат. № 2181: «Портрет старой крестьянки».

⁴⁵⁷ В каталоге этой выставки под № 658 на с. 113. Цит. по: *Русская дореволюционная и советская живопись в собрании Национального художественного музея Республики Беларусь. ... – С. 205.*

⁴⁵⁸ См.: Врангель Н.Н., барон. Указ. соч. – Ил. 4: воспроизведение.

⁴⁵⁹ Сообщено ведущим научным сотрудником ГРМ, доктором искусствоведения Е.П. Яковлевой.

⁴⁶⁰ *Художественные сокровища России.* – СПб., 1905. – Т. V. – С. 44.

⁴⁶¹ В современной искусствоведческой литературе этого австрийского мастера называют Иоганном Баптистом Лампи Старшим (Lampi Johann Baptist I). См.: *Государственный Русский музей. Живопись. XVIII–XX века: Каталог в 15 томах.* – Т. 1. – XVIII век. – С. 101.

сал портреты короля, его семьи, графини Потоцкой с сыном и других. Через четыре года он переехал в Россию, писал портреты Екатерины II и её сподвижников»⁴⁶².

11. Молдавский К.А. (1813—1855) Ангел. Бумага, карандаш. 29¹/₂×46¹/₃. В 1916 году в собрании Музея русского искусства при Школе ИОПХ, № 110 (дар князя Путятина)⁴⁶³. Местонахождение неизвестно.

12. Нефф Т.А. (1805—1876) Этюд образа. Бумага, карандаш. 15³/₄×24. В 1916 году в собрании Музея русского искусства при Школе ИОПХ, № 115 (дар князя Путятина)⁴⁶⁴. Местонахождение неизвестно.

13. Нидерландский мастер XVII века. Женщина в цветах. Местонахождение неизвестно. (Прилож. 7, *рис. 57*: воспроизведение). «Картина написана на дубовой доске, связанной паркетом из кедра. Размеры её: высота 0,64 м, ширина 0,48 м. Очень хорошо написаны цветы: пёстрые, жёлтые тюльпаны, белые и бледно-розовые розы, нарциссы. Эффектен розово-красный тон шелковых рукавов и зелёный бархат корсажа. Лицо тушёвано плоско, однообразно в тоне и румянец щёк, выступает резким пятном. Светло-русые волосы мелкими завитками выбиваются из-под шапки цветов»⁴⁶⁵.

14. Рерих Н.К. (1874—1947). Портрет князя П.А. Путятина. Не позднее 1903 года. Местонахождение неизвестно.

15. Рерих Н.К. Вечер. Не позднее 1903 года. Местонахождение неизвестно. Последние два произведения упомянуты в «Каталоге выставки картин, этюдов и рисунков Н.К. Рериха», единственный оттиск которого сохранился в РНБ⁴⁶⁶. Андрей Карелин в критической статье о выставке отмечал, что на ней много работ, «превосходно проштудированных с натуры». Далее названы некоторые из них, в том числе портрет князя П.А. Путятина. По мнению Карелина, они «указывают на внимательное, серьёзное изучение человеческой натуры, необходимое для картин художника»⁴⁶⁷.

16. Русский художник первой половины XIX века. Портрет Е.А. Поликострицкой. Холст, масло. Е.И. Рерих оставила его краткое описание⁴⁶⁸. Местонахождение неизвестно. Мы предполагаем, что изображение именно этой работы сохранилось в фо-

⁴⁶² *Художественные сокровища России*. — СПб., 1905. — Т. V. — С. 44.

⁴⁶³ *Музей Русского искусства при Школе ИОПХ: Каталог*. — Пг., 1916. — С. 9.

⁴⁶⁴ *Там же*.

⁴⁶⁵ *Художественные сокровища России*. — СПб., 1905. — Т. V. — С. 44.

⁴⁶⁶ *Каталог выставки картин, этюдов и рисунков Н.К. Рериха* / [Открытие состоялось 1 марта 1903 г.]. — СПб.: Современное искусство, 1903. — 4 с. — 145 произведений. — Кат. № 73 и 90.

⁴⁶⁷ *Карелин А.* «Современное искусство». Выставка произведений Н.К. Рериха // *Знамя*. — СПб., 1903. — 4/17 марта. — № 59. — С. 2.

⁴⁶⁸ См. в третьем параграфе первой главы, в рассказе о Рютинском храме-музее Е.С. Рахлина-Румянцева.

тоальбоме Рерихов, хранящемся в МИСР. (Прилож. 8, *рис. 62*). Насколько верно данное предположение, покажут дальнейшие музейно-архивные изыскания.

17. Русский художник 1870-х гг. набросок пейзажа. Бумага, перо. 16×7. В 1916 году в собрании Музея русского искусства при Школе ИОПХ, № 113 (дар князя Путятина). Местонахождение неизвестно.

18. Шамшин П.М. (1811—1894) Четыре Евангелиста. Бумага, карандаш. 21^{1/2}×36^{1/2}. В 1916 году в собрании Музея русского искусства при Школе ИОПХ, № 167 (дар князя Путятина). Местонахождение неизвестно.

19. Шебуев В.К. (1777—1855) Исцеление слепого. Бумага, карандаш. 39^{1/2}×29. В 1916 году в собрании Музея русского искусства при Школе ИОПХ, № 167 (дар князя Путятина)⁴⁶⁹. Местонахождение неизвестно.

Таким образом, большая часть художественного собрания князя П.А. Путятина ныне утрачена. Лишь несколько полотен хранится в Национальном художественном музее Республики Беларусь (г. Минск), Государственном Русском музее и Музее-институте семьи Рерихов в Санкт-Петербурге.

Поскольку после 1917 года история попадания картины в музей, особенно провинциальный, чаще всего начинается с Национального музейного фонда, куда картина была реквизирована, то очень трудно выявить принадлежность картины к тому или иному усадебному собранию. «И в этом – истинная трагедия усадебных коллекций, имеющая место быть даже тогда, когда картины, в неё входившие, вроде бы физически сохранились, пребывая в разных собраниях и музеях»⁴⁷⁰. Будем надеяться, что со временем музейные хранители обратят внимание на собранные нами сведения о художественной коллекции Бологовского усадебного музея и выявят в своих фондах и другие произведения, принадлежавшие князю П.А. Путятину.

Возможно, из собрания князя П.А. Путятина происходят несколько художественных рам в собрании Музея-института семьи Рерихов, относящиеся к XIX – началу XX века. О роли и ценности такого немаловажного для любого музея предмета как художественная рама, в которой «важен не только её резной либо накладной мастичный орнамент, но и декоративное покрытие»⁴⁷¹, придающее ей индивидуальность и

⁴⁶⁹ Три последние работы: *Музей Русского искусства при Школе ИОПХ: Каталог*. – Пг., 1916. – С. 9, 13.

⁴⁷⁰ *Рассказова Л.В.* Усадьба Завиваловка и её художественное собрание // *Русская усадьба: Сборник ОИРУ*. – Вып. 10 (26). – М.: Жираф, 2004. – С. 377.

⁴⁷¹ *Лысенко О.А.* Художественные рамы в России и за рубежом. К проблеме сохранения наследия // *Антикварное обозрение*. – № 1 (18). – СПб., 2006. – С. 56–57.

определяющее её гармоничное сочетание с колоритом картины, князь Путятин, конечно, знал. Известно, что он заботился о том, чтобы как можно удачнее «одеть» картину. Об этом рассказывала Л.С. Митусова, видевшая своими глазами интерьеры кабинета и покоев князя Путятина – как в Петербурге, так и в Бологом.

(2). «Палеографическая коллекция и собрание автографов и факсимиле замечательных лиц» – таково название следующего раздела музейной коллекции князя Путятина, данное ему владельцем и А.Н. Виноградовым, первым опубликовавшим его описание. (Приводимые ниже в кавычках названия подразделов и описания конкретных памятников принадлежат тоже им⁴⁷²). Основа этой части коллекции музея сформировалась к 1878 году, когда она и была описана А.Н. Виноградовым. Состав первых двух разделов коллекции мы знаем в основном по его публикации в начальном томе издания Московского Общества любителей древней письменности «Памятники древней письменности» в 1879 году (ниже пронумерованы как № 1–52, 54–178). В 1880 году почётный член Санкт-Петербургского Археологического института барон П.Г. Черкасов составил новые «Извлечения из частных архивов госпожи Вындомской и князя П.А. Путятина»⁴⁷³, но ныне их след затерялся. Все последующие годы коллекция пополнялась, о чём свидетельствуют как публикация вновь поступившего памятника, подготовленная князем П.А. Путятиным (№ 179), так и его выступления в Санкт-Петербургском Археологическом институте, ИРАО и других научных обществах, основанные на палеографических уникалах его усадебного музея⁴⁷⁴. Кроме этого, в архиве учёного сохранились «Замечания П.А. Путятина к изданию его палеографической коллекции» (на 5 листах)⁴⁷⁵ и блок ещё полностью не атрибутированных документов в виде дела «Патенты, свидетельства и грамоты Путятиных за XVIII–XIX века, повышения в чинах, родословная Путятиных»⁴⁷⁶. В настоящее время местонахождение большинства описанных здесь предметов неизвестно; в том случае, если местонахождение установлено, это оговаривается в примечаниях.

⁴⁷² Мы намеренно сохранили стилистические особенности оригинальной описи по изданию: *Виноградов А.Н.* Указ. соч. – С. 216–224. Это позволяет представить стиль и уровень научной документации в музеях того времени. Для удобства дальнейшего изучения нумерация предметов дана нами сквозная, чего не было сделано при первой публикации описи.

⁴⁷³ *Калачов Н.В.* – Указ. соч. – С. 46–47.

⁴⁷⁴ Например, 11 января 1892 года на заседании Отделения русской и славянской археологии ИРАО (далее – *ОРСА ИРАО*) он сделал сообщение «О некоторых указах царей Иоанна и Петра Алексеевичей касательно переписи 1684 года». См.: *Записки ИРАО.* – Т. VII. – Н. с. – СПб., 1895. – С. XXVII, XXXIX.

⁴⁷⁵ *РА ИИМК*, ф. 15, № 23.

⁴⁷⁶ *РА ИИМК*, ф. 15, № 191.

(2.1). «Старопечатные и рукописные книги». (2.1.1.) «Старопечатные книги».

1. «Синописис Гизеля, один 1674 года, другой –1680 года». В современной литературе известен также как «Киевский синописис» – первое учебно-историческое произведение, изданное в Киеве в 1674 году. Его автор – архимандрит Иннокентий Гизель. Содержит сведения о происхождении и быте славян, истории Древнерусского государства, Украины, России.

2. «Патерик Печерский Гизеля, 1678 года». Иннокентий Гизель дважды под своей редакцией перепечатал Печерский Патерик в Киеве – в 1661 и 1678 годах. Таким образом, у князя Путятина хранилось второе издание Патерика.

3. «Феатрон, 1720 года». Автором книги «Феатрон, или позор исторический» является оснабрюкский епископ Вильгельм Стратемман (1629—1684), поделивший всемирную историю на 10 «исходов» по 400 лет в каждом. Перевод книги, предисловие к читателю и посвящение Петру I и Екатерине Алексеевне написано Гавриилом Бужинским. Издана в Санкт-Петербурге в 1720 году. При преемниках Петра «Феатрон» был изъят из обращения, как книга, в которой «весьма противные речи напечатаны». Позже книга была разрешена Синодом для продажи, однако, были изъяты посвящение и предисловие переводчика. Считается первым русским учебником по всеобщей истории. (Прилож. 8, *рис. 63*).

4. «Духовный Синедрин, 1721 года». Очевидно, имеется в виду издание одного из разделов «Талмуда».

5. «Книга Марсова или воинских дел с войска его королевского величества швейского, 1713 и 1736 года». Имеется в виду первое издание гражданской печати, напечатанное в Санкт-Петербурге, полное название которого «Книга Марсова, или Воинских дел от войск царского величества российских во взятии преславных фортификаций, и на разных местах храбрых баталий, учиненных над войсками его королевского величества швейского. Санкт-Петербурх. Лета господня 1713. Генваря в день...». Это документальные рассказы о наиболее важных победах русских войск в Северной войне. Автор текста М.П. Аврамов. Гравюры исполнили известные мастера А. Шхенебек, П. Пикардт, А. Зубов, А. Ростовцев. Среди гравюр – вид на Петропавловскую крепость, портрет Петра I, планы и виды завоёванных городов и крепостей, отдельных сражений, таких как «Взятие Шлиссельбурга» и «Баталия Гангутская»⁴⁷⁷.

⁴⁷⁷ См.: Глухов А.Г. Петербург книжный петровской поры // *Университетская книга*. – № 6 (79). – М., 2003. – С. 34–39.

6. «Математическая фортификация, для употребления Его Величества Императора [Петра 1-го]». Очевидно, учебник математики.

(2.1.2.) «Рукописные книги». 7. «Гранограф, сиречь летописец, с греческого на славяно-русский язык перевёл иеромонах Арсений Грек, продолжавший труд архимандрита Дионисия. Перевод кончен при Государе Царе и Великом Князе Алексее Михайловиче (1665 г.). Греческий оригинал, послуживший для перевода, представляет свод разных летописцев, совершенный при Митрополите Моневмасийском Кире-Дарофее. Величина в лист, на 127 полулистах, в кожаном переплёте; прекрасный почерк полуустава⁴⁷⁸. В гранографе содержится: священная история от сотворения мира; описания царства Иудейского, Вавилонского, Ассирийского, Македонского, Римского, Византийского и Константина Великого, до [на]падения Магометова и Турецкого, Венецианского с описанием Флорентийского собора; оканчивается 7 и 8 вселенскими соборами и перечнем разных должностей Византийской империи».

Гранограф (хронограф) – историографическое сочинение, излагающее всемирную историю. Так в отечественной науке издавна принято называть всемирно-исторические компиляции, созданные русскими книжниками, в отличие от хроник – переводных, преимущественно византийских сочинений, хотя принципиальных различий между хронографами и хрониками нет. Самоназвание «хронограф» («гранограф») имеет «Хронограф Русский»: «Главы книги сия, глаголемая гранограф еже есть летописец», «Предисловие книзе, глаголемой гранограф...». Названия остальным хронографам даны исследователями.

8. «Сказания о вольном страдании и тайной вечери Господа Бога и спаса нашего Иисуса Христа како волею нашего ради спасения страсть восприял, в 4-ю долю листа, крупный шрифт полуустав конца XVII столетия; 114 четвёрток⁴⁷⁹. Содержание: Воскресение Лазарево; вход во Иерусалим; изгнание из храма торгующих; совет архиереев и книжников; Иуда продающий Иисуса Христа; пришествие Иисуса в Иерусалим, в Вифанию; желание Пресвятой Девы Богородицы, чтобы Иисус Христос остался в Вифании и не ходил в Иерусалим; тайная вечеря и омовение ног; лобзание Иудино и взятие Иисуса; поругание воинов над ним; допросы у Каиафы и во дворе Пи-

⁴⁷⁸ См. заметку в книге Н. Барсукова «Жизнь и труды Строева» (СПб., 1878. – С. 105). – *Примеч. А.Н. Виноградова.* Имеется в виду изд.: *Барсуков Н.П. Жизнь и труды П.М. Строева / Николая Барсукова, члена Археографической комиссии, помощника начальника Архива и Библиотеки Святейшего Синода и члена-корреспондента Общества любителей древней письменности.* – СПб.: тип. В.С. Балашева, 1878. – 2+4+6+668 с.

⁴⁷⁹ См. выше: [Памятники древней письменности. – Т. 1. – М., 1878–1879.] – С. 153–185. – *Примеч. А.Н. Виноградова.*

лата; возложение тернового венца и биение тростью; привязание к столбу; биение и посаждение в темницу; удушение Иуды; ведение на распятие и несение креста; пришествие Богородицы с мироносицами на двор Пилата; пригвождение Иисуса ко кресту и распятие; прободание ребра его и перебивание голени у разбойников; испрошение Иосифом Аримафским у Пилата позволения погребсти тело Иисуса Христа; снятие со креста, положение во гроб и плач Богородицы; стража у гроба; сошествие во ад Иисуса Христа и изведение из него праведников; извещение стражей о воскресении Христе; послание Пилатово к Иосифу Аримафскому и приведение Иосифа в Иерусалим; пришествие в Рим к императору Тиверию жён мироносиц; послание Пилатово к Тиверию о распятии Иисуса Христа; ответ кесаря Тиверия Пилату».

9. «Родословная книга от первого человека Адама, писания 1740 года, в лист, заключающая хронологические указания некоторых фактов и лице Ветхого и Нового Заветов, о соборах вселенских, князьях Новгородских, Владимирских, князьях и царях Московских, о Петре Великом и взятых им городах; кончается сказанием о Петре II-м и Анне Иоанновне».

10. «Родословная книга, подобная предыдущей, но заключающая в себе более подробные хронологические сведения».

11. «Житие Петра Великого, в 4-х книгах, в лист; весьма позднего времени, но содержит любопытные сведения о Петре Великом».

12. «Лусидарион или златый бисер, в 4-ю долю листа».

13. «Цифирная мудрость, в лист; азбука, арифметика и геометрия».

14. «Книга, глаголемая прохладный вертоград или лечебник, с весьма подробным оглавлением, в четверть листа». В XVI веке на Руси появились медицинские книги, называемые «Вертоградами» или «Садами здоровья». Известен экземпляр «Вертограда», относящийся к 1616 году. В его тексте имеется указание на то, что рукопись выполнена ещё в 1534 году «по повелению Даниила, митрополита всея Руси», а «переведена сия книга с немецкого языка на словенский, а перевёл полонянин литовский, родом немчин, любчанин». Существовал «Вертоград» – перевод произведения «Ortus sanitatus». В 1523 году в Польше был издан «Прохладный Вертоград» – «Ortus amoenus», переведённый в 1672 году подьячим Земского приказа Андреем Микифоровым. Этот лечебник, по сути, старинная русская медицинская энциклопедия, содержал обширную рецептуру, составленную преимущественно из лекарственных растений. «Прохладный Вертоград» был настольной книгой в каждом русском

доме, им пользовались, его бережно хранили, старательно переписывали. Относительно небольшой объём делал книгу удобной в повседневном обращении. Эта книга широко распространилась в XVIII веке. А.В. Суворов считал его обязательным для солдат и офицеров⁴⁸⁰. Вариант «Вертограда» находился и в Бологовском усадебном музее. Благодаря А.Н. Виноградову мы имеем её подробную роспись: «Содержание: о разных составах – малханов, мастей, зелиев; о маслах, о водах и яствах перепущенных; о разных травах и о силах их; о камнях драгих и по многим делам угодных и о силе их; кто лицом угреват; о мокрости телесной и головной; которой человек окоростовяет; о внутренней болезни; у которого человека свербота или чесотка; кто ушами не слышит и о прочих болезнях ушных; о болезни грыжи хребтовой и прочих мест; которой человек падучею болезнью обдержим или детинцом; о болезни сердечной; о болезни печёночной – желутковой; у кого кашель; о болезни головной – грудной; о тяжко воздыхающих; о болезни пузырьной; которого человека усовы держат; о колотьи в боках и прочих местех; о болезни утробы кровавой и некровавой и кого чрево держит; у которого человека зубы болят; о болезни в стомах; на кого жёлтость нападает; о болезни селезённой – почечной – тряговичной или лихорадке; у кого очи болят; у кого бельмо на очах; у кого оток или опухоль; у которого человека жилы скорчило или заключились; у кого дикое мясо; о нечистоте личной и телесной; у кого нос залягает или насморк; как лишай телесный лечить; которого человека окормят или отравят и чем сохраняться от колдования; у которого человека поясница болит; у которого человека огонь или прыщи; у которого человека камень в пузырь или в матице – как дробить и вон выгнать; у кого проказа на теле; у которого человека зножба явится; которого человека цтин и мыт; которой человек что обожжёт; которой человек желуницей болен; у которого человека суставы болят; о болезни легкого; о болезни волосятичной; у которого человека бородавицы; которого человека испортят и в котором человеке трати, дрожание, огонь и трясение; у которого человека лице пестро; о немощи плечной; который человек огневою болен; о болезнях мастряковой, менструовой и месячной и о зазноблении матичном; о удах расслабленных и немощных; у которого человека жилы терпнут или судороги; которой человек горлом хрипит; о укушении скоропионном и прочих гадов и зверей; у которого человека где лом есть; которой человек памятью забывается; о небоязни страха, о смелости, о веселитве и о разуме; которого человека собака укусит бешеная; о охоте и о совокуплении мужа с

⁴⁸⁰ Данные сведения почерпнуты нами во время посещения ОР РНБ, РГБ и ОПИ НГОМЗ.

женою и о распадении похоти человеческой и о творении постельном и угодном к зачатию и неплодных и како оные чинить; у которого человека рот болит или изо рта, или из души воняет; у которого человека горло болит или осипнет и гортань запекается; о болезни меланколиевой (меланхолической), о болезни чёрной; на которого человека обморок находит; о растении доброй крови; у кого фрянки; о болезни студеностой; о болезни подёной; которой человек ума отступит; о язвах гнилых; которой человек мало спит; о болячке фестуловой или о сухой; у которой жены с места дна двинутся; которой человек много спит; от перепрения пальцев и прочих мест; у которого человека где жир; о болячках отворенных; о ранах сеченых, колотьях, и о порезах; о болезни волосяточной; у которого человека шея болит; у которого человека глисты или черви внутри; которой человек что познобит; на котором человеке воспа; которой человек руку или ногу сломит или ноги болят; как у человека вывести из костей шемоту и болезни в костях; у которого человека раны или струпья и как рану гноить и болячку порвать; у которого человека вал под горлом растёт; у которого человека чир и как людей класть в зелие; у которого человека проломы лежат в зелии; указ, какая яства и питие ясти и о питии лёжа в зелии; о утопшем человеке, чем помогать; которой человек испугается в ночи; которой человек утробою болен; у которого человека михир отечёт, или яста болят и язвы и о стужении в михире; которой человек блюет так или кровью; о истреблении семя человеческого, или у которой жены дитя во чреве мёртвое или живое вон вывести; о сохранении во время морового поветрия и о моровой болячке и смертной язве; о возвращении покраденного; отчего у человека ум смутится и в поле заблудится; которой человек бит не до крови или синевы на теле; отчего не услышится изо рта дух чесношной; что подлежит женам во время рождения принимать и чем сохраняться; о болезни афендроновой; у которого человека язвы; у которого человек кишки выходят у киловатых или луно выплывает; у которого человека оход выходит от лишнего утробы; о старых и новых ранах и о надутых болячках; у кого язычок отпадывает или отыметя или не воротится, и у кого щека кривится; о детородных язвах; кто хочет блевание учинить; которой человек луною болен или в брюхе бурчит; чем гадов и жаб и змей изнутри выгнать или кто пиявицу изопьёт; отчего не даст крови нутренной гнить и вредительную от сердца отгонить или у кого кровь от ударе, или расшибления внутри усыренная или лихая; как пот телу навести или лишней унять; у кого перелом ножной или нутренной; отчего голова и очи бывают больны; кто кровию мочится; чем окуривать урени; отчего пчё-

лы не отлетают от ульев; о переломе рёбр и прочих составов и от расшибения кости; отчего лице неблагообразно и бледно или после болести, несвоелично и о чистоте личной; у кого плютки гниют; которой человек животом болен; чем пьянство отгнать; отчего человек опасен и сохранен от всех своих состав; как познати окорм смертный; чем сны лихие и грижение отгнати; о честности в людях и о любви; чем гнев усмирить; чем речь и смысл к судебным делам направить и речи начатые к подобному концу привести; отчего промеж мужа и жены любовь умножается и о познании тайны женской; чем соблазнства и похоть утолять и мысли лихих отгнати; которой человек не хочет где власом расти, или хочет, чтоб власы чёрны были, или кто хочет, чтоб власы росли; отчего дух нечистый бегаёт и на кого стень находит и о нахождении духов нечистых и в просонках от соблазнства духа нечистого чем сохраняться; чем жажду унять или у кого десны гниют или перетукаются или сечутся; которого человека имеет мыт или тело одеревенеет или у кого тоска; у которого человека из носу и из прочих мест кровь идёт; чем ворогушу отогнать; у кого сухотная болезнь и от уныния и кто много пьёт; отчего не может человека никто одолеть и [как] отнятое из неприятельских рук возвратить, и что впредь будет знать; отчего мёртвое тело не гниёт и чем сохраняться от потопления на воде и от чего никакая гадыня не умрёт; чем выводить из хором клопов, тараканов, сверчков и мышей; отчего храмины громовая стрела не бьёт и молния не жжёт и град падающий вредить не может, и что угодно держать в дому, и отчего дивные и страшливые дела покажутся; отчего у коровы или у коней изо рта кровь идёт и о мыту лошадином и когда овцы мрут помочно; что помочно к ловлению зверей и птиц и отчего моль и хорь платья не портит; чем человеку пьянство навести и без ума доспевает; о надутых апостемах и о камчуге; о двунедесяти месяцах, в которых какие брашна принимать и кровь пущать и кой день брещися во всём; о трёх временах года, о весне, о лете, о осени; снискание искусных врачёв, в кое время кровь пущати и о разуме крови; о науке и о знаменах в люцких немощах по некоторым знаменам подлинным и по науке лекарской здорового и нездорового человека; о познании, как познавати воду человечесью в склянице; о травах: куколе, мокрице, проскурике; у кого шелуди; о лебеде; о рамане; о собаке; о быке. Прибавление: как человеку пользоваться от каких болезней какими травами, в том числе и скоту на пользу быть имеют: о траве — Адамове главе, вележе, измородине, ужике, совусиле, папутнике, сорочке, матице, копытце, бронце, стародубке, рябинке, куреве, киновнике, котовы мудье, хмеле, дягиле, девясиле, постриме лисовом, постриме боровом, пе-

реконе, сорочей щавели, ревени, переносе, перевеске, землянике, чернобыльце, болотном быльце, пупок, бель, гонец, золотухе, на сон, одолен, хоростроец, пухлеце, ерша, медвежье ухо, соломаты, полевой дятль, перонци, погибельки, царевы очи, баклон, солнешник, смых, व्यюнец, мрасть, едам, любисть, заец, перемык, купены, лапех, пузик, кукуй, муравей, лосюсь, петрове крести».

15. «Уложение Государя царя Великого Князя Алексея Михайловича, список, заключающий текст Уложения параллельно с дополнительными к оному новоуказанными статьями; величиною в лист, весьма толстая книга, содержащая более 1000 полулистов⁴⁸¹. Здесь можно проследить более пятидесяти различных почерков, чрезвычайно красивых и разнообразных. В палеографическом отношении весьма ценный памятник. Как видно из начала этого кодекса, явился он вследствие указа Великого Государя Царя и Великого князя Петра Алексеевича и по указному письму из коллегии юстиции сенатора Графа Андрея Артамоновича Матвеева, в котором повелено: “Из Российского Уложения главы о судебных и о розыскных делах свести с новостоятельными Его Царского Величества указы или с новыми статьями, каковы в пополнку на Уложение в разных годах определились, и чтобы на бумаге на половинчатой той статьи Уложения, а на противу их на другой стороне новоуказанные внесены были”. Далее, из указа этого, изданного 1718 года Августа в 7-й день, видим, что “и по тому Великого Государя указу из Российского Уложения главы о розыскных и судебных, также и о гражданских дворах и дворовых местах, которые касаются до канцелярии Земских Дел с новостоятельными указы и с новыми статьями, каковы в пополнку на Уложение в разных годах определились, и в канцелярских земских делах сысканы и сведены, и на половинчатой бумаге статьи Уложения, а на противу на другой стороне новоуказные в сей книге, за присмотром Комисара Михея Небольсина прописаны в нижеписанных статьях”».

16 и 17. «Списки “Уложения” в двух книгах, разные по почерку и времени; в одном, отлично сохранившемся, красивом по почерку, в начале поставлено весьма подробное оглавление глав и статей и потом уже следует самый текст».

18. «Альбом, содержащий оригинальные чертежи и рисунки, превосходно исполненные архитектором Мейером»⁴⁸². Особенного внимания заслуживают здесь перспективные виды внутренности Успенского Собора во время коронации импера-

⁴⁸¹ Имеется в виду «Соборное Уложение» 1649 года, свод законов Русского государства, принятый Земским собором 1648–1649 годов. Основной закон в России до первой половины XIX в. – *Примеч. В. М.*

⁴⁸² Имеется в виду выпускник ИАХ, петербургский архитектор Христиан Мейер (1789–1848). – *Примеч. В. М.*

тора Николая Павловича, и одиннадцать изображений разных покоев и комнат старого Зимнего дворца с семейными картинами из жизни императоров Александра I и Николая Павловича, остальное – разные виды из путешествия по Италии».

(2.2). «Рукописные столбцы, свитки и другие бумаги правового характера»⁴⁸³.

(2.2.1). «Царские жалованные и другие грамоты». 19. «Государей Царей и Великих Князей Иоанна и Петра Алексеевичей Пелымским жителям и поселенцам. Огромный свиток в несколько сажень длины, в котором разного рода распоряжения расположены в 18-ти главах».

20. «Тех же Государей Царей и Великих Князей стольнику Назарию Мельницкому о награждении его за службу соболями».

21. «Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича окольничему Дмитрию Александровичу Долгорукому (длины 3 аршина)».

22. «Боярину и воеводе Борису Ивановичу Прозоровскому».

(2.2.2). «Памяти, содержащие разного рода указы Государей правительственным лицам». 23–24. «Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича боярину и воеводе Петру Васильевичу Шереметеву, 1646 года».

25–26. «Стольнику Михаилу Ивановичу Морозову, 1670 года».

27–30. «Князю и боярину Пронскому, 1671, 1673, 1681 годов».

31. «Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича боярину Фёдору Васильевичу Бутурлину, 1682 года».

32. «Воеводе Ивану Васильевичу Бутурлину».

33–35. «Боярину Михаилу Алегуковичу Черкасскому, 1675 года».

36–37. «Князю Григорию Семеновичу Куракину».

38. «Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича воеводе князю Петру Александровичу Репнину».

39. «Царей и Великих Князей Иоанна и Петра Алексеевичей князю Борису Ивановичу Прозоровскому».

40. «Ближнему Боярину Ивану Борисовичу Прозоровскому, свиток в 3 сажени, содержание – о князе Мещерском».

41. «Боярина Василия Семёновича Волынского».

⁴⁸³ Датировка документов в древнерусском исчислении здесь не приводится. Все бумаги, кроме особо оговоренных, в подразделах описи 2.2.1, 2.2.2, 2.2.6 и 2.2.7 относятся к середине – второй половине XVII века.

42. «Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича князю Андрею Васильевичу Хилкову».

43. «Царей и Великих Князей Иоанна и Петра Алексеевичей и Царевны Софьи Алексеевны о наборе рекрут из поместья стольника Афонася Загряжского воеводе Василью Григорьевичу Образцову».

(2.2.3). «Памяти должностных лиц». 44. «Кондратья Афанасьева сыну Загряжскому по договору об отдаче на брак, Великих Государей жалованного своего поместья».

45. «Бурмистру, 1712 года с печатью его».

(2.2.4). «Указы Великих Государей, Царей и Великих Князей». 46. «Царя и Великого Князя Фёдора Алексеевича Ивану Фёдоровичу Рыкачёву как быть ему приставом у купчин Шахова Величества Персидского».

47. «О должностных лицах в Соли Камской, памяти думного дьяка Фёдора Шакловитого».

48. «Окольничему Дмитрию Алексеевичу Долгорукому, свиток 3 аршина».

49. «По поводу челобитья Милюковых и Мостовского, 1712 года».

50. «В Бежецкую Пятину, в Юрьевский погост, в Ефимово поместье».

51. «Приказ Государей, Царей и Великих Князей Иоанна и Петра Алексеевичей и Царевны Софьи Алексеевны боярину и воеводе Владимиру Дмитриевичу Долгорукому, роспись чинам в полку по Рязанскому Разряду (ротмистр, поручик, хорунжий, у него в роте дворяне и жильцы)».

52. «Императора Павла I-го о форме платья».

53. «Письмо императора Павла I». 15 ноября 1786 года⁴⁸⁴.

(2.2.5). «Дополнения к разного рода памятям и указам». 54–77. «Данные Ивану Фёдоровичу Рыкачёву Государем Царем и Великим Князем Алексеем Михайловичем, в количестве двадцати трёх столбцов; за 1661-й – один экземпляр, за 1692-й – один, за 1693-й – 12, за 1694-й – 8».

78–124. «Стольнику Якову Федоровичу Рыкачёву при Государе Фёдоре Алексеевиче, за год 1688-й – 40 экземпляров, 1689-й – 5, всего – 45».

125–152. «Столбцы времён Петра Великого в количестве 27 за годы: 1701, 1703, 1705, 1706, 1709, 1710, 1711, 1713, 1714, 1715, 1716, 1717, 1720, 1723».

⁴⁸⁴ Сохранилось в РА ИИМК, ф. 15, № 191.

«В трёх перечисленных группах столбцов заключаются чрезвычайно интересные распоряжения по самым разнообразным делам и статьям – судным, дворцовым, хозяйственным, торговым, финансовым и проч. Здесь материал довольно ценный для изучения дел, подлежавших ведению разных приказов. Вкратце, содержание следующее: батоги за напрасное употребление слова “Государево дело”; батоги за пьянство, ложное показание звания и имени; выбор экспертов по ювелирному делу, целовальников для сбора таможенных пошлин, людей добрых и знатных на кружечный двор на виру; оценка и продажа двора по кабале; отпуск на содержание Гетманов: Самойловича, Мазепы и других; архимандрита Иннокентия Гизеля; снаряжение на праздник царицы Агафьи Симеоновны; о починке дома посольского; о покупке двух полтей ветчины и 2 пудов соли посланникам Гетмана Самойловича; о взятии хлеба из Стрелецкой житницы; о денежном сборе с вотчины Колошина; о деньгах на починку кораблей; о побеге дворового человека и прочее».

(2.2.6). «Судные дела». 153. «Сыскные дела Бежецкого Верха и Кашина о беглых людях во крестьянх, 1702 года, свиток в 11 сажен длины».

154. «О понятых людях, которые должны быть при губном старосте во время повальных обысков в NN деревнях».

155. «Дело о Маслове, времени Царя Фёдора Алексеевича, содержит очную ставку и объяснения, свиток в 12 сажен длины».

156. «О поимке воров и разбойников шайки Голицы в селе Чамерове, в дворцовой волости Бежецкого Верха, 1684 года».

(2.2.7). «Челобитья и акты частных лиц из домашнего архива Путятиных».

157. «Макушки Маслова Государю Царю и Великому Князю Фёдору Алексеевичу».

158. «Рыкачёва Государю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу».

159. «Его же Патриарху Адриану о покосах, 1690 года».

160. «Его же Царю Фёдору Алексеевичу о землях».

161. «Нелединских».

162. «Отпускная крестьянской девки Доминки на волю».

163. «Кабальная запись крестьян Рыкачёву».

164. «Рядная запись Трегубова, 1685 года».

165. «Запись Тимофея Куженкова».

166. «Запись Чириковой Загряжскому».

167. «Запись Рыкачёву Иджери Мурзы, Сиян-Мурзина сына Юсупова, 1662 года».

168. «Запись Рыкачёву сына Немединского о пустоши, 1675 года».

169. «Запись ему же о поместье Моложенина».

170. «Отпись платёжная Шишкина, 1659 года».

171. «Отпись подорожная, 1647 года».

173. «Отпись боярина Шаховского Рыкачёву, 1680 года».

174. «Купчая Высоцкого на имя Загряжского».

175. «Крепость на землю Мельницкого, 1716 года, свиток 3 аршин длины».

176. «Свидетельство Кирилова монастыря Загряжскому в получении от него вклада – серой кобылы на пользу Братии».

177. «Письма об Азовском походе при Петре Великом».

178. «Отрывок из дневника, ведённого N во время путешествия Петра I-го за границу».

179. «Список с росписи приданного Анны Кондратьевны Загряжской, вышедшей замуж в 1687 году за князя Петра Ивановича Хованского, двоюродного племянника начальника стрельцов, князя Ивана Андреевича Хованского, обезглавленного 17 сентября 1682 года»⁴⁸⁵.

(2.3). «Собрание автографов и факсимиле замечательных лиц новейшего времени». Об этом разделе музейного собрания можно составить представление по сохранившимся бумагам в РА ИИМК. Отметим материалы, представляющие большую ценность для истории культуры и музейного дела: «Указы, грамоты и другие архивные документы XVIII–XIX веков» (на 313 листах)⁴⁸⁶, «Разные заметки и выписки на французском языке» (35 листов)⁴⁸⁷, «Разные заметки и выписки по западной истории и истории искусства» (на 26 листах)⁴⁸⁸, «Черновики рецензии по поводу любительского спектакля “Маленькая война” в петербургском зале Павловой 15 ноября 1896 года» (на 2 листах)⁴⁸⁹. Сохранилась часть эпистолярного архива князя П.А. Путятина с визитными карточками и письмами на русском, английском, французском, немецком, итальянском и других языках, среди них автографы: палеоэтнолога, хранителя Рус-

⁴⁸⁵ Издан князем П.А. Путятиным «по распоряжению ИРАО» отдельным оттиском в типографии Императорской Академии наук на 9-й линии Васильевского острова в 1879–1881 гг. – 11 с.

⁴⁸⁶ РА ИИМК, ф. 15, № 14.

⁴⁸⁷ РА ИИМК, ф. 15, № 17.

⁴⁸⁸ РА ИИМК, ф. 15, № 18.

⁴⁸⁹ РА ИИМК, ф. 15, № 26.

ского музея Александра III и доцента Санкт-Петербургского университета Фёдора Кондратьевича Волкова (1847—1918)⁴⁹⁰, профессора Санкт-Петербургского университета, председателя Отделения русской и славянской археологии ИРАО Сергея Фёдоровича Платонова (1860—1933)⁴⁹¹, директора Санкт-Петербургского Археологического института Николая Васильевича Покровского (1848—1917)⁴⁹², матери художника Рериха Марии Васильевны Рерих (1844—1927)⁴⁹³, члена ИАК Александра Андреевича Спицына (1858—1931)⁴⁹⁴, крупнейшего археолога, создателя музея в усадьбе Поречье графа Алексея Сергеевича Уварова (1825—1884/1885)⁴⁹⁵ и многих других, всего 157 единиц хранения. Отдельные блоки эпистолярного архива составили «Просьбы монастырей о денежной помощи» за 1891–1914 годы (30 листов)⁴⁹⁶, переписка с родными князя (38 листов)⁴⁹⁷, черновики писем самого князя Путятина разным лицам (81 лист)⁴⁹⁸, а также переписки разных иностранных и отечественных учёных и художественных обществ и учреждений с князем Путятиным за период с 1878 по 1918 годы⁴⁹⁹. Особую часть сохранившегося архива составили документы, связанные со служебными и общественными обязанностями князя Путятина в качестве «кандидата мирового посредника», «Вышневолоцкого уездного предводителя дворянства», «представителя на коронавании Александра III», «представителя Вышневолоцкой переписной комиссии» и другими (1861—1907 годы)⁵⁰⁰, свидетельства о награждении князя Путятина орденами и медалями и грамоты (1887–1905 годы)⁵⁰¹, документы об отставке (декабрь 1902 года) и назначении князю Путятину пенсии (4 декабря 1908 года)⁵⁰².

Другие бумаги Путятиных ныне хранятся в Государственных архивах Тверской, Новгородской, Псковской, Ленинградской, Московской областей, Санкт-Петербурга, Москвы, Одессы и других городов и ещё ждут своих исследователей. Особый интерес

⁴⁹⁰ РА ИИМК, ф. 15, № 43.

⁴⁹¹ РА ИИМК, ф. 15, № 70.

⁴⁹² РА ИИМК, ф. 15, № 71.

⁴⁹³ РА ИИМК, ф. 15, № 76.

⁴⁹⁴ РА ИИМК, ф. 15, № 82.

⁴⁹⁵ РА ИИМК, ф. 15, № 90.

⁴⁹⁶ РА ИИМК, ф. 15, № 101.

⁴⁹⁷ РА ИИМК, ф. 15, № 102, 103.

⁴⁹⁸ РА ИИМК, ф. 15, № 104.

⁴⁹⁹ РА ИИМК, ф. 15, № 106, 194, 197, 203, 204, 205, 207, 210, 211, 220.

⁵⁰⁰ РА ИИМК, ф. 15, № 193.

⁵⁰¹ РА ИИМК, ф. 15, № 196.

⁵⁰² РА ИИМК, ф. 15, № 206.

представляют документы о потомственных владениях князя Павла Арсеньевича и его ближайших родственников (князей Путятиных, дворян Мельницких, Милюковых, Голенищевых-Кутузовых, Зеленых и других) в Бежецком, Вышневолоцком, Зубцовском, Новоторжском, Старицком, Ржевском уездах Тверской губернии, в Старорусском уезде Новгородской губернии, в Великолуцком уезде Псковской губернии, в Москве, Санкт-Петербурге и Одессе. По некоторым из этих материалов подготовили свои публикации В.В. Сычёв⁵⁰³, Н.А. Архангельский⁵⁰⁴ и А.В. Белова⁵⁰⁵. Последний автор подробно осветила на примере тверского источникового материала роль процедуры вступления в брак для характеристики культурного облика русской дворянской женщины конца XVIII – первой половины XIX века. Её исследование основано на эпистолярных (преимущественно) и актовых источниках, находящихся в ГАТО в составе личных фондов дворян Загряжских, Манзей, Суворовых и других, чьи рядные записи, челобитные, свидетельства, акты, наследственные и другие документы были широко представлены в Бологовском усадебном музее (подраздел 2.2 палеографической коллекции). Изучая исторические документы Путятиных и их ближайших родственников, А.В. Белова обнаружила, что после заключения брака дворянин подписывал письма, обращенные к родственникам жены, в соответствии со степенью родства, в которой его жена состояла по отношению к каждому из них. Например, князь Арсений Степанович Путятин, женившись на Марии Ивановне, урождённой Мельницкой, стал называть её родных тётушек, Веру Логгиновну Манзей, Марию Логгиновну Манзей и Надежду Логгиновну Рыкачёву, «Тётиньками», а себя – их «племянником»⁵⁰⁶. Кроме этого, А.В. Белова показала, что в случае с Путятиными все основные события, связанные с замужеством или женитьбой, были приурочены к религиозным праздникам. Например, в 1836 году Мария Ивановна Мельницкая и её будущий муж князь А.С. Путятин получили благословение её матери Любови Логгиновны Мельницкой, урождённой Манзей, в день Вознесения Господня: «Маминька благословила нас в Вознесение»⁵⁰⁷. В День Святой Троицы между матерью невесты и женихом состоялся так называемый сговор: «Если Князь Пут[ятин] приедет к Троице, Маминька

⁵⁰³ Сычёв В. Указ. соч. – С. 92, 106, 115–117.

⁵⁰⁴ Архангельский Н.А. Указ. соч. – С. 117–120, 134.

⁵⁰⁵ Белова А. Замужество в провинциальной дворянской культуре конца XVIII – первой половины XIX века // *Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете*. – Тверь, 2000. – С. 21–31.

⁵⁰⁶ ГАТО, ф. 1016, оп. 1, д. 45, л. 22–22 об.

⁵⁰⁷ Там же, д. 39, л. 15.

хочет в этот праздник сделать Машинькин сговор»⁵⁰⁸. Брак по сговору считался с точки зрения российского дворянства нормативной формой заключения брака. Одним из вопросов, подлежавших обсуждению в ходе сговора, был вопрос о характере и размерах приданого. Особую торжественность брачному сговору придавало то, что день Святой Троицы отмечали как престольный праздник храма, в который ходили Мельницкие: «Мы теперь живём в Бологом <...> дожидаем к Троицы Князя, у нас храм во имя Пресвятой Троицы, и мы празднуем этот день»⁵⁰⁹. (См. Прилож. 4, *рис. 30–32*: современные фотографии Бологовской церкви «Святой Живоначальной Троицы при новом кладбище»). Документы Мельницких и князей Путятиных позволили А.В. Беловой предположить, что свадебный сговор подразумевал также и обручение, инициатива которого исходила от жениха и совершение которого могло быть отложено по причине отсутствия кого-то из родственников, например родного дяди невесты со стороны матери: «...В Бологом в этот день большой праздник, гостей было множество и жених приехал. <...> Князь приехал с кольцами, просит, чтобы их с Машей обручить, но Л[юбовь] Л[оггиновна] не соглашалась до приезда братца Н[иколая] Л[оггиновича]»⁵¹⁰. Обручение М.И. Мельницкой с князем А.С. Путятиным было назначено на 27 мая, день, когда Русская православная церковь совершает память прославившегося в Тверской земле преподобного Нила Столбенского. Согласно желанию Любви Логгиновны, Николай Логгинович Манзей благословил племянницу и обручил её 27 мая 1836 года с князем А.С. Путятиным⁵¹¹. Свадьба же их состоялась 27 июля 1836 года⁵¹², ровно через два месяца после обручения.

Как уже отмечалось выше, некоторые бумаги из собрания князя Путятина ныне хранятся в ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Это, прежде всего, собственные стихотворения Павла Арсеньевича 1887–1911 годов⁵¹³ и копии разных документов с его примечаниями, подготовленными для издания⁵¹⁴. Для более полного представления о

⁵⁰⁸ Там же, л. 15 об.

⁵⁰⁹ Там же, л. 16.

⁵¹⁰ Там же, д. 45, л. 47.

⁵¹¹ Там же, л. 40.

⁵¹² Там же, л. 22.

⁵¹³ ОР ИРЛИ, р. I, оп. 22, № 558 (66 листов); ф. 274 (архив М.И. Семевского), оп. I, № 398; там же (№ 396) хранится его запись в «Книге автографов» М.И. Семевского «Знакомые».

⁵¹⁴ В картотеке ОР ИРЛИ значатся: «Письмо М.И. Рыкачёва к брату, С.И. Рыкачёву; инструкция графа А.В. Суворова инженеру Мейснеру; письмо адмирала А.П. Лазарева к Ф.Ф. Матюшкину; письмо герцога М. Лейхтенбергского к А.С. Путятину; автограф дипломата кн. Горчакова, сделанный для собрания автографов П.А. Путятина и др. Всего 11 листов. 1775–1850 годов и без даты» и «Бытовые черты Азовских походов 1695–1696 годов. Копии писем дворян Мельницких (отца и сына) к своему родичу (брату и дяде), также Мельницко-

коллекции автографов и факсимиле выдающихся лиц новейшего времени, собранной князем Путятиным в его усадебном музее, приведём конкретные примеры⁵¹⁵.

180–182. Как сообщает Р.Е. Теребенина, в рукописном собрании князя Путятина хранилось **два лицейских автографа А.С. Пушкина** (по существующей в пушкиннике нумерации – номера 1 и 13) и **«небольшая пачка лицейских автографов А.А. Дельвига»**⁵¹⁶. Среди автографов Дельвига, что было определено Р.Е. Теребениной, оказался и обрывок листка из «Лицейской антологии, собранной трудами пресловутого *ийший*» (т. е. А.Д. Илличевского), с четверостишием А.А. Дельвига «Вакх». На обороте его находится обрезанная сверху и снизу **эпиграмма А.Д. Илличевского «На двух бранящихся»**. Князь Путятин получил все эти бумаги от Ф.Ф. Матюшкина. До 1963 года они хранились РА ИИМК, в его личном фонде (№ 15), затем были переданы в ОР ИРЛИ для включения в Пушкинский фонд.

Как отмечал князь Путятин⁵¹⁷, его дядя, князь Д.А. Эристов обладал живым и весёлым характером, и его подвижность в холостой период его жизни послужила Пушкину темой для написания **акростиha «Димитрий»**, хранившегося у Путятина в числе других автографов знаменитых лиц:

Дар приятный всех смешить
И любезность с остротой,
Мило всех передразнить
Истинно талант есть твой.
Ты танцуешь как зефир;
Рыскать к милым вот твой праздник.
Иосиф свят не твой кумир,
Именитый наш проказник.

В «Воспоминаниях и заметках» князь Путятин приводит текст ещё одного лицейского автографа Пушкина – записки к М.Л. Яковлеву, хранившейся у него: «Милый Михаил Лукьянович! Я надеялся с тобой обедать и кутнуть – невозможно. Как бы о том дать знать Эристову? Извини меня великодушно. № 14-й»⁵¹⁸.

му. Наборная рукопись 1695–1698 годов на 10 листах» (ф. 265 – архив журнала «Русская старина», оп. 2, № 4506 и 4499). Последний документ был издан в журнале «Русская старина» в 1892 году (№ 5, с. 247–252).

⁵¹⁵ Документы приводятся в хронологическом порядке. Все даты даны по старому стилю.

⁵¹⁶ Теребенина Р.Е. Автографы двух лицейских стихотворений Пушкина // *Временник Пушкинской комиссии*, 1974 / АН СССР – Л.: Наука, 1977. – С. 9.

⁵¹⁷ Путятин П.А. Указ. соч. – С. 5

⁵¹⁸ Там же.

183. Аракчеев А.А. Письмо. 23 марта 1834 года. После 1919 года хранилось в РА ИИМК (ф. 15, № 105), откуда в 1963 году было передано в Пушкинский Дом, где находится и поныне.

184. Лейхтенбергский М., герцог⁵¹⁹. Письмо князю А.С. Путятину. 25 ноября 1850 года. Копия этого документа и примечания к нему князя П.А. Путятина сохранились в архиве журнала «Русская старина»: «Князь Арсений Степанович. Имев случаи видеть опыты в рисовании крепостного вашего человека Фёдора Братского и судя по оным о природном его даровании, обратившем на него внимание моё и членов Императорской Академии Художеств, я обращаюсь к Вашему Сиятельству с предложением. Не согласитесь ли вы даровать Братскому Свободу⁵²⁰ и тем доставить ему возможность учиться в Академии Художеств, где, без сомнения, оказав успехи, он может сделаться Художником и быть полезным на том благородном поприще, к которому он имеет призвание от природы. Если Вы согласны будете даровать Свободу Братскому, то формальный об увольнении его акт по надлежащем засвидетельствовании можете препроводить в Академию. Мне же приятно будет узнать о добром Вашем деле в пользу человека даровитого и художеств в Отечестве. Пребываю к Вам доброжелательным Герцог М. Лейхтенбергский»⁵²¹. Оригинал этого документа был настоящим украшением Бологовского усадебного музея. Как мы указывали выше, многие годы при музее под руководством Ф.И. Братского существовала художественная школа.

184. «Грамота князя Д.А. Эристова о производстве его в чин тайного советника». 4 июня 1853 года⁵²².

185. Д.А. Эристов, князь. Письмо князю А.С. Путятину. 14 февраля 1854 года⁵²³.

186. Ферзен Г.П., граф. Письмо князю А.С. Путятину. 2 февраля 1862 года. Павел Арсеньевич издал это письмо в «Воспоминаниях и заметках»: «Ваше сиятель-

⁵¹⁹ Герцог Максимилиан-Евгений-Иосиф-Наполеон Лейхтенбергский (1817—1852) с 1839 года – супруг дочери Николая I, великой княгини Марии Николаевны. Привёз с собой в Россию крупную коллекцию произведений искусства, которая с 1880-х годов в течение нескольких лет размещалась в Академии художеств. С 1843 по 1852 год – президент ИАХ. В 1851 году организовал в залах ИАХ первую в истории России выставку произведений из частных собраний. В бытность герцога Лейхтенбергского президентом было открыто Мозаичное отделение при ИАХ, Московская художественная школа, частные школы в Саранске, Киеве, Варшаве.

⁵²⁰ «Фёдор Иванович Братской учился сперва у известного русского жанриста А.Г. Венецианова, затем кончил курс в Строгановском училище рисования в Москве, освобождён, и, в конце концов, вышел из Академии Художеств с званием художника. В продолжение многих и многих лет учил крестьянских детей грамоте близ с. Бологое и в Бологом Новгородской губернии Валдайского уезда». – *Примеч. князя П.А. Путятина.*

⁵²¹ ОР ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 4506, л. 10.

⁵²² РА ИИМК, ф. 15, № 191, л. 1.

⁵²³ РА ИИМК, ф. 15, № 191, л. 2.

ство! Извините, что до сих пор не отвечал вам, до этого времени был в разъездах. Его величество, которому я доложил и рассказал все подробности, приказал мне ещё раз вас благодарить и надеется, что в другой раз удастся ему стрелять оленей у вас. Я на днях ещё вам буду писать подробно. От души преданный Г.П. Ферзен»⁵²⁴. Как известно, граф Г.П. Ферзен являлся обер-егермейстером Императорского Двора. Подготовка будущих охот государя являлась его прямой обязанностью.

187. Гильфердинг А.Ф. Письмо князю П.А. Путятину. 2 июля 1862 года⁵²⁵.

188. «Меню ужина, переданное его величеством государем Александром II князю А.С. Путятину». 2 января 1864 года. Хромофотография Михаила Александровича Зичи (1829—1906). Блюда записаны чернилами. Князь А.С. Путятин сделал на нём следующую приписку: «Меню, переданное его императорским величеством князю Арсению Степановичу Путятину в доме его во время ужина, 2-го января 1864 года, в селе Бологом, при третьем посещении Государем императором. За ужином при его величестве присутствовали: генерал-адъютант светлейший князь Суворов, обер-гофмейстер граф Толстой, граф Баранов, князь Паскевич, Огарёв, граф Ламберт, князь Радзивил, генерал-майор Мердер, обер-егермейстер граф Ферзен, Герсдорф, начальник Новгородской губернии Скарятин, валдайский предводитель дворянства князь Путятин и его сын, посредник III-го участка Валдайского уезда князь Павел Путятин»⁵²⁶.

189. «Рескрипт её императорского величества государыни императрицы Марии Александровны князю А.С. Путятину». 14 июня 1867 года⁵²⁷.

190–192. Калачов Н.В. Письма (3) князю П.А. Путятину. 15 июня 1879 года, 20 июля 1880 года и 1881 года⁵²⁸.

193 и 194. Прохоров В.А. Письма (2) князю П.А. Путятину. 27 июня и 13 июля 1879 года⁵²⁹.

195 и 196. Путятин М.С., князь. Письма (2) князю П.А. Путятину. Имение Блавленное Московской губернии. 16 мая 1892 года и 7 марта 1907 года⁵³⁰. Князь Михаил Сергеевич Путятин (1861—1938) – дальний родственник⁵³¹ и друг Павла Арсенье-

⁵²⁴ Путятин П.А. Указ. соч. – С. 12.

⁵²⁵ Опубликовано: Там же. – С. 65–66.

⁵²⁶ Там же. – С. 28.

⁵²⁷ Опубликовано: Там же. – С. 58–59.

⁵²⁸ Опубликовано: Там же. – С. 37, 42–43, 64.

⁵²⁹ Опубликовано: Там же. – С. 33–34.

⁵³⁰ РА ИИМК, ф. 15, № 74. – 3 л.

⁵³¹ Гребельский Х.П. Указ. соч. – С. 229. – № 142.

вича, член Комиссии Музея Допетровского искусства и быта (с 1909 года), редактор «Летописного и лицевого изборника дома Романовых» (с 1913 года), в котором сотрудничал Н.К. Рерих⁵³².

197. Путятин П.А., князь. «На смерть Черевина». Стихотворение. Не датировано (февраль – март 1896 года)⁵³³. Памяти Петра Алексеевича Черевина (1837 — 19 февраля 1896), личного друга императора Александра III и князя П.А. Путятина, последнего начальника III Отделения⁵³⁴. (См. в Прилож. 6, *рис. 43*: воспроизведение автографа).

198. Путятин П.А., князь. «Акростих на смерть Миклухи Маклая». Стихотворение. Датировано 3 мая 1898 года⁵³⁵. Известный русский учёный, путешественник и общественный деятель Николай Николаевич Миклухо-Маклай (1846—1888), уроженец села Языково-Рождественское Валдайского уезда Новгородской губернии⁵³⁶, был земляком и коллегой князя Путятина по Отделению этнографии ИРГО. (См. в Прилож. 6, *рис. 44*: воспроизведение автографа).

199–202. Рерих Н.К. Письма (4) князю П.А. Путятину. 29 сентября 1899 года, 14 мая 1901 года, 2 января и 16 июля 1909 года⁵³⁷.

(3). Нумизматическая и сфрагистическая коллекции. О составе этих коллекций можно судить по 26 листам отпечатков на сургуче, сохранившимся в архиве князя

⁵³² Е.И. Рерих в родословной записи писала: «Младшая линия Путятиных состояла из Михаила Сергеевича и Нила Сергеевича, женатых на сёстрах, дочерях адмирала Платова. Михаил Сергеевич начал карьеру морским офицером, продолжил чиновником по особым поручениям при Государе и императорской семье, и затем был назначен начальником Царского Села, резиденции Государя. [Его сын,] Сергей Михайлович, имел двух сыновей. Старший был женат на великой княгине Марии Павловне [младшей] после её развода со шведским принцем» (*Рерих Е.И. Род Шапошниковых. Герб рода Голенищевых-Кутузовых. Род бабушки Азарьевой. Род Путятиных.* — [Сведения о генеалогии и семейной истории, относящиеся к Голенищевым-Кутузовым, Азарьевым, князьям Путятиным, Шапошниковым и другим]. — Первая половина 1950-х годов. — Машинопись // *Архив МИСР, фонд МСССМ, ксерокопия. Оригинал в архиве П.Ф. Беликова (Эстония), с его пометками.*

⁵³³ *ОР ИРЛИ*, р. I, оп. 22, № 558, л. 21.

⁵³⁴ После упразднения III Отделения и передачи корпуса жандармов в МВД П.А. Черевин стал товарищем министра МВД (1880–1883). С 1883 г. состоял при особе императора Александра III начальником дворцовой охраны. Из дворян Костромской губернии. 11 июня 1855 г. выпущен корнетом из Школы Гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в Кавалергардский Её Величества полк. Участвовал в кампаниях на Кавказе (1860–1863), в Польше (1863). 24 мая 1869 г. назначен командиром Собственного Его Императорского Высочества Конвоя. Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 годов временно исполняющим должность командира Кавказской казачьей бригады. С 13 августа 1878 г. генерал-майор Свиты Его Императорского Высочества. 30 августа 1879 г. награждён орденом Св. Георгия 4-й степени. С 1882 г. — генерал-адъютант, с 1886 г. — генерал-лейтенант.

⁵³⁵ *ОР ИРЛИ*, р. I, оп. 22, № 558, л. 15.

⁵³⁶ См.: *Бриккер Л.Э. О малой родине Н.Н. Миклухо-Маклая: (Усадьба Языково-Рождественское) // Выдающийся путешественник и гуманист: (Материалы к Международной научной конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения Н.Н. Миклухо-Маклая) / Отв. ред. П.Л. Белков; РГО, МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, СПб. центр ЮНЕСКО. — СПб.: РГО, 1996. — С. 6–9.*

⁵³⁷ *РА ИИМК*, ф. 15, № 220, л. 1–2, 20–21, 63–65; ф. 15, № 76, л. 1–1 об. Опубликовано: *Мельников В.Л. Князь П.А. Путятин и его Бологовская усадьба.* — СПб.; Вышний Волочёк: Ирида-прос, 2000. — С. 44–48.

Путятин⁵³⁸. Как отмечали ещё в 1878 году «Памятники древней письменности», «в музее есть коллекция монет, медальонов, жетонов»⁵³⁹, несомненно, пополнявшаяся все последующие годы. Материалы исследования князя Путятин «О родовом медальоне работы Клода Варрена» сохранились в архиве ИРАО⁵⁴⁰.

Монеты и резные камни, гипсовые слепки с них и копии на основе стеклянных паст, украшенные этими предметами изделия были необходимой принадлежностью кабинетов редкостей, княжеских сокровищниц, мюнцкабинетов, кунсткамер ещё с начала XVIII века⁵⁴¹. Музей князя Путятин не был здесь исключением и продолжил традицию собирания раритетов (точнее, антиквитетов), вошедших в общекультурный контекст его времени.

(4). Коллекция скульптуры. О ней в 1878 году упомянули те же «Памятники древней письменности»⁵⁴². В 1894 году на заседании Отделения древне-классической, византийской и западноевропейской археологии ИРАО князь Путятин сделал сообщение о принадлежащем ему мраморном бюсте Пана (фавна) XVIII века⁵⁴³.

(5). Археологическая коллекция. Об этом разделе музейного собрания дают представление следующие материалы в архиве учёного: «Классификация изложения археологического исследования, переданные П.А. Путятину французским учёным Эмилем Картальяком» (1 лист)⁵⁴⁴, «Ткацкие доисторические фабрикация Соединённых Штатов Северной Америки, выведенные от отпечатков на гончарных сосудах» (перевод князя Путятин статьи У.Г. Холмса (W.H. Holmes) на 6 листах)⁵⁴⁵, «Выписки и заметки по археологии каменного века» (на 28 листах)⁵⁴⁶, «Выписки о доисторических собаках» (на 14 листах, с рисунками)⁵⁴⁷, «Перечень вещей для анализов древних

⁵³⁸ РА ИИМК, ф. 15, № 13.

⁵³⁹ *Памятники древней письменности*. – Т. 1. – М., 1878–1879. – С. 215.

⁵⁴⁰ РА ИИМК, ф. 3, № 302, л. 52 об.

⁵⁴¹ Коган Ю.О. О первых шагах коллекционирования гемм в России // *Петербургские чтения: Научная конференция, посвящённая 290-летию Санкт-Петербурга 24–28 мая 1993 г.* – Тезисы докладов. – Вып. 2: Культура и международные связи Санкт-Петербурга в Петровское время. – СПб., 1993. – С. 82.

⁵⁴² *Памятники древней письменности*. – Т. 1. – М., 1878–1879. – С. 215.

⁵⁴³ *Записки ИРАО*. – Т. IX. – Н. с. – Вып. 1–2. – СПб., 1897. – С. IV. В дальнейшем князь Путятин подарил его Музею ИРАО. См.: *Краткий каталог Музея Императорского Русского Археологического Общества* / Составил А. Спицын. – СПб.: типография М.А. Александрова, 1908. – С. 47–48.

⁵⁴⁴ РА ИИМК, ф. 15, № 12.

⁵⁴⁵ РА ИИМК, ф. 15, № 15.

⁵⁴⁶ РА ИИМК, ф. 15, № 19.

⁵⁴⁷ РА ИИМК, ф. 15, № 22.

бронз из раскопок Г.Р. Шмидта» (на 1 листе)⁵⁴⁸, «Разные фотографии и таблицы находок» (на 13 листах; см. в качестве примеров в Прилож. 9, *рис. 67–70*)⁵⁴⁹.

С 1880 года основной источник поступлений в археологическую коллекцию – это Бологовская стоянка каменного века, находившаяся на земле князя Путятина, ставшая составной частью его усадебного музея. Каждый культурный слой стоянки князь Путятин исследовал отдельно, просеивая грунт через металлическое сито, задерживавшее малейшие культурные остатки. Все найденные предметы он собирал на месте в отдельные ящики и затем отправлял в свой кабинет-лабораторию в Большом Бологовском доме, где тщательно сортировал. Большую часть найденных предметов он откладывал на постоянное хранение в Бологом, часть перевозил в Санкт-Петербург, а из дубликатов формировал законченные коллекции и отправлял в известные музеи – московский Исторический музей⁵⁵⁰, Императорский Эрмитаж⁵⁵¹, Новгородский музей, Венский придворный музей натуральной истории, Смитсоновский институт в Вашингтоне и другие. Коллекция хранилась в ящиках и на картонах, причём предметы каждого из 11 слоёв стоянки хранились отдельно. В базовой части коллекции, высылаемой на выставки и предлагаемой для обозрения специалистам, вследствие постоянного передвижения предметов послойный порядок расположения вещей в полной строгости выдерживать не удавалось. Князь Путятин постоянно пересматривал своё археологическое собрание, так как каждое новое систематическое издание по каменному веку давало осмысление вещей, или не обращавших до того на себя внимание, или казавшихся случайными. Первый издатель археологической коллекции князя Путятина А.А. Спицын в статье «Бологовская стоянка каменного века» (1903) писал: «Коллекция князя Путятина пользуется широкой известностью, благодаря отдельным сообщениям её владельца в русских и иностранных учёных обществах, но она ни разу не была издана в сколько-нибудь значительном объёме, почему мы с величайшей охотой исполняем выпавшую на нашу долю задачу издать атлас этого ценнейшего в данную минуту собрания. Атлас этот, по-видимому, довольно полон, хотя в нём и могут быть значительные опущения, особенно же в древнейшем периоде. Никаких своих взглядов при издании коллекции мы не решаемся высказывать, пользуясь с начала

⁵⁴⁸ РА ИИМК, ф. 15, № 29.

⁵⁴⁹ РА ИИМК, ф. 15, № 32.

⁵⁵⁰ Как сообщал А.А. Спицын, в Исторический музей он отправлял главным образом оригинальные образцы: Спицын А.А. Указ. соч. – С. 244.

⁵⁵¹ Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, коллекция № 119.

и до конца непосредственными указаниями самого исследователя; мы принимаем установленную им терминологию, определение назначения вещей и указания на принадлежность их к тому или другому слою. Выбор предметов для издания исполнен также главным образом князем Путятиным»⁵⁵². Большая часть предметов была фототипирована, но 219 предметов на 3 таблицах были скопированы в натуральную величину самим князем Путятиным и воспроизводились в виде его законченных рисунков таблиц (см. Прилож. 9, *рис. 68 и 69*). Спустя несколько лет учёный так оценивал эту публикацию: «Всё лучшее из моей коллекции было опубликовано с рисунками в V томе Санкт-Петербургского Русского отделения Императорского Археологического Общества»⁵⁵³. Отечественная периодическая печать не оставила без внимания этот труд учёного и время от времени отмечала собранную им «богатую археологическую коллекцию для музея, находящегося в его имении»⁵⁵⁴. После 1917 года отдельные предметы из археологической коллекции князя Путятина публиковали С.Н. Замятнин⁵⁵⁵ и М.П. Зими́на⁵⁵⁶. Последний автор, проделавшая уже в наше время самые масштабные за весь период изучения исследования неолита в бассейне реки Мсты, судит об археологической коллекции Бологовского усадебного музея по эрмитажным материалам. Подытоживая свои наблюдения о Бологовской стоянке каменного века, М.П. Зими́на пишет: «Поселение, судя по мощности культурного слоя, долговременное. По-видимому, здесь были жилища, но исследователем они не прослежены, хотя А.А. Спицын указывает на существование круглых ям, заполненных чёрным слоем. Материал стоянки состоит из кремнёвого и костяного инвентаря и керамики. Кремнёвый инвентарь в основном аналогичен инвентарю неолитических стоянок лесной полосы и отличается лишь крупными размерами некоторых орудий, большей частью рубящих. Керамика разновременна и представлена разнообразными типами, характерными для периода от развитого неолита до железного века. Наиболее многочислен комплекс керамики, относящийся ко времени позднего неолита и ранней бронзы»⁵⁵⁷.

⁵⁵² Там же. – С. 241.

⁵⁵³ РА ИИМК, ф. 15, № 104, л. 7.

⁵⁵⁴ *Новости и биржевая газета*. – 1905. – 22 сентября / 5 октября. – № 185. – С. 3.

⁵⁵⁵ Замятнин С.Н. Миниатюрные кремнёвые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // *Советская археология*. – М.: Л., 1948. – № 10. – С. 85–123.

⁵⁵⁶ Зими́на М.П. Неолит бассейна реки Мсты. – М.: Наука, 1981. – 205 с.; *Неолит Северной Евразии*/ Отв. ред. С.В. Ошибкина. – М.: Наука, 1996. – 377 с.

⁵⁵⁷ Зими́на М.П. Неолит бассейна реки Мсты. – М.: Наука, 1981. – С. 5.

(6). Биохимическая лаборатория раскопок. Здесь хранились образцы почв, минералов, окаменелостей из поверхностных геологических сборов в Валдайском регионе, а также образцы металлов, костей, черепов, пыльцы и т. д. из археологических раскопок и сборов. С 1886 года князь Путятин участвовал в созданной по его инициативе комиссии ИРАО по химическим исследованиям бронзовых и других металлических предметов, находимых в курганах. В рамках работы этой комиссии Д.А. Сабанев производил анализ шлаков из древних горнов, собранных князем во время раскопок в Бологом⁵⁵⁸. Сами образцы шлаков, дополняемые всё новыми и новыми примерами, хранились в этой лаборатории. В последний период существования музея здесь обрабатывались продукты озёрной драги, используемой учёным для извлечения археологических предметов со дна Бологовского озера. По результатам исследований в лаборатории вышли в свет следующие работы князя: «О сходстве Бологовских предметов с индустрией кьёккенмедингов» (1887), «О раскопках близ Бологого. Новый вид ископаемой собаки каменного века, названный именем князя П.А. Путятина» (1889), «О костяках неолитного периода, найденных близ Бологого» (1889), «О фауне каменного века из раскопок около Бологого с палеоэтнологической точки зрения» (1891), «Была ли хирургия в каменном веке?» (1894), «Trouvaille faite récemment d'un partie de crane d'un bovide dans le lac de Bologoie» (1910) и другие⁵⁵⁹.

(7). Биологические коллекции. О составе биологических коллекций тоже можно судить по документам из архива князя Путятина, в том числе по выделенной в отдельную единицу хранения таблицу «Фауна»⁵⁶⁰, а также по воспоминаниям Митусовых. Настоящей гордостью князя Путятина были растения, которые он пробовал привить в Бологовском парке, ставшем любимым местом отдыха местных жителей. Один эпизод в связи с ним приводит Л.С. Митусова: «Отец рассказывал, как однажды они с Еленой Ивановной [Шапошниковой. – В. М.] решили подшутить над князем Путятиным. Накануне цветения кувшинок на Бологовском озере они придумали следующее. Сначала срезали в саду несколько распустившихся цветов (их там было у князя великое множество). Затем по их просьбе один из дворовых мальчишек взял эти цветы и подплыл к кувшинкам у княжеского берега, где заменил ещё не распустившиеся бутоны кувшинок на бутоны цветов из сада. Получилось, что у князя Путятина в име-

⁵⁵⁸ Записки ИРАО. – Т. I. – Н. с. – СПб., 1886. – С. LXXVI. См. также: Путятин П.А. Указ. соч. – С. 45.

⁵⁵⁹ См. их подробное библиографическое описание в изд.: Мельников В.Л. Указ. соч. – С. 52–54.

⁵⁶⁰ РА ИИМК, ф. 15, № 9.

нии расцвели совершенно “новые”, “ранее не известные науке” растения! Естественно, Павел Арсеньевич сразу понял, кто его разыграл, но виду не подал. Он как бы сначала очень удивился, даже заинтересовался этим “феноменом”. Радости детей не было предела»⁵⁶¹. Этот случай наглядно показывает, как влиял на воспитание детей природный ландшафт Бологовской усадьбы. Несомненно, что Путятинский парк украшался редкими и красиво цветущими растениями «под влиянием просветительских идей» А.Т. Болотова (1738—1833)⁵⁶², подобно тому, как это делали граф С.Д. Шереметев в Михайловском, где был устроен ботанический сад, и В.Н. Поливанов в Акшуте, где постоянно расширялся дендропарк. В целом, развитие комплексных музейных усадеб следовало по отмеченному в исследовании С.В. Глушкова пути превращения усадебных парков в ботанические сады с редкими растениями – «явление если и не повсеместное, но достаточно распространённое в русской усадьбе»⁵⁶³. В Большом Бологовском доме и его флигелях можно было также познакомиться с Гербарием и коллекцией чучел животных, и тем самым пополнить знания не только о местной природе, но и самых отдалённых уголков Земли.

Таким образом, Бологовское музейное собрание состояло из семи основных разделов, а именно: (1) собрание живописи и графики; (2) палеографическая коллекция и собрание автографов; (3) нумизматическая и сфрагистическая коллекции; (4) коллекция скульптуры; (5) археологическая коллекция; (6) биохимическая лаборатория раскопок; (7) биологические коллекции.

Такая концентрация разнообразных и разнопрофильных предметов, представленных на всеобщее обозрение в разных местах усадьбы, в сочетании с открытой с 1869 года при музее под руководством художника Ф.И. Братского частной школой для обучения черчению, рисованию и грамоте, делала Бологовский усадебный музей князя П.А. Путятина крупнейшим культурным центром Валдая, притягивавшим к себе многих известных учёных, художников, музыкантов и простых жителей.

⁵⁶¹ Митусова Л.С. Указ. соч. – С. 27.

⁵⁶² Щеблыгина И.В. Указ. соч. – С. 241.

⁵⁶³ Глушков С.В. Указ. соч. – С. 45.

ГЛАВА 3. НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КНЯЗЯ П.А. ПУТЯТИНА И БОЛОГОВСКИЙ УСАДЕБНЫЙ МУЗЕЙ

3.1. Вклад князя П.А. Путятина в археологию и этнографию

Имя известного в своё время археолога, антрополога и коллекционера князя Павла Арсеньевича Путятина, собравшего «богатую археологическую коллекцию для музея, находящегося в его имении»⁵⁶⁴, мало что говорит современным историкам науки. Между тем, библиография этого российского учёного насчитывает не менее 36 позиций⁵⁶⁵. По научной периодике известны сведения о десятках его докладах, рефератах, отчётах, выступлениях⁵⁶⁶. В его архиве хранятся материалы (переписка, статьи и тезисы), посвящённые широкому кругу вопросов археологии, этнографии, генеалогии, искусствоведения, антропологии и географии. А его связи с европейскими и американскими учёными, занимавшимися археологическими и этнографическими исследованиями в XIX – начале XX века поистине впечатляют. В круг его интересов и общения входили Вазинский, Вильсон, Вирхов, Бремер, Картальяк, Лёббок, Лёве, Летурне, Мортилье, Пич, Ранке и многие другие. Бологовский усадебный музей посещали видные деятели нашего государства и иностранные дипломаты. Русский научный мир также хорошо знал дорогу в заповедное бологовское имение. Большинство учёных в кругу князя Путятина не были узкими специалистами, как и он сам. Для них было характерно полное освоение и применение так называемой «анучинской триады»⁵⁶⁷ – концепции комплексного метода исследования историко-культурных и историко-социальных проблем одновременно тремя науками – антропологией, археологией и эт-

⁵⁶⁴ *Новости* и биржевая газета. – СПб., 1905. – 22 сентября / 5 октября. – № 185. – С. 3.

⁵⁶⁵ Краткий список работ князя П.А. Путятина см.: Мельников В.Л. Указ. соч. – С. 51–54.

⁵⁶⁶ Там же. – С. 55–59.

⁵⁶⁷ Томилов Н.А. Археолого-этнографическое течение в российской науке // *Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов* / Под ред. А.Г. Селезнева, С.С. Тихонова, Н.А. Томилова. – Нальчик; Омск: Издательство ОмГПУ, 2001. – С. 20–23.

нографией. К слову, известный московский антрополог, географ, этнограф и археолог Дмитрий Николаевич Анучин (1843—1923) в 1885 году посетил князя Путятина в Бологом, что демонстрирует большой интерес этих учёных друг к другу. По итогам этого визита Анучин издал подробный отчёт⁵⁶⁸.

О возможной значимости для этноархеологии многих ныне почти забытых работ князя Путятина свидетельствуют повестки и протоколы заседаний тех научных обществ, в деятельности которых он участвовал⁵⁶⁹. 22 марта 1880 года он впервые выступил на «Чтениях и беседах» в Санкт-Петербургском Археологическом институте с программным докладом «О занятиях археологией с научной целью и об её отношении к некоторым соприкасающимся к ней знаниям». Именно после этого доклада князь «становится признанным археологом»⁵⁷⁰. О том, как князь Путятин использовал данные смежных наук в собственных исследованиях, пишет он сам в «Воспоминаниях и заметках», датированных 1 февраля 1888 года. Большая часть его трудов, в том числе на основе археологической коллекции его усадебного музея, посвящены палеоэтнологии, которую он определял как «науку изучения первобытного быта народа»⁵⁷¹. В конце концов, все разнообразные, подчас разбросанные увлечения князя соединились в одно стремление — «исследовать условие умственных зачатков первобытной жизни обитателей нашей местности»⁵⁷² (т. е. Валдайской возвышенности). Он полюбил культуру древнего человека на всю жизнь, о ней он писал всегда с большим воодушевлением: «В исследованиях нашей доисторической жизни есть своеобразная суровая поэзия. Эти дикари с их борьбой за существование, с их работой ума для усовершенствования пищи, одежды, техники орудий и орудий вполне достойны не одной безучастной научной оценки, но и более сердечной, более задушевной. На наших первобытников нельзя смотреть как на каких-то идиотов, напротив, это были разумные, энергичные бойцы, разработавшие начала теперешнего жизненного строя. Эмбрионы верований, развитий языка и письменности, архитектуры и орнаментики, музыки и поэзии, живописи и скульптуры, хлебопашества, огородничества и плодоводства, гончарства и производства тканей, металлургии, прируче-

⁵⁶⁸ Анучин Д.Н. О поездке в Бологое в 1885 году // *Древности: Труды Московского археологического общества*. — Т. XI. — Вып. 2. — М., 1886. — С. 61–68.

⁵⁶⁹ См.: Мельников В.Л. Вклад князя П.А. Путятина в археологию и этнографию (к постановке вопроса) // *Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. научных трудов*. — Омск, 2003. — С. 12–17.

⁵⁷⁰ Спицын А.А. [Памяти князя П.А. Путятина] // *Российский Исторический Журнал РАН*. — Кн. 7. — Пг.: Государственное издательство, 1921. — С. 247.

⁵⁷¹ Путятин П.А. Указ. соч. — С. 4.

⁵⁷² Путятин П.А. Указ. соч. — С. 26.

ний животных и пчёл, а также охот, рыболовства и военных усовершенствований, развития гражданского и семейного бытов, медицины и многого, многого другого, совершенствовалось ими. Хвала и честь этим борцам культуры, этим стихийным героям, этим первобытникам нашей планеты, которым мы стольким обязаны. К величайшему сожалению, палеоэтнология ещё не смогла определительно установить отношения первичных рас, ископаемый остеологический материал имеется в очень ограниченном числе, но туман по времени проясняется, и следует верить, что усилия людей науки подходят близко к положительным выводам»⁵⁷³.

Среди коллег Путятин был много известных учёных. По счастливому стечению обстоятельств соседом князя Путятина в Бологом оказался известный историк-этнограф, географ, писатель-славянофил Александр Фёдорович Гильфердинг. Благодаря Гильфердингу он понял, что лишь обладание древними и новыми языками в комплексе даёт ключ к расширению сферы познания. Это понимание в полной мере проявилось в фундаментальном труде князя Путятина «Из области астрономической археологии. Изображения созвездия Большой Медведицы на каменной точилке каменного периода России» (закончено 19 марта 1886 года)⁵⁷⁴, где им использованы слова и выражения более десяти наречий, в том числе древних, приведены данные из фольклора чеченцев, таджиков, индийцев, народов Севера Евразии и Америки и т. д. (см. в Прилож. 6, *рис. 42*: воспроизведение автографа первой страницы).

Князь Путятин близко к сердцу принял раннюю смерть Гильфердинга, с которым он успел близко сойтись. Впоследствии он вспоминал, что этот учёный «пал жертвою своего стремления – продолжать изучение памятников народного эпоса: летом 1872 года, на пути в глубь Олонецкой губернии, для собирания народных былин, – обширный сборник которых был уже им собран в 1871 году, – Гильфердинг заразился тифом и умер на 41-м году, к великому горю русской науки и всего славянства»⁵⁷⁵.

После посещения в 1878 году А.Н. Виноградовым Бологовского усадебного музея вышло в свет его описание палеографической коллекции князя Путятина⁵⁷⁶. Особый интерес для этнографа и историка представляла публикация подробного оглавления редкой рукописной книги из собрания Путятина – недатированного фолианта в четверть листа – «Книга, глаголемая прохладный вертоград или лечебник» (см. выше).

⁵⁷³ Путятин П.А. Указ. соч. – С. 48.

⁵⁷⁴ РА ИИМК, ф. 3, № 557.

⁵⁷⁵ Путятин П.А. Указ. соч. – С. 8.

⁵⁷⁶ Виноградов А.Н. Указ. соч. – С. 216–224.

Самой древней датированной рукописью в Бологовском усадебном музее была «Память Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича Боярину и Воеводе Петру Васильевичу Шереметеву» 1646 года. Как уже было показано выше, князь Путятин не только предоставлял коллегам для публикации материалы из Бологовского усадебного музея, но и сам их издавал или использовал в докладах.

Вскоре после кончины учёного А.А. Спицын отметил в «Российском историческом журнале», что кроме отличного музейного собрания, фотографических снимков, переписки и ряда взвешенных статей, памятником деятельности князя может служить его усадебная «специальная библиотека, конечно, лучшая в России»⁵⁷⁷. О том, что у князя Путятина «была прекрасная библиотека», вспоминала и Л.С. Митусова⁵⁷⁸.

Ещё в 1875 году стезя исследователя привела его в Отделение русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества. Совместно с художником Ф.И. Братским он подготовил статью «Взгляд на новгородские древности». В ней авторы сообщили об открытии фресок священником Благовещенской церкви на Рюриковом Городище Иоанном Хмелёвым, описали этот уникальный памятник древнерусской живописи и высказали соображения о необходимости и реальности его очистки от поздней штукатурки. Кроме того, авторы привели предание, записанное на месте во время исследования церкви. Согласно сохранившейся устной традиции, «под церковью, у входа, должен находиться княжеский погреб, называемый Рюрикова Сокровищница», и «в построение церкви вошла одна стена бывшего Рюрикова дворца»⁵⁷⁹. Это исследование являет классический пример соединения трёх подходов при изучении памятника – археологического, палеографического и этнографического. В ИРАО статья была принята с большим интересом. И хотя не все выводы авторов были поддержаны, она была отправлена в типографию Академии наук.

В дальнейшем князь Путятин стал активным членом ИРАО, именно по документам этого общества можно сложить представление обо всём наборе тем, вопросов, проблем, которые волновали учёного и были предметом его исследований как археолога. Также можно сказать, что он был весьма пунктуальным членом общества, старался присутствовать на многих заседаниях и активно участвовал в обсуждении рефератов. Он входил во многие временные комиссии ИРАО, например, в комиссию по

⁵⁷⁷ Спицын А.А. Указ. соч. – С. 249.

⁵⁷⁸ Митусова Л.С. Указ. соч. – С. 13.

⁵⁷⁹ Братский Ф.И., Путятин П.А., кн. Указ. соч. – С. 5.

«химическим исследованиям бронзовых и других металлических предметов, находящихся в курганах». Главной задачей этой комиссии было «найти ответ на многие вопросы истории и этнологии»⁵⁸⁰. В рамках работы комиссии Дмитрий Александрович Сабанеев произвёл анализ шлаков из древних горнов, собранных князем во время раскопок в Бологом⁵⁸¹. Князь Путятин неоднократно избирался депутатом ИРАО на Всероссийские Археологические съезды и, конечно, «без денежной со стороны общества субсидии». В трудах Археологических съездов изданы такие его ставшие классическими сочинения, как «Чашечные камни Новгородской губернии» (1881)⁵⁸², «Орнаментации древнего гончарства» (1884)⁵⁸³, «О сходстве Бологовских предметов с индустрией кьёккенмедингов» (1887)⁵⁸⁴, «К делению предметов каменного века в России» (1893)⁵⁸⁵, «Каменный нож и его изменения» (1893)⁵⁸⁶ и другие.

Своей научной деятельностью князь способствовал сотрудничеству разных научных направлений и групп в Археологическом обществе. Об этом можно судить, например, по уникальному в истории ИРАО соединённому заседанию двух его Отделений, русского и западно-классического, в 1885 году, на котором первым пунктом в повестке значился реферат князя П.А. Пютятина «О древностях каменного века», а вторым и третьим пунктами – рефераты Н.В. Покровского «О базилике Константина Великого в Иерусалиме» и «О печатях Херсонской Фемы»⁵⁸⁷. В дальнейшем такой опыт не повторился. Князь Путятин продолжил присутствовать и выступать в своём Отделении русской и славянской археологии, хотя вскоре получил приглашение участвовать в деятельности Отделения археологии классической и западноевропейской. Там он выступил с докладом «О принадлежащем ему мраморном бюсте Пана»⁵⁸⁸.

⁵⁸⁰ *Записки ИРАО.* – Т. I. – Н. с. – СПб., 1886. – С. XI.

⁵⁸¹ *Там же.* – С. LXXVI. См. также: *Путятин П.А.* Указ. соч. – С. 45; *Труды Комиссии по производству химико-технических анализов древних бронз.* – Т. I. – Вып. 1. – СПб., [1882]. – 124 с.

⁵⁸² *Труды V Археологического съезда в Тифлисе: 1881* / Под ред. графини П.С. Уваровой. – М., 1887. – С. LXV, 19–30.

⁵⁸³ *Труды VI Археологического съезда в Одессе: 1884.* – Т. I. – Одесса, 1886. – С. 72–85.

⁵⁸⁴ Основной заголовок такой: «Нельзя ли сделать антропологические выводы о расе, оставившей у нас костяные изделия и кухонные отбросы (kjökkenmöddinger), и предметы из кости и кухонные отбросы первобытных обитателей России принадлежат ли по форме к переходной эпохе между обивными и полированными орудиями, или они входят в район смежных эпох?». – *Труды VII Археологического съезда в Ярославле: 1887.* – Т. III. – М., 1892. – С. 59–60.

⁵⁸⁵ *Труды IX Археологического съезда в Вильне: 1893.* / Под ред. графини П.С. Уваровой и С.С. Слуцкого. – Т. II. – М., 1897. – С. 55.

⁵⁸⁶ *Там же.* – С. 69–70.

⁵⁸⁷ *Записки ИРАО.* – Т. II. – Н. с. – Вып. 1–3. – СПб., 1886–1887. – С. CXI.

⁵⁸⁸ *Записки ИРАО.* – Т. IX. – Н. с. – Вып. 1–2. – СПб., 1897. – С. IV.

Вскоре князь Путятин написал сочинение «Из области астрономической археологии...» и предложил его к публикации в «Записках» своего Отделения. Возникла проблема, суть которой изложил председатель ИАК граф А.А. Бобринский графу И.И. Толстому в письме от 11 января 1887 года: «...Означенная статья, при всех её научных достоинствах, не может быть напечатана в Записках Русского Отделения, во-первых, потому, что типография, печатающая наши Записки, не имеет восточных шрифтов и знаков, встречающихся в статье, во-вторых, потому, что и самое содержание статьи относится более к археологии Востока, нежели России. Осмеливаюсь думать, что её надлежащее место в Записках Восточного отделения, где она без затруднений будет напечатана и оценена по достоинству читателями, интересующимися Востоком»⁵⁸⁹. Таким образом сфера интересов князя распространилась и до культуры Востока, о чём свидетельствует целая серия его сообщений по археологии, этнографии, географии и искусству Востока, в том числе на Восточном отделении ИРАО⁵⁹⁰.

Как указывалось выше, в 1879 году князь Путятин навел знакомство с христианами и русскими древностями Василий Александрович Прохоров (1818—1882). Вместе с ним князь произвёл раскопки курганов в Валдайском уезде (деревня Любава и село Бологое; см. Прилож. 2, *рис. 21* и *22*: местоположение). Спустя годы четыре фрагмента из переписки с ним он издал в своих «Воспоминаниях и заметках»⁵⁹¹. «Дай Бог побольше встречать таких людей, как Вы; тогда не оскудеет наша русская земля», – это слова Прохорова князю Путятину. Как известно, Василий Александрович устроил в ИАХ два музея – «древнехристианский» (и был много лет его хранителем) и первый в России «русский бытовой». При Императорском Русском Географическом обществе он же основал Этнографический музей. Не исключено, что в деятельности ИРГО князь Путятин стал участвовать именно с подачи Прохорова. Во всяком случае, 7 апреля 1882 года князь становится членом ИРГО именно по Отделению этнографии, в котором работал и Прохоров⁵⁹². Сообщение, сделанное князем в заседании этого

⁵⁸⁹ РА ИИМК, ф. 3, № 557, л. 1.

⁵⁹⁰ «О происхождении свастики» (на заседании ОРСА ИРАО 25 апреля 1897 г., см.: *Записки ИРАО*. – Т. X. – Н. с. – Вып. 1–2. – СПб., 1898. – С. 377–378), «О клеймах или штемпелях на каменной плитке из Урфы (Эдессы)» (на заседании ОРСА ИРАО 29 апреля 1900 г., см.: *Записки ИРАО*. – Т. XII. – Н. с. – Вып. 1–2. – СПб., 1901. – С. 399), «Указание, касающееся вопроса о впадении Амударьи в Каспийское море и подтверждающее самый факт впадения» (на заседании Восточного отделения ИРАО 22 ноября 1901 г. // *Известия ИАК*. – Прибавление к вып. 2. – СПб., 1902. – С. 2) и др.

⁵⁹¹ Путятин П.А. Указ. соч. – С. 29, 33–35.

⁵⁹² Состав Императорского Русского Географического общества. – СПб., 1913. – С. 76.

Отделения 6 марта 1884 года, до сих пор не утратило своего научного значения — «О гончарном искусстве в каменном веке»⁵⁹³.

В 90-е годы XIX века князь Путятин открывает новую, «старорусскую» страницу своей научной деятельности. Будучи на Старорусских лечебных водах, он много общается с литератором Владимиром Ивановичем Мятлевым⁵⁹⁴ и его сыном, археологом Николаем Владимировичем Мятлевым⁵⁹⁵. Павел Арсеньевич становится «крёстным отцом» Н.В. Мятлева в археологии. В 1893 году Николай Владимирович «производил свою первую раскопку с князем Путятиным на Бологовском озере», о чём с благодарностью упомянул 18 марта 1900 года в письме к Н.К. Рериху⁵⁹⁶. В мае и июне 1894 года в Старой Руссе князь Путятин пишет стихотворения «Муравьёвский фонтан»⁵⁹⁷, «Цель жизни»⁵⁹⁸ и «Скромное а la Мятлев»⁵⁹⁹ и посвящает их В.И. Мятлеву. При содействии Н.В. Мятлева, составителя археологической карты Старорусского уезда, который до 1898 года каждое лето проводил в Старой Руссе, «причём старательно собирал сведения о курганах, жальниках, городищах и случайных находках в уезде, сам ездил по уезду»⁶⁰⁰, князь Путятин производит раскопки близ села Большая Витонь Коростынской волости, осматривает и другие интересные в археологическом отношении объекты в окрестностях Старой Руссы. Как сообщает старший научный сотрудник НГОМЗ Л.А. Секретарь, «князь П.А.Путятин, обследуя в конце XIX века Коростынь, обнаружил здесь обложенные камнями древние языческие могильники — жальники»⁶⁰¹. Дальнейшие их исследования производил с 1899 года Н.К. Рерих.

Мы уже отмечали, как гостеприимно встречал Бологовский усадебный музей экспедиции Санкт-Петербургского Археологического института во главе с директором Н.В. Калачовым. Строки в «Воспоминаниях и заметках» князя Путятина, посвящён-

⁵⁹³ *Известия ИРГО.* — Т. XX. — Вып. 3. — СПб.: типография А.С. Суворина, 1884. — С. 280–309. Ср.: *Путятин П.А.* По поводу напечатанного сообщения «О гончарном искусстве в каменном веке» // *РА ИИМК*, ф. 15, № 1. — 4 л.

⁵⁹⁴ Умер в 1900 году. Сын известного поэта Ивана Петровича Мятлева (1796—1844), печатавшегося под псевдонимом Madame de-Курдюков. В.И. Мятлев известен своими сочинениями для театра: «Имянины. Пьеса в трёх действиях» (1897), «Гуща. Шутка в одном действии» (1898) и др.

⁵⁹⁵ В начале XX века служил товарищем прокурора города Могилёв.

⁵⁹⁶ *Мятлев Н.В.* Письмо Н.К. Рериху. — Могилёв. — 18 марта 1900 г. // *ОР ГТГ*, ф. 44, № 1030.

⁵⁹⁷ Автограф. 31 мая 1894 г. // *ОР ИРЛИ*, р. I, оп. 22, № 558, л. 1. Вариант: *Там же*, л. 2. «Муравьёвский фонтан» — достопримечательность Старорусского курорта, столб минеральной воды, бьющий на высоту более 10 метров. Открыт в 1854 г.

⁵⁹⁸ Автограф. 7 июня 1894 г. // *Там же*, л. 1 об.

⁵⁹⁹ Автограф. 18 июня 1894 г. // *Там же*, л. 3.

⁶⁰⁰ *Мятлев Н.В.* Указ. соч.

⁶⁰¹ *Секретарь Л.А.* Коростынский погост // *София.* — Великий Новгород, 1997. — № 4. — С. 14.

ные Калачову, рисуют нам образ и самого Павла Арсеньевича. «Кому неизвестна деятельность Николая Васильевича хотя бы на поприще исследования древней юриспруденции? – писал князь Путятин. – Он специально занимался своим предметом, но не с узкими воззрениями, – любимый им предмет не мешал заниматься и другими. Калачову не чужды были и прочие науки: первобытная археология, лингвистика, нумизматика, архивная часть, древнее искусство и проч., проч., всё было ему близко, всё возбуждало его внимание, тем заставляя и других проникаться желанием учиться, учиться и учиться»⁶⁰². В этом человеке князя Путятина прежде всего привлекали готовность к сотрудничеству, синтетический поиск и жажда познания, ведь и он был олицетворением этих качеств.

Примечательно, как живо князь П.А. Путятин отзывался на многие события в науке и окружающей его жизни. Эту открытость подметил А.А. Спицын: «Как трогательно он чтит всех “подвижников науки”, как радовался успехам русской археологии, к подвижникам которой должен быть причтён и он сам»⁶⁰³. Свою радость он умел выразить и в поэтической форме. Таково его посвящение «Друзьям», в котором он упоминает создателя частного усадебного музея в селе Акшуат Карсунского уезда Симбирской губернии Владимира Николаевича Поливанова и сам его музей, а также известного французского коллекционера барона Иосифа Августовича де Бая, избранного 17 января 1891 года иностранным членом-сотрудником ИРАО (о них см. выше), что свидетельствует о том, что создатели этих частных усадебных музеев поддерживали между собой тесные творческие контакты:

Хотел бы волжскою волной
Я переплыть к друзьям науки,
Но скован службой и борьбой,
Изнемогаю в этой муке...
Либерализм пустых затей
Меня смущает; я страдаю,
И лишь с семьёй среди полей
Немного отдых обретаю.
От извращённых, глупых слов,

⁶⁰² *Путятин П.А.* Воспоминания и заметки: 1854–1881 / Отд. отт. из исторического журнала «Русская Старина» издания 1887–1888 гг. – Село Бологое, Валдайского уезда, Новгородской губернии, [1888]. – С. 36.

⁶⁰³ *Спицын А.А.* Указ. соч.

Бестактных, вредных и напрасных,
 От сплетен, лжи говорунов
 И ядовитых, и опасных.
 Дай Бог Вам, славные мои,
 Провести отрадно дни свиданья
 И силы обновить свои
 Для счастья и воспоминанья!..
 Да, светоч знания высок.
 В нём каждый почерпает силы,
 Пока стремительный поток
 Не приведёт нас до могилы...

.....
 Де Бай и Поливанов умный
 С его прелестною женой,
 И Кювервиль – знаток разумный,
 И симпатичный, и живой.
 Друзья, поверьте! Я горюю,
 Что не могу Вас повидать.
 И даже «Акшуат» ревную,
 Что будет счастьем дышать.
 Весельем дружбы б обновился,
 Интриги позабывши строй,
 Наукой, воздухом упился
 И сбросил всю тоску долой!!..⁶⁰⁴

Барону де Баю князь Путятин посвятил отдельное стихотворение «Барон де Бай просить хотел...»⁶⁰⁵. Ещё один образец патетического приветствия – стихотворение, написанное специально к пятидесятилетию ИРАО, отмечавшемуся 15 декабря 1896 года, был нами недавно издан⁶⁰⁶. Впрочем, в стихах князь Путятин выливал и горечь о несбывшихся надеждах, предательствах, потерях. Для истории этнографии

⁶⁰⁴ Автограф. Без даты // *ОР ИРЛИ*, р. I, оп. 22, № 558, л. 22 – 22 об.

⁶⁰⁵ Автограф. Черновик. Без даты // *Там же*, л. 34.

⁶⁰⁶ См.: Мельников В.Л. Предтеча российской астроархеологии князь П.А. Путятин и семья Рерихов // *История и культура Востока Азии: Материалы международной научной конференции*. – Новосибирск, 9–11 декабря 2002 / Отв. ред. С.В. Алкин. – Т. I. – Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2002. – С. 201.

может быть ценен его «Акростих на смерть Миклухи Маклая», датированный 3 мая 1898 года (см. в Прилож. 6, *рис. 44*: воспроизведение автографа)⁶⁰⁷. Такие выражения жизненного кредо учёного особенно дороги историкам науки и культуры, ибо в образной художественной форме дополняют научный поиск, затрагивают вопросы этики и истоков творчества.

Прямую параллель между этнографией и археологией проводит князь Путятин, описывая свои раскопки летом 1880 года в имении Воронцово Тверской губернии⁶⁰⁸ при помощи упомянутого выше Н.В. Калачова, «благотворная и могучая личность»⁶⁰⁹ которого так ему нравилась. Помимо точного и характерного описания курганов, князь фиксирует и фольклорное сопровождение: «При раскопках выразился тот же факт народных фантазий о кладах. Пробные ямы, делаемые крестьянами, заставили их предполагать, что мы разыскиваем золото. — А где же? — Не хочу сказать, хотя даже и знаю: он мне снился. — Как же он тебе снился? — Да вот, знаете, сплю я это и вижу место знакомое, а под ним, сквозь землю-то, видать как бы деревянный погреб; в погребу на цепях бочонок висит, а в бочонке-то всё золото! Золотые! — Какие золотые? — Как какие? Разумеется, нашенские, — что жар горят. Только место я вам не укажу: перво-наперво потому, что клад следует брать неспроста: нужно чистым быть, — а потом какая мне от этого польза! <...>

Искание кладов очень распространено в среде крестьянства, даже составились легенды о неудачных поисках кладоискателей. Обыкновенно монеты, по их мнению, спрятаны в глиняных горшках, а вследствие незачурания, или прочих несоблюдений ищущими обрядностей, находки обращаются в угли»⁶¹⁰.

Такие представления князь попробовал объяснить двумя причинами. Во-первых, он подметил, что крестьяне действительно «в былое время» иногда зарывали свои сбережения в глиняных кубышках «в опечьях или близ дорог», отсюда ассоциация в крестьянской среде глиняного сосуда с хранилищем денег. Во-вторых, крестьяне, как и учёные, иногда находили при языческих погребениях урны с кальцинированными костями животных, смешанных с чистым углем, а иногда и «большие урны особого

⁶⁰⁷ Автограф. ОР ИРЛИ, р. I, оп. 22, № 558, л. 15.

⁶⁰⁸ Очевидно, имеется в виду имение Воронцово Лугининской волости Вышневолоцкого уезда, бывшее владение ротмистра Михаила Фёдоровича Пыжова. В состав имения входила также деревня Мальцово. См.: «Описание имения, составленное для получения ссуды в Московском опекуном совете». — 31 мая 1857 г. // ГАО, ф. 59, Оп. 1, д. 3674, л. 6–7; «Описание имения». — 1858 г. // ГАО, ф. 148, оп. 1, д. 375. — 16 л.

⁶⁰⁹ Путятин П.А. Указ. соч. — С. 42.

⁶¹⁰ Путятин П.А. Указ. соч. — С. 43–44.

типа... с обугленными остовами самих покойников». При их обнаружении кладоискателями, считал князь Путятин, у них возникало впечатление, что найденные сокровища из-за какой-то «нечистоты процесса» превратились в угли.

Сколько известно, такие «этнографо-археологические сопоставления»⁶¹¹ были большой редкостью в то время. Ценность информации, заложенной в фольклоре и во всех сопровождающих археологические памятники устных традициях, понимал ещё один учёный, младший современник князя, художник Н.К. Рерих⁶¹². Он собрал целый набор аналогичных преданий о кладах, дополнив этнографические наблюдения князя П.А. Путятина⁶¹³. После своего первого визита в августе 1899 года в Бологое Рерих многие годы, вплоть до своего отъезда из России в 1918 году, регулярно бывал у Путятинных с семьёй, о чём напоминают его научные труды, эпистолярное и художественное наследие. Знакомство с деятельностью князя Путятина позволило Рериху перенять огромный научный опыт, что имело большое значение для развития отечественной науки о каменном веке, особенно с учётом мнения А.А. Спицына, с сожалением констатировавшего, что мало кто из младших современников князя оказался способен на это. Отчасти в этом был повинен и сам Павел Арсеньевич, который «не имел способности увлекать за собою, не создал школы, не привил в России любви к каменному веку, которою сам был переполнен»⁶¹⁴. В данном случае Рерих явился счастливым исключением, и пошёл по стопам учёного, бывшему ему к тому же близким родственником со стороны супруги. В значительной мере князь определил и стезю сына Рериха Юрия, ставшего известным исследователем Востока, видным тибетологом, индологом и монголоведом. Будучи крестным отцом первенца Рерихов, князь оказывал ему неразрывную духовно-научную поддержку.

Рерих с большой энергией подключился к той задаче, которую когда-то поставил для себя князь Путятин: изучить условия первобытной жизни обитателей данной местности. На результатах этого сотрудничества мы отдельно остановимся в третьем параграфе данной главы. Здесь мы лишь отметим, что совместные исследования князя Путятина и Рериха по своей комплексности, целенаправленности и изначальной интегра-

⁶¹¹ Тихонов С.С. Некоторые проблемы интеграции научных дисциплин // *Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов* / Под ред. А.Г. Селезнева, С.С. Тихонова, Н.А. Томилова. – Нальчик; Омск: Издательство ОмГПУ, 2001. – С. 40–42.

⁶¹² Мельников В.Л. Предания Северо-Запада в научном архиве Н.К. Рериха // *Рериховское наследие: Труды I Международной научно-практической конференции*. – Т. I. – СПб., 2002. – С. 426–433.

⁶¹³ Шамин С.М. Клад захоронённый // *Петербургский Рериховский сборник*. – Самара: Агни, 1999. – № 2–3. – С. 723–728.

⁶¹⁴ Спицын А.А. Указ. соч.

тивности позволили довольно объективно реконструировать образ жизни и производственную деятельность древних насельников Валдайской возвышенности, при обязательной увязке с природно-географическими параметрами и использованием данных и наблюдений в области первобытного искусства, геологии, палеоэтнологии, этнографии и антропологии. В своих исследованиях они на практике применили «этноархеологический подход»⁶¹⁵, открывший новые возможности в изучении доисторической культуры. И хотя данные своих исследований они публиковали или докладывали самостоятельно, мы часто находим у них ссылки друг на друга, а порой и прямые переклички или даже диалоги, как было с публикацией доклада Рериха «Из прошлой и настоящей жизни русского искусства» и прений при его обсуждении 2 ноября 1904 г. в Санкт-Петербургском обществе архитекторов. Выступая в поддержку доклада, князь Путятин в который раз проводил «объединительную» линию. В этом собрании он призвал объединиться учёных, архитекторов и художников «для отпора невежеству» в области защиты памятников от варварского уничтожения и искажения⁶¹⁶.

Как уже было упомянуто выше, в 1879 году им была открыта интересная дюнная стоянка каменного века в окрестностях Бологого близ деревни Озеревичи и там же «первобытная кричная плавка железа». Красивые озеревичские поделки из кремня дали князю Путятину повод обратиться к знаменитому Джону Лёббоку, автору до сих пор популярных сочинений «Доисторические времена» (1865) и «Начало координат цивилизации» (1870). Английский археолог и этнограф, один из классиков эволюционизма, сторонник естественноисторического сравнительного метода в изучении человеческой культуры, Лёббок одним из первых применил комплексное использование археологического и этнографического материала для изучения первобытного человечества. Именно он предложил удачную периодизацию археологических памятников, разделив каменный век на палеолит и неолит, тем самым обессмертив своё имя. И этот выдающийся учёный сразу ответил неизвестному русскому собирателю. Счастливым образом интуиция князя Путятина встретила с направлением, упорно развивавшим близкие ему научные идеи. 10 июля 1880 года Лёббок писал князю о том, чтобы он обязательно продолжал свои исследования. Этот ответ окрылил князя. Выше мы уже отмечали, что поразительная удача сопутствовала ему: в том же году, в

⁶¹⁵ Щетенко А.Я. Этноархеологический подход в изучении древнейшей истории Индостана // *Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов* / Под ред. А.Г. Селезнева, С.С. Тихонова, Н.А. Томилова. – Нальчик; Омск: Издательство ОмГПУ, 2001. – С. 45–47.

⁶¹⁶ *Искусство*. – СПб., 1905. – № 4–8. – С. 48–54, 143–151.

самом Бологом, на собственной земле, он открыл стоянку каменного века. Он послал в Лондон новое, развёрнутое сообщение, прочитанное осенью 1881 года в Английском Антропологическом институте, на заседании под председательством самого Эдуарда Бернетта Тайлора. Началась новая эпоха в его научной биографии. Об этом событии и спустя годы князь Путятин вспоминал с большим волнением: «Отчёт об этом заседании печатался в “Times”. Тёплое участие маститых английских учёных чрезвычайно меня тронуло. Мои первые шаги изучения каменного века России были очень шатки и, говорю по совести, если бы не присоединилась эта поддержка от знаменитых научных авторитетов Англии, то, думаю, эти исследования не возымели бы должной силы. Заручившись же мнением господина Лёббока касательно неолитного периода, я с новым рвением стал изучать условия быта наших первобытных людей, флору и фауну, их окружающую, а также и их самих»⁶¹⁷.

Здесь мы подошли к антропологической составляющей «анучинской триады» в деятельности князя Путятина. Не прошло и года после начала общения с Лёббоком, как Н.В. Калачов обратился к князю с письмом, в котором писал: «Зная, как много Ваше Сиятельство занимаетесь последнее время антропологией, я позволяю себе обратиться к Вам с покорнейшею просьбою – не найдёте ли Вы возможным взять на себя труд составить для предстоящей V книги “Сборника Археологического института” хотя [бы] краткий библиографический очерк о всех вышедших за минувшие два года трудах по части антропологии, чем крайне изволили бы обязать Археологический институт и меня лично»⁶¹⁸. В дальнейшем князь Путятин действительно регулярно брал на себя труд знакомить русских учёных с достижениями западной антропологической науки. Этому немало способствовало его блестящее знание нескольких европейских языков и частые поездки в Европу, где он посещал научные центры в Лондоне, Париже, Берлине, Бонне, Вене, Риме, Праге и т. д. Он составлял обзоры, печатал рецензии, читал в обществах рефераты, посвящённые итогам его очередных поездок⁶¹⁹.

⁶¹⁷ Путятин П.А. Указ. соч. – С. 45–46.

⁶¹⁸ Там же. – С. 64.

⁶¹⁹ Вот примерный перечень подобных работ князя: «Возражение по поводу исследования пещеры Фурниха», «Пещерные жители Южной Европы», «Французская королева Анна, дочь великого князя Ярослава», «О книге Вазинского», «О музее в Намюре», «О нескольких новых исследованиях по шаманизму и анимизму, широко распространённых в разных странах света», «О новой работе по вопросу о трепанированных черепах», «О новой классификации наконечников стрел, выработанной Томасом Вильсоном», «О новых трудах по этнографии германского мира, принадлежащих Бремеру и Лёве», «О новой книге чешского археолога Пича “Предыстория Чехии”», «Памяти американского археолога Томаса Вильсона», «Из обзора деятельности профессора этнологии и антропологии Шарля Летурне (1831–1902)», «Некоторые новые данные об эолитах, добытых берлинским профессором Ранке», «О новых раскопках в Бельгии, относящихся к эпохе расселения германцев», «Па-

В свою очередь, через князя Путятина Запад узнавал о новейших достижениях российской археологии, этнографии и антропологии. Некоторые русские учёные доверяли князю Путятину свои подлинные находки и тезисы, чтобы он мог представить европейским учёным оригинальные образцы российского каменного века, по изысканности форм и типов не уступавшие лучшим находкам во Франции или в долине Нила. Так поступил и Рерих, передав ему в 1905 году для демонстрации на Французском Доисторическом конгрессе в Перигё коллекцию кремнёвых поделок из своих раскопок в районе Вышнего Волочка – около полутора тысяч предметов, «которые крайне заинтересовали таких известных учёных, как Мортилье, Капитан, Ривьер и других»⁶²⁰. Накануне он писал князю в полном доверии: «Характеристику предметов я полагаю на Ваше внимание и огромный Ваш опыт, – у меня же здесь в деревне на раскопке не имеется никаких источников и сравнительных данных. И если я решил представить конгрессу мои новые находки, то исключительно благодаря Вашему личному отзыву, тем более что среди находок есть несомненные новинки для России»⁶²¹.

Начиная с 1878 года и в течение полувека, князь Путятин регулярно публиковал в Лондоне, Париже, Брюсселе, Аяччио и других научных центрах результаты своих исследований на английском, французском и немецком языках, выступал на Археологических, Антропологических, Доисторических конгрессах в Европе. Ценные данные о деятельности князя Путятина мы находим в документах Английского Антропологического института, Королевского общества в Лондоне (Royal Society of London), Французского Доисторического общества (Société préhistorique de France), Брюссельского Археологического общества (Société d'Archéologie de Bruxelles), Французской ассоциации по движению наук (l'Association française pour l'avancements des Sciences) (секция антропологии), а также в трудах Международных конгрессов американистов в Париже (Congrès internationale des Americanistes à Paris), Международных конгрессов антропологии и доисторической археологии (Congrès international d'anthropologie et d'archéologie préhistorique) во Франции, России, США, Бельгии и других научных форумов.

мента профессора Фрэпона», «О раскопках барона де Бая в Киеве», «О скорченных погребениях», «О лигуро-галльских некрополях Северной Италии», «О раскопках в Сан-Изидро в Испании», «Классификация изложения археологического исследования, переданная князю П.А. Путятину французским учёным Эмилем Картальяком» и т. д. (см.: Краткий список работ князя П.А. Путятина // *Мельников В.Л.* Князь П.А. Путятин и его Бологовская усадьба. – СПб.; Вышний Волочёк: Ирида-прос, 2000. – С. 51–59).

⁶²⁰ *Новости* и биржевая газета. – СПб., 1905. – 24 ноября / 7 декабря. – № 233. – С. 2.

⁶²¹ *ОР ГТГ*, ф. 44, № 121, л. 2.

Научный авторитет князя Путятина в области археологии и музейного собирательства был непререкаем. 28 февраля 1888 года попечителем Санкт-Петербургского учебного округа было открыто Русское Антропологическое общество при Императорском Санкт-Петербургском университете. И на первом же заседании князь Путятин был избран в действительные члены нового общества. Кроме него были избраны такие известные учёные, как Д.Н. Анучин, Н.Е. Бранденбург, М.И. Семевский, граф А.А. Бобринской. Профессор Московского университета А.П. Богданов был избран почётным членом. Кроме перечисленных лиц, в числе 32 членов-учредителей были академики и профессора В.Л. Грубер, И.П. Корнилов, В.И. Ламанский, Д.И. Менделеев, И.М. Сеченов, Н.Л. Дювернуа и другие. Как впоследствии писали об этом событии, «Русское Антропологическое Общество объединило очень многих выдающихся русских учёных и встретило сочувствие в научной среде»⁶²².

С годами менялся состав общества, менялись его председатели⁶²³, режим работы⁶²⁴, но князь Путятин был по-прежнему активен и регулярно выступал. Последнее его известное нам выступление в обществе – «Кости из Бологовской стоянки со следами их обработки человеком» – относится к 1911 году⁶²⁵. К этому времени ему уже шёл семьдесят пятый год. И в этот последний период своей научной деятельности он с увлечением занимался костями животных и костяными изделиями, извлекаемыми со дна Бологовского озера. Это была интереснейшая, совершенно новая страница в истории русской археологии, и здесь он снова шёл рука об руку с западной наукой.

Судя по архиву учёного, последнее научное заседание, на котором он присутствовал, состоялось в ИРГО 14 апреля 1918 года, за девять месяцев до его кончины⁶²⁶. Последний известный его автограф относится ко второй половине 1917 года – это письмо Н.К. Рериху, к тому времени ставшему ему самым близким человеком. Из этого документа, полный текст которого мы уже приводили выше, следует, что «в на-

⁶²² *Краткий обзор деятельности Русского Антропологического Общества при Императорском Санкт-Петербургском Университете за 25 лет (1888–1913) // Ежегодник Русского Антропологического Общества при Императорском С.-Петербургском Университете / Под ред. С.И. Руденко. – СПб., 1913. – С. 192.*

⁶²³ В 1899 году внезапно скончался Э.Ю. Петри, «который много энергии и труда отдал делу развития Антропологического Общества» (*Там же.* – С. 194).

⁶²⁴ «Только начав с конца 1910 г. устраивать свои заседания в Кабинете Географии и Антропологии, где помещалась и библиотека Общества, оно получило возможность, наконец, правильно развиваться. Чтение там же курсов антропологии и этнографии, начавшееся с 1906–1907 гг., и в особенности совмещение с 1911 г. в лице приват-доцента Ф.К. Волкова функций председателя Общества и преподавателя указанных курсов, много содействовало оживлению Общества привлечением постоянного притока молодых сил и сотрудников» (*Там же.* – С. 196).

⁶²⁵ *Там же.* – С. 198–202.

⁶²⁶ *РА ИИМК, ф. 15, № 203, л. 215.*

стоящие дни обнажения мирового зла и бессмыслицы»⁶²⁷ князь Путятин делал всё, чтобы спасти музейные ценности и продолжить научные занятия. Как писал Спицын в очерке на смерть учёного, «если он достиг такой завидной старости, то, конечно, благодаря своему ясному душевному настроению, не знавшему колебаний ни в политических, ни в религиозных взглядах»⁶²⁸.

Всю свою жизнь князь Путятин посвятил интеграции смежных наук. Эта простая, казалось бы, задача успешно решалась им в пространстве Бологовского музея. И она по-прежнему не сходит с повестки дня, ведь и в наши дни, как справедливо отметил С.С. Тихонов⁶²⁹, интеграцию знаний используют минимальное количество коллективов и отдельных исследователей. Изучая наследие князя Путятина, можно учиться широте и разнообразию возможных подходов, а его немногие сохранившиеся до наших дней коллекции осуществляют на практике соединение разных областей изучения человеческого общества, культуры древнего человека, истории искусства. К счастью, сохранилась значительная часть его творческого архива в виде отдельного фонда в РА ИИМК. Особый интерес представляют рукописи неизданных сочинений, а также письма и документы Ф.К. Волкова, Н.П. Клишевича, С.Ф. Платонова, Н.В. Покровского, князя А.С. Путятина, князя М.С. Путятина, Н.К. Рериха, А.А. Спицына, графа А.С. Уварова и многочисленных иностранных корреспондентов. Непреходящую ценность для истории отечественной и европейской науки имеют подборки документов тех обществ и организаций, членом которых князь Путятин состоял. Кроме вышеназванных, это Петербургское общество естествоиспытателей, Петербургская учёная архивная комиссия, Антропологическое общество при ИВМА, Общество ревнителей истории, ИОПХ, ИМАО, Московский Археологический институт и ряд других.

В настоящее время на базе Музея-института семьи Рерихов в Санкт-Петербурге и Рериховского центра Санкт-Петербургского государственного университета готовится к изданию избранных сочинений князя П.А. Путятина. В него войдут как опубликованные, так и неизданные сочинения этого самобытного учёного. Из тематики этнографии, археологии и антропологии будет представлено более 20 работ. Значительный блок в издании наследия князя П.А. Путятина составит также его литературное наследие – переписка, эссеистские воспоминания и поэзия.

⁶²⁷ *Трубецкой Е.Н.* Умозрение в красках. – М.: Издательство И.Д. Сытина, 1916. – С. 3.

⁶²⁸ *Спицын А.А.* Указ. соч.

⁶²⁹ *Тихонов С.С.* Указ. соч.

3.2. Археолого-астрономические исследования князя П.А. Путятина

Князь П.А. Путятин внёс особый вклад в археологическое изучение астрономии, некоторые учёные считают его даже «предтечей астроархеологии»⁶³⁰. Действительно, его знания древней астрономии и исследование знаний древнего и средневекового человека о небе поистине беспрецедентно для времени конца XIX века. Об этом свидетельствует составленная им таблица «Ключ Алхимический из книги XVI века fra Basilii Valentini, приноровленный к астрономическим, естественно-историческим и другим понятиям» размером 35×100 см. В таблице заполнены семь строк светил (Солнца, Луны, Марса, Меркурия, Юпитера, Венеры и Сатурна) соответственно дням недели, и даны в 22 столбцах соответствующие им характеристики: металлы, камни, науки, светлые и тёмные качества, цвета, месяцы зачатия и рождения человека, часы, а также знаки и названия дней недели, в том числе халдейские, еврейские, египетские, «восточно-индейские» (санскритские), латинские, румынские, итальянские, французские, шведские, немецкие и английские. Приведён подробный комментарий⁶³¹.

В 1989 году вышла монографическая работа «Археoaстрономия и история культуры»⁶³², посвящённая вопросу возникновения астрономических знаний. В ней была рассмотрена связь представлений наших далёких предков о космосе с закономерностями социального развития древних обществ, обсуждалось место астрологии в системе культуры древних цивилизаций, перечислялись учёные, внёсшие существенный вклад в это направление. Из отечественных учёных среди них справедливо названы Н.К. Рерих и В.Е. Ларичев, но об их предшественнике князе П.А. Путятине нет ни слова. То же самое мы наблюдаем и в других публикациях на данную тему. Между

⁶³⁰ Например, доктор исторических наук Виталий Епифанович Ларичев, которому мы признательны за ряд ценных замечаний по вопросам этой дисциплины.

⁶³¹ *Путятин П.А.* Из области Астрономической археологии. Изображения созвездия Большой Медведицы на каменной точилке каменного периода России. – Закончено 19 марта 1886 г. – Автограф // *РА ИИМК*, ф. 3, № 557, л. 42, табл. А.

⁶³² *Владимирский Б.М., Кисловский Л.Д.* Археoaстрономия и история культуры. – М., 1989. – 64 с.

тем, уже в 80-е годы XIX века наш соотечественник сделал поразительное археологическое открытие – нашёл в неолитическом слое Бологовской стоянки каменную точилку с изображением созвездия Большой Медведицы (Прилож. 9, *рис. 66: прорись*), при этом постарался тщательно изучить всё, что может прояснить её значение: мифы, исторические документы, археологические находки, данные медицины и наблюдательной астрономии, астрологические таблицы, систематизировал из всех доступных источников разрозненные сведения на более чем 10 языках, обобщил их затем в отдельном исследовании (его рукопись состоит из 40 листов 20×35 см с оборотом, иллюстрациями и таблицами; см. её первый лист в Прилож. 6, *рис. 42*), подготовил по материалам своей работы несколько докладов в научных обществах, стал увлечённым пропагандистом «археоастрономической» проблематики. Этот предмет стал «жемчужиной» археологической коллекции Бологовского усадебного музея. Его междисциплинарное исследование стало возможным именно в таком, комплексном по типу, музее. В этом мы видим пример всестороннего раскрытия «загадки» музейного предмета, иллюстрирующий справедливость суждения А.А. Никоновой о том, «что специфику музейного предмета лучше всего распознать в результате изучения различных форм его бытования в самом музейном пространстве»⁶³³. К слову сказать, Бологовская стоянка каменного века, где «астрономическая» точилка была найдена, составляла неотъемлемую часть «музейного пространства» Путятинской усадьбы.

После обнаружения при помощи Л.С. Митусовой рукописи учёного неутомимый пропагандист астроархеологии и руководитель её сибирской школы, профессор В.Е. Ларичев в своих разработках оригинальной концепции истории культуры получил неожиданного «союзника», начавшего за сто лет до него неутомимое «движение от сомнительного – к истине, от неизвестного – к знанию»⁶³⁴. Как и Ларичев, князь Путятин не воспринимал астрологию «как ветреную дочь астрономии», но придавал огромное значение этой ветви древнего знания именно как «душе, мысли, перводвигателю и вдохновляющей силе» астрономии, да и многих других наук о природе⁶³⁵.

Для того чтобы проверить результаты своего труда, князь Путятин обратился к известному французскому астроному Камиллю Фламариону (1842—1925), вступив с ним

⁶³³ Никонова А.А. Указ. соч. – С. 15.

⁶³⁴ Ларичев В.Е. Космографическое панно из «колодца» Ляско (созвездия эклиптики и экватора в образах искусства древнекаменного века) // *Гуманитарные науки в Сибири*. Новосибирск, 1997. – № 3. – С. 66.

⁶³⁵ Ларичев В.Е. Заря астрологии: Зодиак троглодитов, Луна, Солнце и «блуждающие звёзды». – Новосибирск, 1999. – С. 2.

в переписку. Даже предварительные результаты исследований князя Путятина заинтересовали французского специалиста настолько, что он опубликовал их в выходящем в Париже под его редакцией журнале «Астрономия» с обширным комментарием⁶³⁶ (Прилож. 9, *рис. 66*). Читая труды князя Путятина, его переписку с деятелями науки и искусства, можно заметить, что он предвосхитил некоторые идеи XX века. Для иллюстрации этого утверждения приведём только один, расшифрованный нами по рукописи фрагмент его самого значительного сочинения «Из области астрономической археологии. Изображения созвездия Большой Медведицы на каменной точилке каменного периода России» (закончено 19 марта 1886 года)⁶³⁷:

«Милостивые господа, первобытная Археология в нынешнем столетии вступила в новую фазу своего существования. В её направлении произошло большое изменение. Прежде эта отрасль знания имела какой-то антикварский характер. Научности и обобщений в ней было очень мало. Только некоторые её отделы, например: палеография, нумизматика, отдел древней истории, географии и древне-художественный ещё имели положительные основы; всё же остальное состояло в каком-то бесцельном собирании разных античных предметов и составлении из них складов без положительной системы⁶³⁸.

Последние шаги этой науки выдвинули новые отрасли знания: лингвистическую палеонтологию, палеоэтнологию, антропологию, доисторическую археологию, археологическую астрономию и пр. и пр. Она приняла, так сказать, чисто космический характер и заниматься ею стало чрезвычайно трудно. Для её изучения нужно быть все-сторонне образованным, так как её проблемы решают и обуславливают многие различные науки. Тут нужны: и зоология, и ботаника, анатомия с остеологией и краниологией, палеонтология, биология, древняя теология, мифология общая и сравнительная, патология, физическая и древняя география и геология тоже входят в её район.

⁶³⁶ *L'Astronomie*. – Paris, 1885. – Fevrier. – P. 48–50.

⁶³⁷ Приводится начальная часть сочинения. Сокращения раскрываются без квадратных скобок в случаях, не имеющих другого толкования. Авторские стиль и пунктуация сохранены, но орфография приведена в соответствие с современными нормами. Выделения в тексте соответствуют подчёркиваниям автора в рукописи.

⁶³⁸ В нынешнем году и прошлом Археология понесла чувствительные потери: скончались четыре знаменитых её поборника – 1) граф А.С. Уваров – составитель и председатель многих Археологических съездов, автор «Миранских курганов» и «Каменного века России», 2) Наш сочлен по Археологии, первый министр и председатель Датской Археологической комиссии Асмусен Ворсо; его последняя статья 1885 г., помещённая в ме-муарах Королевского общества северных антикварий «о организации Историко-Археологических музеев на севере и в других странах» восстаёт против национального рутинного собирания антиков без системы и в разброс, 3) Н.В. Калачёв – известный юрист, Директор Археологического института в С. Петербурге, организатор архивного дела на новых основаниях. С воспитанниками института им производились раскопки курганов и поездки на стоянки людей каменного периода, о поездках отчёты публиковались в трудах Археологического института, 4) Ж. Чиеричи – итальянский учёный, издатель главный журнала «Бюллетени итальянской палеоэтнологии» (*Bullettino di paletnologia italiana*). В настоящее время идёт подписка в Италии о сооружении ему бюста. Наше Московское Императорское Археологическое Общество пожертвовало 100 лир на бюст своему сочлену. – *Примеч. князя П.А. Путятина.*

Наконец даже астрономия – и та проникла в сферу познаний, необходимых археологу, прибавляя новую отрасль “*археологическую астрономию*”. Да, тяжёлую работу должен выполнять современный археолог. Нахождение предметов глубокой древности, сопряжённое с громадным трудом и издержками, требует ещё от него и умения их определить и описать, что ещё более трудно. А между тем и при помощи известных общих познаний, в этой науке опыта, приходится сталкиваться с часто употребляемым выражением Николая-де-ля-Кайль⁶³⁹, астронома XVII века, который при всей своей образованности нередко говорил: *Le ne sais pas cela* (я этого не знаю). Не удивительно после этого, что нам для решения каких-либо затруднительных вопросов зачастую приходится обращаться к специалистам о разных вышеупомянутых предметах. Но это ещё не всё: трудности, полагаемые для нас самим предметом служили в старину только преддверием тех пыток, которые приходилось испытывать извне. Науки в последнее время достигли многого, но это куплено ценою страданий; в прежнее время их напрасно и усиленно преследовали; причиной подобного гнёта было невежество известной среды с её научной нетерпимостью. Учёные вследствие этого должны были герметически закупориваться в герметические науки⁶⁴⁰, через что большинство заблуждений тем усиленнее держались известной среды, чем замкнутее была среда, отчего анализ разума для людей правды делался почти невозможным. Астрономия с астрологией, химия с алхимией, анатомия и авгуры с друидизмом смешивались вместе и брали жертвы. В начале эти жертвы производились грубо, даже ещё относительно недавно инквизиция жгла на кострах и уничтожала тайными убийствами людей науки. Затем к пыткам, которым позавидовали бы, пожалуй, краснокожие, присоединялась иногда сильнейшая моральная [пытка]. Это происходило оттого, что жертвы и судьи стали людьми более сведущими – одни в научном отношении, другие в умение доставлять большие страдания. Астрономы: Секко, Коперник, Джордано Бруно, Галилей, Анаксагор, обличитель Хр. Лоос и пр. и пр. не избегли этой участи⁶⁴¹. Многие во имя страха, даже в ущерб правде, отказались от своих воззрений и

⁶³⁹ Николай-Людвиг de la Caile (1713—1762) изобрёл вычисление долготы в море по наблюдениям над луной. На мысе Доброй Надежды производил наблюдения над звёздами южного полушария, из которых им вычислены до 9800 звёзд до него неизвестных. Кроме того, им систематизированы южные созвездия и даны названия этим созвездиям по именам разных астрономических инструментов. – *Примеч. князя П.А. Путятина.*

⁶⁴⁰ Гермес – Ермий (Солнце – божество), Меркурий Трисмегист, т.е. три раза великий (около 2-х тысяч до Р. Хр.), Таут, Тор, Тоит, Теот, Тейт, Тут, Янус, Канаан, Египетский мифический философ, Советник Изиды (Изис – луна, жена царя Озириса – Солнца). Известен, как изобретатель письма, арифметики, геометрии, некоторых астрономических начал, Законов, жертв, музыки, телесных упражнений, культуры оливкового дерева и как творец изумрудной алхимической таблицы и пр. и пр. – *Примеч. князя П.А. Путятина.*

⁶⁴¹ В Риме в нынешнем 1886 г. в 286 годовщину Джордано Бруно воздвигнут ему памятник. Джордано Бруно – доминиканский монах был сожжён в Риме на площади Campo-di-fiori 17 февраля нового стиля за его астрономические мнения сходные с Коперниковыми и за сатиру «*Lpaccio della Bestia Trionfante*». Астрономические мнения Бруно назывались по имени его родины Нолы – Ноланской философией. Эта философия связывала

столь известное характерное выражение, будто бы сказанное, как протест, Галилеем – “*Epur si move*” – “а земля всё-таки движется”, теперь отвергается⁶⁴².

Химия тоже долго блуждала, погружённая в алхимические убеждения о флогистоне, философском камне, панацее и пр. Освобождение её от тьмы тайн её адептов и младенческих взглядов совершилось не скоро. То же самое случилось и с космической Археологией: она стала устанавливаться ещё позже химии. Мы почти своими глазами видели всю гнусность нетерпимости в лице преследователей славы Франции – геолога, археолога Буше де Перт (*Boucher de Perthes*). Его книги «*Antiquites celtique et antediluviennes*» (изданные в 1849, 1857 и 1864 гг.) чуть ли не все были истреблены. И какие, какие оскорбления за свои, часто справедливые, убеждения не вынес Буше де Перт. Ему говорили, например, что и камни-то, подобные воображаемым им орудиям, чуть ли не встретим на мостовой, что он плагиат; *кроме того, его противниками делались отвратительные подбросы и фальсификация предметов, а также подтасовывались самые факты. Наконец, из-за мелких ошибок чуть ли не уничтожались все его труды и заслуги без научного анализа* и пр. и пр.⁶⁴³ Так его оскорбляли, зная заведомо, что подобные отношения для людей науки иногда также мучительны, как и самая смерть. И если бы не поддержка небольшой группы разумных людей Франции – Катрефаж, Лорте, Броньяр, Ели де Бомон и пр., да не оценка посторонних *jury* – англичан с такими известными именами, как геолог Чарльз Лейэль и палеонтолог Иванс, Прествич, Дарвин и датчанина Томсена, то его открытия заглохли бы надолго.

Велика та страна, которая, укрепляясь прогрессивно наукой, поддерживает своих тружеников от грубой среды. Пожалуй, не мало приносят пользы и единичные, общедоступные, вне педантизма, известные учёные разных стран, *которые во имя науки делятся своим знанием на пользу всего человечества.* Магистр астрономии – популяризатор Камиль Фламарион так и поступает. Он, например, мало того, что на предложенные мною астрономические вопросы по поводу изображения Большой Медведицы на каменной точилке печатно дал ответ и критический разбор, уясняющий разные тёмные стороны, но ещё и высказал участие, которое обрисовалось сле-

идеи Коперника с существованием бесчисленных миров кроме того, в котором мы живём, а также разные другие теологические и метафизические условия. – *Примеч. князя П.А. Путятина.*

⁶⁴² См. “Русский Вестник” 1876 г. – Декабрь. “Процесс Галилея по новейшим исследованиям”, статья господина Р. – *Примеч. князя П.А. Путятина.*

⁶⁴³ Для характеристики этой борьбы возьмём две выдержки из книги «*Alcins Ledien*» *Boucher de Perthes* – *sa vie ses œuvres sa correspondance*, 1885 г. В 1-й – Буше де Перт ропщет на ложь в науке. «*Ah! qu’une vérité est dure à faire avaler aux savants, ils semblent toujours craindre qu’il n’y en ait trop: comme si c’était de la pâture si commune dans ce bas monde adorateur du mensonge et toujours prêt à lui élever des autels*». Во 2-й – он восстаёт против нерешительности Академии Наук. «*Voilà dix-huit mois que j’attends de l’Académie des sciences un rapport de deux pages. Que sâgit – il donc de décider? – Si une chose est ou n’est pas. – Or lorsqu’il est si facile de voir, je ne conçois plus pour quoi l’on discute pour savoir*». – *Примеч. князя П.А. Путятина.*

дующими словами: “Что бы то ни было, но это редкий интересный документ (единственный до сих пор в пределах нашего ведения) и нельзя достаточно отблагодарить тех исследователей, которые, разыскивая следы прошедших веков, делают их известными, потому что, становясь всем известными, эти изыскания вносят свой элемент к общему преуспеянию человеческих ведений”.

Фаза давлений относительно Археологии в нынешний век совсем ослабла. Религиозные воззрения, одно время затемнённые, начали приходить к своей первобытной чистоте. Люди поняли, что космогонические истины нигде так ясно не выражаются, изучение природы нигде так не поддерживается, как в основных книгах наших верований, и что истинная религия никогда не была против практического изучения сил природы. Прежняя нетерпимость, перешедшая было в фарисеев науки, сгладилась. Педантические взгляды, зависть к идее и к новым отраслям знаний, поддерживаемые клеветой и всякой ложью, притупили своё жало. Желание людей, слабых умом, повредить прогрессу подпольными интригами составляет теперь исключение. Словом, настало время, когда мы, взаимно вспомоществуемые, смело можем идти по стезям мира и света, изучать всё, что есть нерешённого и неизвестного в живой всеобщей науке человеческой культуры».

Не будет преувеличенным утверждение, что такими «всеобщими науками» в XX веке стали мультидисциплинарные учения В.И. Вернадского, Карла Ясперса, А.П. Окладникова, Н.К. Рериха и целой плеяды отечественных философов-космистов.

Также не будет преувеличением заметить, что перечисленные князем Путятиным «педантические взгляды, зависть к идее и к новым отраслям знаний, поддерживаемые клеветой и всякой ложью», к сожалению, отнюдь не «притупили своё жало». Применительно к научным биографиям самого князя Путятина и Рериха на это обратил внимание профессор А.Д. Столяр в своём выступлении 21 апреля 2000 года на семинаре Рериховского центра в Санкт-Петербургском государственном университете, названном им «“Ахиллесова пята” археологии в свете идей статьи Н.К. Рериха “Искусство и археология” (1898–1899)»⁶⁴⁴. Музейное дело в усадьбах в этом смысле ничем не отличалось – по общей атмосфере – от иных «социальных институтов, где также имеют дело с Истиной, а не просто с обиходными товарами-предметами-услугами»⁶⁴⁵. Князь Путятин в памяти его современников и коллег-учёных остался полной проти-

⁶⁴⁴ *Петербургский Рериховский сборник*. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. – № 4. – С. 666.

⁶⁴⁵ *Соколов Е.Г. Любить университет // IN SITU: К 85-летию профессора А.Д. Столяра*. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – С. 559.

воположностью вышеназванных «проблемных точек» познания. Его подход к изучению каменной точилки с изображением созвездия Большой Медведицы свидетельствует об отсутствии закоснелого «педантизма» и широте научной мысли. Его постоянная готовность показывать свои музейные фонды, делиться новыми данными о находках, как в этом случае – передача К. Фламмариону для первой публикации прориски и исчерпывающей справки о музейном предмете, делает ему честь и показывает, что он вообще не знал, что такое «зависть к идее и к новым отраслям знаний».

Ещё многие годы спустя его находка привлекала внимание учёных России и мира, о чём свидетельствует нижеследующая заметка: «В Археологическом институте. В четверг, 10-го февраля [1900 года], состоялось собрание членов и слушателей. Прочитаны рефераты: Г.М. Болсуновым “О доисторической каменной плитке с изображением созвездий и об априорных выводах, на ней основанных”, и И.И. Крафтом “О кочевых архивах”. Найденная князем П.А. Путятиным ещё в 1885 году каменная плитка, с отчётливо заметными на ней выбивными ямками, представляющими изображения созвездий Большой Медведицы и некоторых других близлежащих созвездий, произвела в своё время большую сенсацию. Французский учёный Э. Гюйар в недавно вышедшем труде “История мира”⁶⁴⁶ и профессор Глазенап⁶⁴⁷ в статье “Большая Медведица” придали серьёзное значение этой находке. Гюйар, судя по плитке, сделал очень смелый вывод, что астрономия зародилась в арктическом поясе в отдалённое время, когда здесь существовал ещё умеренный климат. Оба учёные относят, по-видимому, плитку к отдалённейшим временам, предшествовавшим древнейшим памятникам Египта, Ассирии и Китая. Возражая против такой древности плитки, референт высказал, что, признав даже время её происхождения в неолитическом периоде (эпохе каменных полированных орудий), и то древность её не может быть отнесена далее как за 1000 лет до Р. Х. Астрономия же Китая была значительно развита уже за 1700 лет до начала нашей эры. Доклад вызвал горячее возражение членов: князя Путятина, Богдановского и Н.К. Рериха»⁶⁴⁸.

⁶⁴⁶ Имеется в виду издание: Гюйар Э. История мира / Пер. с франц. Л. Шейниса. – СПб.: Издание Ф. Павленкова, 1900. – 296 с.

⁶⁴⁷ Имеется в виду Сергей Павлович Глазенап (1848–1937), русский астроном. Родился 25 сентября 1848 г. в селе Павловском близ Вышнего Волочка. В 1870 году окончил Петербургский университет. В 1870–1878 гг. работал в Пулковской обсерватории, в 1876–1924 гг. в Санкт-Петербургском (Петроградском) университете (с 1889 г. в должности профессора). Почётный член АН СССР (1929).

⁶⁴⁸ *Россия*. – 1900. – 12/24 февраля. – № 288. – С. 3.

3.3. Князь П.А. Путятин и Н.К. Рерих

Князь Путятин писал Рериху из Бологого 30 июня 1917 года: «Родной и сердечный Николай Константинович. Очень благодарим Вас за память. В трудные наши жизненные минуты она для нас драгоценна. <...> Целуем все вас крепко, как любим»⁶⁴⁹ (Прилож. 6, *рис.* 48). Это один из самых последних известных на сегодняшний день автографов создателя Бологовского усадебного музея.

В ряду деятелей русской культуры, оказавших существенное влияние на Рериха в молодые годы, князю Путятину принадлежит особо значимая роль. Именно он ввёл Рериха в круг потомственных петербургских землевладельцев, на землях которых ему довелось сделать несколько археологических открытий и собрать уникальную коллекцию предметов каменного века. Кроме этого, он первый сообщил учёным Европы об исследованиях художника-археолога в окрестностях Бологого и Вышнего Волочка и в течение нескольких лет информировал научную общественность Запада об удачных раскопках Рериха. Отметим также и ключевой момент в биографии Рериха: именно в Бологовском имении летом 1899 года художник познакомился с Еленой Ивановной Шапошниковой (1879—1955), ставшей в 1901 году его женой. Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что в начале XX века между Рерихом и князем Путятиным существовал доброжелательный, взаимно полезный диалог, приобретавший порой различные формы дружеского сотрудничества. Кем же был для Рериха князь Павел Арсеньевич Путятин? Почему его роль в становлении Рериха представляется нам столь значительной, и нет ли в этом преувеличения, ведь до недавнего времени о контактах этих двух деятелей культуры почти ничего не сообщалось ни в биографиях художника, ни в опубликованном наследии самих Рерихов? Ответы на эти вопросы мы постарались найти в нашем исследовании. И помогли в этом поиски исторических сведений о Бологовском усадебном музее и его создателе.

⁶⁴⁹ Автограф в Музее Николая Рериха в Нью-Йорке. Автор благодарит сотрудников музея Даниила Энтина и Аиду Тульскую, познакомивших его с документами из своего музейного архива.

Выше мы уже отмечали, что Павел Арсеньевич был воспитан глубоко верующим человеком, и такими же верующими он воспитал своих детей. В его воспоминаниях отмечены встречи со многими иерархами православной церкви. Упомянут и отец Иоанн Кронштадтский (Иван Ильич Сергиев; 1829—1908), благорасположенный, судя по всему, не только к князю Путятину, но и к его второй жене, княгине Евдокии Васильевне Путятиной, урождённой Голенищевой-Кутузовой, в первом браке Митусовой. Рерих в «Листах дневника» приводит лишь эпизоды из общения со святым старцем, однако и их достаточно, чтобы понять, насколько часто пересекались жизненные пути Путятиных, Рерихов и отца Иоанна: «“Батюшка завтра придёт”. При таком общении весь дом наполнялся незабываемым торжественным настроением. Значит, что придёт о. Иоанн Кронштадтский, будет служить, затем останется к трапезе, и опять произойдёт необычное, неповторимо замечательное. В зале устанавливался престол. От раннего утра и домашние все и прислуга в особо радостном, повышенном настроении готовились встречать почитаемого пастыря. Какие это были истинно особые дни, когда Христово слово во всём вдохновенном речении Великого Прозорливца приносило мир дому. Это не были условные обязанности. Вместе с о. Иоанном входило великое ощущение молитвы, исповедание веры. <...> ...Всегда помню благословение о. Иоанна на изучение истории и художества и неоднократные заботы о болезнях моих, которым я был подвержен в школьные годы. Одно из последних моих свиданий с ним было уже в Академии Художеств, когда теснимый толпою почитаемый пастырь после литургии проходил залами академического музея. Увидев меня в толпе, Он на расстоянии благословил и тут же, через головы людей, послал один из своих последних заветов. Мой покойный тесть, Ив[ан] Ив[анович] Шапошников [отец Е.И. Рерих, поручитель при венчании Путятиных. – В. М.], также пользовался трогательным благорасположением о. Иоанна. Он звал его приезжать к нему и, чувствуя его духовные устремления, часто поминал его в своих беседах. Помню также, как однажды на Невском, увидев из кареты своей ехавшую тётку жены моей, княгиню Путятину, Он остановил карету, подозвал её и тут же дал одно очень значительное указание. В этой молниеносной прозорливости сказывалось постоянное, неугасаемое подвижничество о человечестве»⁶⁵⁰.

В наследии семьи Рерихов каждый год обнаруживаются новые сведения о князе Путятине, его семье и Бологовской усадьбе. Будущим исследователям эти данные

⁶⁵⁰ Рерих Н.К. Листы дневника. – Т. I. – М.: МЦР и др., 1995. – С. 43–44.

помогут ещё полнее раскрыть и осознать значение этого родового гнезда для отечественной культуры. В нашей работе мы отметили лишь некоторые, наиболее яркие упоминания из материалов Рерихов, относящиеся к культурной жизни имения, научным занятиям князя и коллекциям, хранившимся или собранным в Бологом⁶⁵¹.

В биографиях Рерихов ключевому событию в их жизни – первой встрече в стенах Большого усадебного дома в Бологом – посвящено немало страниц, однако нигде не приводится точной даты или хотя бы указания, в каком из летних месяцев могла произойти встреча. Для будущего определения точной даты будет полезна следующая сводка событий весны и лета 1899 года, известных по архивным источникам⁶⁵².

7 мая 1899 года Рерих подал в ИАК заявление о выдаче ему открытого листа на право производства раскопок в пределах Боровичского уезда Новгородской губернии, смежного с Валдайским уездом, в пределах которого располагалось Бологое. Ещё ранее, по ходатайству ИРАО, Рерих получил открытый лист на раскопки в этом году в Старорусском уезде. 12 мая 1899 года председатель ИАК граф А.А. Бобринской подписал открытый лист на Боровичский уезд, оформленный на «г. Преподавателя Археологического Института Н.К. Рериха». 29 мая 1899 года, после получения этого открытого листа в ИАК, Рерих уже мог выехать в Новгородскую губернию для производства раскопок. Как известно, в 1899 году Рерих раскопок в Боровичском уезде не вёл, а ограничился лишь расспросами населения. В отчётных описях находок сообщается, что летом 1899 года Рерихом были сделаны раскопки и разведки в Старорусском уезде и незначительные раскопки в Валдайском уезде «у озера Глубочиха у Бологое и в самом Бологое (курган)». Очевидно, имеется в виду местность у мельницы Глубочиха на берегу Бологовского озера в непосредственной близости от деревни Подлипые, неоднократно упоминавшейся выше (см. Прилож. 22, *рис. 22*, № 8: местоположение). В РА ИИМК даже сохранились фотографии раскопок – свидетельство того, что в имение князя Путятин Рерих приехал снаряжённый фотоаппаратом, – по тем временам сложная и дорогостоящая амуниция.

15 июня 1899 года Рерих в Петербурге, о чём свидетельствует его письмо А.В. Половцову, в котором он, в частности, пишет: «За это время я побывал в Новго-

⁶⁵¹ См.: Мельников В.Л. Н.К. Рерих и князь П.А. Путятин // *Н.К. Рерих и его современники. Коллекции и коллекционеры: Сб. статей по материалам Межд. научно-практ. конф.* – Одесса: Астропринт, 2001. – С. 6–32.

⁶⁵² Составлена по рериховским материалам РА ИИМК, ОР РНБ и ОР ИРЛИ, значительная часть которых опубликована нами в изд.: *Петербургский Рериховский сборник.* – № 1. – СПб.: Изд-во Буковского, 1998. – С. 129–181. – № 2–3. – Самара: Агни, 1999. – 800 с. Даты в данной сводке даны по старому стилю.

роде, увидел там великие мерзости, о которых расскажу Вам при свидании, и теперь на пороге начала картины “Варяги на Волхове”».

27 июня 1899 года Рерих в Петербурге, снова пишет Половцову.

1 июля 1899 года Рерих в Петербурге, пишет третье письмо Половцову.

29 июля 1899 года Рерих в Петербурге. В ИАК он получает ещё один открытый лист – на этот раз на Порховский уезд Псковской губернии. На раскопки из казны ему отпущено 75 рублей. Его задача, как пишет в официальном письме Рериху делопроизводитель ИАК И.А. Суслов, «принять на себя труд по исследованию пещер, открытых на 13 версте строящейся ветви от станции Дно (Бологое Псковской линии) до станции Ново-Сокольники (сооружаемой линии Москва – Виндава)».

3 августа 1899 года Рерих выехал из Петербурга через Псков и Порхов на станцию Дно или, как писал Рерих в своём отчёте, на X участок строящейся ветки «Бологое – Псков», откуда ещё 15 вёрст добирался на земских лошадях до деревни Дубня, где и исследовал «песчаный холм, проданный на вывоз крестьянами Правлению железной дороги». Таким образом, Бологое дважды упомянуто в документах псковских раскопок. Несомненно, Рерих мог напрямую проехать в Бологое по железной дороге из района археологических исследований после их окончания. На это указывает и он сам в отчётной статье «Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца» (1899): «После раскопок в Порховском уезде, при любезном посредстве кн. П.А. Путятина, мне удалось сделать небольшую раскопку вблизи местности Бологого, Валдайского уезда». Рерих называет даже станцию на линии «Бологое – Псков», через которую он покинул Псковскую губернию. Это – Морино.

19 августа 1899 года Рерих уже в Петербурге, о чём свидетельствует его финансовый отчёт в ИАК.

Таким образом, месяц первой встречи Елены Шапошниковой и Николая Рериха – август. Относительно точной даты можно предположить следующее: 1) судя по всему, в 1899 году Рерих начал свой летний археологический сезон с раскопок в Старорусском уезде, расположенном недалеко от Новгорода, куда он съездил в первой половине июня; 2) следующие раскопки Рерих провёл в Порховском уезде, куда отбыл за казённый счёт 3 августа, а до этого дня, с 15 июня, он всё время оставался в Петербурге; 3) в Бологое Рерих отправился после исследований в Порховском уезде, на которые он мог потратить не менее недели, если не десять дней, ибо, кроме деревни Дубня, он ещё работал в селе Дубровна, деревнях Поддубье, Вышково, Булавино,

Каменка, Водосье и «иных местностях Порховского уезда», что зафиксировано в его отчётных документах в ИАК и ИРАО; 4) около 10–13 августа Рерих покинул район раскопок в Порховском уезде, сев в поезд на станции Морино на границе Псковской и Новгородской губерний, и отправился прямо в Бологое; 5) по свидетельству Е.И. Рерих, Николай Константинович пробыл в Бологом три дня, следовательно, он приехал туда не позже 15 августа, ибо уже 19 августа он отчитывался в ИАК. Из всего изложенного вытекает, что первая встреча Николая Рериха и Елены Шапошниковой – «Встреча на всю жизнь» – могла состояться в один из дней между 11 и 15 августа, или по новому стилю – между **24 и 28 августа 1899 года** (включая и крайние даты).

О своём желании поработать в Бологом Рерих не раз писал Елене Ивановне, например, летом 1900 года: «Непременно зарисую Тебя и всех присных – углем на обёрточной бумаге»; «Нельзя ли через Машек и Дунек найти в Бологое старика с белой бородой и старуху старую, когда приеду, то хорошо бы их порисовать для картин. Попроси». Действительно, в 1900 году Николай Константинович несколько раз приезжал в Путятинское имение и интенсивно работал. Так, 26 мая Елена Шапошникова уехала на лето в Бологое, и уже 6 июня Рерих отправился вслед за ней и пробыл в имении 12 дней. С 3 по 5 и с 20 по 24 июля Рерих снова гостил здесь. 10 августа Рерих опять выехал в Бологое, отлучился на несколько дней на раскопки в имение Горы герцога Н.Н. Лейхтенбергского под Окуловкой (см. Прилож. 2, *рис. 21*, № 3 и 4: местоположение) и снова возвратился к Путятиным; в Петербург уехал к 22 августа. Елена Ивановна вернулась в Петербург 1 сентября. Несомненно, от этих бологовских занятий что-то оставалось у Павла Арсеньевича. Были летние пленэры, поездки на озёра, дальние прогулки в тот и последующие годы, на них художник приглашал и своего брата Бориса Константиновича Рериха (1885—1945), архитектора-художника.

В 1904–1916 годы Бологовское имение и его окрестности были для Рериха своеобразной летней мастерской, в которой возникали творческие замыслы, некоторые идеи здесь же реализовывались, но чаще Николай Константинович дорабатывал то, что начинал раньше. В 1908 году, в Германии, в период работы над эскизами «Богатырского фриза», Рерих обмолвился об этом в двух письмах к жене: «Теперь примусь за два последних эскиза для Алёшина (баян и юноша), и тогда работа будет облажена; в Бологом поправим. Ещё три акварельки и два этюда и тогда весь художественный урок будет выполнен»; «Сегодня опять за эскизы. Так хочется всех их здесь сочинить, чтобы в Бологом после перерыва только поправить». Несколько лет спустя, в 1916 го-

ду, Николай Константинович даже собрался приобрести землю в районе Бологого с тем, чтобы иметь постоянную возможность работать в полюбившейся ему обстановке. Этим он поделился со своим другом архитектором А.В. Щусевым, который писал художнику: «Купили ли Вы землю у Бологова, если покупаете, прихватите пару десятин и на меня (с буграми, какие Вы любите). Если Вы там будете проводить лето, я думаю к Вам на несколько дней заехать вместе смотреть на природу и чувствовать, это мне даст для души после архитектурной сутолоки»⁶⁵³.

Как уже упоминалось выше, князь Путятин оказал неоценимое влияние на Рериха как коллекционер. В письмах художник-археолог от всей души благодарил его за поддержку. Иногда поддержка князя выражалась даже в такой комической форме «литературного заступничества» как эпиграмма. Сейчас уже трудно установить, кого именно князь Путятин вывел в образах «репы» и «мака» в своей эпиграмме, но совершенно очевидно, что в ней он высмеял организаторов выставки, повесивших большое полотно художника «Сходятся старцы» (1898–1904 гг.) так, что оно проигрывало в восприятии из-за плохой освещённости и большого удаления от зрителя:

Репа с маком подружила,
 Репа маку говорила:
 «Как бы сделать нам беду,
 Спустить Рёриха в трубу.
 Засадим его картину
 На верёх да в паутину,
 Чтоб никто не разобрал,
 Что он там понаписал.
 За совет и старцев раду
 Не получит ввек награду»⁶⁵⁴.

Павел Арсеньевич не раз лично содействовал Рериху, когда тот исследовал то или иное урочище в Валдайском, Вышневолоцком и других близлежащих уездах. Вот что известно в настоящий момент об их сотрудничестве в исследовании этого региона.

Итак, в 1899 году, «при любезном посредстве князя П.А. Путятина», Рериху удалось сделать небольшую раскопку вблизи Бологого, в местности Глубочиха при

⁶⁵³ Щусев А.В. Письмо Н.К. Рериху. – Москва. – 11 сентября 1916 г. // *ОР ГТГ*, ф. 44, № 1528. Очевидно, покупка расстроилась из-за сложностей военного времени.

⁶⁵⁴ Фрагмент недатированного чернового автографа, окончание которого, по-видимому, утрачено. См.: *ОР ИРЛИ*, р. I, оп. 22, № 558, л. 50 об.

деревне Подлипье (см. Прилож. 22, *рис. 22*, № 8: местоположение). Исследованный жальник он зарисовал, назвав его в отчётной статье «интересным». Кроме этого, художник-археолог отметил, что полная раскопка жальника «не могла состояться, так как посреди его стоит почитаемая местными крестьянами часовня, и сам он считается старым кладбищем»⁶⁵⁵. Рериху понравился внешний вид жальника, по его словам «очень характерный», структуру жальника он подробно описал, отметив, что предметы из предыдущих раскопок «Глубочихинских насыпей» ему удалось осмотреть у князя Путятин⁶⁵⁶. В этом же году князь Путятин консультировал Рериха перед его поездкой по Старорусскому уезду, о чём тот упомянул в отчётной статье: «...Вполне подтвердились предостережения знакомого с этой местностью князя П.А. Путятин, указывавшего на заседании Русского Отделения [ИРАО. – В. М.], где была прочтена записка и обсуждалась моя поездка, что, по-видимому, в намеченных местах Старорусского уезда курганов средней величины ожидать трудно»⁶⁵⁷.

В 1904 году князь Путятин и Рерих вместе производили атрибуцию предметов, найденных во время совместных исследований на озере Пирос (см. Прилож. 2, *рис. 21*, № 5: местоположение). Об этих работах каждый из них подготовил несколько научных докладов, причём Рерих – в России⁶⁵⁸, а князь Путятин – в Европе⁶⁵⁹. Судя по сообщению «петербургского обозревателя» И.С. Розенберга, эти значительные для них исследования происходили в весьма не простых условиях, даже в валдайской глуши чувствовалась «военная лихорадка»: «Мне пишут из Валдайского уезда, что туда приехал секретарь Общества поощрения художеств Н.К. Рерих и князь П.А. Путятин с целью производства археологических изысканий, и нашли на берегах озера огромное количество орудий каменного века. Между ними есть превосходные экземпляры кремнёвых стрел, скребков и ножей и разнообразные образцы гончарства. С исследо-

⁶⁵⁵ Примерно то же сообщал своему отцу Владимир Николаевич Римский-Корсаков (см. выше).

⁶⁵⁶ Рерих Н.К. Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца: Раскопки, произведённые в 1899 году по поручению ИРАО. – СПб., 1899. – [Отд. отт. из «Записок ИРАО», т. XI, вып. 1–2, с. 349–377]. – С. 26–28. Ещё ранее это место описал князь Путятин: Путятин П.А. Воспоминания и заметки: 1854–1881 / Отд. отт. из исторического журнала «Русская Старина» издания 1887–1888 гг. – Село Бологое, Валдайского уезда, Новгородской губернии, [1888]. – С. 10.

⁶⁵⁷ Рерих Н.К. Указ. соч. – С. 5.

⁶⁵⁸ Рерих Н.К. Каменный век на озере Пирос. – СПб., 1905. – [Отд. отт. из «ЗОРСА ИРАО», т. VI, вып. 1, с. 160–169]. – 13 с.

⁶⁵⁹ Poutiatine, prince. Présentation de nombreux objets préhistoriques, provenant de fouilles exécutées en Russie. – [Выступление князя П.А. Путятин на Французском Доисторическом конгрессе в Перигё в 1905 г.] // *Le Mans*. – Imprimerie de Monnoyer. – Paris, 1906. – In-8°, 6 p., fig. – Premier Congrès préhistorique de France, session de Périgueux, 1905. – С. 145–150. См. корректуру с пометками автора в РА ИИМК, ф. 15, № 28, 4 л. Ср.: *L'Anthropologie*. – Vol. XVI. – Paris, 1905. – Juillet – octobre. – P. 515; *L'Homme Préhistorique*. – № 11. – Paris, 1905. – Novembre. – P. 351.

вателями, между прочим, случилась весьма курьёзная история. Местные крестьяне приняли их... за японцев, производящих “разведки”... На объяснения помещика, вступившегося в защиту исследователей, крестьяне ответили: “Смотри, как бы против батюшки-царя не ошибиться”... Несмотря на все объяснения, успокоившиеся крестьяне всё-таки расспрашивали исследователей: для “военного ли дела” разыскивают они кремнёвые стрелки, и советовали для военных окопов рыть траншеи глубже...”⁶⁶⁰.

В 1905 году при содействии князя Путятина Рерих раскапывал Кафтинский городок (см. Прилож. 2, *рис. 21*, № 8: местоположение). «Санкт-Петербургские ведомости» (и следом несколько периодических изданий) сообщали: «Текущим летом 1905 года произведены очень удачные археологические исследования в Новгородской и Тверской губерниях. Художником-археологом Н.К. Рерихом найдены превосходные типы кремнёвых орудий и самые разнообразные гончарные поделки и рисунки на кости. В той же местности работал вместе с известным исследователем князем П.А. Путятиным археолог В.И. Каменский, причём произведены изыскания палеолитического слоя в Бологовской стоянке. Там же производил раскопки и местный домовладелец князь А.А. Ширинский-Шихматов, занятый по преимуществу раскопкой курганов»⁶⁶¹. В итоге материалы и этих раскопок были представлены князем Путятиным на Доисторическом конгрессе во Франции. Как уже упоминалось, это была первая демонстрация российских предметов каменного века перед всем научным миром⁶⁶².

В источниках встречается указание на их совместное исследование городища недалеко от села Млёво Вышневолоцкого уезда (см. Прилож. 2, *рис. 21*, № 9: местоположение) и других археологических памятников по течению реки Мсты в период 1900–1906 годов⁶⁶³. 30–31 июля 1908 года Рерих писал в Бологое жене из Германии: «Нельзя ли, чтобы князь до моего приезда достал мне разрешение покопать Рай Городок»⁶⁶⁴. Или у него уже есть разрешение? <...> Хочется с Тобою погулять, поездить! Это так хорошо. Перед такой хлопотливой зимой и высидев месяц на месте ведь нужно пошевелиться. Правда? Поищем камушки?». И это отнюдь не единичные слу-

⁶⁶⁰ *Петербургская газета*. – 1904. – 21 июня. – № 169. – С. 2.

⁶⁶¹ Цит. по: Николай Рерих в русской периодике / 1891–1918. – Сост. О.И. Ешалова, А.П. Соболев и др. – Вып. 2: 1902–1906. – СПб.: Фирма Коста, 2005. – С. 439–440.

⁶⁶² См. отклики в печати на это событие: *Там же*. – С. 459.

⁶⁶³ Мельников В.Л. Н.К. Рерих и Вышневолоцкий край // *Вышневолоцкий историко-краеведческий альманах (ВИКА)*. – № 3. – Вышний Волочёк, 1999. – С. 36.

⁶⁶⁴ См. Прилож. 2, *рис. 22*, № 9: местоположение; *рис. 23*: окрестности, план и профиль. – *Примеч. В. М.*

чаи такого рода, а обычная практика их сотрудничества. Предметы их совместных раскопок пополняли Бологовский усадебный музей.

Благодаря князю Путятину Рерих обрёл и нескольких помощников на поприще археологии. Известно, что племянник княгини Путятиной, Борис Николаевич Рыжов (около 1878 — после 1941), участвовал в его разведках по Боровичскому уезду в 1902 году. Сын князя Путятина, Михаил Павлович, активно участвовал в исследованиях озера Пирос в 1904 году (на его имя был выдан открытый лист ИАК), в последующие годы участвовал в пополнении рериховской коллекции каменного века, совместно с Рерихом осуществлял передачу археологических находок в музей⁶⁶⁵.

О том, что Рерих активно пользовался советами князя Путятина, ссылался на его авторитет, свидетельствует письмо художника княгине М.К. Тенишевой от 17 мая 1905 года: «Глубокоуважаемая Мария Клавдиевна. Посылаю Вам сведение о продаже известной коллекции в Париже. Может быть, пожелаете приобрести что-либо для своего музея — несколько образчиков орудий. Путятин говорит, что коллекция заслуживает полнейшего внимания»⁶⁶⁶. О том же свидетельствуют и многочисленные ссылки на князя Путятина в статьях Рериха⁶⁶⁷, и весьма содержательная их переписка, часть которой издана⁶⁶⁸.

Пример общности взглядов и взаимной поддержки даёт заседание 2 ноября 1904 года в Императорском Санкт-Петербургском обществе архитекторов под председательством И.С. Китнера. На этом заседании Рерих выступил с сообщением «Из прошлой и настоящей жизни русского искусства», вызвавшем бурные прения. Первым взял слово князь Путятин, сообщив несколько дополняющих примеров «по поводу прочитанного реферата, который был всем так интересен». На нескольких страницах стенограммы зафиксированы не менее интересные и значительные замечания Павла Арсеньевича. Отталкиваясь от слов Рериха, вторя ему, князь Путятин выдвигает

⁶⁶⁵ *Петербургский Рериховский сборник*. — № 2–3. — СПб.: Агни, 1999. — С. 227, 456, 473.

⁶⁶⁶ *РГАЛИ*, ф. 2408, оп. 2, № 7, л. 2. Автор благодарит О.И. Ешалову за возможность воспользоваться этим письмом в данном исследовании. Оно подтверждает гипотезу об использовании опыта Бологовского усадебного музея при создании музея «Русская старина» княгини М.К. Тенишевой в Смоленске.

⁶⁶⁷ Особенно это касается ссылок на Бологовскую стоянку каменного века и на атрибуции князя Путятина, основанные на материалах этого памятника: *Рерих Н.К.* Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой: Раскопки, произведённые в 1902 году по поручению ИРАО // *ЗОРСА ИРАО*. — Т. V. — Вып. 1. — СПб., 1903. — С. 14, 22, 23; *Он же*. Каменный век на озере Пирос. — СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1905. — С. 1, 9.

⁶⁶⁸ Известно о письмах Павла Арсеньевича Рериху в 1901, 1906 и 1917 годах. Известно, что Рерих писал в 1899, 1905, 1908 и 1909 годах. Конечно, переписка велась и в другие годы. См.: *Мельников В.Л.* Князь П.А. Путятин и его Бологовская усадьба. — СПб.; Вышний Волочёк: Ирида-прос, 2000. — С. 44–51, 69.

ет созвучные мысли, оспаривая при этом мнения оппонентов по прениям, которым чужды взгляды Рериха на генезис русского искусства:

(а) «...Даже такие малозначительные памятники, как почётные доски, колонны, воздвигаемые при открытии общественных сооружений и т. п., не следует бесцельно уничтожать, если на них остаются следы эпохи... Для правильной защиты и дружных усилий сберечь то малое, которое у нас сохранилось, необходимо представителям нашей архитектуры и живописи объединиться для отпора невежеству. На Западе даже для охранения мегалитических памятников, отнюдь не изящных, существуют отдельные комиссии»;

(б) «Уважение должно быть как к памятникам древности, так и к нынешнему искусству. Древние художники дали нам силы вдохновиться и воспитали нас. Конечно, условия разработки идут вперёд, но мы всё-таки первично получили и узнали от мастеров Византии и Италии; Франция тоже унаследовала своё искусство от Италии, как и фламандцы и прочие. Этих мастеров весь свет уважает. Но уважение к одному [прошлому] не умаляет уважения и к новейшим произведениям искусства»;

(в) «Я за наши старинные памятники заступлюсь: это было стремление выработать известное искусство из западных образцов, но то, что выработалось, сделалось русским...»⁶⁶⁹.

Эта стенограмма фиксирует важный момент в биографии князя Путятина. Состоялась символическая передача эстафеты поколений. Теперь уже Рериху суждено было продолжить начатое ещё в 1876 году князем Путятиным и художником Братским дело. Тогда Путятин и Братский стали инициаторами одной из первых в России комиссий по охране памятников культуры, созданной ИРАО.

Обозреватель журнала «Зодчий» подытоживал: «Сообщение г. Рериха, богато иллюстрированное этюдами в красках, вызвало оживлённый обмен мнений среди многочисленных присутствующих. Князь П.А. Путятин подтвердил, что борьба за сохранение памятников для художников давно была священна, но они всегда оказывались практически бессильными. Он также привёл с своей стороны ряд примеров либо запущенности, либо неумелой реставрации, и в последнем отношении сослался на Австрию, издавшую строгие законы по сохранению памятников и установившую институт особых реставраторов, наблюдающих за памятниками по отдельным участкам»⁶⁷⁰.

⁶⁶⁹ *Искусство*. – СПб., 1905. – № 4-8. – С. 143–144, 146–148.

⁶⁷⁰ *Зодчий*. – СПб., 1904. – 7 ноября. – № 45. – С. 509.

О том, как Рерих продолжил и по-новому развернул дело защиты культурных ценностей, вывел его на международный уровень решения и развития, существует обширная литература⁶⁷¹. Знания, полученные на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета в 1893–1898 годы⁶⁷², пригодились Николаю Константиновичу, когда он формулировал положения международного договора, известного во всём мире как Пакт Рериха (Вашингтон, 1935 год). Без этих знаний, дополненных опытом его предшественников, среди которых важным был опыт князя Путятина, Рериху было бы трудно выступить с такой широкомасштабной правовой инициативой.

В конце XIX – начале XX века князь Путятин и Рерих участвовали в деятельности одних и тех же обществ и установлений, ставящих своей задачей защиту памятников культуры. Петербургский круг этих организаций, достаточно чётко очерченный в исследованиях Т.Е. Сиволап⁶⁷³, дополнялся московскими, тверскими, новгородскими, южнорусскими общественными контактами двух учёных в русле разработки общероссийского положения по охране памятников старины и придания ему силы закона.

На контактах Рериха и Путятина по петербургскому Императорскому Русскому Археологическому обществу следует остановиться отдельно, ибо многие известные факты их научного сотрудничества зафиксированы в документах именно этого общества⁶⁷⁴. В течение десяти лет, с весны 1897 года до весны 1907 года известно не менее 18 случаев их одновременного присутствия на заседаниях ИРАО. Как правило, князь Путятин и Рерих активно участвовали в обсуждении затронутых на заседаниях вопросов или же сами выступали с докладами и сообщениями, поддерживая друг друга.

4 марта 1897 года на заседании Отделения русской и славянской археологии (ОРСА) князь Путятин и Рерих впервые присутствовали вместе, первый – в качестве действительного члена, второй – в качестве гостя. Никаких сообщений ни тот, ни другой не делали.

19 сентября 1897 года состоялось заседание ОРСА, на котором Рерих присутствовал ещё в качестве гостя. Его выступление было первым в повестке дня. Он «прочитал реферат о своих раскопках, произведённых нынешним летом в Царско-

⁶⁷¹ См.: *Пакт Рериха: 70 лет.* – Материалы Международной научно-практической конференции 15 апреля 2005 года в Санкт-Петербургском Доме юриста. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ и др., 2005. – 396 с.

⁶⁷² *Бондаренко А.А., Мельников В.Л.* Рерих и университет. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та; Вышний Волочёк: Изд-во «Ирида-прос», 2002. – Приложение к «Петербургскому Рериховскому сборнику». – Вып. III. – 100 с.

⁶⁷³ *Сиволап Т.Е.* Деятельность общественных организаций Петербурга по охране памятников старины перед Первой мировой войной // *Петербургские чтения: Научн. конф., посв. 290-летию Санкт-Петербурга 24–28 мая 1993 г – Тезисы докладов.* – Вып. I: Культура Санкт-Петербурга: XVIII–XX века. – СПб., 1993. – С. 134–137.

⁶⁷⁴ *РА ИИМК*, ф. 3, № 401, 402, 409, 410.

сельском уезде (мыза Извара)». Князь Путятин сделал несколько дополнений к реферату и в конце заседания «дал описание наиболее замечательных предметов музея в городе Намюре».

21 ноября 1897 года Рерих и князь Путятин присутствовали на Общем собрании (далее – *ОС*) ИРАО. Кандидатура Рериха была предложена в члены-сотрудники общества, что и было поддержано. *ОС* выразило Рериху благодарность за пожертвованные обществу «два написанные им вида курганов, расположенных близ деревни Чёрной, Сосницкой волости, Царскосельского уезда, Петербургской губернии и предметы древностей, добытые им при раскопке курганов».

2 октября 1898 года были на заседании ОРСА. Никаких сообщений не делали.

4 ноября 1898 года там же. Рерих представил реферат «К вопросу о типах погребения в курганах Вотской пятины».

30 марта 1899 года там же. Н.И. Веселовским и А.А. Спицыным была представлена программа исследований на 1899 год. В ней предлагалось поручить Рериху ведение раскопок в Старорусском и Боровичском уездах Новгородской губернии.

4 мая 1899 года Рерих и князь Путятин – на *ОС*, проходившем «под председательством Августейшего Председателя Общества Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Константиновича при исправлении обязанностей Помощника Председателя Бароне В.Р. Розене». Была поддержана программа исследований на 1899 год, выдвинутая ОРСА 30 марта, и прозвучал годовой отчёт о деятельности ОРСА с перечислением всех сообщений князя Путятина и Рериха, сделанных ими за прошедший год на заседаниях.

6 ноября 1899 года Рерих и князь Путятин – на заседании ОРСА. Приведём фрагменты протокола: «Н.К. Рерих прочитал реферат о раскопках, произведённых им прошлым летом в пределах Новгородской и Псковской губерний. Эти раскопки, произведённые по поручению Императорского Русского Археологического Общества, являются первыми из периодических раскопок, предпринятых Обществом с текущего года, и имели целью определить погребальные обряды и типы вещей у Новгородских славян между временами сопок и жальников (IX–XIII вв.). Теоретически лучшею для такого исследования местностью казалось плоскогорье Старорусского уезда между реками Шелонью и Ловатью, куда докладчик и был направлен Обществом, но на деле выяснилось, что в указанной местности (разведки были сделаны при 53 деревнях) курганов средней величины не оказалось, равно как и инте[ресующих] жальников, ко-

торые частью разрушаются, частью же утилизируются и до настоящего времени при погребении староверов. Из находок в Старорусском уезде интересно двойное погребение в могиле и обширные каменные круги неясного археологического назначения. После разысканий в Старорусском уезде Н.К. Рерих произвёл раскопки в уездах Порховском (Псковской губернии) и Валдайском (Новгородской губернии). Порховский уезд дал обильный материал для исследования в виде различного вида курганов и жальничных погребений. Всего было исследовано 16 курганных групп и могильников, главным образом относящихся к XI–XII вв. В Валдайском уезде произведена небольшая раскопка, давшая курганное погребение на кострище. Обращает на себя внимание курган при деревне Любитово.

Выясняя местные погребальные обряды, Н.К. Рерих разделил встреченные древности на 11 типов: 5 типов курганов и 6 типов погребений жальничных. <...> Все перечисленные типы имеют аналогии и в Санкт-Петербургской губернии, в раскопках Л.К. Ивановского и докладчика».

«Находки (переданные Н.К. Рерихом Обществу, равно как и рисунки погребений) также имеют аналогию с древностями Санкт-Петербургской губернии. Монеты, найденные при погребениях, относятся к IX–XI вв. (арабские, цилисские и западных городов Трира и Гейдельсгейма). С.Ф. Платонов указал, что реферат есть результат возобновления систематических раскопок, к которым, надо надеяться, отнесутся сочувственно Русское Отделение и Общее Собрание. Князь Путятин предложил исследовать нынешним летом курганы по реке Мсте. Собрание постановило предварительно выработать план раскопок на лето 1900 года. Собранию была демонстрирована пряжка, найденная в песке на берегу Дона при впадении Хопра, и принесённая в дар Обществу Рерихом». «Исторический вестник» зафиксировал важный момент во взаимодействии Рериха и князя Путятина. Оказывается, «присутствовавший на заседании член общества кн. П.А. Путятин принёс в дар обществу все те предметы, которые были найдены Рерихом при раскопке курганов в его имении»⁶⁷⁵.

27 ноября 1899 года состоялось заседание ОРСА, на котором в отсутствие Рериха была доложена его записка. В ней, в частности, предлагалось «продолжить раскопки минувшего лета на восток и сосредоточить [их] в северо-западной части Валдайского уезда и в Боровичском уезде. Аналогии находкам Санкт-Петербургской гу-

⁶⁷⁵ *Исторический вестник*. – СПб., 1900. – № 1. – С. 421–422. О том же: *Новое время*. – СПб., 1899. – 9/21 ноября. – № 8514. – С. 4; *Хроника* журнала «Искусство и художественная промышленность». – СПб., 1899. – 20 ноября. – № 4. – Стлб. 91.

бернии, оказавшиеся при раскопке в Валдайском уезде, подчёркивают задачу проследить границу распространения предметов этого типа, а также возможные изменения погребального ритуала». На этом заседании «князь П.А. Путятин обратил внимание Собрании на курганы, расположенные близ села Варницы Валдайского уезда; на городище, расположенное близ села Млёва, на берегу реки Мсты; на курганы близ Николина Теревенина монастыря, села Селища, села Ям-Едрова, у озера Кезедры. Собрание просило князя П.А. Путятину снести с владельцами этих курганов для получения разрешения на производство раскопок». Судя по всему, князь получил разрешения. Известно, что два места (см. Прилож. 2, *рис. 21*, № 9: местоположение), отмеченные первыми, были исследованы им совместно с Рерихом.

4 марта 1900 года Рерих и князь Путятин – на заседании ОРСА. Рерих «сообщил краткое описание раскопок близ станции Вруда Балтийской железной дороги, произведённых слушателями Археологического института под руководством профессора Н.И. Веселовского и Н.К. Рериха весной 1899 года».

30 ноября 1902 года там же. «Рерих сделал сообщение о произведённых им, по поручению Общества, летом 1902 года раскопках в Новгородской губернии. Раскопки эти сосредоточились в 34 пунктах, в районе Боровичского, Валдайского и Крестецкого уездов (см. Прилож. 2, *рис. 21*). Настоящий район исследовался систематически впервые, и можно было ожидать поучительных находок. <...> Среди исследованных курганов отличались особым интересом длинные (до 60 аршин) насыпи с трупосожжением, погребения отдельно сожжённых костяков и насыпи неолитической эпохи, найденные в России впервые. Эти курганы, расположенные на берегу озера Шерёгодро, содержали трупосожжения в южной половине насыпи. На кострище найдены разнообразные образцы гончарства, кремневые поделки и до 300 янтарных бляшек и привесок разнообразного вида. На основании находок Бологовской стоянки и данных проф. С. Мюллера, Нидерле, Капитана и Р. Клебса явилась возможность установить, что находки относятся к неолитической поре, к концу Галльштадского периода. Западные учёные ожидали подобных находок из России, что сообщает настоящей находке особое значение. В заключении референт заметил, что около озёр Тверской и Новгородской областей можно ожидать интересных находок».

«А.А. Спицын отметил значение добытого материала для изучения курганов загадочного типа с погребением в сидячем положении и признал затруднительным найти аналогии для янтарных поделок и отнести содержащие их курганы к определённо-

му времени. Князь П.А. Путятин высказал несколько соображений об условиях находки янтарных вещей и высказался за возможность отнести их к каменному веку. Барон де-Бай указал некоторые аналогии в Уральских древностях. В заключение прений председатель [С.Ф. Платонов] выразил благодарность референту за успешное исполнение порученной ему работы. Н.К. Рерих принёс в дар Обществу две фигурки животных, копии с янтарных подлинников из Прусских древностей, хранящихся в Берлине и рисунок – пастель одного из раскопанных им курганов».

Следует отметить, что Рерих неоднократно демонстрировал свои янтарные находки в учёных обществах, например, 2 марта 1903 года на ОС членов Петербургского Археологического института. На нём, как обычно, присутствовал князь Путятин и снова выступил с откликом. «Открытие это сделано впервые на севере России. Князь П.А. Путятин, маститый русский археолог, известный в Европе своими коллекциями предметов каменного века, высказал своё восхищение перед этим новым открытием и сообщил, между прочим, что он искал аналогий находкам Н.К. Рериха в музеях Вены, Парижа и Берлина и только в столице Германии нашёл подобные Янтарные поделки. У нас же в России, на севере, они совершенно не встречались»⁶⁷⁶.

2 мая 1903 года Рерих и князь Путятин – на ОС ИРАО. Секретарь общества В.Г. Дружинин прочёл отчёт о деятельности общества в 1902 году, где среди многих работ были упомянуты исследования князя Путятина и Рериха, а также отмечены их пожертвования монет и других археологических экспонатов в музей ИРАО.

19 февраля 1905 года Рерих и князь Путятин – на заседании ОРСА. Рерих сделал сообщение «О каменном веке на озере Пирос» (см. Прилож. 2, *рис. 21*, № 5: местоположение): «Предпослав краткую характеристику положения изысканий в Новгородской и Тверской губерниях, докладчик сообщил о раскопках, произведённых им в 1904 году, вместе с князем М.П. Путятиным, на берегах озера Пирос, пограничного Валдайскому и Боровичскому уездам Новгородской губернии. Особый интерес представляла настоящая раскопка в области каменного века, в связи с находками докладчика в Боровичском уезде при озере Шерёгодро, давшими коллекцию янтарных украшений. Происхождение озера Пирос искусственное, вследствие шлюзов на реке Березае, расширивших устье реки Валдайки. Главные находки сделаны на широких пляжах песчаного берега. Дождливое лето, удержавшее высокий уровень воды, лишило части

⁶⁷⁶ Санкт-Петербургские ведомости. – 1903. – 4/17 марта. – № 61. – С. 3. См. также: Петербургский Рериховский сборник. – № 2–3. – СПб.: Агни, 1999. – С. 406–407, 423–424.

находок, но всё-таки составила обширная коллекция орудий и гончарства. Большинство типов этой коллекции имеет аналогии в собраниях князя П.А. Путятина из Бологовской стоянки, но есть и некоторые отличные типы, часто превосходной обработки».

«А.А. Спицын приветствовал докладчика с счастливыми находками, давшими обильный и точный материал, и заявил о желательности скорейшего издания наиболее важных частей коллекции. Чтение Н.К. Рериха демонстрировалось коллекцией в полном её составе».

25 апреля 1906 года там же. Князь Путятин сообщил «некоторые новые данные об эолитах, добытых берлинским профессором Ренке».

25 ноября 1906 года там же. В протоколе запечатлено следующее: «Н.К. Рерих сделал сообщение о находимых в Новгородской губернии каменных фигурках, изображающих людей. Аналогичные фигурки, встречающиеся в Западной Европе, вызвали полемику по вопросу об их подлинности». Об этом трудном для него заседании в 1937 году Рерих вспомнил в очерке «Археология»⁶⁷⁷.

2 марта 1907 года там же. Князь Путятин сообщил «о новых археологических работах в Бельгии, относящихся к эпохе расселения германцев». Сохранился последний лист протокола, который по традиции подписывали присутствующие на следующем заседании члены общества. Среди многих подписей – автографы князя Путятина и Рериха (см. Прилож. 6, *рис. 46*).

17 марта 1907 года там же. Ни тот, ни другой не выступали. В сообщении А.А. Спицына прозвучали «археологические данные из новейших раскопок в Смоленской губернии В.И. Сизова, в Муромском уезде А.А. Смирнова и на реке Мсте Н.К. Рериха». Последние раскопки, как уже отмечалось, были произведены по инициативе князя Путятина.

30 марта 1907 года Рерих и князь Путятин – на годовом ОС. Это последнее известное собрание, на котором они сопредседествовали. Рерих решительно выступил против присуждения золотой медали ИРАО архитектору-реставратору П.П. Покрышкину. После оглашения отзывов академиков Н.П. Кондакова и А.В. Щусева о работах П.П. Покрышкина, «Рерих предложил Медальной Комиссии вопрос, что её понуждает присудить П.П. Покрышкину высшую награду – золотую медаль, так как в заслушанных обоих отзывах указываются лишь частичные достоинства работ П.П. Покрышкина, а другие стороны работ вызывают даже осуждения. После замечаний П.В. Ники-

⁶⁷⁷ Рерих Н.К. Листы дневника. – Т. II. – М.: МЦР и др., 1995. – С. 107.

тина, что для присуждения высшей награды вовсе не требуется отсутствие каких бы ни было недостатков в работах, и Я.И. Смирнова, что Комиссия вовсе не касалась возбуждённых в журнальной литературе спорных вопросов реставрации Спасо-Нередицкой церкви, председательствующим был поставлен на баллотировку сначала вопрос, давать ли П.П. Покрышкину золотую медаль. Большинством 15 голосов против 14 Собрание высказалось против присуждения золотой медали. Затем баллотировался вопрос о присуждении П.П. Покрышкину серебряной медали. Серебряная медаль была присуждена большинством 23 голосов против 6». Мы не сомневаемся, что среди 6 упорных оппонентов Покрышкина два голоса подали Рерих и князь Путятин⁶⁷⁸.

Таким выглядит общение двух деятелей по документам ИРАО, но, конечно же, оно было шире, далеко выходило за рамки «чистой» науки. Именно общение с князем Путятиным и его Бологовским музеем имел в виду Рерих, когда ещё 26 августа 1900 года писал будущей супруге: «Вспоминаю вечера у князя в кабинете...». Здесь ключевое слово – кабинет. Тот самый бологовский кабинет, в котором трудился и отдыхал император Александр II. Здесь Рерих спал в свою первую ночь в Большом Бологовском доме. Здесь он общался с князем Путятиным и его коллекциями многие годы спустя. Ещё в 1878 году А.Н. Виноградов называл этот кабинет музеем.

Воистину, «на пользу всего человечества» жил, занимался наукой, собирал лекции, помогал людям словом и делом князь Павел Арсеньевич Путятин. К концу жизни самой близкой ему стала семья Рерихов, которую он полюбил всем сердцем и главу которой он называл в своих письмах не иначе, как «дорогой друг», «родной и сердечный Николай Константинович» (см. выше). В его доме росла и развивалась Елена Ивановна Шапошникова, ставшая не только верной женой, спутницей и вдохновительницей всемирно известного художника, но и соавтором многих его произведений, написавшая десятки книг по философии и истории религий. Её труды можно рассматривать как закономерное продолжение философских и культурно-исторических изысканий её дяди. Встреча с князем Путятиным предопределила на многие годы круг общения и поле деятельности Н.К. Рериха. Без встречи с ним не сложилось бы многое «суждённое и прекрасное» в жизни и творчестве этого художника, путешественника и мыслителя.

⁶⁷⁸ О «возбуждённых в журнальной литературе спорных вопросов реставрации Спасо-Нередицкой церкви» см.: *Петербургский Рериховский сборник*. – № 2–3. – СПб.: Агни, 1999. – С. 265, 467–470, 475–480, 489.

В дневниковых записях семьи Рерихов начала 1920-х годов сохранились слова, свидетельствующие о духовной общности князя Путятина и старшего сына Рерихов Юрия (см. Прилож. 5, *рис. 38, 39 и 41*). Павел Арсеньевич радовался первым успехам крестника и, как записано в дневнике, был «горд Юриком». Дневниковые записи также свидетельствуют, что князь Путятин с первых дней оказывал неразрывную духовную и научную поддержку Ю.Н. Рериху. Вот слова князя Путятина, обращённые к крестнику: «Иди моим путём, дорогой Юрик», «Конная явка в Родину приготовлена тебе, гусар мой!»⁶⁷⁹. Так и сложилось – Юрий Николаевич стал учёным и, в конце концов, в 1957 году вернулся в СССР, чтобы передать родине наследие своей семьи и дойти до конца тем же путём бесстрашного служения Истине, что и его крёстный отец князь П.А. Путятин.

⁶⁷⁹ *Рерих Е.И. Дневник. – Записи 3 марта 1921 г. и 2 августа 1923 г. // Архив библиотеки Амхёрст-колледжа (США).*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Методологические и теоретические основы исследования. Круг задач, определённый автором, требует междисциплинарного подхода к исследованию, базирующегося на культурологической и музееведческой методологиях. Интердисциплинарность *культурологии* и *музееведения*, позволяет выйти на обобщающий уровень понимания затронутых проблем. Интердисциплинарные связи музееведения с другими гуманитарными (история, филология, обществоведение и др.) и естественнонаучными (химия, астрономия, медицина и др.) дисциплинами способствуют комплексному анализу предмета исследования. Категориальный аппарат и методология связанных с музееведением *философии, источниковедения, искусствоведения, палеоэтнологии* и других наук также применим для изучения частных усадебных музеев.

Изучение усадебных музеев в рамках *исторической персонологии*⁶⁸⁰ обогащает методы и отдельные подходы культурологической науки. В целом *персоналистический подход* при анализе эпохи усадебных музеев в России (вторая половина XIX – начало XX века) весьма продуктивен, поскольку с его помощью можно проследить, каким образом известные деятели культуры, такие, как князь П.А. Путятин, княгиня М.К. Тенишева, И.К. Айвазовский, В.Д. Поленов, граф А.С. Уваров и С.И. Мамонтов, участвовали в развитии музейного дела в России и создавали свои усадебные музеи.

Институциональный подход при исследовании частных усадебных музеев позволяет оценить их социокультурную функцию в провинции. *Предметный подход* даёт возможность изучить собирание, сохранение, изучение и использование музейных предметов, бывших когда-то в составе усадебных коллекций. *Комплексный подход* создаёт предпосылки для подтверждения на архивном источниковедческом материале ранее сформулированных гипотез. Таковы подтверждённые в дальнейшем гипотезы о принадлежности художника Ф.И. Братского к школе А.Г. Венецианова, о знакомстве

⁶⁸⁰ Иконникова С.Н. История культурологических теорий. – 2-е изд., доп. и перераб. – СПб.: Питер, 2005. – С. 83.

с музеями друг друга князя П.А. Путятина и В.Н. Селиванова, об использовании опыта Бологовского усадебного музея при собирании музея княгини М.К. Тенишевой «Русская старина» и другие. Для решения некоторых задач музееведения применяется также *историко-аналитический метод*, в данном случае позволивший произвести сравнительный анализ деятельности создателей частных усадебных музеев в контексте развития музейного дела в разные периоды истории России.

Научная новизна исследования. Изучен частный усадебный музей в России во второй половине XIX – начале XX века как социокультурный институт. Определены место и значение Бологовского усадебного музея князя П.А. Путятина в сфере частного музейного строительства в русских усадьбах, а также его конкретный вклад в сохранение культурно-исторического наследия России. Впервые введены в научный оборот материалы по истории Бологовского усадебного музея, а также документы учёных, деятелей искусства и простых жителей, для которых посещение этого усадебного музея стало важной вехой их биографии.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Конкретная характеристика усадебных музеев, оценка их образовательной, воспитательной, научно-методической деятельности имеют прогностическое значение. Исследование может способствовать процессу возрождения частного музейного строительства в усадьбах, которые в современных экономико-правовых условиях всё чаще становятся частной собственностью. Материалы и выводы диссертационной работы могут быть использованы при разработке научных концепций развития, теоретических основ деятельности новых усадебных музеев.

Теоретические результаты исследования могут быть востребованы для музееведения, культурологии в целом, а также учтены при разработке теоретических основ деятельности по охране памятников истории и культуры.

Материалы исследования могут служить основой для подготовки спецкурса по истории частных музеев в России, истории русского дворянства и купечества, а также при подготовке к изданию справочной литературы.

Итоговые положения, полученные в результате исследования. (1) Повсеместное появление музеев в российских усадьбах явилось результатом комплекса реформ 1860-х – 1870-х годов. Усадебный музей с первых дней существования стал явлением

уникальным для России, ибо он был не только центром культуры региона, но и местом приложения личной инициативы своего создателя независимо от принадлежности его к тому или иному сословию. **(2)** В создании усадебных музеев частная инициатива почти всегда опережала государственную. Государственные музеи в усадьбах до 1917 года – это единичные случаи. **(3)** Природа и хозяйство русской усадьбы накладывали отпечаток на облик усадебного музея, стиль его экспозиции и предметный подбор экспонатов. Именно поэтому усадебный музей – это не только «Дом Муз», это и «Парк Муз», «Озеро Муз», «Аллея Муз», «Поле Муз». **(4)** Русские усадебные музеи с открытыми при них образовательными учреждениями участвовали в формировании особой группы отечественных музеев, специально ориентированных на педагогическую деятельность. **(5)** Изучение жизни и творчества князя П.А. Путятина, истории его Бологовского усадебного музея является значимым для понимания развития музейного дела в русской усадьбе за 60-летний период и установления влияния научной, художественной, общественной и любой творческой деятельности создателя на облик усадебного музея, структуру и состав его собрания. **(6)** Установлено, что художник Ф.И. Братский и князь П.А. Путятин стали инициаторами одной из первых в России комиссий по охране памятников культуры (1876 год). Н.К. Рерих продолжил и развил практическую деятельность музейного комплекса в Бологом в этой области, и, прежде всего, в сфере консервации, реставрации и изучения культурно-исторического наследия.

Основные выявленные положения исследования были изложены на научных и научно-практических конференциях и семинарах и нашли применение в деятельности Музея-института семьи Рерихов в Санкт-Петербурге. Своей главной задачей Музей-институт семьи Рерихов определил обеспечение преемственности в выявлении, сохранении, изучении наследия семьи Рерихов, их культурного окружения, современников. Исследование музейного наследия князя П.А. Путятина и княгини М.К. Тенишевой, предпринятое автором, позволяет на практике выполнить эту сложную задачу, следующим этапом которой будет разработка экспозиционного комплекса «Н.К. Рерих и петербургские коллекционеры». На основе материалов исследования уже разработаны лекции в рамках специального курса по истории русской культуры, включённого в учебный план библиотечно-информационного факультета Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, а также разработан экскурсионно-краеведческий маршрут «Культурная инициатива» с посещением мест жизни и творчества князя П.А. Путятина и его современников в Санкт-Петербурге,

Москве, Великом Новгороде, Старой Руссе, Вышнем Волочке, Бологом, Валдае, Окуловке (см. Прилож. 2, *рис. 21*) и других населённых пунктах в Центральном и Северо-Западном регионах России. Кроме этого, автор участвовал в создании базы данных по всем направлениям музейной деятельности Бологовской усадьбы князя П.А. Путятина, вошедшей в электронную базу данных «Держава Рерихов» справочно-информационного фонда Музея-института семьи Рерихов.

Одним из итогов исследования могут стать возможные реэкспозиция существующего Бологовского краеведческого музея имени Н.И. Дубравицкого и постановка на учёт в органах государственной охраны памятников всего комплекса бывшей усадьбы князя П.А. Путятина в Бологом, с определением применительно к этому памятнику содержания таких важнейших понятий и терминов, относящихся к проекту его зон охраны, как исторический усадебный комплекс, исторический усадебный ансамбль, дворянское поместье, ландшафт исторического имения, достопримечательные места, территория объекта культурного наследия (памятника), охранный зона, зона регулирования застройки, зона охраняемого ландшафта, зона археологического слоя, зона визуальной ответственности и другие⁶⁸¹.

Известный искусствовед и историк отечественной культуры Александр Александрович Трубников (1882—1966)⁶⁸² писал: «Если русско-византийская культура проявилась в богоносной красоте икон, то эволюция нашего общества после Петра проявилась вовсе не в архитектуре Царского Села или сокровищах, собранных Екатериной в Эрмитаже, а в рождении очень своеобразного и ни на что не похожего мира русских усадеб»⁶⁸³. Соглашаясь с таким взглядом на эволюцию отечественной культуры, добавим, что наивысшим результатом развития российской усадьбы явился усадебный музей. Так или иначе, и профильный, и комплексный усадебный музей второй половины XIX – начала XX века, развивавшийся в конкретной и в то же время – в масштабе всей России – обобщённой «малой родине», шёл по историческому пути, указанному славянофилами, ратовавшими за приобщение широких российских масс к сокровищам национальной и общечеловеческой культуры, вернувшими русской мыс-

⁶⁸¹ Завьялова Н.И. Усадебный ландшафт. Комплексные методы сохранения // *Русская усадьба: Сборник ОИРУ*. – Вып. 10 (26). – М.: Жираф, 2004. – С. 95–100.

⁶⁸² Публиковался в «Аполлоне» и других историко-художественных журналах начала XX века под псевдонимом Андрей Трофимов.

⁶⁸³ Трофимов А. (Трубников А.А.) От Императорского музея к Блошиному рынку / Пер. с франц. Е.Н. Муравьёвой. – М.: издание журнала «Наше наследие», 1999. – С. 116.

ли то, что она чуть было не потеряла – «цельность, то есть единство материального и идеального во взгляде на смысл Бытия, с чем связаны важнейшие проблемы нравственности»⁶⁸⁴. Это «*качество цельности*» также сближает создателей усадебных музеев с «реалистическими» идеалистами своего времени.

Многочисленные примеры проявления на практике этой «цельности» приведены выше. Ещё до 1917 года целостный подход в сохранении культурного наследия прошлого зачастую приводил к отождествлению понятий «усадебности» и «музейности» и к осознанию необходимости создания новых усадебных музеев. В качестве примера отметим созданную в 1902 году для проведения в Ярославле Некрасовских дней Некрасовскую комиссию, во главе которой стоял С.А. Мусин-Пушкин. Эта комиссия «помимо самых различных направлений в своей работе, уделяла большое внимание такому направлению, как создание Некрасовского музея» на основе особого «*усадебного подхода*»⁶⁸⁵.

Память об усадебных музеях и их создателях нужна не только для того, чтобы воссоздать изначальную преемственность в тех исторических местах, где жили и творили выдающиеся деятели музейного дела, созидавшие культурные центры, и не только для того, чтобы давать всё новый материал для интересных и ценных в научном отношении диссертаций⁶⁸⁶. Эта память нужна для воспитания будущих музейных хранителей и, что очень важно для поднятия социального статуса музея, – музейных благотворителей. Академик Б.В. Раушенбах об этом высказался так: «Как они нужны, отдельные люди, одарённые личности, которые имели бы деньги и могли сами делать вывод, что хорошо, что плохо»⁶⁸⁷. Именно такими – компетентными и щедрыми – были в прошлом деятели музейного дела в российских усадьбах. Созданные ими усадебные музеи выявили ценнейший опыт национального самосознания и остались в культуре России высоко гуманистическим посланием к Человеку.

⁶⁸⁴ Вагнер Г.К. Духовной жаждой томим // *Наше наследие*. – Вып. V (17). – М., 1990. – С. 3.

⁶⁸⁵ Смирнов С.В. К предыстории создания музея Н.А. Некрасова в Ярославле // *Музеи Верхней Волги: Проблемы, исследования, публикации* / Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник Н.А. Некрасова «Карабиха». – Ярославль: Лия, 1997. – С. 258–259.

⁶⁸⁶ См., например: *Спрингис Е.Э.* Владелец-заказчик и формирование усадебного комплекса в конце XVIII – начале XIX в.: По материалам усадебного строительства графа Н.П. Шереметева. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 24.00.03. – М., 1999; *Анистратенко Е.Ю.* Пензенские дворянские усадьбы XVIII–XIX вв. как явление национального культурного наследия. – Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. – Саранск, 2002; *Еремينا О.И.* Культура повседневности загородной дворянской усадьбы второй половины XIX – начала XX в. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 24.00.03 / Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М., 2002; *Попова М.С.* Русская дворянская усадьба в контексте ментальности отечественной культуры: На примере усадьбы Архангельское. – Автореф. дис. ... канд. культур. наук: 24.00.01. – М., 2004.

⁶⁸⁷ Раушенбах Б.В. Учиться жить на земле // *Наше наследие*. – Вып. V (17). – М., 1990. – С. 35.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Н.М.* Усадьба Андреевское и её владельцы в XVII – начале XX в. – Рыбинск, 2005. – 76 с.
2. *Анистратенко Е.Ю.* Пензенские дворянские усадьбы XVIII – XIX вв. как явление национального культурного наследия. – Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. – Саранск, 2002. – 24 с.
3. *Анненкова Э.А., Голиков Ю.П.* Принцесса Е.М. Ольденбургская и Н.К. Рерих в Императорском Обществе поощрения художеств // *Рериховское наследие: Труды конференции.* – Т. II. – СПб.; Вышний Волочёк, 2005. – С. 288–294.
4. *Анненский И.Ф.* Кипарисовый ларец. – М.: Книга и бизнес, 1992. – 368 с.
5. *Анучин Д.Н.* О поездке в Бологое в 1885 году // *Древности: Труды Московского археологического общества.* – Т. XI. – Вып. 2. – М., 1886. – С. 61–68.
6. *Архангельский Н.А.* История Удомельского района. – Ч. II: 1900–1917 годы. – Тверь: Верхневолжская ассоциация периодической печати, 1995. – 178 с.
7. *Багажова И.В.* Бологое 500 лет. – Ржев, 1995. – 15 с.
8. *Багажова И.В., Иванов М.А., Полякова Л.А.* Бологое на Валдае. – Бологое, 2005. – 135 с.
9. *Бай Ж., де. Остафьево.* Воспоминания о поездке / Пер. с фр. Е.Э. Ляминой, предисл. и комм. Л.М. Карнишиной // *Остафьевский сборник.* – Вып. 8. – Остафьево, 2002. – С. 69–100.
10. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды П.М. Строева / Николая Барсукова, члена Археографической комиссии, помощника начальника Архива и Библиотеки Святейшего Синода и члена-корреспондента Общества любителей древней письменности. – СПб.: тип. В.С. Балашева, 1878. – 2+4+6+668 с.

11. *Баяра Л.П.* Музей в Акшуте // *Памятники Отечества: Иллюстрированный альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.* – № 42 (7/8). – Ч. 2. – М., 1998. – С. 92–98.
12. *Безроднов В.* Родословие князей Стародубских и происхождение князей Путятиных (по материалам синодика князей Микитиничей-Головчинских) // *Генеалогический вестник.* – № 2. – СПб., 2001. – С. 30–34.
13. *Белая Россия.* – Нью-Йорк: издание Главного управления Зарубежного Союза Русских Военных Инвалидов, 1937. – 128 с.
14. *Беликов П.Ф., Князева В.П.* Рерих. – М.: Молодая гвардия, 1973. – 256 с.
15. *Белова А.* Замужество в провинциальной дворянской культуре конца XVIII – первой половины XIX века // *Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете.* – Тверь, 2000. – С. 21–31.
16. *Белоглазова Н.М.* Абрамцево. – М.: Советская Россия, 1981. – 266 с.
17. *Бердышев А.П.* Андрей Тимофеевич Болотов – выдающийся деятель науки и культуры. – М.: Наука, 1988. – 320 с.
18. *Благово Н.В.* Семья Рерихов в гимназии К.И. Мая. – СПб.: Наука, 2006. – 276 с. – (Серия «Щедрый дар». – Вып. II).
19. *Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / Под ред. С.Н. Южакова.* – СПб.: Просвещение, 1901. – Т. 3. – 796 с.
20. *Бондаренко А.А., Мельников В.Л.* Рерих и университет. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та; Вышний Волочёк: Изд-во «Ирида-прос», 2002. – Приложение к «Петербургскому Рериховскому сборнику». – Вып. III. – 100 с.
21. *Бондаренко А.А., Мельников В.Л.* Музейная идеология Н.К. Рериха: проблемы актуализации Рериховского наследия // *Вестник Санкт-Петербургского университета.* – Серия 6: Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. – Вып. 1. – СПб. – Март 2006. – С. 40–46.
22. *Братский Ф.И., Путятин П.А., кн.* Взгляд на Новгородские древности // *Известия ИРАО.* – Т. VIII. – Вып. 1. – СПб., 1877. – Стлб. 516–521. – Отд. отт.: СПб.: тип. Имп. Академии наук, [1877]. – 8 с.
23. *Бриккер Л.Э.* О малой родине Н.Н. Миклухо-Маклая: (Усадьба Языково-Рождественское) // *Выдающийся путешественник и гуманист: (Материалы к Международной научной конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения Н.Н. Миклухо-Маклая).* – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – С. 10–11.

лухо-Маклая) / Отв. ред. П.Л. Белков; РГО, МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, СПб. центр ЮНЕСКО. – СПб.: РГО, 1996. – С. 6–9.

24. *Буганина И.* Прикосновение к истории // *Мономах*: Ульяновский литературно-краеведческий журнал. – Ульяновск, 2005. – № 1 (40). – С. 23–24.

25. *Будникова Ю.Ю.* С.С. Митусов и «Мир искусства» // *Петербургский Рериховский сборник*. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. – № 4. – С. 458–476.

26. *Вагнер Г.К.* Духовной жаждою томим // *Наше наследие*. – Вып. V (17). – М., 1990. – С. 1–4.

27. *Венеция* в художественном отношении: Полное описание замечательнейших произведений искусств, находящихся в её публичных и частных галереях, храмах, дворцах и проч., с приложением топографического плана города Венеции, гравированного снимка с картины Тициана «Взятие на небо Богоматери» и с многими в тексте полнотипажам / Сост. А.Н. Андреев, почётный вольный общник Санкт-Петербургской ИАХ. – М.: Университетская типография Каткова и К°, 1864. – XII+178+1 с.

28. *Вергунов А.П., Горохов В.А.* Русские сады и парки. – М.: Наука, 1988. – 416 с.

29. *Вздорнов Г.И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. – М.: Искусство, 1986. – 382 с.

30. *Винклер П.П., фон.* Родословия Русского дворянства. Дворяне и графы Путятины. – СПб.: типография Э. Гоппе, 1895. – 19 с.

31. *Виноградов А.Н.* Памятники деревянного церковного зодчества в епархиях: Новгородской, Тверской, Ярославской, Иркутской и Красноярской XVII и XVIII вв. (с 36 таблицами) // *Записки ИРАО*. – Т. VI. – Н. с. – СПб., 1893. – С. 289–296.

32. *Виноградов А.Н.* Палеографическая коллекция князя П.А. Путятина // *Памятники древней письменности*. – Т. 1. – М., 1878–1879. – С. 216–229.

33. *Владимирский Б.М., Кисловский Л.Д.* Археoaстрономия и история культуры. – М., 1989. – 64 с.

34. *Воинов С.С.* К вопросу создания Мусин-Пушкинского центра «Слова о полку Игореве» // *Рериховское наследие: Труды конференции*. – Т. II. – СПб.; Вышний Волочёк, 2005. – С. 215–220.

35. *Воронов В.С.* О крестьянском искусстве: Избр. труды – М.: Советский художник, 1972. – 350 с.

36. *Врангель Н.Н., барон.* Алексей Гаврилович Венецианов в частных собраниях. – СПб.: Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, 1911. – 31 с. – 20 ил.
37. *Врангель Н.Н., барон.* Выставка работ Венецианова в музее Александра III // *Старые годы.* – СПб. – 1911. – Апрель. – С. 58–60.
38. *Врангель Н.Н., барон.* Старые усадьбы: Очерки истории русской дворянской культуры. – СПб.: Журнал «Нева», ИТД «Летний сад», 1999. – 320 с.
39. *Временные правила* Бологовской биологической станции С.-Петербургского общества естествоиспытателей. – Утверждены 10 мая 1898 г. / Отд. отт. из т. 29, вып. 1 «Трудов С.-Петербургского общества естествоиспытателей». – СПб., 1899. – 3 с.
40. *Выборный В.Н.* Остафьево – «Русский Парнас» (О реставрации усадьбы и развитии музея) // *Русская усадьба: Сборник ОИРУ.* – Вып. 6 (22). – М.: Жираф, 2000. – С. 396–406.
41. *Гавлин М.Л.* Из истории российского предпринимательства: Династия Солдатенковых. – М.: ИНИОН, 1992. – 31 с.
42. *Гейченко С.С.* Пушкиногорье. – М.: Художественная литература, 1987. – 79 с. – (Роман-газета; № 1).
43. *Гейченко С.С.* У Лукоморья: Рассказы хранителя Пушкинского заповедника. – Л.: Лениздат, 1986. – 493 с.
44. *Глухов А.Г.* Петербург книжный петровской поры // *Университетская книга.* – № 6 (79). – М., 2003. – С. 34–39.
45. *Глушков С.В.* Усадьба как образ жизни // *Тверская усадебная культура: Материалы региональной науч.-практ. конф. в Твери 1–2 октября 2004 г.* – Тверь: Славянский мир, 2004. – С. 42–47.
46. *Голубева О.Д. В.В. Стасов.* – СПб.: РНБ, 1995. – 184 с.
47. *Государственный Русский музей.* Живопись. XVIII–XX века: Каталог в 15 томах. – Т. 1. – XVIII век. – 206 с.
48. *Грамолина Н.Н., Е.Е. Кашианова.* Поленово: Путеводитель. – Поленово, 2005. – 128 с.
49. *Григорьев А.А.* Священные земли Озёрного края. – СПб., 2001. – 285 с.
50. *Гумилёв Н.С.* Стихи. Письма о русской поэзии. – М.: Художественная литература, 1989. – 447 с.

51. *Гюйар Э.* История мира / Пер. с франц. Л. Шейниса. – СПб.: Издание Ф. Павленкова, 1900. – 296 с.
52. *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: Исторические очерки* / Отв. ред. Л.В. Иванова. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 784 с.
53. *Дворянские роды Российской империи.* – Т. I: Князья. – СПб.: Вести, 1993. – 342 с.
54. *Дубов И.В.* Музееведение. Исторические и краеведческие музеи: Краткий курс лекций / Под ред. В.Н. Седых. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. – 411 с.
55. *Дягилев С.П.* Список портретов, отобранных для Историко-художественной выставки 1905 года генеральным комиссаром С.П. Дягилевым в осмотренных им в течение летних месяцев 1904 года 72-х русских имениях. – СПб., Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1904. – 164 с.
56. *Дягилев С.П.* Предполагаемый список экспонентов Историко-художественной выставки русских портретов, составленный С. Дягилевым. – [СПб., 1904]. – 41 с.
57. *Ежегодник Русского Антропологического Общества при Императорском С.-Петербургском Университете* / Под ред. С.И. Руденко. – СПб., 1913. – 282 с.
58. *Еремина О.И.* Культура повседневности загородной дворянской усадьбы второй половины XIX – начала XX в. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 24.00.03 / Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М., 2002. – 24 с.
59. *Жертвы политического террора в СССР: 1345796 имён жертв репрессий.* – Т. I. – Казахстан, Россия, Узбекистан, Украина. – Библиографический указатель. – М.: Международное общество «Мемориал», Комиссия при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий, Музей и общественный центр им. А.Д. Сахарова, Региональная общественная организация «Открытая Россия», 2003. – (База данных на CD-ROM).
60. *Живопись и живописцы главнейших европейских школ: Настольная книга для любителей изящных искусств с присовокуплением замечательнейших картин, находящихся в России, и 16 табл. монограмм известнейших художников* / Составлено по лучшим современным изданиям А.Н. Андреевым. СПб.: М.О. Вольф, 1857. – 4+IV+580+XIV+17 с.
61. *Жизнь в усадьбе.* – М., 2006. – № 1 (12). – 96 с.
62. *Журавлёва Л.С.* Талашкино: Очерк-путеводитель. М.: Изобразительное искусство, 1989. – 205 с.

63. Журавлёва Л.С. Княгиня Мария Тенишева. – Смоленск: Полиграмма, 1994. – 320 с.
64. Завьялова Н.И. Усадебный ландшафт. Комплексные методы сохранения // *Русская усадьба: Сборник ОИРУ.* – Вып. 10 (26). – М.: Жираф, 2004. – С. 77–100.
65. Замятнин С.Н. Миниатюрные кремнёвые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // *Советская археология.* – М.; Л., 1948. – № 10. – С. 85–123.
66. Земельный инвентарь Валдайского уезда / Статистическое отделение Новгородской губернской земской управы. – Новгород: губернская типография, 1902. – 3+XLII+12+56+456 с.
67. Зими́на М.П. Неолит бассейна реки Мсты. – М.: Наука, 1981. – 205 с.
68. Знаменитые универсаны: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. – Т. I. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2002. – 528 с.
69. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. – М.: тип. М.Г. Волчанинова, 1892. – Ч. 1. – Т. 3. – XXIV+514+166 с.
70. Иванов М.А. Краеведческий материал по истории г. Бологое (в помощь преподавателям). – Бологое, 1992. – 71 с.
71. Иванов М.А. Родословная Елены Ивановны Рерих // *Утренняя Звезда.* – М.: МЦР и др., 1994–1997. – № 2/3. – С. 362–375.
72. Иванов М.А. Бологое на Валдае. – Бологое, 1995. – 134 с.
73. Иванов М.А. На родине предков Елены Рерих: озеро Пирос и Рютинская волость // *Петербургский Рериховский сборник.* – СПб.: Изд-во Буковского, 1998. – № 1. – С. 119–128.
74. Иванов М.А. Зятья князя П.А. Путятина // *Рериховское наследие: Труды конференции.* – Том II. – СПб. – Вышний Волочёк, 2005. – С. 351–356.
75. Иванов М.В. Историко-этнографический музей в усадьбе Талашкино // *Русская усадьба: Сборник ОИРУ.* – Вып. 9 (25). – М.: Жираф, 2003. – С. 381–388.
76. Ивановская Н.И. Формирование этнографических коллекций в региональных музеях Северо-Запада Европейской России (середина XIX – 80-е годы XX в.): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – СПб., 1997. – 26 с.
77. Иконникова С.Н. История культурологических теорий. – 2-е изд., доп. и перераб. – СПб.: Питер, 2005. – 474 с.
78. Императорское Московское Археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования: 1864–1914 – Т. II. – М., 1915. – 447 с.

79. *Исторические* кладбища Петербурга / Сост. А.В. Кобак, Ю.М. Пирютко. – СПб.: Изд-во Чернышёва, 1993. – 640 с.
80. *Каган М.С.* Основные направления в современной философии и культурологии // *Культурологическое образование*. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – С. 291–295.
81. *Калачов Н.В.* О работах слушателей Института в архивах и осмотре памятников древностей в 1879 году // *Сборник Археологического Института*. – Кн. 3. – СПб., 1880. – С. 42–53.
82. *Кандинский А.И.* История русской музыки. – Т. II: Вторая половина XIX века. – Кн. 2: Н.А. Римский-Корсаков. – М.: Музыка, 1979. – 279 с.
83. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. – Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 гг. в трёх книгах с приложением. – Кн. 4: Приложение. – Сопроводительные статьи. – М.: Книга, 1988. – 592 с.
84. *Карнишина Л.М.* Возвращаясь к напечатанному: барон Жозеф де Бай; Из воспоминаний // *Остафьевский сборник*. – Вып. 9. – Остафьево, 2004. – С. 29–38; 119–121.
85. *Каталог* выставки картин, этюдов и рисунков Н.К. Рериха / [Открытие состоялось 1 марта 1903 года]. – СПб.: Современное искусство, 1903. – 4 с. – 145 произведений.
86. *Каталог* Историко-художественной выставки русских портретов, устраиваемой в Таврическом дворце в пользу вдов и сирот павших бою воинов. – Вып. 1–8. – СПб., 1905. – Вып. 1 / Предисл.: ген. комиссар выставки Сергей Дягилев. – 56 с. – Вып. 2. – 23 с. – Вып. 3. – 36 с. – Вып. 4. – 84 с. – Вып. 5. – 55 с. – Вып. 6. – 49 с. – Вып. 7. – 89 с. – Вып. 8. – 115 с.
87. *Каталог* собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. – Отд. IV–VI. – М., 1907. – Отд. VIII–XI. – М., 1908.
88. *Каулен М.Е.* Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти. – М.: Луч, 2001. – 165 с.
89. *Кислов К.А.* Юрино. Усадебно-архитектурный памятник. – Йошкар-Ола, 1995. – 68 с.
90. *Кравченко А.И.* Культурология. – М.: Академический проект, 2000. – 671 с.
91. *Крадин Н.П.* Нерчинск // *Памятники Отечества: Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры*. – М., 1984. – № 1 (9).

92. *Краткий каталог Музея Императорского Русского Археологического Общества* / Составил А. Спицын, действительный член Общества, хранитель Музея. – СПб.: типография М.А. Александрова, 1908. – 52 с.
93. *Кузнецов В.В.* Музеефикация усадеб: проблемы и перспективы // *Тверская усадебная культура: Материалы региональной науч.-практ. конф. в Твери 1–2 октября 2004 г.* – Тверь: Славянский мир, 2004. – С. 68–71.
94. *Ладога и истоки Российской государственности и культуры* / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. – СПб.: Вести, 2003. – 384 с.
95. *Ларичев В.Е.* Космографическое панно из «колодца» Ляско (созвездия эклиптики и экватора в образах искусства древнекаменного века) // *Гуманитарные науки в Сибири.* – Новосибирск, 1997. – № 3. – С. 58–70.
96. *Ларичев В.Е.* Заря астрологии: Зодиак троглодитов, Луна, Солнце и «блуждающие звёзды». – Новосибирск, 1999. – 320 с.
97. *Ласточкин Н.А.* Родники Припиросья. – Тверь: Русская провинция, 2000. – 160 с.
98. *Литвинцева О.С.* Дворец купца Бутина: история и современность. – Нерчинск, 2001. – Рукопись // *Архив Нерчинского краеведческого музея им. М.Д. Бутина.*
99. *Лихачёв Д.С.* Прошлое – будущему: Статьи и очерки. – М.: Наука, 1985. – 576 с.
100. *Лихачёв Д.С.* Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Согласие; ОАО «Типография “Новости”», 1998. – 469 с.
101. *Лысенко О.А.* Художественные рамы в России и за рубежом. К проблеме сохранения наследия // *Антикварное обозрение.* – № 1 (18). – СПб., 2006. – С. 56–57.
102. *Маштафаров А.В., Шумков А.А.* Князя Путятины // *Дворянский календарь.* – Тетрадь 2. – СПб., 1997. – С. 76–84.
103. *Медведев С.В., Хасаинов М.Ж.* Время собирать камни... Концепция и опыт социального партнёрства на примере работы фонда поддержки образования. – Вышний Волочёк: Ирида-прос, 2000. – 72 с.
104. *Мельников В.Л.* Памятник. [К 150-летию Н.А. Римского-Корсакова и 120-летию Н.К. Рериха] // *Музыкальная Академия.* – М., 1994. – № 2. – С. 164–169.

105. Мельников В.Л. О наследии Н.К. Рериха в Институте Истории Материальной Культуры РАН // *Левша*. – Нижний Новгород, 1998. – Январь. – № 1 (9). – С. 3. – Февраль. – № 2 (10). – С. 2–3.
106. Мельников В.Л. Н.К. Рерих и Вышневолоцкий край // *Вышневолоцкий историко-краеведческий альманах (ВИКА)*. – № 3. – Вышний Волочёк, 1999. – С. 21–43.
107. Мельников В.Л. Н.К. Рерих и Ф.К. Волков. Из истории Санкт-Петербургской палеоэтнологической школы // *Рериховские Чтения*. 1997 год: Материалы конференции. – Новосибирск: СибРО, 2000. – С. 317–341.
108. Мельников В.Л. Князь П.А. Путятин и его Бологовская усадьба. – СПб.; Вышний Волочёк: Ирида-прос, 2000. – 72 с.
109. Мельников В.Л. Н.К. Рерих и князь П.А. Путятин // *Н.К. Рерих и его современники. Коллекции и коллекционеры: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции*. – Одесса: Астропринт, 2001. – С. 6–32.
110. Мельников В.Л. Римский-Корсаков и Рерих: пушкинские реминисценции // *Петербургский Рериховский сборник*. – СПб., 2001. – № 4. – С. 140–161.
111. Мельников В.Л. Предания Северо-Запада в научном архиве Н.К. Рериха // *Рериховское наследие: Труды I Международной научно-практической конференции*. – Т. I. – СПб., 2002. – С. 426–433.
112. Мельников В.Л. Предтеча российской астроархеологии князь П.А. Путятин и семья Рерихов // *История и культура Востока Азии: Материалы международной научной конференции*. – Новосибирск, 9–11 декабря 2002 / Отв. ред. С.В. Алкин. – Т. I. – Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2002. – С. 196–202.
113. Мельников В.Л. Вклад князя П.А. Путятина в археологию и этнографию (к постановке вопроса) // *Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. научных трудов*. – Омск, 2003. – С. 12–17.
114. Мельников В.Л. Частные усадебные музеи конца XIX – начала XX века на примере музея князя П.А. Путятина в Бологом: к постановке проблемы // *Триумф музея?* – СПб.: Осипов, 2005. – С. 432–455.
115. Мельников В.Л. Герои Культуры // *Пакт Рериха: 70 лет*. – Материалы Международной научно-практической конференции 15 апреля 2005 г. в Санкт-Петербургском Доме юриста. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2005. – С. 96–105.

116. *Митусова Л.С.* О прожитом и судьбах близких: I. Воспоминания. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ; Вышний Волочёк: Изд-во «Ирида-прос», 2004 / Отв. ред. акад. Б.С. Соколов. – 384 с. – (Серия «Щедры дар». – Вып. I).
117. *Митусов С.С.* Автобиография // *Утренняя Звезда*. – М.: МЦР и др., 1994–1997. – № 2/3. – С. 343–344.
118. *Морской сборник*. – СПб., 1854. – № 9–11. – 1855. – № 6–9.
119. *Музеи Верхней Волги: Проблемы, исследования, публикации* / Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник Н.А. Некрасова «Карабиха». – Ярославль: Лия, 1997. – 328 с.
120. *Музей и художник*. – М.: ГЦМСИР, 2002. – 120 с.
121. *Музей Русского искусства при Школе Императорского Общества Поощрения Художеств: Каталог*. – Пг., 1916. – 16 с.
122. *Музейная коммуникация: Материалы научно-практ. конф., состоявшейся в Самаре 24–28 сентября 2002 г.* – М.: ГЦМСИР, 2002. – 295 с.
123. *Неверов О.* Коллекции семьи Хитрово // *Наше наследие*. – Вып. VI (18). – М., 1990. – С. 41–46.
124. *Незабвенной памяти графа Алексея Сергеевича Уварова. Речи, прочитанные в соединённом заседании учёных обществ 28 февраля 1885 г.* – М., 1885. – 78 с.
125. *Немковская И.Я.* Моя жизнь и память о Путятиных // *Я иду по Миллионной*. – Вып. 5: Улица, дома, люди, события. – СПб.: Издательство Гороховского, 2005. – С. 54–57.
126. *Неолит Северной Евразии* / Отв. ред. С.В. Ошибкина. – М.: Наука, 1996. – 377 с.
127. *Низовский А.Ю.* Самые знаменитые усадьбы России. – М.: Вече, 2001. – 416 с.
128. *Николай Рерих в русской периодике / 1891–1918*. – Сост. О.И. Ешалова, А.П. Соболев и др. – Вып. 1: 1891–1901. – СПб.: Фирма Коста, 2004. – 416 с. – Вып. 2: 1902–1906. – СПб.: Фирма Коста, 2005. – 558 с. – Вып. 3: 1907–1909. – СПб.: Фирма Коста, 2006. – 558 с.
129. *Николай Рерих и другие. Художники XIX – XXI веков в собрании Музея-института семьи Рерихов: Каталог* / Составители Ю.Ю. Будникова и В.Л. Мельников. – СПб., 2005. – 41 с.

130. Никонова А.А. Загадка музейного предмета // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. – Серия 6: Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. – Вып. 1. – СПб. – Март 2006. – С. 11–18.
131. Н.К. Рерих и его современники. Коллекции и коллекционеры: Сб. статей по материалам Международной научно-практической конференции. – Одесса: Астропринт, 2001. – 244 с.
132. Новосельский К.И. Проект карты «Держава Рерихов» // *Матерь Агни Йоги*: Материалы конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения Е.И. Рерих. – Новосибирск, 1989. – С. 77–89.
133. Основания регионалистики: Формирование и эволюция историко-культурных зон Европейской России / В.А. Булкин, А.С. Герд, Г.С. Лебедев, В.Н. Седых; Под ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. – 392 с.
134. Основы музееведения / Отв. ред. Э.А. Шулепова. – М., 2005. – 504 с.
135. Отечественные записки. – СПб. – № 7 – 1872; № 7 – 1881; № 9 – 1882.
136. П.И. Чайковский. Забытое и новое: Альманах – Вып. 1 / Сост. П.Е. Вайдман и Г.И. Белонович. – М.: ИИФ «Мир и культура», 1995. – 208 с.
137. Пакт Рериха: 70 лет. – Материалы Международной научно-практической конференции 15 апреля 2005 года в Санкт-Петербургском Доме юриста. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ и др., 2005. – 396 с.
138. Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки VI–XVII веков / Изд. Савва, епископ Можайский. – СПб.: тип. В. Готье, 1863. – 2+IV+47+62 с.
139. Памяти графа А.С. Уварова. Речи, произнесённые С.М. Шпилевским, П.Д. Шестаковым и Д.А. Корсаковым на заседании Казанского общества археологии, истории и этнографии 17 января 1885 года. – Казань, 1885. – 101 с.
140. Памятники архитектуры и истории Санкт-Петербурга. Василеостровский район / Под. ред. Б.М. Кирикова. – СПб.: Коло, 2005. – 688 с.
141. Памятники древнего Рима: Полное описание замечательнейших мест и зданий древнего Рима в историческом, статистическом, археологическом и художественном отношениях; с приложением плана развалин древнего Рима в настоящем их положении / Сост. А.Н. Андреев, почётный вольный общник Санкт-Петербургской ИАХ. М.: тип. Лазаревского института восточных языков, 1861. – 2+XX+283 с.

142. *Памятники истории и культуры Новгородской области: Каталог.* – Великий Новгород: Типография «Новгород», 1999. – 560 с.
143. *Памятники культуры. Новые открытия. 1992* / Сост. Т.Б. Князевская. – М.: Наука, 1993. – 480 с.
144. *Памятники Отечества: «Мураново»* / Сост. Т.А. Князева, Е.А. Потапова. – М., 2003. – № 58. – 160 с.
145. *Паперно И.* Самоубийство как культурный институт. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 256 с.
146. *Паперно И.* 1860-е годы: перестройка, гласность, травматическая эпидемия // *Новое литературное обозрение.* – СПб. – № 33 – 1998. – С. 51–74.
147. *Пастон Э.В.* Василий Дмитриевич Поленов. – СПб.: Художник РСФСР, 1991. – 191 с.
148. *Петербургские чтения: Научная конференция, посвящённая 290-летию Санкт-Петербурга 24–28 мая 1993 г.* – Тезисы докладов. – Вып. 1: Культура Санкт-Петербурга: XVIII–XX века. – СПб., 1993. – 254 с. – Вып. 2: Культура и международные связи Санкт-Петербурга в Петровское время. – СПб., 1993. – 83 с.
149. *Петербургский Рериховский сборник.* – СПб.: Изд-во Буковского, 1998. – № 1. – 484 с.; Самара: Агни, 1999. – № 2–3. – 800 с.; СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. – № 4. – 745 с.
150. *Петрова Е.Н.* Павел Свиньин и его «Русский музей» // *Страницы истории отечественного искусства: XVIII – первая половина XIX века.* – Вып. IV. – СПб.: ГРМ, 1999. – С. 183–199.
151. *Петряев Е.Д.* Нерчинск. Очерки культуры прошлого. – Чита, 1959. – 124 с.
152. *Пиотровский М.Б.* Философия музейного дела // *Вестник Санкт-Петербургского университета.* – Серия 6: Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. – Вып. 1. – СПб. – Март 2006. – С. 7–10.
153. *Подушков Д.Л.* Григорий Васильевич Сорока – творческий символ Удомельской земли. 180 лет со дня рождения // *Удомельская старина.* – Удомля, 2003. – Сентябрь. – № 33. – С. 1–2.
154. *Пожидаев Г.А.* Рассказы о музыке. – М.: Молодая гвардия, 1975. – 190 с.
155. *Поленов В.Д., Поленова Е.Д.* Хроника семьи художника. – М.: Искусство, 1964. – 838 с.
156. *Поливанов В.Н.* Муранский могильник. – М., 1896. – 42 с.

157. *Поливанов В.Н.* Археологическая карта Симбирской губернии. – Симбирск, 1900. – 73 с.
158. *Поливанов В.Н.* Двадцатипятилетие Акшутского лесоразведения в Симбирской губернии (1883–1908): Опыт лесоводственного отчёта. – Симбирск, 1908. – 23 с.
159. *Полун С.С.* Феодосийская картинная галерея им. И.К. Айвазовского. – Киев, 1984. – 128 с.
160. *Полунина Н., Фролов А.* Русские коллекционеры: Опыт биографического словаря // *Памятники Отечества*. – 1993. – № 1–2 (29). – С. 111–161.
161. *Полякова М.А.* Поречье: страницы истории // *Русская усадьба: Сборник ОИРУ*. – Вып. 1 (17). – М.: Жираф, 1994. – С. 109–113.
162. *Попова М.С.* Русская дворянская усадьба в контексте ментальности отечественной культуры: На примере усадьбы Архангельское. – Автореф. дис. ... канд. культур. наук: 24.00.01. – М., 2004. – 24 с.
163. *Проблемы теории, истории и методики музейной работы (Музей – наследие – время): Музейное дело*. – Сб. научных трудов. – Вып. 27. – М.: ГЦМСИР, 2002. – 351 с.
164. *Пружанский А.М.* Отечественные певцы: 1755–1917. – Ч. I. – М.: Советский композитор, 1991. – 423 с.
165. *Пуятин А.С.* «Всепоподданнейшее письмо на имя Государыни Императрицы Марии Александровны». – Февраль 1872 года // *Сказание о Казанской женской общежительной обители близ города Вышнего Волочка Тверской епархии*. – Тверь: Типография губернского правления, 1890. – Приложения. – С. 1–2.
166. *Пуятин П.А., кн.* О гончарном искусстве в каменном веке / Сообщение, сделанное в заседании Отделения Этнографии ИРГО 6 марта 1884 года // *Известия ИРГО*. – Т. XX. – Вып. 3. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1884. – С. 280–309. – Отд. отт.: СПб.: тип. А.С. Суворина, [1884]. – 30 с.
167. *Пуятин П.А.* Из области Астрономической археологии. Изображения созвездия Большой Медведицы на каменной точилке каменного периода России. – Закончено 19 марта 1886 г. – Автограф // *РА ИИМК*, ф. 3, № 557.
168. *Пуятин П.А.* Воспоминания и заметки: 1854–1881 / Отд. отт. из исторического журнала «Русская Старина» издания 1887–1888 гг. – Село Бологое, Валдайского уезда, Новгородской губернии, [1888]. – 66 с.

169. *Путятин П.А., кн. Была ли хирургия в каменном веке? // Труды Антропологического Общества при ИВМА. – Т. II. – Вып. 2. – СПб., 1894. – С. 27–65 (рис.); То же // Врач. – Т. XV. – № 10. – СПб., 1894; То же. – Отд. отт.: СПб.: Военная типография, 1896. – 41+3 с.*
170. *Пушкин А.С. Сочинения: В 8 томах / Ред. П.А. Ефремов. – СПб.: А.С. Суворин, 1903–1905. – Т. 1. – 572 с. – Т. 2. – 570 с. – Т. 3. – 614 с. – Т. 4. – 662 с. – Т. 5. – 670 с. – Т. 6. – 652 с. – Т. 7. – 692 с. – Т. 8. – 648 с.*
171. *Рассказова Л.В. Усадьба Завиваловка и её художественное собрание // Русская усадьба: Сборник ОИРУ. – Вып. 10 (26). – М.: Жираф, 2004. – С. 366–398.*
172. *Раушенбах Б.В. Учиться жить на земле // Наше наследие. – Вып. V (17). – М., 1990. – С. 31–36.*
173. *Рерих Е.И. У порога Нового Мира. – М.: МЦР, 1993. – 168 с.*
174. *Рерих Е.И. Письма: 1932–1955. – Новосибирск: Вико, 1993. – 512 с.*
175. *Рерих Е.И. Род Шапошниковых. Герб рода Голенищевых-Кутузовых. Род бабушки Азарьевой. Род Путятиных. – [Сведения о генеалогии и семейной истории, относящиеся к Голенищевым-Кутузовым, Азарьевым, князьям Путятиным, Шапошниковым и другим. Первая половина 1950-х гг.] – Машинопись // Архив МИСР, фонд МСССМ, ксерокопия. – Оригинал машинописи в архиве П.Ф. Беликова (Эстония), с его пометками.*
176. *Рерих Н.К. Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца: Раскопки, произведённые в 1899 году по поручению ИРАО. – СПб., 1899. – [Отд. отт. из «Записок ИРАО», т. XI, вып. 1–2, с. 349–377]. – 28 с.*
177. *Рерих Н.К. Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой: Раскопки, произведённые в 1902 году по поручению ИРАО // ЗОРСА ИРАО. – Т. V. – Вып. 1. – СПб., 1903. – С. 14–43. – Табл. I–III. – Отд. вып.: СПб., 1903. – 30 с.*
178. *Рерих Н.К. Каменный век на озере Пирос. – СПб., 1905. – [Отд. отт. из «ЗОРСА ИРАО», т. VI, вып. 1, с. 160–169]. – 13 с.*
179. *Рерих Н.К. Цветы Мории. Пути Благословения. Сердце Азии. – Рига: Виеда, 1992. – 261 с.*
180. *Рерих Н.К. Письма к А.Н. Бенуа. – СПб.: Сердце, 1993. – 40 с.*
181. *Рерих Н.К. Листы дневника. – В трёх томах. – Т. I – М.: МЦР и др., 1995. – 672 с. – Т. II. – М.: МЦР и др., 1995. – 512 с. – Т. III (2-е изд.). – М.: МЦР и др., 2002. – 672 с.*

182. *Римский-Корсаков В.Н.* Копии писем к брату Андрею (и примечания к оным). – 1941 г. // *Архив семьи Римских-Корсаковых в Санкт-Петербурге.* – Авторизованная машинопись. – 134 л. – Копия в архиве МИСР, опись «Римские-Корсаковы», дело «В.Н. Римский-Корсаков».

183. *Римский-Корсаков В.Н.* Примечания к переписке Н.А. и Н.Н. Римских-Корсаковых 1894–1907 годов // *Архив семьи Римских-Корсаковых в Санкт-Петербурге.* – Авторизованная машинопись. – 134 л. – Копия в архиве МИСР, опись «Римские-Корсаковы», дело «В.Н. Римский-Корсаков».

184. *Романченко Н.Ф.* Краткий путеводитель по храму-музею, сооружённому Е.С. Рахлиным-Румянцевым, в Новгородской губернии, Валдайского уезда, близ села Рютина. – Пг.: Российская государственная академическая типография, 1922 / Предисл.: зав. Новгородской губ. комиссией музеев Николай Порфиридов. – 25 с.

185. *Россия:* Полное географическое описание нашего отечества / Под общим руководством П.П. Семёнова-Тян-Шанского. – СПб.: Изд. А.Ф. Девриева, 1900. – Т. 3: Озёрная область. – 456 с.

186. *Руденская М.П., Руденская С.Д.* С лицейского порога. – Л.: Лениздат, 1984. – 318 с.

187. *Русская* дореволюционная и советская живопись в собрании Национального художественного музея Республики Беларусь: Каталог в двух томах / Сост. Р.Г. Вадин и др. – Т. 1: А – И. – Минск: Беларусь, 1995. – 446 с.

188. *Русская провинция.* Культура XVIII–XX веков: Сб. статей по материалам первой респ. науч. конф. по изуч. провинциальной культуры / Ред.-сост. В.Ю. Афиани и др.; Отв. ред. С.О. Шмидт. – М.: РИК, 1993 – 133 с.

189. *Русская усадьба в истории Отечества.* – Ясная Поляна – Москва: Ясная Поляна, 1999. – 222 с.

190. *Савельев А.И.* Заметка о городках Райке и прочих // *Сборник Археологического Института.* – Кн. 3. – СПб., 1880. – С. 53–54.

191. *Сахарова Е.В.* Василий Дмитриевич Поленов: Письма, дневники, воспоминания. – М. – Л.: Искусство, 1950. – 520 с.

192. *Секретарь Л.А.* Коростынский погост // *София.* – Великий Новгород, 1997. – № 4. – С. 12–15.

193. *Секретарь Л.А.* Дома, события, люди: Новгород. XVIII – начало XX в. – Великий Новгород: Кириллица; СПб.: Наука, 1999. – 252 с.

194. *Сиволап Т.Е.* Роль церковно-археологических музеев в культурной жизни России (вторая половина XIX – начало XX века) // *Триумф музея?* – СПб.: Осипов, 2005. – С. 404–421.
195. *Сказание о Вышневолоцком Казанском женском монастыре Тверской губернии* / Сост.: И.В. Пикуль, Н.С. Смирнова. – СПб.: Православный фонд Валентина Пикуля, 1997. – 224 с.
196. *Словарь русских художников, ваятелей, живописцев, зодчих, рисовальщиков, гравёров, литографов, медальеров, мозаичистов, иконописцев, литейщиков, чеканщиков, сканщиков и проч. С древнейших времён до наших дней: XI–XIX вв.* / Сост. на основании летописей, актов, архивных документов, автобиограф. заметок и печатных материалов Н.П. Собко. – Т. I. – СПб.: типография М.М. Стасюлевича, 1893. – XVI с., 350 стлб.
197. *Соловьёва Ф.Б.* Вышний Волочёк – город на Древнем Волоке // *Вышний Волочёк 2000: Справочник.* – Вышний Волочёк: Ирида-прос, 2000. – С. 8–29.
198. *Соловьёва Ф.Б.* Вышний Волочёк – Санкт-Петербург: культурно-историческая общность // *Рериховское наследие: Труды конференции.* – Том II. – СПб. – Вышний Волочёк, 2005. – С. 382–391.
199. *Соколов Б.С.* Краеведение у истоков российской культуры (Кое-что из размышлений геолога о своей «малой родине») // *Вышневолоцкий историко-краеведческий альманах (ВИКА).* – № 4. – Вышний Волочёк, 2001. – С. 3–12.
200. *Соколов Б.С.* Записки с берегов Имоложья – СПб.: Рериховский центр СПбГУ; Вышний Волочёк: Изд-во «Ирида-прос», 2006. – 264 с. – (Серия «Щедрый дар». – Вып. III).
201. *Состав Императорского Русского Археологического общества по 1 января 1897 года* // *Записки ИРАО.* – СПб., 1897. – Т. IX. – Вып. 1–2. – С. 1–12.
202. *Состав Императорского Русского Географического общества.* – СПб., 1913. – 112 с.
203. *Список населённых мест Новгородской губернии* / Под ред. секретаря Новгородского губ. стат. ком. В.А. Подобедова. – Новгород, 1909. – Вып. 5: Валдайский уезд. – 106 с.
204. *Список портретов, отобранных для Историко-художественной выставки 1905 года в общественных и частных собраниях г. С.-Петербурга.* – СПб., 1905. – 591 с.

205. *Список* с росписи приданного Анны Кондратьевны Загряжской, вышедшей за муж в 1687 году за князя Петра Ивановича Хованского, двоюродного племянника начальника стрельцов, князя Ивана Андреевича Хованского, обезглавленного 17 сентября 1682 года / Доставлен членом-сотрудником [ИРАО] кн. П.А. Путятиным. – Напечатано по распоряжению ИРАО. – СПб.: тип. Императорской Академии наук, [1879–1881]. – 11 с.
206. *Спицын А.А.* Бологовская стоянка каменного века // *ЗОРСА ИРАО*. – Т. V. – Вып. 1. – СПб., 1903. – С. 239–247.
207. *Спицын А.А.* Новые сведения о городищах Дьяковского типа // *ЗОРСА ИРАО*. – Т. VII. – Вып. 1. – СПб., 1905. – С. 83–93.
208. *Спицын А.А.* [Памяти князя П.А. Путятина] // *Российский Исторический Журнал РАН*. – Кн. 7. – Пг.: Государственное издательство, 1921. – С. 247–249.
209. *Спрингис Е.Э.* Владелец-заказчик и формирование усадебного комплекса в конце XVIII – начале XIX в.: По материалам усадебного строительства графа Н.П. Шереметева. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 24.00.03. – М., 1999. – 24 с.
210. *Стасов В.В.* Письма к родным (1895–1899). – Т. 3. – Ч. 1. – М., 1962. – 418 с.
211. *Ступкин Е.И.* «...На Имоволозьском погосте» (из истории села и усадьбы Берёзки) // *Тверская усадебная культура: Материалы региональной науч.-практ. конф. в Твери 1–2 октября 2004 г.* – Тверь: Славянский мир, 2004. – С. 96–108.
212. *Сычѳв В.В.* «Эристов с Пушкиным, двое мальчишек...». – Бологое, 1991. – 21 с.
213. *Сычѳв В.В.* Меж двух столиц. Стихотворения, графика, очерки. – Новгород: Русская провинция, 1998. – 224 с.
214. *Тверская усадьба. Дворянство. Гербы: Архивные документы, книги, статьи, фотографии: Путеводитель XVIII–XX вв.* – Тверь: Научная библиотека Тверского государственного университета, 2000. – (База данных на CD-ROM).
215. *Тенишева М.К.* Впечатления моей жизни. – Париж: Издание Русского историко-генеалогического общества во Франции, 1933. – 505 с.
216. *Тенишева М.К.* Впечатления моей жизни. – Л.: Искусство, 1991. – 285 с.
217. *Теребенина Р.Е.* Автографы двух лицейских стихотворений Пушкина // *Временник Пушкинской комиссии, 1974* / АН СССР – Л.: Наука, 1977. – С. 5–19.
218. *Тихонов С.С.* Некоторые проблемы интеграции научных дисциплин // *Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов* /

Под ред. А.Г. Селезнева, С.С. Тихонова, Н.А. Томилова. – Нальчик; Омск: Издательство ОмГПУ, 2001. – С. 40–42.

219. *Тихонова Д.Н.* Михайловское и Ясная Поляна: первые государственные проекты музеефикации усадеб в России // *Русская усадьба: Сборник ОИРУ.* – Вып. 6 (22). – М.: Жираф, 2000. – С. 390–395.

220. *Толстой М., гр.* Святыни и древности Великого Новгорода. – М.: Университетская типография, 1862. – 4+264+23+5 с.

221. *Томилов Н.А.* Археолого-этнографическое течение в российской науке // *Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов* / Под ред. А.Г. Селезнева, С.С. Тихонова, Н.А. Томилова. – Нальчик; Омск: Издательство ОмГПУ, 2001. – С. 20–23.

222. *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: Избр. труды. – СПб.: Искусство, 2003. – 616 с.

223. *Тройницкий С.Н.* Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года / Издано по рукописному сборнику русских дворянских гербов, принадлежащему Казанскому университету. – СПб.: Сириус, 1912. – VIII+192 с.

224. *Трофимов А. (Трубников А.А.)* От Императорского музея кBloшинскому рынку / Пер. с франц. Е.Н. Муравьевой. – М.: издание журнала «Наше наследие», 1999. – 192 с.

225. *Трубецкой Е.Н.* Умозрение в красках. – М.: Изд-во И.Д. Сытина, 1916. – 44 с.

226. *Труды* Комиссии по производству химико-технических анализов древних бронз. – Т. I. – Вып. 1. – СПб., [1882]. – 124 с.

227. *Труды* Пресноводной биологической станции Императорского Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. – Т. I. – СПб., 1901. – 17 с.

228. *Труды* V Археологического съезда в Тифлисе: 1881 / Под ред. графини П.С. Уваровой. – М., 1887. – CVII+411 с.

229. *Труды* VI Археологического съезда в Одессе: 1884. – Т. I. – Одесса, 1886. – LXXX+317 с.

230. *Труды* VII Археологического съезда в Ярославле: 1887. – Т. III. – М., 1892. – 83+113+52 с.

231. *Труды* IX Археологического съезда в Вильне: 1893. / Под ред. графини П.С. Уваровой и С.С. Слуцкого. – Т. II. – М., 1897. – VII+328+126 с.

232. *Уваров С.С.* Отчёт по обозрению Московского университета и гимназий (4 декабря 1832 г.) // *Сборник постановлений по министерству народного просвещения.* – Т. II. – Отделение 1-е. – Изд. 2-е. – СПб., 1875. – Стлб. 511.
233. *Усадебная культура Поволжья конца XVIII – начала XX в.* – Ульяновск: Ульяновский областной художественный музей, 2002. – 152 с.
234. *Утренняя Звезда: Научно-художественный иллюстрированный альманах МЦР.* – М.: МЦР, 1993. – № 1. – 1994–1997. – № 2/3.
235. *Фатьянов А.Д.* Владимир Сукачёв: Основатель первой в Сибири картинной галереи. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. – 344 с.
236. *Федорченко В.И.* Дворянские роды, прославившие Отечество: Энциклопедия дворянских родов. – Красноярск: Бонус; М.: Олма-пресс, 2003. – 464 с.
237. *Филимонова Е.В.* Российский дипломат А.С. Ионин (1837—1900) // *Новая и новейшая история.* – М., 1992. – № 6. – С. 111–131.
238. *Ф.И. Тютчев* / АН СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького; Государственный литературный музей-усадьба «Мураново» им. Ф.И. Тютчева. – М.: Наука, 1988. – Кн. I. – 592 с.
239. *Фосдик З.Г.* Мои Учителя. Встречи с Рерихами: По страницам дневника 1922–1934 годов. – М.: Сфера, 1998. – 800 с.
240. *Фролов А.И.* Частные коллекции дворянских усадеб (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Русская усадьба: Сборник ОИРУ.* – Вып. 2 (18). – М.: Жираф, 1996. – С. 69–78.
241. *Ходасевич В.Ф.* «...Где сердцу – воля и сладкий плен!...»: Ходасевич в Бологое / Вступление и публикация В.В. Сычёва // *Русская провинция.* – Новгород, 1994. – № 2. – С. 88–93.
242. *Черейский Л.А.* Пушкин и Тверской край: Докум. очерки. – М., Калинин: Московский рабочий, 1985. – 143 с.
243. *Чигринский М.Ф.* Иеромонах Алексей (Виноградов) в Оптиной Пустыни // *Православие на Дальнем Востоке: Сб. статей к 275-летию Российской Духовной Миссии в Китае.* – СПб., 1993. – С. 54–62.
244. *Шереметев П.С.* Карамзин в Остафьеве: 1811—1911 / Репринтное воспроизведение издания 1911 г. – М.: Новый Ключ, 2003. – 168 с.
245. *Шереметев С.Д.* Михайловское. – М.: Синодальная типография, 1906. – 148 с.

246. *Шереметев С.Д.* Остафьево // *Остафьевский сборник*. – Вып. 9. – Остафьево, 2004. – С. 122–130.
247. *Шишкина Н.В.* Отрывки воспоминаний современницы Е.И. Рерих, приблизительно от последних лет XIX столетия и первых лет XX столетия. – Караганда: Дом инвалидов, 1955 // *Архив МИСР*, фонд МСССМ, копия.
248. *Шишкова М.П.* Тверской край – музыка – Санкт-Петербург. – Тверь: Фактор, 2003. – 144 с.
249. *Шляхтина Л.М., Мастеница Е.Н.* Музейно-педагогическая мысль в России. – Исторические очерки / Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств. – СПб., 2006. – 272 с.
250. *Шмидт С.О.* Путь историка: Избранные труды по истории и источниковедению. – М.: РГГУ, 1997. – 612 с.
251. *Шумков А.А.* Род Голенищевых-Кутузовых. – М.: ГИМ, 1995. – 8 с.
252. *Щеблыгина И.В.* Андрей Тимофеевич Болотов: Гармония мира и души. – М.: Андреевский флаг, 2003. – 288 с.
253. *Щетенко А.Я.* Этноархеологический подход в изучении древнейшей истории Индостана // *Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов* / Под ред. А.Г. Селезнева, С.С. Тихонова, Н.А. Томилова. – Нальчик; Омск: Издательство ОмГПУ, 2001. – С. 45–47.
254. *Энциклопедический словарь* / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб.: типолитография И.А. Ефрона, 1893. – Т. 16. – С. 479–958.
255. *Эристов Д.А.* Словарь исторический о святых угодниках православной российской церкви. – СПб.: тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1835. – 303 с. – *То же*. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб., 1862. – 260 с.
256. *Юренева Т.Ю.* Музееведение. – М.: Академический проект, 2003. – 560 с.
257. *Юрова Т.В.* Василий Дмитриевич Поленов / [Альбом репродукций]. – М.: Советский художник, 1965. – 19 с.
258. *Ярцев А.А.* Подмосковные прогулки. Подольск – Ивановское – Дубровицы – Остафьево / Сост. Н.М. Карнишина. – М.: Глобус, 2005. – 60 с.
259. *Ястребцев В.В.* Николай Андреевич Римский-Корсаков. Воспоминания. – Т. II: 1898–1908. – Л.: Музгиз, 1960. – 634 с.
260. *IN SITU*: К 85-летию профессора А.Д. Столяра. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – 610 с.

261. *L'Anthropologie*. – Vol. XVI. – Paris, 1905. – Juillet – octobre. – 648 p.
262. *L'Astronomie*. – Paris, 1885. – Fevrier. – 64 p.
263. *L'Homme Préhistorique*. – № 11. – Paris, 1905. – Novembre. – 362 p.
264. *Melnikov V. Prince Poutiatine and the European Prehistoric Archaeology // 9th Annual Meeting European Association of Archaeologists. – 10th – 14th September. – 2003. – Final Programme and Abstracts. – SPb., 2003. – P. 42.*
265. *Poutiatine, prince*. Présentation de nombreux objets préhistoriques, provenant de fouilles exécutées en Russie. – [Выступление князя П.А. Путятина на Французском Доисторическом конгрессе в Перигё в 1905 г.] // *Le Mans*. – Imprimerie de Monnoyer. – Paris, 1906. – In-8°, 6 p., fig. – Premier Congrès préhistorique de France, session de Perigueux, 1905. – C. 145-150.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Облик усадебных музеев в России во второй половине XIX – начале XXI века. *Рис. 1–3:* Нерчинск (Читинская обл.). *Рис. 4–5:* Иркутск. *Рис. 6:* Островки (Тверская обл.). *Рис. 7:* Клин (Московская обл.). *Рис. 8–9:* Поречье (Московская обл.). *Рис. 10:* Талашкино (Смоленская обл.). *Рис. 11:* Смоленск. *Рис. 12:* Акшуат (Ульяновская обл.). *Рис. 13–14:* Михайловское (Московская обл.). *Рис. 15–16:* Остафьево (Московская обл.). *Рис. 17–20:* Бологое (Тверская обл.).
2. Карты Новгородско-Тверского пограничья и окрестностей селения Бологое. *Рис. 21–23:* Конец XIX – начало XX века.
3. Бологовские виды. *Рис. 24–27:* XIX–XX века.
4. Бологовские храмы XVIII – начала XX века. *Рис. 28–35:* Изобразительные материалы XIX–XXI веков.
5. Фотоматериалы князя П.А. Путятина и его близких. *Рис. 36–41:* Конец XIX – начало XX века.
6. Автографы князя П.А. Путятина. *Рис. 42–48:* 1886–1917 годы.
7. Произведения живописи и графики из коллекции князя П.А. Путятина. XV–XVII и XIX века. *Рис. 49:* Алессандро Бонвичино (Моретто да Брешиа). *Рис. 50–51:* Ф.И. Братский. *Рис. 52–54:* А.Г. Венецианов. *Рис. 55:* А.Г. Венецианов (?). *Рис. 56:* Итальянский мастер. *Рис. 57:* Нидерландский мастер.
8. Различные изобразительные материалы, имеющие отношение к князьям Путятиным и Бологовскому усадебному музею. XVIII–XIX века. *Рис. 58:* Герб рода князей Путятиных. *Рис. 59:* Владельческая марка князя П.А. Путятина. *Рис. 60–61:* Портреты лиц из рода князей Путятиных кисти А.Г. Венецианова. *Рис. 62:* Снимок портрета неизвестной из фотоальбома семьи Рерихов. *Рис. 63:* Книга «Феатрон, или позор исторический» епископа Вильгельма Стратеммана в переводе Гавриила Бужинского, изданная в Санкт-Петербурге в 1720 году. *Рис. 64:* Доспехи иранского воина, бывшие

в собрании Бологовского усадебного музея. *Рис. 65*: Экран для камина из Бологовской усадьбы князя Путятина.

9. Предметы из археологической коллекции князя П.А. Путятина. *Рис. 66–70*: Публикации 1885 и 1903 годов.

Облик усадебных музеев в России во второй половине XIX – начале XX века

Рис. 1. Строительство художественного усадебного музея М.Д. Бутина в Нерчинске. Конец 60-х – 70-е годы XIX века. Фото из фондов Нерчинского краеведческого музея им. М.Д. Бутина

Рис. 2. Библиотека в художественном усадебном музее М.Д. Бутина в Нерчинске. 70-е годы XIX века. Фото из фондов Нерчинского краеведческого музея им. М.Д. Бутина

Рис. 3. Вид на усадьбу Бутиных. Открытка начала XX века из фондов Нерчинского краеведческого музея им. М.Д. Бутина

Рис. 4. Главный усадебный дом в Иркутске, где до сих пор располагается усадебная картинная галерея В.П. Сукачёва. Фото Н. Кривошеевой 7 января 2005 года.

Рис. 5. Одно из строений усадьбы В.П. Сукачёва в Иркутске в процессе воссоздания. Фотография начала XXI века.

Рис. 6. «Художественный храм-музей церковных древностей» в имении Островки князя А.А. Ширинского-Шихматова в Подольской волости Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. Заложен 22 июня 1901 года в честь Успения Божией Матери. Освящён 1 декабря 1904 года. Фото из архива академика Б.С. Соколова (г. Москва).

Рис. 7. М.И. Чайковский, основатель усадебного музея в Клину, на балконе главного усадебного дома. 1910–1914 годы. Фото из собрания Государственного Дома-музея П.И. Чайковского в Клину.

Рис. 8. Главный усадебный дом имения Поречье графов Уваровых, где располагался археолого-этнографический музей. Фото Н. Бондаревой. Ноябрь 2005 года.

Рис. 9. Библиотека в усадьбе Поречье Уваровых. Акварель Л. Пич. 1855 год. (В кн.: *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: Исторические очерки* / Отв. ред. Л.В. Иванова. – М., 2001. – С. 328).

Рис. 10. Археолого-этнографический музей «Скрыня» в имении кн. М.К. Тенишевой Талашкино. Архитектор С.В. Малютин. У здания стоит владелица. Фото начала XX в. (В кн.: *Русская усадьба: Сборник ОИРУ. – Вып. 9 (25).* – М.: Жираф, 2003. – С. 384. – Публикация М.В. Иванова)

Рис. 11. Музей «Русская старина» княгини М.К. Тенишевой в Смоленске. Открытка начала XX в. (В кн.: *Русская усадьба: Сборник ОИРУ. – Вып. 9 (25).* – М.: Жираф, 2003. – С. 387. – Публ. М.В. Иванова)

Рис. 12. Фрагмент экспозиции «Комплексно-краеведческого музея Акшутской средней школы» с предметами из усадебного музея В.Н. Поливанова в селе Акшут Барышского района Ульяновской области. Фото 2005 года. (В кн.: *Мономах: Ульяновский литературно-краеведческий журнал. – Ульяновск, 2005. – № 1 (40).* – С. 24).

Рис. 13. Главный усадебный дом в имении графов Шереметевых Михайловское под Москвой, где располагался усадебный музей. Фото начала XXI века.

Рис. 14. Современное состояние интерьеров главного усадебного дома в имении графов Шереметевых Михайловское под Москвой, где располагался усадебный музей. Ещё немного и реставрировать будет нечего. Фото начала XXI века.

Рис. 15. Главный усадебный дом в имении Остафьево под Москвой, где граф С.Д. Шереметев устроил музей. Парадный фасад. Фото 1907 года. (В кн.: *Остафьевский сборник*. – Вып. 9. – Остафьево, 2004. – С. 106).

Рис. 16. Главный усадебный дом в имении Остафьево под Москвой, где граф С.Д. Шереметев устроил музей. Карамзинская комната. Письменный стол А.С. Пушкина. Фото на открытке 1907 года. (В кн.: *Остафьевский сборник*. – Вып. 9. – Остафьево, 2004. – С. 111).

Рис. 17, 18. Главный усадебный дом в Бологовском имении князя П.А. Путятина, где располагался его усадебный музей («Большой Бологовский дом»). 1890-е годы. Оригинал в МИСР.

Рис. 19. Флигель в Бологовском имении князя П.А. Путятина. 1908–1909 годы.
На снимке: С.С. Митусов с женой
Е.Ф. Митусовой, дочкой Златой
и тещей А.В. Потоцкой. Оригинал в МИСР

Рис. 20. Главный усадебный дом в Бологовском имении князя М.П. Путятина Высокое. Фото на открытке начала XX века.
Копия в архиве МИСР

Карты Новгородско-Тверского пограничья и окрестностей селения Бологое конца XIX – начала XX века

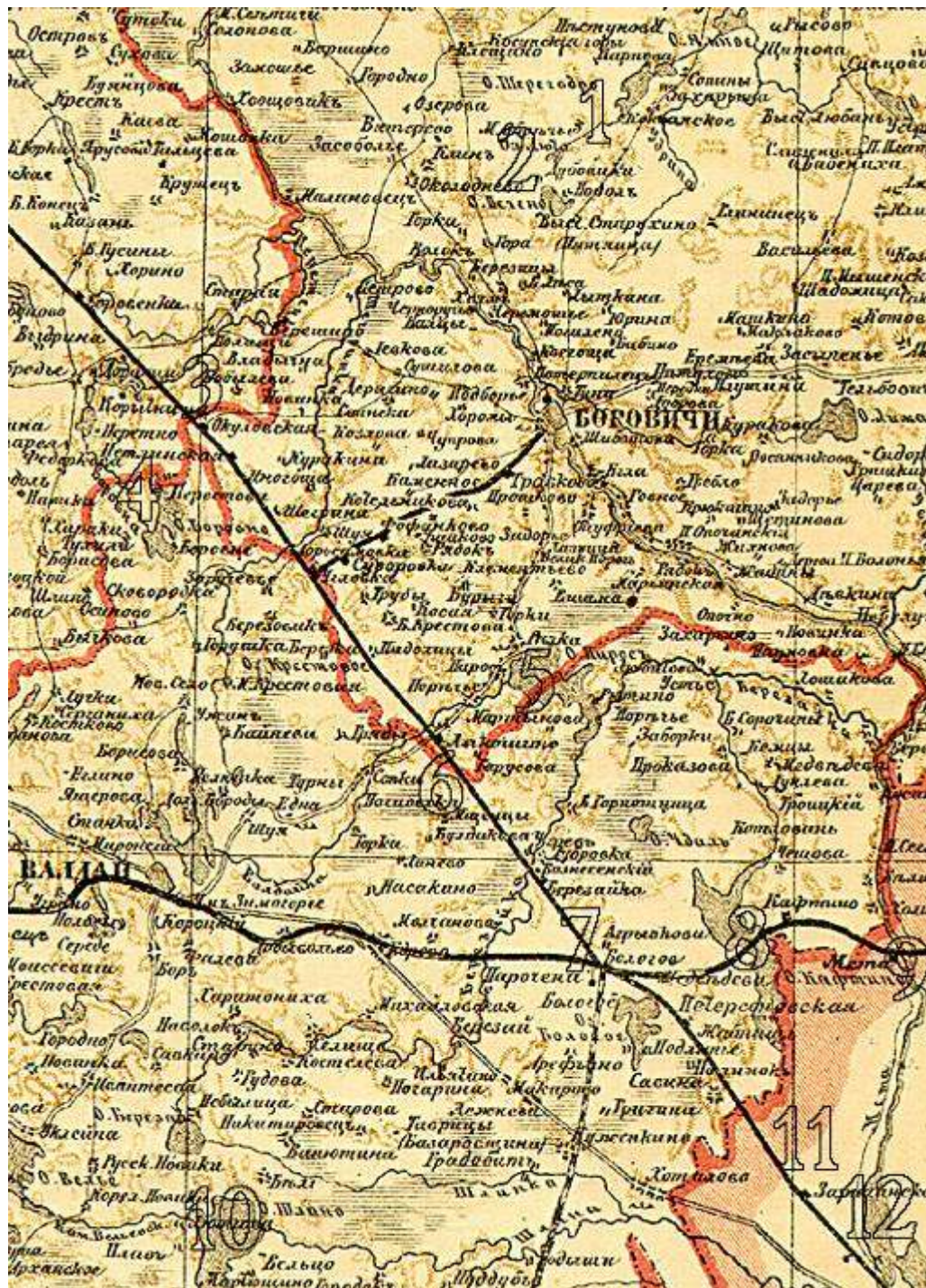

Рис. 21. Фрагмент карты Новгородской губернии рубежа XIX–XX веков. Оригинал в архиве Л.В. Мищенко (г. Великий Новгород). 1 – озеро Шерёгродро и село Кончанское; 2 – озеро Люто; 3 – станция Окуловка; 4 – озеро Боровно и имение Горы; 5 – озеро Пирос; 6 – село Мшенцы; 7 – станция Бологое; 8 – озеро Кафтино; 9 – станция Мста и село Млёво; 10 – озеро Шлино; 11 – станция Академическая, имение Островки и село Берёзки; 12 – озеро Мстинё и Академическая дача.

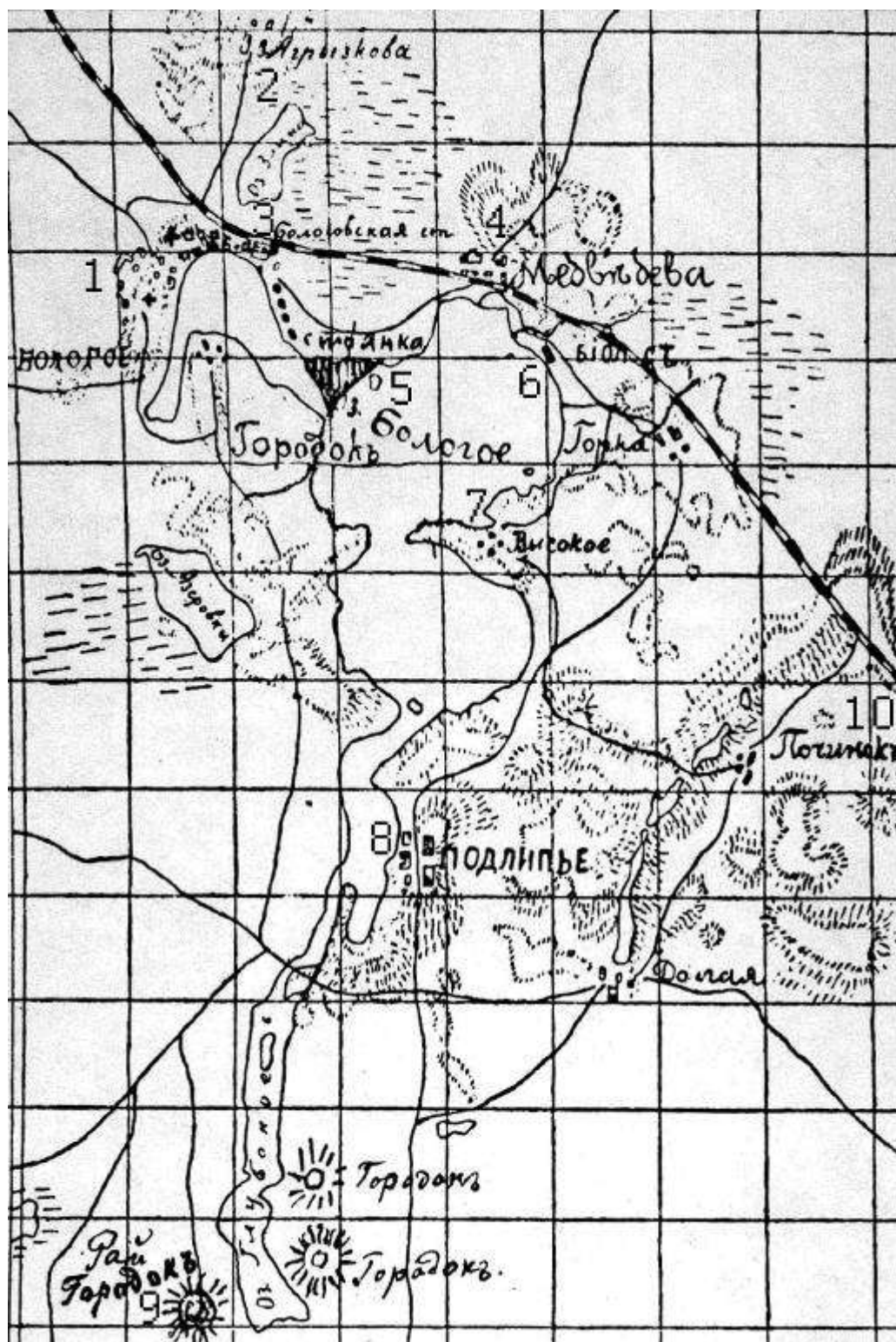

Рис. 22. Бологое и окрестности. Карта, составленная князем П.А. Путятиным.
 (В публ.: Спицын А.А. Бологовская стоянка каменного века // ЗОРСА ИРАО. – Т. V. –
 Вып. 1. – СПб., 1903. – С. 240. – Рис. 399). 1 – усадьба кн. П.А. Путятина на берегу озера
 Бологое (быв. Елкина Дача); 2 – Огрызково (Агрызково); 3 – Бологовская станция
 Николаевской железной дороги; 4 – Медведево; 5 – Бологовская стоянка каменного века;
 6 – Биологическая станция; 7 – имение Высокое кн. М.П. Путятина; 8 – Подлипье;
 9 – Рай-Городок; 10 – Починок.

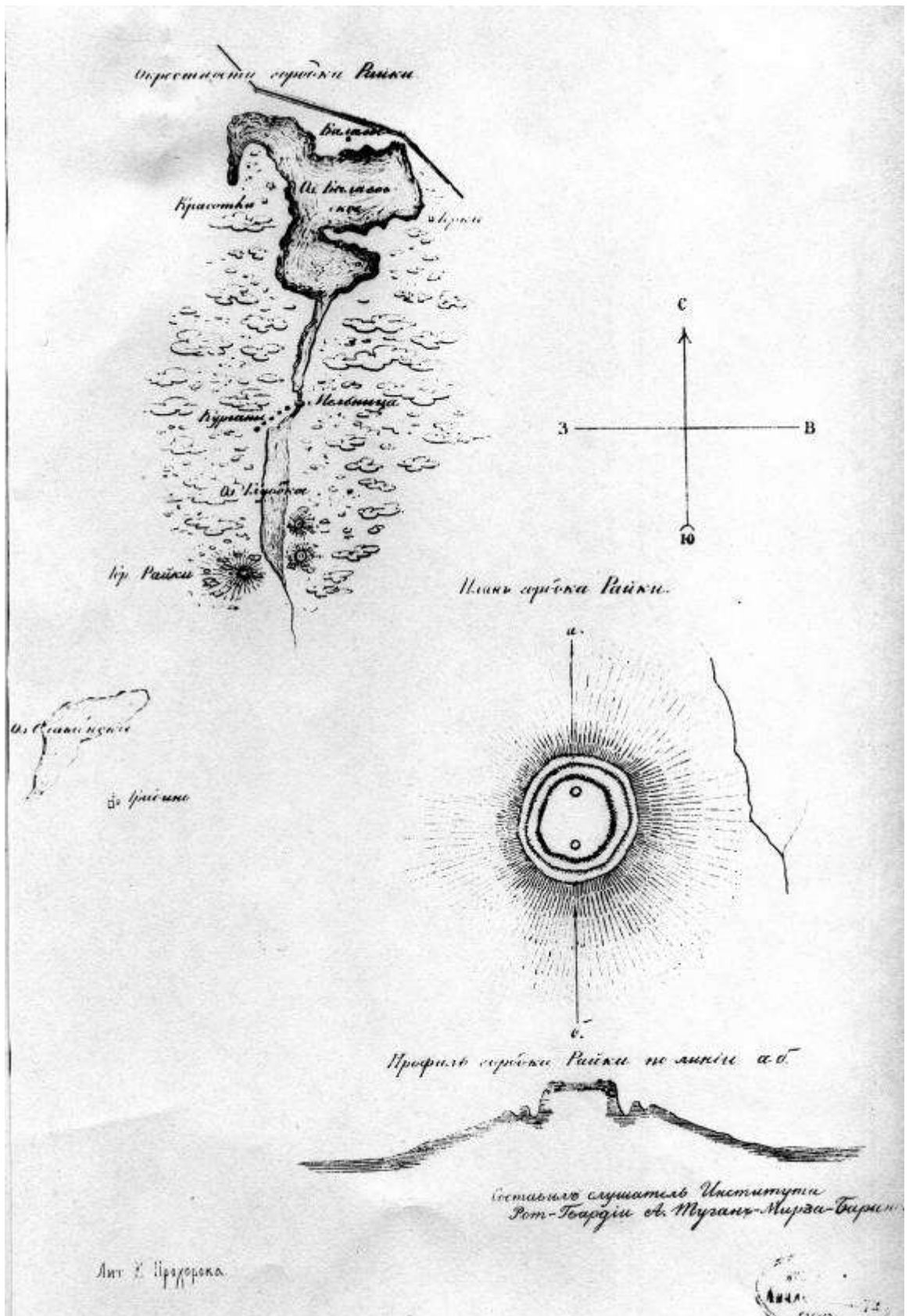

Рис. 23. «Окрестности...», «План...» и «Профиль городка Райки» в Бологом. Выполнено слушателем Санкт-Петербургского Археологического института А.А. Туган-Мирза-Барановским. Литография В.А. Прохорова. (В кн.: *Сборник Археологического Института*. – Кн. 3. – СПб., 1880. – С. 54).

Бологовские виды XIX–XX веков

Рис. 24. Бологое. Общий вид.
Фото на открытке начала XX века.
Копия в архиве МИСР.

Рис. 25. Бологое. Торговая площадь.
Фото на открытке начала XX века.
Копия в архиве МИСР.

Рис. 26. Б.Я. Перхалёв. Бологое. XIX век.
Александровская улица. 1970-е годы.
Холст, масло. Собрание Бологовского
краеведческого музея
имени Н.И. Дубравицкого.

Рис. 27. Аллея, ведущая от Главного
усадебного дома к Бологовскому озеру, –
всё, что осталось от Бологовского имения
князя П.А. Путятина. На другом берегу –
урочище Красотка. Фото автора
1 ноября 1997 года.

Бологовские храмы XVIII – начала XX века

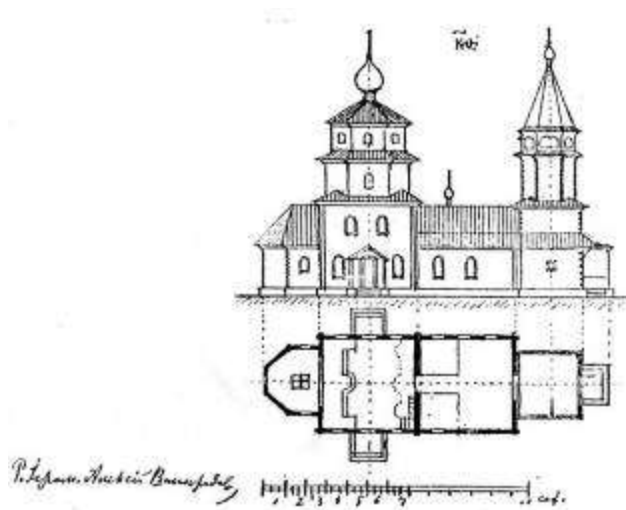

Рис. 28. Деревянная Покровская церковь с колокольней в Бологом. Построена в 1735 году (по др. данным – в 1755 году). Не сохранилась. План фасада и проекция, выполненные А.Н. Виноградовым. (В кн.: *Записки ИРАО*. – Т. VI. – Новая серия. – СПб., 1893. – Табл. XVI).

Рис. 29. Современное состояние главного усадебного дома и домово́й церкви Дмитрия Солунского (три окна справа) в бывшем имении Высокое князя М.П. Путятина. Фото 1997 года, предоставленное С.В. Медведевым.

Рис. 30, 31. Современное состояние Бологовской церкви «Святой Живоначальной Троицы при новом кладбище». Построена в 1808 году. Фотографии 1997 и 2006 годов.

Рис. 32. Бологовская церковь «Святой Живоначальной Троицы при новом кладбище». Вид со стороны Бологовского озера и урочища Красотка. Фото 1997 года, предоставленное С.В. Медведевым.

Рис. 33. Покровская приходская церковь в Бологом, построенная при содействии князя П.А. Путятина в 1885 году. Фото на открытке начала XX века. Копия в архиве МИСР.

Рис. 34. Бологовская часовня в честь митрополита Алексия Чудотворца и святителя Тихона Задонского, освящённая 21 сентября 1904 года. Фото 1997 года, предоставленное С.В. Медведевым.

Рис. 35. Поминальная часовня в Бологом, построенная в 1912 году. В новейшее время капитально отремонтирована и вновь освящена 13 октября 1990 года. Фото автора 1 ноября 1997 года.

Фотоматериалы князя П.А. Путятина и его близких

Рис. 36. Князь Павел Арсеньевич Путятин (1837—1919), создатель Бологовского усадебного музея. Конец XIX века. Фотоальбом семьи Митусовых в МИСР.

Рис. 37. Семья Путятинных у Большого Бологовского дома. Около 1895 года.
В центре – князь Павел Арсеньевич Путятин, справа от него супруга княгиня Е.В. Путятина,
слева – пасынок князя С.С. Митусов, на колене сидит дочь княжна Марианна,
на коврике – дочь княжна София. Фотоальбом семьи Митусовых в МИСР

Рис. 38, 39. Святослав и Юрий Рерихи (снимок слева) и Юрий Рерих (справа)
в Бологовском имении князя П.А. Путятина. 1907–1908 годы.
Негативы в МИСР, фонд МСССМ.

Рис. 40. Злата Митусова в Бологовском имении князя П.А. Путятина. Около 1910 года.
Лист с фотографиями из альбома семьи Митусовых. Оригинал в МИСР, фонд МСССМ.

Рис. 41. Н.К. Рерих с детьми Юрием (справа) и Святославом
в Бологовском имении князя П.А. Путятина. Около 1909 г.
Оригинал в Музее-институте семьи Рерихов.

Автографы князя П.А. Путятина

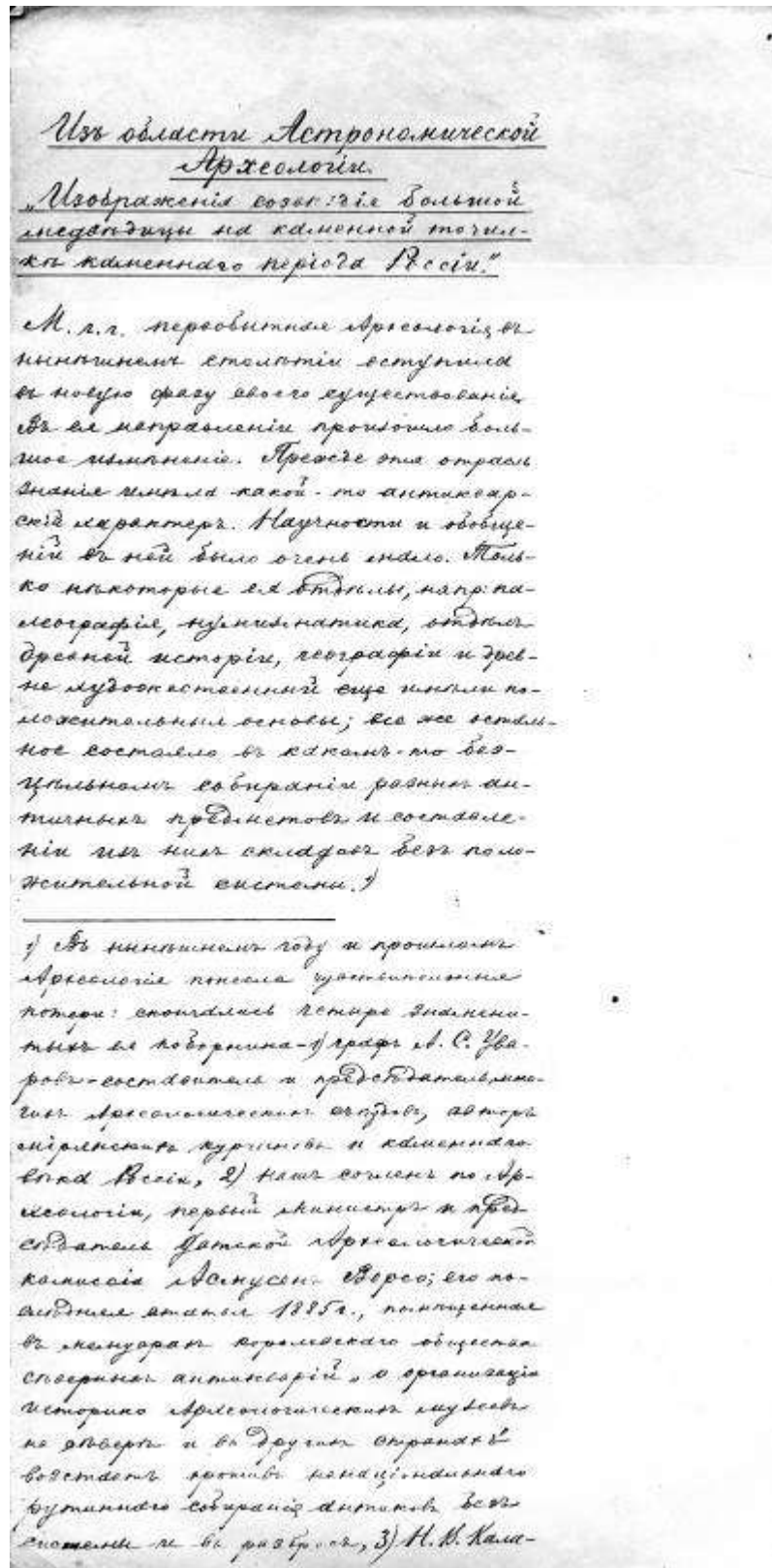

Рис. 42. Первая страница рукописи князя П.А. Путятина «Из области астрономической археологии. Изображения созвездия Большой Медведицы на каменной точилке каменного периода России». Закончена 19 марта 1886 года. Хранится в РА ИИМК, ф. 3, № 557.

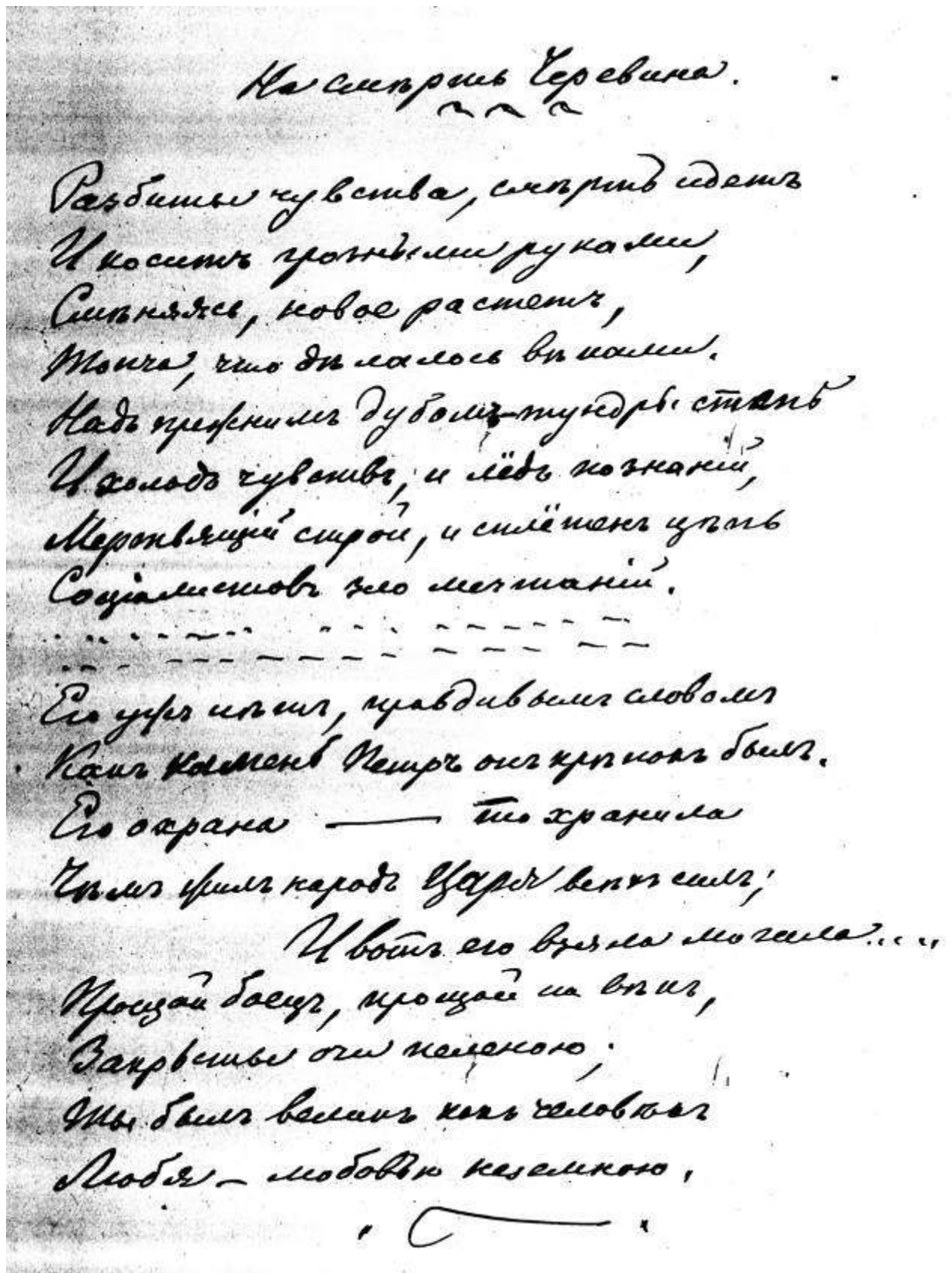

Рис. 43. Автограф стихотворения князя П.А. Путятин «На смерть Черевина».
Не датировано (февраль — март 1896 года). Оригинал в ОР ИРЛИ, р. I, оп. 22, № 558, л. 21.

Старорусский портрет
 #
 Смотрю на чудные черты,
 Ока по мне, какою же луне,
 Продуит ли зр. судьбы,
 Чья от снов и вожделений?
 Сирь моя весть свой в руке,
 Сила жь жальнуто, и в ниве,
 Ока медитирует на кузне,
 Нерасеит и в ниве и в ниве.
 Но и в ниве — она не развита,
 Се и в ниве не развита,
 Не убавится и в ниве,
 И в ниве жь жальнуто, и в ниве.
 Теперь ей сроден ковкий сирь,
 Мою пошлеников и в ниве,
 Тусаров, и в ниве,
 И в ниве жь жальнуто, и в ниве.
 Еще в ниве жь жальнуто,
 При в ниве жь жальнуто,
 Прекрасной и в ниве,
 Ков в старое во в ниве,
 Промедитирует в ниве,
 Любви и в ниве,
 Любви в ниве жь жальнуто,
 Ока сирь жь жальнуто, и в ниве.
 #

Рис. 45. Автограф стихотворения князя П.А. Путятина «Старорусский портрет». Не датировано (конец XIX – начало XX века). Оригинал в ОР ИРЛИ, р. I, оп. 22, № 558, л. 53.

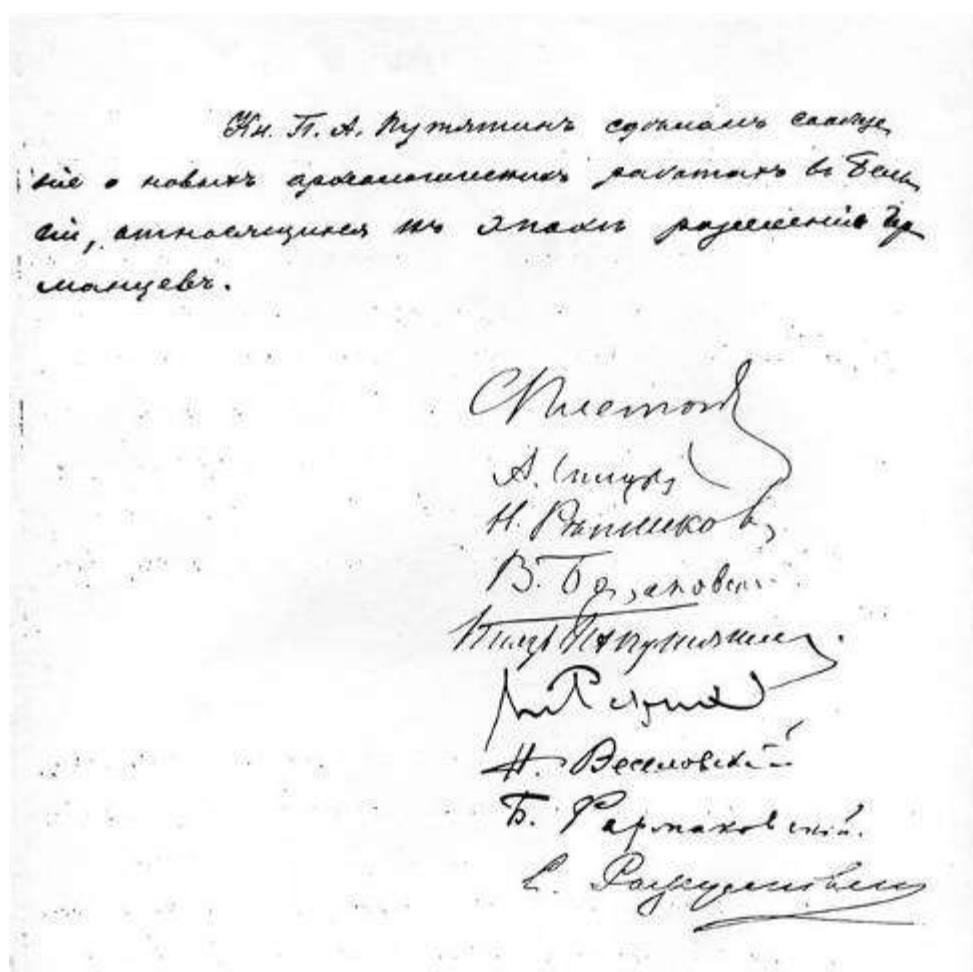

Рис. 46. Подписи под протоколом заседания Отделения русской и славянской археологии ИРАО, состоявшегося 2 марта 1907 года. Снизу вверх: С.Ф. Платонов, А.А. Спицын, Н.И. Репников, В.С. Борзаковский, князь П.А. Путятин, Н.К. Рерих, Н.И. Веселовский, Б.Ф. Фармаковский, С.В. Рождественский. Оригинал в РА ИИМК, ф. 3, № 414, л. 3.

Рис. 47, 48. Письмо князя П.А. Путятин Н.К. Рериху на почтовой карточке. Бологое. 30 июня 1917 года. (Лицевая сторона и оборот). Оригинал в Музее Николая Рериха в Нью-Йорке.

Произведения живописи и графики из коллекции князя П.А. Путятина

ИЗЪ СОБРАНІЯ КН. П. А. ПУТЯТИНА.
COLLECTION DU PRINCE P. A. POUTATINE.

АЛЕССАНДРО БОНВИЧИНО (МОРЕТТО ДА БРЕШИА) (1498—1555). ALESSANDRO BONVICINO (MORETTO DA BRESCIA).
ЯВЛЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ СВ. ДОМИНИКУ.
L'APPARITION DE LA MADONE À ST. DOMINIQUE.

Рис. 49. Алессандро Бонвичино (Моретто да Брешиа) (1498—1555).
Явление Пресвятой Богородицы Св. Доминику. Настоящее местонахождение неизвестно.
(В кн.: Художественные сокровища России. — СПб., 1905. — Т. V. — Ил. 13).

Рис. 50. Ф.И. Братский.
Портрет Степана Митусова. 1883 год.
Холст, масло. 112×81. Ныне в собрании
МИСР, фонд МСССМ.

Рис. 51. Ф.И. Братский.
Портрет княгини Е.В. Путятиной.
Около 1883 года. Холст, пастель. 48×39.
Ныне в собрании МИСР, фонд МСССМ.

Рис. 52. А.Г. Венецианов (1780—1847).
Портрет князя А.С. Путятина в детстве.
1813–1815 годы. Картон, масло. 18,3×14,7
(овал). Ныне в собрании Национального
художественного музея Республики
Беларусь, РЖ-588. (В кн.: *Русская
дореволюционная и советская живопись
в собрании Национального художественного
музея Республики Беларусь. ... Ил. 578).*

Рис. 53. А.Г. Венецианов (1780—1847).
Портрет князя П.С. Путятина в детстве.
Конец 1810-х – начало 1820-х годов. Пастель.
Настоящее местонахождение неизвестно.
(В кн.: *Врангель Н.Н., барон. Алексей
Гаврилович Венецианов в частных
собраниях. ... Ил. 19).*

Рис. 54. А.Г. Венецианов (1780—1847).
Старушка-крестьянка. 1820-е годы. Дерево,
масло. 29,5×22. Ныне в собрании
Национального художественного музея
Республики Беларусь, РЖ-587.
(В кн.: *Русская дореволюционная...* Ил. 579).

Рис. 55. А.Г. Венецианов (?).
Портрет неизвестного из семьи
князей Путятиных. Не датирован.
Холст, масло. 32,5×25.
Ныне в собрании ГРМ, ЖБ-696.

Рис. 56. Итальянский мастер XV–XVI веков.
Ангел ведущий Товию. Местонахождение
неизвестно. (В кн.: *Художественные
сокровища России. ...* – Ил. 16).

Рис. 57. Нидерландский мастер XVII века.
Женщина в цветах. Местонахождение
неизвестно. (В кн.: *Художественные
сокровища России. ...* – Ил. 17).

**Различные изобразительные материалы,
имеющие отношение к князьям Путятиным
и Бологовскому усадебному музею**

Рис. 58. Герб рода князей Путятиных из Гербовника А.Т. Князева 1785 года (В кн.: *Тройницкий С.Н.* Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года. – СПб.: Сириус, 1912).

Рис. 59. Владельческая марка князя П.А. Путятина из собрания Отдела эстампов РНБ

Рис. 60. А.Г. Венецианов (1780—1847). Портрет княжны Веры Степановны Путятиной. Конец 1810-х – начало 1820-х годов. Дерево, масло. 30×23,5. Ныне в собрании ГТГ. Приобретён в 1946 году у В.П. Ваулина. Данных о принадлежности в прошлом к коллекции князя П.А. Путятина не обнаружено.

Рис. 61. А.Г. Венецианов (1780—1847). Дети князя С.В. Путятина Арсений, Вера и Платон. Конец 1810-х – начало 1820-х годов. Масло. В начале XX века в собрании В.Б. Хвоцинского в Риме. (В кн.: *Врангель Н.Н., барон.* Алексей Гаврилович Венецианов в частных собраниях. ... Ил. 18).

Рис. 62. Портрет Е.А. Поликострицкой (?).
Снимок работы неизвестного русского художника из фотоальбома семьи Рерихов.
Оригинал в МИСР, фонд МСССМ.

Рис. 63. Книга Вильгельма Стратеммана
«Феатрон, или позор исторический».
Русское издание в переводе Гавриила Бужинского. Санкт-Петербург, 1720 год.

Рис. 64. Шлем, щит и ножны. Доспехи
иранского воина из коллекции
князя П.А. Путятина. Ныне в собрании
Бологовского краеведческого музея
им. Н.И. Дубравицкого.

Рис. 65. Экран для камина. XIX век.
Чугун, позолота, серебрение. Находится
в деревне Кишарино Вышневолоцкого
района Тверской области. По данным
А.Ф. Токаревой, происходит из Бологовской
усадьбы князя Путятина

Предметы из археологической коллекции князя П.А. Путятина

48

L'ASTRONOMIE.

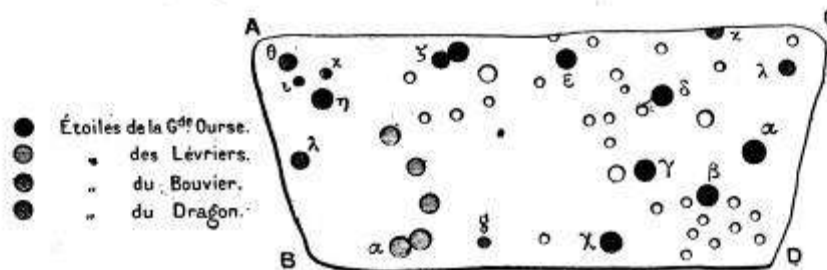
ARCHÉOLOGIE ASTRONOMIQUE.

MONSIEUR LE DIRECTEUR,

Vos recherches sur les changements de forme des constellations par les mouvements propres des étoiles et vos études sur l'Astronomie ancienne m'engagent à vous soumettre le *fac-simile* d'un dessin astronomique fait sur un polissoir en ardoise trouvé dans mes terres de Bologoë, près du lac de ce nom, dans la couche néolithique.

Cet antique objet du temps de l'âge de pierre, datant d'une époque inconnue, porte, comme on le voit sur ce dessin (de grandeur naturelle), les sept étoiles caractéristiques du Septentrion, ainsi que d'autres étoiles qui me paraissent

Fig. 18.

Étoiles du nord gravées sur un polissoir du temps de l'âge de pierre, trouvé en Russie.

appartenir d'abord à la Grande Ourse elle-même, ensuite aux Chiens de Chasse, au Bouvier et au Dragon.

L'étoile ζ de la Grande Ourse est marquée double, et il en est de même de l'étoile α des Chiens de chasse. L'étoile α de la Grande Ourse est, comme les deux dont je viens de parler, plus grosse que les autres.

Il y a, entre α et δ , entre δ et ϵ , et près de ζ , trois étoiles assez grosses que l'on ne voit plus au ciel. Les autres sont plus petites. Ces diverses étoiles ont-elles changé de grandeur depuis les temps préhistoriques?

La configuration des sept étoiles du Chariot est-elle une inexactitude de l'ouvrier préhistorique, ou correspondrait-elle à une figure réelle remontant à une époque très reculée?

La ligne AB peut marquer l'horizon. La ligne CD n'indiquerait-elle pas la direction du pôle à l'époque où les étoiles λ , μ du Dragon étaient polaires?

Les autres étoiles gravées ont-elles jamais été visibles à l'œil nu?

L'étude du Ciel paraît avoir été apportée en Russie par les proto-Scythes. Ces étoiles ne sont-elles pas mieux visibles en d'autres contrées de la migration asiatique?

Veuillez agréer, etc.

Prince PAUL PONTIATIN.

La communication précédente est du plus haut intérêt, et nous remercions le

Рис. 66. Прорись изображения созвездия Большой Медведицы и соседних с ним звёзд на каменной точилке из собрания Бологовского усадебного музея. Публикация в письме князя П.А. Путятина Камиллю Фламариону. (В кн.: *L'Astronomie*. – Paris, 1885. – Février. – P. 48–50).

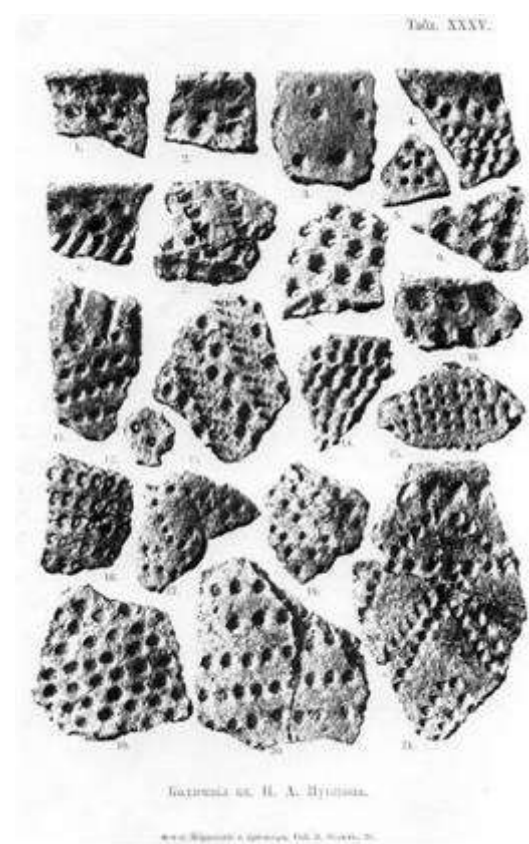
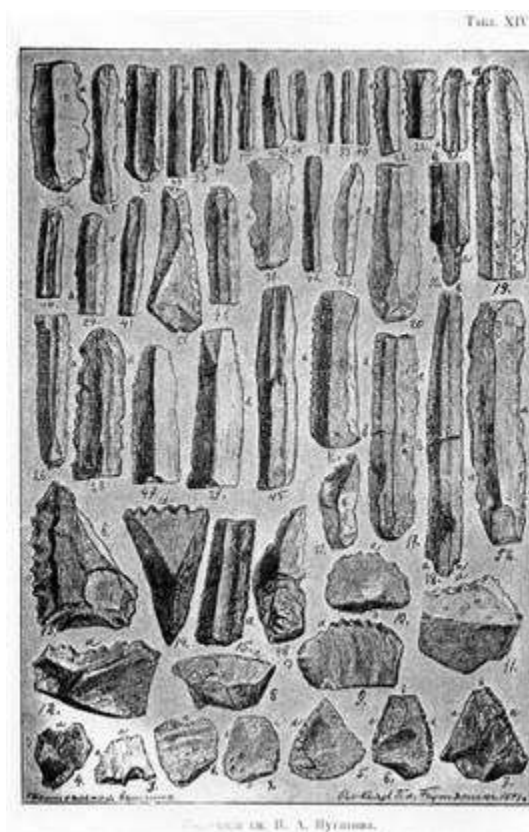
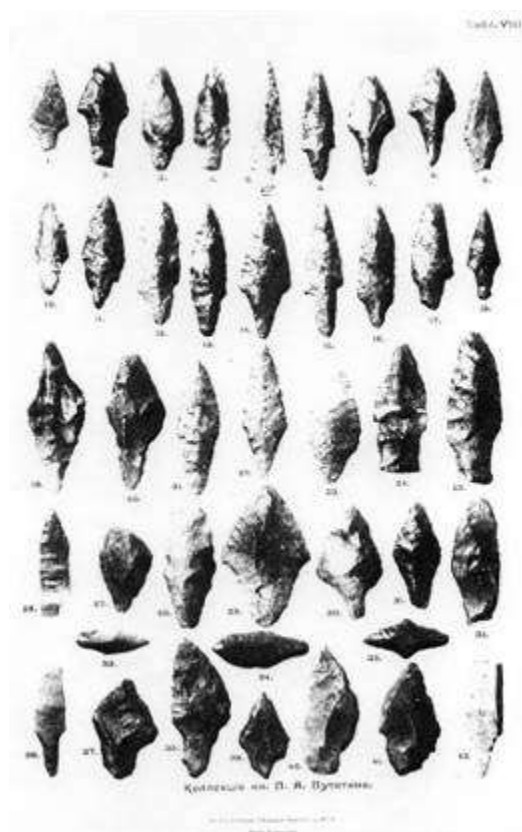

Рис. 67–70. Предметы Бологовской стоянки каменного века в собрании Бологовского усадебного музея князя П.А. Путятина. Каменные орудия – рис. 67–69, в том числе зарисованные самим владельцем в 1894 году – рис. 68 и 69. Керамика – рис. 70. (В кн.: *ЗОРСА ИРАО*. – Т. V. – Вып. 1. – СПб., 1903. – Табл. VIII, XIV, XV, XXXV).